

K-14038

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ УКРАЇНИ

17 326482

ВІСНИК

№ 390

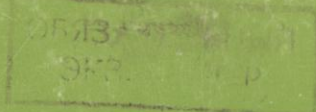
**ХАРКІВСЬКОГО
ДЕРЖАВНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ**

**АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ТЕОРІІ
КОМУНІКАЦІЇ ТА ВИКЛАДАННЯ
ІНОЗЕМНИХ МОВ**

**КОНСТАНТА
1997**

8.00

Ученый Совет факультета иностранных языков
Харьковского государственного университета
объявляет о начале работы
специализированного Совета
по защитах кандидатских диссертаций
по специальности 10.02.04 — германские языки
при факультете иностранных языков ХГУ.

Законченные кандидатские диссертации
принимаются к рассмотрению по адресу:
310077 г. Харьков, пл. Свободы, 4. Университет.
Факультет иностранных языков.
Справки по тел.: (0572) 45-71-05; (0572) 45-72-47

ISBN 966-7309-05-3

КОНСТАНТА

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ УКРАЇНИ

**ВІСНИК
ХАРКІВСЬКОГО
ДЕРЖАВНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ**

№ 390

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ТЕОРІЇ КОМУНІКАЦІЇ ТА ВИКЛАДАННЯ ІНОЗЕМНИХ МОВ

Заснований у 1965 р.

Харків

Приватне видавництво «Константа»

1997

Ответственный редактор
Редактор
Технический редактор
Художественный редактор

И.С. Шевченко
Л.П. Зябченко
Г.П. Ульянич
Е.Н. Син

Видається згідно з рішенням Вченої Ради факультету іноземних мов Харківського державного університету від 18.04.97.

В статтях цього вісника розглянуто проблеми комунікативної лінгвістики, прагматики, філософії мови, літературознавства, структури та системи іноземних мов та їх викладання. Для лінгвістів, викладачів, студентів старших курсів, аспірантів та пошукачів.

В статтях цього вестника рассмотрены проблемы коммуникативной лингвистики, прагматики, философии языка, литературоведения, структуры и системы иностранных языков и их преподавания. Для лингвистов, студентов старших курсов, аспирантов и соискателей.

Редакційна колегія:

І.С.Шевченко (відп. редактор), Г.В.Ейгер,
О.І.Давидов, В.А.Дмитренко,
А.Г.Дородних, В.І.Каравашкін,
Л.В.Конопельцева (відп. секретар),
В.Г.Пасинок, О.В.Тарасова,
Л.М.Черноватий, В.О.Ужик.

Адреса

редакційної колегії:

Україна, 310007, Харків, пл. Свободи,4,
Харківський державний університет,
факультет іноземних мов.
Тел.: (0572) 45-75-04

ISBN 966-7309-05-3

Copyright © Харківський державний університет, 1997

Copyright design © "КОНСТАНТА" 1997

Copyright cover © "КОНСТАНТА" 1997

Х-14038

Центральна наукова
бібліотека ХДУ

32.6482

В. Г. Пасынок, канд. пед. наук /Харьков/

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ФАКУЛЬТЕТЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Выделим следующие черты современного стиля лингводидактического мышления, отражающие общие тенденции в развитии ряда наук и находящие специфическое преломление в лингводидактических исследованиях ученых факультета иностранных языков ХГУ:

1. **Системно-структурный подход**, который заключается в выявлении системно-целостных характеристик лингвистического образования и тенденций развития, важных для практического реформирования этой области, в обобщении эмпирических данных реального состояния и преобразований, определении условий, принципов, задач, путей, мер, рекомендаций по повышению эффективности подготовки и функционирования педагогического персонала, в разработке концептуальных основ гуманитарного педагогического образования в Украине и обосновании стратегии его прогрессивной реконструкции.

2. **Моделирование** — от всего процесса лингвистического образования в стране в целом до отдельных систем обучения и средств их осуществления.

3. **Кибернетизация** лингвистического образования рассматривается в этом случае как кибернетическая система, характеризующаяся устойчивостью, самосохранением и развитием. С другой стороны, кибернетизация заключается в использовании сложной электронной техники для обучения и контроля успешности овладения языком и речевой деятельности.

4. **Усиление взаимодействия лингводидактики с другими дисциплинами**. Для науки второй половины XX века вообще характерно стирание жестких граней между ее дисциплинами, появление на ее стыках новых направлений, научных школ и т.п., что во многом определяется мощным воздействием диалектики на научное мышление. Роль этого фактора в лингводидактике объясняется также сложной и комплексной природой языка и методики его изучения, требующей привлечения данных других наук. Для лингводидактики такими науками являются в первую очередь философия, психология, педагогика и возникающие новые предметные области исследования на границе наук, например, праксиолингвистика, лингвоксенология. Взаимодействие наук проявляется также в использовании лингводидактикой приемов исследования, а также некоторых понятий и идей других наук (с соответствующей экспликацией).

5. **Усиление методологической функции философии**, что объясняется бурным становлением и развитием перечисленных стилевых черт, требующих частой экспликации основных понятий.

6. **Объективизация методов лингводидактического исследования** определяется логикой развития лингвистики и дидактики и влиянием "точных наук", с которыми они взаимодействуют. Речь здесь идет не столько о строгости в применении математического или логического аппарата, сколько о выработке критериев точности исследования, вытекающих из специфики лингводидактики как общественного явления.

Указанные черты находят свое отражение в трансформации целей, задач и способов развития лингвистического образования в Харьковском госуниверситете.

Программа методических исследований на факультете иностранных языков определяется в методологическом плане следующими установками:

1. Внедрением в практику обучения современных лингвистических теорий и результатов лингвистических и психолингвистических исследований, которые проводятся на факультете.

2. Обучение иностранному языку должно проводиться на основе сопоставления языковой картины мира, которая формируется в процессе онтогенеза и в процессе усвоения иностранных языков.

3. При обучении иностранному языку в качестве одного из важнейших рассматривается принцип единства рационального и эмоционального, т.е. сочетания теоретических знаний и их практическое использование в ходе эмоционально насыщенной коммуникативной деятельности, решение проблемных коммуникативных и лингвистических задач.

Указанные принципы реализуются в следующих исследованиях, ведущихся длительное время на факультете:

1. Обучение грамматическим и лексическим структурам на основе получившей широкое признание не только в странах СНГ, но и за рубежом теории планомерного поэтапного формирования лингвистических понятий и речевых действий /П.Я.Гальперин/. Грамматические действия, функционирующие в речи как автоматизированные навыки, могут быть планомерно сформированы только в результате активного соотнесения субъектом поля ориентировки в структурных отношениях вербального материала с последовательными звеньями исполнительской части грамматического действия. Автоматизация грамматического действия и образование грамматического навыка заключается в изменении ориентировочной части действия — в ее сокращении и переходе на сигнальную ориентировку в ситуации и в самом исполнении действия. Автоматический характер протекания процесса грамматического оформления высказывания не исключает “сознательного” контроля за действием, который сохраняется в сигнальной форме для получения “грамматической правильности” высказывания. Таким образом, с этой точки зрения решающее значение в образовании грамматических навыков имеет формирование ориентировочной части грамматического действия. Эти исследования (кафедра немецкой филологии, кафедра перевода и английского языка) определили методику обучения грамматическим механизмам речи и наметили пути обучения лексическому материалу по той же методике: образец — модель — эвристический алгоритм.

В настоящее время ведутся исследования по обучению на основе данной методики устной речи: подготовка к свободной беседе-дискуссии на подготовленную тему. В частности, разработана и получена применение у нас и за рубежом методика обучения неподготовленной речи на основе концепции story-telling (кафедра английской и немецкой филологии).

Разрабатывается также методика транстематической беседы в социокультурной сфере общения, представляющей собой транстематический диалог и характеризующийся специфической непринужденной атмосферой протекания и неформальными отношениями между коммуникантами. Обучение транстематической беседе реализуется с помощью отобранного ситуативно-языкового материала, увязанного с программным языковым инвентарем, системой преподавания и соответствующими учебными действиями. Специальные упражнения моделируют естественные формы речи и обеспечивают обработку механизмов активного участия в различных видах свободной беседы (ассоциативной, ролевой и других).

2. Системное обучение овладению программным лингвистическим материалом. Разработана система обучения грамматике и частично лексике на основе концепции грамматико-лексических полей (кафедра немецкой и английской филологии, кафедра перевода и английского языка, кафедра немецкого и французского языков). Эта программа базируется как на уже имеющихся исследованиях грамматико-лексических полей, так и на исследованиях, выполненных преподавателями факультета и отраженными в монографиях, статьях и дипломных работах. Эта методика предполагает сообщение обучаемым общей структуры поля, а затем разработку отдельных микрополей и их конститuentов. Само поле служит для обучающихся в качестве обобщающей системы, а, с другой стороны, является средством контроля и самоконтроля. Кроме того, грамматико-лексические поля дают возможность обеспечить преемственность разных этапов обучения, проверить наличие соответствующих упражнений в учебниках.

3. Проблемное обучение используется при решении лингвистических задач различного типа и направлено, в частности, на формирование чувства языка, а также имеет целью привить интерес будущего филолога и методиста к лингвистике, а также к использованию лингвистических данных в методике обучения. Новым здесь является использование ТРИ-За (теории рационализации и изобретательства). Здесь впервые применительно к иностранным языкам используются данные, разработанные в Украине и России по целенаправленному формированию технического мышления (т.н. алгоритм изобретения).

4. Основы методики профессиональной ориентации обучаемых на профессию учителя иностранного языка и переводчика (на базе учебного комплекса Университетский лицей — университет). На материале обучения французскому языку разработаны основные методические аспекты и решены следующие задачи:

а) разработана “характеристика” личностных и профессиональных качеств, педагогических и методических умений будущего учителя, достижение которых возможно на допрофессиональном уровне;

б) разработан курс допрофессионального обучения и определено содержание каждого его этапа — VII—VIII кл., IX—X кл.;

в) розроблена методика розвитку елементарних професійно-педагогічних умінь і навичок з використанням ролевих і делових ігор, елементів педагогічної практики;
г) експериментально перевірена ефективність запропонованої системи допрофесійного навчання.

Указана методика служить в наші часи моделлю для розробки основ методик орієнтації на професію перекладача. Лінгвістическою ж основою даної моделі є модель інтеракцій.

В методику навчання іноземним мовам на факультеті передбачається включити проводимі його дослідниками дослідження в області теорії комунікацій, психолінгвістики, теорії речевих актів і стилістики, теорії речевого поведіння і культури, вивчення структури тексту і його конститuentів. Слід згадати основні напрями досліджень:

1. Дослідження інтеркультурної комунікації (кафедра німецької і англійської філології, кафедра англійської мови). Тут досліджуються різні моделі міжкультурного спілкування в таких аспектах: літературно-герменевтичеському, перекладацькому, в побутовій комунікації. Ці дослідження проводяться на широкому фоні вивчення культурно-лінгвістических кореляцій (теорія концептів і теорія речевих актів). Відокремлені результати досліджень уже використовуються на практиці.

2. Дослідження жанрів малих фольклорних і літературних форм (анекдот, басня, казка, афоризм, прислів'я і т.д.). Ці жанри сопоставляються з відповідними жанрами слов'янського фольклору.

3. Дослідження нових предметних областей лінгвістики: ксенолінгвістики, праксиолінгвістики, еколінгвістики. Тут існує в плані вивчення засвоєння і трансляції другої (чужої) культури, використання мови в різних видах трудової діяльності, спорті, офіційних установах і т.д., а також вивчення проблем, пов'язаних з діяльністю географічних, соціальних і психологічних факторів, впливаючих на функціонування мови в даній конкретній країні і в даному лінгвістическому суспільстві.

4. Мова і синергетика. Тут вивчаються взаємодії різних умов на функціонування мови в аспекті теорії стійкості. Мова розглядається при цьому як самоорганізуюча система. Отримані дані повинні послужити основою для розробки проблем самоорганізації навчаних в процесі засвоєння мови.

Як уже відзначалося вище, впровадження в практику навчання результатів вказаних досліджень, а також багатого досвіду, накопленого в різних центрах навчання іноземній мові в світі вимагає детального конкретного знайомства з існуючими там матеріалами, технологіями, технічеськими засобами і т.п.

В. П. Бакуменко, Б. Б. Локшин /Харьков/

КУЛЬТУРНООРИЕНТИРОВАННЫЙ АСПЕКТ В ОБРАЗОВАНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА-РЕФЕРЕНТА

Потреба суспільства на порозі ХХІ століття така, що освіта спеціаліста гуманітарного профілю, яким є перекладач, повинно включати всі компоненти вивчаємої ім інокультури, несучі національно-специфічний характер. Культурологи пропонують списки цих компонентів, класифіковані відповідно до різних, але взаємодоповнюючих принципів /1; 2; 7; 11/. Основні з цих компонентів в тому чи іншому обсязі відображені в навчальних курсах відповідуючих кафедр. Їх перелік включає: вербальні і невербальні засоби комунікації; традиційно-побутову культуру; художественну культуру; поведінчеські норми; менталітет нації.

Успішність діяльності перекладача визначається, в першу чергу, його лінгвістическою компетенцією. В підготовці перекладача заняття по різних аспектах вербальної і невербальної комунікації займають близько 4000 годин аудиторних занять в течение 10 семестрів, що дає можливість трудолюбивим і талановитим студентам стати білінгвами. Не **бікультурними**! Національно-специфічеські компоненти культури фрагментарно представлені в текстових матеріалах, використовуваних на практичеських заняттях, в

курсах зарубежной литературы и небольшом курсе страноведения. Такую ситуацию в преподавании иностранного языка в вузах, выпускающих лингвистов-профессионалов, Р. Брислин метко назвал штамповкой "fluent fools" /6:48/.

Современная теория межкультурной коммуникации и методика преподавания иностранных языков ввели, помимо лингвистической компетенции, такие параметры успешности переводчика, как и любого специалиста, деятельность которого протекает в межкультурном пространстве: социокультурная и социопсихологическая компетенция, размер культурологической дистанции между культурами-коммуникантами, цель межкультурной деятельности. Достижению этих типов компетенции способствовало бы системное преобразование учебной программы в плане насыщения ее информацией с национально-культурной спецификой. Системный подход, в свою очередь, требует понятийно-терминологического аппарата, с помощью которого можно выявить те аспекты подготовки, которые определяют успешность деятельности переводчика.

Контактируя с инокультурной средой, переводчик воспринимает ее через призму своей культуры, что, в основном, и обуславливает непонимание специфических феноменов инокультуры. Расхождения в языках и культурах фиксируются на различных уровнях и описываются в разных терминах: "безэквивалентная лексика" /2/, "gaps" /7/, "реалии" /6/ и т. д. Наиболее приемлемым для целей данной работы представляется понятие "лакуна" как "термин для того, что есть в одной культуре и чего нет в другой" /4:85/. Привлекательность этого понятия состоит в его широкой обобщающей силе, позволившей исследователям создать систематизационную модель, которая приведена здесь в упрощенном виде:

ЛАКУНЫ

ЯЗЫКОВЫЕ

лексические
грамматические
стилистические

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ

деятельностно-
коммуникативные
ментальные

культурного
пространства
этнографические

поведенческие
этикета
кинесические

перцептивные
культурного
фонда

Свойственный каждой локальной культуре комплекс знаний в соединении с психическими особенностями и национальным характером носителей данной культуры формирует определенный тип партнера по коммуникации, на который ориентируется переводчик. Это "этнопсихологический тип", "интеллектуально-эмоциональный тип личности со специфической структурой речевого и неречевого поведения, определяемой культурными особенностями той общности, к которой данная личность принадлежит" /5:79/. Имеются обширные исследования зарубежных авторов /9, 10 и др./, посвященные проблеме определения национально-культурного типа личности и тех параметров, которые могут конкретизировать и объективизировать те культурнодифференцирующие аспекты личности, которые влияют на успешность межкультурных контактов. Определены и широко приняты пять параметров, представленных дихотомически:

1. универсализм :: партикуляризм (правила :: отношения);
2. коллективизм :: индивидуализм (группа :: личность);
3. нейтральный стиль общения :: эмоциональный стиль общения;
4. диффузная вовлеченность в отношения :: специфическая вовлеченность;
5. новые успехи :: старые достижения (способ достижения статуса).

Рамки данной статьи не позволяют эксплицировать эти параметры, однако плодотворным представляется использование этой концепции и ее аналитического аппарата для выявления культурологических лакун, релевантных для переводчиков. В обобщенном виде установление лакун есть выявление того, в чем расходятся национально-культурные типы коммуникантов. Поскольку лакуны выявляются только в условиях контакта культур, рассмотрим деятельность переводчика в ситуации "переговоров" и попытаемся определить культурологические лакуны, обусловленные несовпадениями по параметру 2 между американской и украинской культурами делового общения.

На первых этапах развития межкультурной теории индивидуализм определяется как "приоритетная ориентация на себя", а коллективизм как "первичная ориентация на общие цели и интересы" /11:43/. Американская культура устойчиво характеризуется как выраженно индивидуалистическая; относительно украинской культуры бытует мнение, что она коллективистски ориентирована в силу многолетнего интенсивного воспитания в духе приоритета коллективных интересов над личным. В реальной действительности не все так однозначно. Современная теория различает типы индивидуализма и коллективизма. Индивидум может иметь либо личностную, либо групповую ориентацию. В каждой данной культуре следует выделять группу, с которой индивидум идентифицирует себя прежде всего. Признано, что американцы идентифицируют себя, прежде всего, со своей страной; во-вторых, с семьей; потом с профсоюзами.

Официальная идентификация стран бывшего восточноевропейского блока шла по линии принадлежности к компартии. Развал системы повлек за собой крушение системы ценностей, уклада жизни, смещение ориентиров личностной идентификации. Этими факторами, в числе прочих, объясняются дискуссии по поводу утраты ориентиров, необходимости поиска новых идеалов, восстановления национального самосознания. С каким типом коллектива в настоящее время идентифицирует себя украинец? Как показывает опрос, проведенный в пяти городах Украины, с семьей, потом с профессиональной группой. Идентификация с большими коллективами типа партия зависит от ряда социальных и даже географических факторов и выражена весьма неоднозначно.

По нашим наблюдениям и американской, и украинской культуре свойственно сочетание индивидуализма с коллективизмом, однако последний различается по типу: ориентация на малую группу более характерна украинской культуре, большую — американской.

В индивидуалистически ориентированной культуре — с учетом некоторых оговорок таковой следует признать американскую — переводчик работает в стиле "черного ящика", в недрах которого происходит перекодировка знаков. Он не инициирует информацию, не комментирует сказанное, не редактирует неадекватности высказывания и, как правило, не передает информацию, выраженную невербальными знаками.

Переводчик коллективно ориентированной культуры — таковой с известными модификациями выступает украинская культура, — как правило, считает себя частью своей национальной группы, участвующей в переговорах, и служит ей достаточно откровенно. Он становится участником переговорного процесса, пускаясь в объяснения не только вербально, но и невербально выраженной информации; позволяет себе корректировать и даже интерпретировать содержание авторского высказывания. Такой перевод превращается иногда в адаптивное транскодирование. Отмеченные параметры поведения не являются абсолютными; это скорее наблюдаемые тенденции. Однако опрошенные информанты — представители обеих культур — единодушно отмечали необходимость такой информации для устранения недоразумений, вызванных различиями в стилях работы переводчика. Итоги наблюдений представлены в сопоставительной таблице, которая выделяет культурологические лакуны по параметру ментально-поведенческой оппозиции:

ИНДИВИДУАЛИЗМ

1. Чаще употребляется "я".
2. Быстрое принятие решений членами группы без ссылок и/или консультаций с головной организацией.
3. Каждый член группы работает самостоятельно и несет, как правило, личную ответственность.
4. Переводчик нейтрален.

КОЛЛЕКТИВИЗМ

1. Чаще употребляется "мы".
2. Процесс принятия решений более длительный и часто требует консультаций с "высестоящими".
3. Группа выступает как целое и, как правило, разделяет ответственность и задачи.
4. Переводчик — негосподствующий.

Список литературы: 1. Антипов А.А. и др. Текст как явление культуры. — Новосибирск, 1989. 2. Бархударов Л.С. Язык и перевод/Вопросы общей и частной теории перевода. — М., 1975. 3. Вережанин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. — М., 1990. 4. Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Национально-специфическое в межкультурной коммуникации/Текст как явление культуры. — Новосибирск, 1989. 5. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы. — М., 1988. 6. Brislin R., Yoshida T. Intercultural Communication Training. — Sage Publications, 1994. 7. Hale K. Gaps in Grammar and Culture/Linguistics

and Anthropology, 1975. 8. Hofstede G.H. Culture and Organisations. — London, 1991. 9. Hui C.H. and Triandis H.C. Individualism — Collectivism. A study of Cross-cultural research//Journal of Cross-Cultural Psychology, Vol. 17, 1986. — p. 225—248. 11. Trompenaars F. Riding the Waves of Culture. — London, 1993.

Л. Р. Безуглая /Харьков/

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИМПЛИЦИТНЫХ КВЕСИТИВОВ В НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Со времени постановки Дж. Серлем проблемы косвенности речевых актов в 1969 году /2/ прошло немалое время, но интерес ученых к косвенным реализациям различных типов речевых актов не ослабевает. Исследования, проводимые в направлении от структуры предложения к его иллокутивной функции, сводятся, как правило, к описанию речеактовых возможностей вопросительных конструкций, поскольку, по словам В.Зекеланда, “на их примере особенно отчетливо демонстрируются многие явления косвенности” /5:4/. В исследованиях, направленных на выяснение структурных возможностей реализации определенных типов речевых актов, ведущее место принадлежит директивам, хотя диапазон привлекаемых типов неуклонно расширяется. Неоправданно малое внимание уделяется анализу квеситива — речевого акта, занимающего одно из центральных мест в дискурсе. Отсюда наша попытка рассмотреть средства, избираемые говорящим при реализации квеситива.

Проведенное исследование на материале немецкой и английской драмы позволило установить три класса квеситивов на основании эксплицитности выражения иллокутивной силы вопроса: эксплицитные, гиперэксплицитные и имплицитные (косвенные) квеситивы.

Косвенные квеситивы реализуются в немецком и английском языках при помощи следующих структур:

1. Побудительная конструкция с придаточным предложением, выражающая:

а) побуждение к речевому действию - Sagen Sie,; Zeig an,; Tell me; Let me hear of you; Say и т.п.

(1) Jana: Bitte, sagen Sie mir, was wir beide seit anderthalb Stunden tun.

Arno: Wir trinken Kaffee, (Bieler)

б) побуждение адресата к когнитивной деятельности — Überlege mal, ...; Think it over; guess и т.п.

(2) Klas: Mein Simon Wirt, tu dich besinnen, ob du hast solche Wort geredt!

Simon: Ja. (Sachs)

в) побуждение адресата к действию, которое должно ликвидировать состояние когнитивного дефицита говорящего - Sieh mal, ...; Überprüf, ...; Frage, ...; Look; Check up ... и т.п.

(3) Ringel: Guck du mal, ob unne de Trichter net verboochte is.

Schumann: Do is nur e biß je rot Farb abgeplatzt. (Deichsel)

2. Утвердительная конструкция с придаточным предложением. Пропозициональное содержание такого квеситива может отражать:

а) состояние незнания/непонимания говорящего - Ich weiß nicht, ...; Ich habe vergessen, ...; Ich verstehe nicht, ...; I don't know ... и т.п.

(4) Albert: I don't know what they want to keep attacking the Sergeants' Mess for.

Taffy: Well they got to ain't they? It's a war. (Livings)

б) желание/потребность говорящего получить знание - Ich wüßte gern, ...; I want to know; I wonder ... и т.п.

(5) Keighly: What I should like to know, Meakin, is what happened to you this morning on parade.

Albert: Nothing, sir. (Livings)

в) когнитивные процессы говорящего - Ich überlege, ...; Ich denke nach, ...; Es ist überlegenswert, ...; I am puzzled; I'm trying to understand и т.п.

(6) Grötzinger: Ich überlege die ganze Zeit, wie du auf den Bau gekommen bist. Als Arbeiter.

Pfanzelt: Der Krieg — es ging nicht anders. (Sperr)

г) состояние знания адресата - Du weißt wohl; I'm sure you know; You know fairly well и т.п.

(7) Der Mann: Du weißt wohl, wo mein Fremdwörterbuch liegt ... (hat es unter einem Stapel von Büchern und Zeitschriften entdeckt). Schon gut, hab's gefunden. (Stolper)

3. Утвердительная конструкция, содержащая локуции, указывающие на когнитивные процессы говорящего: перформативные выражения (ich denke, ich meine...../I conceive, I hope, I believe, I suppose, I guess, I perceive, I think) и дейктические наречия или частицы (wohl, doch, denn, dann, hoffentlich... ../then, perhaps ...). Причем, в английском корпусе чаще встречаются квеситивы данного типа с перформативными выражениями, отмечается большее по сравнению с немецкими текстами разнообразие этих выражений:

(8) Pearl: I reckon you miss him Jenny?

Jenny: Hell yes — that I do. (Wesker)

Для языка немецкой драмы характерны квеситивы с дейктическими наречиями и частицами:

(9) Frau Sudermann: Sie werden doch hoffentlich angerufen?

Frau Korner: Ja. (Deichsel)

Речевые акты, выраженные данными конструкциями, мы рассматриваем как гибридные констативы-квеситивы в случае наличия информативного ответа. В случае отсутствия такового индицируется речевой акт констатив, несмотря на частое присутствие вопросительного знака.

Большинство определений косвенности речевых актов имеют в основе несоответствие между имплицитно выраженной и интендируемой говорящим иллокутивной силой высказывания. В косвенных квеситивах это несоответствие проявляется в отсутствии вопросительной конструкции — одного из основных индикаторов иллокутивной силы спрашивания. Однако, релевантен другой индикатор: имплицитная перформативная формула высказывания, выводимая из контекста *ich frage dich hiermit/I ask you*. Контекстуально обусловлены и основные признаки квеситива, сформулированные Р.Конрадом /1:355/ — ситуация вопроса, предполагающая состояние когнитивного дефицита у говорящего, и побуждение к речевому действию, которое результируется в информативном ответе.

Иллокутивная сила вопроса выражена в различных типах косвенных квеситивов имплицитно и неравномерно: в квеситивах, представленных побудительными предложениями, побуждение к речевому действию проявляется более сильно, чем состояние когнитивного дефицита говорящего, поэтому отсутствие информативного ответа не влияет на идентификацию квеситива /1/. В квеситивах, реализуемых утвердительными предложениями, степень выраженности когнитивного дефицита сильнее, поскольку данное состояние говорящий декларирует перформативно /4,5/. Отсутствие информативного ответа в таких примерах позволяет сделать вывод о том, что реализуется речевой акт констатив: говорящий констатирует свое незнание какого-либо факта, явления или свойства. Хотя и в этом случае ведущую иллокутивную силу можно интерпретировать в зависимости от контекста /7/, поскольку по В. Зёксланду, "утвердительная конструкция, по сравнению с другими типами предложения, является неясным, неопределенным иллокутивным индикатором" /5:51/. Приведенная таксономия не охватывает многие структурные типы косвенных вопросов, включающие дополнительные придаточные с интеррогативным местоимением или наречием или с союзом *ob/whether*, *if*, подробно описанные Г.Хельбигом /3/. Относящиеся к ним косвенные вопросительные предложения с глаголом *fragen/ask* Д.Вундерлих анализирует как реализующие вопросительные речевые акты в силу наличия перформативного глагола и открытой пропозиции, изолированной в форме косвенного вопроса /6:184/. Однако, учитывая прагматический аспект отношения — *Beziehungsaspekt* /4/, мы не можем отнести к квеситивам, например, речевой акт:

10) Pearl: [.....] And then I ask her why didn't she change him herself and she say because she was too ill [.....] (Wesker)

В данном примере имеют место 2 уровня коммуникации: коммуникация 1 — между Говорящим 1 (Перл) и Адресатом 1 (ее сестра), и коммуникация 2 — между Говорящим 2 (Перл) и Адресатом 2 (ее подруга). Говорящий 1 и 2 совпадает: Перл рассказывает об определенных событиях и передает в косвенной речи высказывания свои и своей подруги. Наш

анализ проходит на уровне коммуникации 1, поэтому весь рассказ идентифицируется как последовательность речевых актов констативов.

Таким образом, явление имплицитности играет важную роль в формировании интенциональных характеристик дискурса. Косвенные квеситивы могут выполнять функцию стимулирования к ответу (5), отражать социальную иерархию коммуникантов (2, 5), иметь сопутствующую иллюкуцию — констативную (4, 6, 8, 9), экспрессивную (7) либо директивную (3). Однако, наиболее частым доводом в пользу уместности косвенного речевого акта является стратегия вежливости, что подтверждается и результатами других исследований

/5:153; 1:360; 2:206/.

Список литературы: 1. Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // НЗЛ. - Вып. 16, С.349-382. 2. Серль Дж.Р. Косвенные речевые акты // НЗЛ. - 1986. - Вып. 17, С.196-322. 3. Helbig, G. Was sind indirekte Fragesätze? // DaF, Heft 11, 1974. - S.193-202. 4. Holly, W. Imagearbeit in Gesprächen [...]. - Tübingen, 1979. 5. Sökeland, W. Indirektheit von Sprechhandlungen [...]. - Tübingen, 1980. 6. Wunderlich, d. Studien zur Sprechaktheorie. - Frankfurt/M., 1976.

Н. Н. Белецкая /Харьков/

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ И НЕЯСНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Интерес к неоднозначности как лингвистическому явлению возник в середине 60-х годов, что было связано с необходимостью решения ряда практических задач при построении систем искусственного интеллекта. Помимо этих исследований, проблема неоднозначности высказывания также освещалась в работах по семантике /8/, прагматике /9/, анализу дискурса /6, 7/. В отечественном языкознании данное явление рассматривалось преимущественно лингвистами, работающими в области функциональной стилистики /2, 3, 5/.

Такое разнообразие подходов к изучению проблемы неоднозначности закономерно привело к определенной нечеткости терминологии, когда, с одной стороны, одно и то же явление называют различными терминами (неоднозначность, речевая многозначность, синтаксическая омонимия) и, с другой стороны, термин "неоднозначность" применяется для обозначения как собственно неоднозначности, так и неясности высказывания. Мы полагаем, что подобное недифференцированное употребление не всегда оправдано, так как данные явления значительно различаются по своей сущности, и в настоящей статье мы обсуждаем теоретические предпосылки разграничения данных понятий.

Основное различие между неоднозначностью (ambiguity) и неясностью (vagueness) заключается в том, что первая возникает, когда существует возможность двоякого прочтения одного и того же высказывания вследствие применения различных специфических правил, а вторая — когда для понимания высказывания, имеющего только одну лингвистическую интерпретацию, требуется внесение бесконечно варьируемой специфической информации /8:221/. Отмечая, что данные два явления могут быть сходными по проявлению (например, они могут вызывать нарушение или прерывание коммуникации), Лич указывает, что по своей сути они совершенно различны. Так, неоднозначность — это свойство высказываний, их способность потенциально выражать более одной пропозиции — ср.:

"Thanks for everything, Philip", says Morris, grasping the other's hand. "See you in the new Jerusalem".

"Pardon?"

"The conference. The Jerusalem Hilton is in the new part of the city"

"Oh, I'm with you. Well, we'll see. I'll think about it." (D. Lodge)

Высказывание *See you in the new Jerusalem* неоднозначно, поскольку в данном контексте словосочетание *new Jerusalem* может быть интерпретировано двояко: 1) мистический город из Апокалипсиса, и 2) реально существующее географическое название — новая часть

города в Израиле. Адресат не может сразу определить, какое из двух значений реализуется в данном случае, и поэтому для него это высказывание потенциально выражает две пропозиции. Как правило, возможность такого двойственного прочтения высказывания возникает вследствие сохранения языковой полисемии слова в речи /4:35/, как и происходит в нашем примере, либо вследствие возможности различной интерпретации синтаксической структуры предложения, то есть синтаксической омонимии /1:133/:

'I haven't seen anyone for years,' he said, 'not anyone. I can hardly even remember how to speak. I keep forgetting words. I practise, you see. I practise by talking to ... talking to ... What are those things people think you are mad if you talk to - like George the Third?' 'Kings?' suggested Ford.

'No, no,' said Arthur, 'the things he used to talk to. We're surrounded by them, for heaven's sake. I've planted hundreds of them myself. They all died. Trees! I practise by talking to trees.' (D.Adams)

В данном примере неоднозначность возникает вследствие того, что предложение "What are those things people think you are mad if you talk to — like George the Third?" имеет две глубинные структуры, так как его возможно трансформировать в два различных по значению однозначных предложения:

1. What are those things (like George the Third) people think you are mad if you talk to?
2. What are those things people think you are mad (like George the Third) if you talk to?

Так, адресат вначале полагает, что говорящий имеет в виду первую возможную интерпретацию (об этом говорит его реплика "Kings"), но затем говорящий указывает на то, что в данном случае релевантна вторая интерпретация (Ср. No, no, [...] the things he used to talk to).

В то время как за неоднозначную интерпретацию высказывания отвечают языковые факторы (полисемия, синтаксическая омонимия), причиной неясности является нечеткое значение (fuzzy meaning) одного или нескольких элементов, составляющих пропозицию. /8:119-120/ — ср.:

'Oh, well, there are good things in the world,' said Edward.

'Are there? Let's drink to them. Edward, Stuart -'

'But which things are they?' said Edward. 'We might all mean different ones.'

'Never mind, drink to them. Come.' (I.Murdoch)

В данном примере словосочетание good things не является полисемантичным, и поэтому все высказывание имеет только одну возможную семантическую интерпретацию. Но если мы посмотрим на структуру его значения, то находим, что с одной стороны, значение things очень размыто, так как оно может обозначать любой предмет или явление, a good имеет значение субъективной оценки, вследствие чего для адекватного понимания данного высказывания требуется дополнительная уточняющая информация.

Мы видим, что в то время как для объяснения, почему данное высказывание является неоднозначным, необходимо рассматривать его синтаксическую структуру и лексическое значение слов, входящих в его состав, для определения причин неясности пропозиции следует обращаться к ее семантическим характеристикам. Данное обстоятельство и обуславливает необходимость различного теоретического подхода к данным двум явлениям. Интересно отметить, что поскольку неоднозначность является свойством самого высказывания, а неясность — свойством пропозиции, которую оно выражает, возможна такая ситуация, когда одно и то же высказывание служит одновременно примером и неоднозначности, и неясности, то есть несет более одной пропозиции, одна из которых, или несколько, могут быть неясными:

'What is the nature of your work?'

'Yes? Of course she was a buyer. Everybody bought things.

She knew she had to explain. 'I buy things for the department store. Foreign things. Italian silks, French antiques, old glass, English silver.' (I.Shaw)

В данном примере высказывание I am a buyer может быть интерпретировано двояко благодаря многозначности слова buyer: 1. A person who buys, purchaser; 2. A purchasing agent, as for a department or chain store. При этом первая возможная пропозиция является неясной вследствие нечеткости значения buyer (buy + er = a person having something-or-else to do with buying). Адресат в данном случае полагает, что реализуется первое значение слова buyer (Ср. Everybody bought things), и для устранения возникшей неясности он обращается за дополнительными разъяснениями. При этом не совсем ясно, какую роль в данном примере играет высказывание I buy things for the department store. С точки зрения адресата оно предло-

ставляет необходимую информацию для уточнения высказывания I am a buyer, но намерением говорящего в данном случае может быть также предоставить контекстуальные указания для разрешения его неоднозначности.

В заключение перечислим наиболее существенные выводы.

Неоднозначность является свойством высказывания, в то время как неясность есть свойство пропозиции. Для объяснения причин возникновения неоднозначности необходимо обращаться к синтаксическим характеристикам высказывания, а причины неясности могут быть вскрыты только путем обращения к его семантическим характеристикам, что и обуславливает необходимость четкого разграничения данных понятий.

Список литературы: 1. Бротовицкий Б.И. Изучение структуры омонимичных синтаксических единиц // Вопросы лингвистики и оптимизации обучения иностранным языкам. Минск, 1990. - С. 129-137. 2. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. - М, 1980. 3. Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. - Пермь, 1966. 4. Литвин Ф.А. Многозначность слова в языке и речи. - М., 1984. 5. Стриженко А.А., Кручинина Л.И. Об особенностях организации текстов, относящихся к разным функциональным стилям. - Иркутск, 1985. 6. Coulthard M. Introduction to discourse analysis. New York, 1985. 7. Hatch E. Discourse and Language Education. - CUP, 1992. 8. Leech G. Semantics. London, 1981. 9. A. Levinson S. Pragmatics. CUP, 1983.

И. А. Беляева, канд. филол. наук /Харьков/

ИНИЦИАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ

В данной статье рассматриваются высказывания субъективной оценки (ВСО), характерной особенностью которых является то, что они не выступают прямой реакцией на предшествующую реплику-стимул адресанта, а инициируются самим говорящим — субъектом оценки. Как следствие этого, данные высказывания характеризуются высокой степенью свободы выбора выражения оценки. В зависимости от характера речевого хода, в который входят рассматриваемые высказывания, выделяются адресантно-инициативные ВСО и адресантно-инициативные ВСО.

Адресантно-инициативные ВСО выступают стимулом для последующей реплики партнера по интеракции. При этом данные высказывания могут входить в исходную реплику говорящего, не являясь прямым стимулом для последующего речевого хода собеседника:

Jules Segal studied the repaired checkbone and said to Michael.

1. Г1. 'A good job. It's knitted nicely. Is the sinus O'K?'

2. Г2. 'Fine.' Michael said. 'Thanks for helping out.' (Puzo)

Инициативное ВСО A good job — Хорошая работа, открывающее речевой ход адресанта (Г1), непосредственным образом не детерминирует ответную реплику адресата (Г2).

Адресантно-инициативные ВСО функционируют в ответных репликах адресата, демонстрируя отсутствие жесткой детерминированности предшествующей репликой собеседника.

Обратимся к примеру, иллюстрирующему функционирование ВСО в расширенном ответе на квеситив. Под последним подразумевается следующее: то, что передается посредством ВСО, превышает заполнение информационной лакуны. Таким образом ВСО рассматриваемого типа способствуют передаче информации "сверх" запроса, с "излишком".

1. Г1 'By the way, 'he said presently, 'did you meet a lad called Hennerley? He's come out recently I believe.'

2. Г2 'Oh, yes, he's in the police. A rotten boulder.' (Maugham)

Из ответа на запрос Уобертон (Г1), встречался ли Купер с неким Хиннерли (речевой ход 1), становится известно, что Купер (Г1) знает этого человека, а также, что Хиннерли служит в полиции ('Oh, yes, he's in the police.' (речевой ход 2). При этом, используя ВСО A rotten boulder — Отвратительный пройдоха, Купер (Г2) выражает свое отрицательное отношение к Хиннерли (речевой ход 2). Рассматриваемое ВСО, выступающее экспрессивным средством выражения оценки, строится по модели DW Ng/b. Данная модель отражает, что оценочный признак "положительность"/"отрицательность", обозначаемый индексом

g/b (good/bad), присущ именному компоненту N интерентно. (Обозначение DW, введенное Д. Болинджером в его монографии "Degree Words" (1:162), используется нами для отображения интенсификатора).

Типичным употреблением инициативных BCO можно назвать случаи, когда продуцируя такие высказывания, говорящий продолжает тему, начатую его же предыдущими речевыми ходами. Обратимся к примеру.

1. Г1. 'I fell in love on the beach,' said Rosemary.
2. Г2. 'Who with?'
3. Г1. 'First with a whole lot of people who looked nice. Then with one man.'
4. Г2. 'Did you talk to him?'
5. Г1. 'Just a little. **Very handsome**. With reddish hair.' (Fitzgerald)

BCO **Very handsome** (речевой ход 5) является продолжением предыдущих реплик Розамари (Г1) — субъекта оценки, в которых она сообщает маме (Г2) о том, что произошло с ней на пляже (речевые ходы 1 и 3).

Анализ исследуемого материала позволяет говорить о том, что рекуррентной областью функционирования инициативных BCO выступают монологизированные реплики коммуникантов, как в следующем примере:

Mr Crouchback introduced Guy.

1. Г1. 'So you're the lotus-eaters too? I've settled madam and the offspring here for the duration. **Charming spot**. I wish I could spend a few weeks here instead of in barracks.'

2. Г2. 'No', said Guy, 'I'm only here for one night'. (Waugh)

После того, как мистер Краучбек представил сына, майор Тиккеридж (Г1) сообщает Гаю о том, что он устроил в отеле жену и ребенка (речевой ход 1). Здесь же, в рамках того же речевого хода 1, звучит его оценка отеля, передаваемая через всю BCO **Charming spot** — Очаровательное место. Продуцируя данное высказывание, говорящий исходит из внутреннего стимула вербализации оценки.

Инициативные BCO способны изменять русло интеракции:

1. Г1. 'Oh, your phone call. Is that all you have to think about? I ask you, Godfrey, is that all...?' He huddled in his chair.

2. Г2. 'Damn cold,' he said. 'Have we got any whisky there?' (Spark)

В ответ на упреки миссис Петигрю (Г1) по поводу того, что Годфри (Г2) так и не побывал у юриста, Годфри сообщает, что он заезжал в полицию заявить об анонимных звонках его сестре. Миссис Петигрю (Г1) обрушивает на Годфри (Г2) новую лавину упреков (речевой ход 1). В ответ Годфри (Г2) продуцирует BCO **Damn Cold** — Чертовски холодно, за чем следует фраза "Have we got any whisky there?", что свидетельствует об отсутствии жесткой детерминированности BCO предыдущим речевым ходом собеседника.

Как подтверждает предпринятый анализ, инициативные BCO характеризуются высокой степенью свободы выбора. Чем ниже детерминированность BCO репликой-стимулом адресанта, тем выше степень свободы выбора BCO. Сравним инициативные BCO в следующем примере:

1. Г1. Wyatt. Went all round the day. Quite empty. Not an American in sight. Not even old Harry.

2. Г2. Robin. He's not exactly a tourist.

3. Г1. Wyatt. No. **Sweet old thing**. Had a good squeeze at all the coral. **Remarkable**. Real Captain Cook. (Observe)

Реплика Робина (Г2) служит стимулом для ответного речевого хода Г1, включающего инициативное BCO **Sweet old thing** (речевой ход 3). При помощи данного BCO Уатт (Г1) выражает свою положительную оценку объекта оценки — Хэрри. Речевым ходом 3 Г1 продолжает тему, начатую его предыдущей репликой (речевой ход 1). BCO **Remarkable** — Замечательно в составе речевого хода 3 выступает для Г1 средством репрезентации субъективной оценки с признаком "положительность" предмета речи. По сравнению с инициативным BCO **Sweet old thing** инициативное BCO **Remarkable** характеризуется большей инициативностью, поскольку оно лишено детерминированности предшествующей репликой 2. Посредством данного BCO говорящий выражает свою оценку с признаком "положительность" прогулке по коралловому рифу, о чем он сообщает в предшествующем в рамках того же речевого хода 3. Таким образом подтверждается зависимость между степенью детерминиро-

ванности реплики-реакции репликой-стимулом и степенью инициативности высказывания, а следовательно, и степенью свободы выбора ВСО.

Проведенный анализ выявил частотность использования инициативных ВСО с целью усиления, пояснения директивной иллюкуции. Проиллюстрируем сказанное.

'Look here, my dear, don't be telling people you want to speak to me and not to your husband. *Sounds awful.*' (Hellman)

В приведенном примере ВСО *Sounds awful* — Звучит ужасно отражает отрицательную оценку, которую говорящий (Ник) дает намерению собеседника (Роуз). Данное высказывание выступает средством пояснения предшествующего директива ('(...) don't be telling people you want to speak to me and not to your husband' — "(...) не говори людям, что желаешь говорить со мной, а не со своим мужем". Исходя из сказанного, восстанавливаем глубинную семантическую структуру ВСО *Sounds awful* следующим образом: "I evaluate that the fact that you want to speak to me and not to your husband is awful (→) bad) that's why don't be telling people you want to speak to me and not to your husband — Я оцениваю тот факт, что ты желаешь говорить со мной, а не со своим мужем, является ужасным (→ плохим). поэтому не говори людям, что ты желаешь говорить со мной, а не со своим мужем". Обратимся к графическому изображению сказанного:

Директив + ВСО

Таким образом, высказывание субъективной оценки, употребленное после директивного высказывания, усиливает последнее, придавая директиву убедительность.

Список литературы: 1. Bolinger D. *Gegree Words*. — The Hague: Mouton, 1972.

Е. В. Бондаренко, канд. филол. наук /Харьков/

К МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ "ТЕПЛОЙ" КАРТИНЫ МИРА

Возрастание влияния антропологической парадигмы на научное познание проявляется в постановке его центральной задачи — создания целостной концепции человека. Известно, что одно из основных понятий последней — картина мира — может быть адекватно охарактеризовано лишь в рамках глобального антропологического учения. Парадоксальность ситуации заключается в том, что при достаточно успешном развитии теории картин мира не существует условий ее убедительного методологического обоснования. Задача создания целостной концепции человека пока не находит решения, причем споры вокруг нее до сих пор не продвинулись далее концептуальных установок, поиска "оптимальной" отрасли знания для ее развития.

Так, наиболее реальными представляются рамки философии, а не науки, в связи с достаточно распространенным убеждением, что человек в принципе не может являться предметом научных исследований. Воплощением концептуального мнения по этому поводу можно считать высказывание К.Ясперса: "Экзистенция не поддается объективации" /7:31/. В случае же, когда такая объективация неизбежна, возникает некий "возможный" человек, лишенный специальной или частной природы, т.е. самой своей сути.

Более значительные трудности в построении антропологической теории вызывает осознание того факта, что человек столько же объект исследования, сколько и его субъект. Рефлексия самобытия человека подразумевает два фундаментально разных вопроса. Первый — что есть существование личности и второй — каков смысл бытия каждого конкретного "я" /2:32-33/. Первый — безличен, ориентирован на обобщение, формулировку законов имманентного знания, второй — интроспективен. В последнем случае актуальным оказывается не столько когнитивный, сколько деятельностный фактор, самовыражение индивида, апелляция не к разуму, а к переживанию, интуитивному опыту. Методология разрешения двух указанных антропологических проблем предполагает дихотомическую систему восприятия человеком себя в окружающем и себя "изнутри", мировоззрения и миропонимания.

Продукт освоения действительности в рамках мировоззренческой парадигмы представляется в виде "холодной" картины мира (ХКМ), "теплая же картина мира (ТКМ) формиру-

ется под влиянием личностных, эмоциональных факторов в результате мировосприятия /6:16/.

Обращает на себя внимание сравнительная легкость, четкость, объективность характеристики ХКМ как упорядоченной и детерминированной и, напротив, некоторая шаткость и расплывчатость дефиниции "теплой" картины, представляемой как фрагмент внутренней жизни индивида. Содержательная сторона последнего понятия как бы влияет на форму его описания. Тем не менее, обозначение отличительных особенностей каждой из картин является чрезвычайно существенным для установления реальности двойственного мировосприятия человека, выяснения возможности построения единой картины, т.е. существования принципов объединения ХКМ и ТКМ. При этом, видимо, представляется сложным обойтись без использования философских и гносеологических критериев, но абсолютно невозможно — без постороннего соотнесения картин друг с другом.

В отношении механизмов формирования, у ТКМ и ХКМ существует более общностей, чем различий. Так, один из главных принципов разграничений ТКМ и ХКМ по субъективно-объективному типу рефлексии индивида, оказывается нерелевантным. Установлено, что "всякая попытка обнаружить какой-либо один процесс психологической деятельности человека, связанный с формированием картины мира, неизбежно окончится неудачей" /3:20/. Сознание человека, формирующее идеальный образ внешнего мира, есть не только знание об объекте, но также и некое переживание, оно эмоционально окрашено, а в эмоциях гносеологическая противоположность субъективного и объективного исчезает, так что субъект и объект переживаются как нечто единое. Общность черт ТКМ и ХКМ, впрочем, далее имеет все более косвенный характер, а порой и исчезает совсем.

Так, согласно деятельности категориальной парадигме, которая выделяет две основные функции мира, интерпретационную и регулятивную, очевидно, что ТКМ почти не претендует на последнюю или во всяком случае претендует гораздо меньше, чем ХКМ. Ориентация на субъективно познанное чреват непредсказуемыми результатами на практике. Недаром в психологических моделях личности существует тривиальное представление о "человеке, витающем в облаках", т.е. человеке, имеющем превратное, чаще эстетически искаженное, представление о мире, и следовательно, совершенно в нем не ориентирующемся. Творец такой "теплой" картины мира зачастую — эмпирический субъект, а не сообщество. Далее, чем более коллективным становится авторство картины мира, тем "холоднее" и объективнее она оказывается. Таким образом, коренное различие между ТКМ и ХКМ проявляется при анализе их гносеологической природы, когда истинное знание о мире творец ТКМ может получить только соотнеся свою картину мира с общей, уже достаточно обобщенной.

С учетом сферы деятельности субъекта данное наблюдение приобретает и иной аспект. Мировосприятие человека неизбежно несет на себе профессиональные черты. Картины мира философа, художника и композитора, видимо, будут отличаться друг от друга по типу переработки и представления исходного образа мира, хотя и в рамках ТКМ. Но еще более непохожими оказываются модели мира, сформированные ими по сравнению с картиной мира ученого. Ответ на вопрос, какой из субъектов будет иметь более объективную, т.е. более "холодную" картину мира, очевиден. Но даже в этом случае нельзя не признать, что формирование ХКМ у ученого происходит путем экстраполяции на нее "наивной", "теплой" картины мира, созданной в результате повседневной бытовой практики, исходя из "здорового смысла". Только путем следования специальной модели поведения, продиктованной научными целями, его ТКМ объективируется до "холодной".

Таким образом, вопрос о дихотомической структуре мировосприятия человека перерастает в проблему построения более сложной системы, когда ТКМ особым образом взаимодействует с ХКМ, включая последнюю в виде своей "научно переработанной" части.

Структурно-концептуальные различия научной (ХКМ) и не-научной (ТКМ) картин мира позволяют говорить об их взаимной комплементарности только с точки зрения общности предмета и механизма отражения, другие же их свойства по сути ставят ХКМ в более сложную зависимость от ТКМ как базиса и источника методологии первой.

Сопоставление научной и не-научной картин мира актуализируется в еще большей степени при переходе к проблеме их вербальной реализации, т.е. вопросу природы и функционирования языковой картины мира и поэтому является чрезвычайно важным для лингвистической науки.

Основополагающим тезисом лингвистической интерпретации картины мира является признание невозможности, да и отсутствия необходимости полной ее вербализации, что подразумевает ее двойственное существование в языке. В первичном виде она представляется как система, которую составляют концепты, образы, представления, известные схемы действия и поведения и т.п. — некие идеальные сущности, не всегда напрямую связанные с вербальным кодом. Концепты же, подлежащие вербализации, составляют языковую модель мира. Очевидно, что даже невербальный “инструментарий” ТКМ несравнимо богаче, чем у ХКМ, начиная с бытовых моделей поведения и заканчивая высочайшими творениями гениев архитектуры, живописи, тогда как ХКМ, хотя оперирует собственными моделями поведения, схемами, стереотипами, представлениями, и здесь как бы моделирует материал и отчасти методологию “теплой” картины мира. Так, в настоящее время возникают новые архитектуры ЭВМ, приемы цифровой графики, прослеживаются попытки применить антропоцентрические “не-научные” методы в психологии (типа метода эмпатии К.Роджерса /4:213/ и лингвистике: примитивная семантика в области компьютерного моделирования языка /8/, “наивная” картина мира в лексикографии и лексикологии А.Вержбицкой и Ю.Д.Апресяна, антропоцентрические парадигмы в области сопоставительной лингвистики и в грамматике /1:15-26/.

С точки зрения вербализации, концептуальная модель мира в ХКМ практически полностью коррелирует с языковой. Подобная ситуация может быть обусловлена тем, что невербализованные представления в “теплой” картине мира зачастую и остаются таковыми, находя другие формы выражения, о которых уже говорилось. В науке же, как известно, правильное вербальное или другое знаковое описание явления, формулировка закономерности имеют практически такую же важность, как и само их открытие.

Таким образом, и в вербальной сфере находится некоторая общность между ХКМ и ТКМ. Наиболее очевидным и наглядным представлением связи концептуальной и языковой моделей мира является область лексики, хотя полное их отождествление вряд ли является корректным. Известно только, что универсальным в любой национальной картине мира остается набор абстракций высших уровней. При этом влияние научных представлений на не-научные оказывается гораздо более сильным, чем обратное, и система представления таких общечеловеческих абстракций в ХКМ и ТКМ является, естественно, различной. В первом случае — это в основном термины, во втором — единицы самого широкого стилистического диапазона.

Тем не менее, существует фактор, объединяющий две парадигмы мировосприятия субъекта. В создании “холодной” и “теплой” языковой картины мира выделяется одно из наиболее продуктивных средств формирования вторичных, т.е. рефлексивных наименований. “Картина мира — интерпретация, акт миропонимания, зависящий от призмы, через которую совершается мировидение. Роль такой призмы успешно выполняется метафорой” /5:179/. Трудно переоценить роль этого тропа в вербализации “теплой” картины мира. Любые ее составляющие от архаической до художественной, в особенности в виде текстов, являются самым ярким проявлением языковой картины мира, где метафора — способ создания самого мира. Данный прием успешно перенимается у ТКМ наукой. Метафора имеет ценность для последней, т.к. “способна служить средством получения нового знания, создавая мощное ассоциативное поле с помощью ограниченного диапазона средств выразительности” /5:179/. Так, одно из основных средств вербализации концептуальной модели мира объединяет ТКМ и ХКМ, снова подтверждая их неантогонистическую взаимосвязь.

В качестве итога считаем нужным отметить, что претензия на получение достоверной модели мировосприятия субъекта реальна лишь с учетом форм существования и механизма реализации ТКМ в ее сложном взаимодействии с ХКМ. Отсюда следует, что подход к проблеме человеческого индивидуума должен быть максимально приближен к природе объекта исследования (личности) и поэтому может приобрести форму не столько научной теории, сколько принципиально нового гомоцентрического философского учения, создание которого берет истоки в “теплой” картине мира.

Список литературы: 1. Алпатов В.М. Об антропоцентрическом и системоцентрическом подходах к языку // Вопросы языкознания. - 1993/3. - С.15-26. 2. Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. - М. - 1984. - С.32-33. 3. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. Отв. ред. Б.А.Серебренников. - М., 1988. - С.20. 4. Роджерс К. К науке о личности // История зарубежной психологии: Тексты. М., 1986. 5. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. Отв. ред. Б.А.Серебренников. - М., 1988. 6. Цофнас А.Ю. Комплементарність світогляду і світорозуміння // Філософська і соціологічна думка. - 1995/1-2. - С.5-22. 7. Ясперс К. Духовная ситуация времени. 4.5-6 // Ясперс К. Смысл и назначение истории. - М., 1991. 8. Dahlgren, K. Naive Semantics for Natural Language Understanding. Kluwer Acad. Publishers. Boston/Dordrecht/ London, 1988.

Н. Д. Борисенко /Житомир/

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ПОЛА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Классический пример лингвистической половой дифференциации пришел из Вест Индии. Неоднократно отмечалось, что когда европейцы впервые прибыли на Малые Антильские острова и вступили в контакт с аборигенами, было обнаружено, что мужчины и женщины разговаривали на "разных языках" /7/. Это открытие является единственным в своем роде, нигде в мире не было обнаружено столь ярких отличий между мужской и женской речью.

Впервые же пол, как социальный фактор, обуславливающий речевое варьирование, привлек внимание лингвистов еще в начале XX века. Адлер отмечает, что Сепир, изучая йану (язык племени американских индейцев, в котором нет понятия рода), пришел к следующим заключениям: а) в данном языке существует небольшое количество основ глагола, которые относятся исключительно к мужской или женской деятельности; б) большинство остальных слов йаны имеет две формы: полную — мужскую и редуцированную — женскую; в) мужчина в разговоре с мужчиной употребляет полные формы, а женщина — редуцированные. Возможно, редуцированные формы объясняются фонетической и морфологической экономией языка. Вероятно, эти формы отражают менее значимое положение женщины в данном сообществе, меньшую церемониальность ее речи. Этот пример показывает, что различия в речи мужчин и женщин носят социологический характер /3/.

Интерес к лингвистическим проблемам пола усилился в последние десятилетия в связи с развитием феминистического движения, в первую очередь в Америке, Великобритании и Скандинавии и изменением социальной роли женщины в современном обществе. Появились многочисленные исследования, в которых ученые пытаются выявить лингвистические проявления положения женщины в обществе (Е.С.Андерсен, Т.И.Шевченко, К.Пойнтон).

Развитие феминистического движения способствовало появлению понятия "сексизма" в языке. Сексизм — система стереотипных отношений в языке и речи, предполагающих превосходство мужчины над женщиной. Критика направляется исключительно против ориентированного на мужчину взгляда на мир, приводящего к половой дискриминации. Борьбу с сексизмом в языке ведет движение Political Correctness. В грамматике наибольшее внимание привлекло отсутствие нейтрального в половом плане местоимения третьего лица единственного числа, особенно в предложениях с неопределенными местоимениями (If anyone wants a copy, he can have one). Во множественном числе проблема отсутствует из-за наличия местоимения they. Были предприняты многочисленные попытки ввести нейтральное местоимение, включая *they*, *co*, *ne*, *thon*, *mon*, *na*, *per*, *po*, *person*, etc. Ни одно из данных предложений не получило широкого распространения, но *co* употреблялось в некоторых американских коммунах, а *na* и *per* употреблялись рядом писателей. Менее радикальное предложение заключается в избегании *he*-форм /5/.

Представители движения подвергли критике употребление формы *man* в родовом смысле в нейтральном в половом отношении контексте (*the man in the street*, *a stone-age man*). В то

же время рассматривались возможности замены формы *man* нейтральными формами (*chairman-chair-person, salesman-shop assistant*).

Политически корректный язык вводит обилие эвфемизмов, смягчающих все сколь угодно уничижительные характеристики персонажей. Например, *optically challenged* вместо *blind*, *wisdom-challenged* вместо *silly*, *vertically-challenged* вместо *short*. Еще одной группой слов политически корректного языка являются слова, отражающие систему ценностей различных общественных движений, особенно феминистского: *personal space, an alternative, sexist, sisters of the world*.

Кроме всего прочего в обществе существует определенный стереотип особенностей женской речи и женского речевого поведения, которые рассматриваются как отклонения от нормы. Нормой же считается мужская речь и мужское речевое поведение. Это представление составляет определенную важную часть оценочных мнений, характеризующих женщину в том или ином социуме. Тот же стереотип живет в народном сознании, о чем свидетельствует обилие пословиц и поговорок, характеризующих женское речевое поведение: *A woman's tongue wags like a lamb's tail. Foxes are all tail and women are all tongue. Many women many words: many geese, many turds*. Если верить "народной лингвистике", то женщины болтливы, любят задавать вопросы, переспрашивать, пристрастны к крайностям в оценках и обращениях, употребляют "пустые" слова, часто обрывают речь на полуслове, меньше сквернословят, более вежливы, предпочитают косвенные просьбы, чаще употребляют эвфемизмы, меньше принимают собеседника. Наличие в реальной женской речи всех перечисленных особенностей не подтверждается анализом фактического материала /1/. Тем не менее эти стереотипы играют немаловажную роль в обществе, так как могут накладывать определенный отпечаток на восприятие женской речи, особенно лицами иного пола или влиять на речевое поведение самих женщин, а особенно девочек при овладении ими правилами речевого поведения. Известны данные, указывающие на то, что уже 6-летние дети знают о различиях в речи мальчиков и девочек, отмечая, что девочки говорят вежливо, а мальчики грубо, используя больше сленга /Romaine, 1994/. Исследователи, изучавшие чувствительность детей к стереотипам мужского и женского речевого поведения, пришли к заключению, что дети даже дошкольного возраста располагают определенными знаниями о том, как определить пол говорящего по его речи /4/.

Современные лингвисты объясняют наличие речевых особенностей зависимым положением женщины /Spender, 1985/. Женщина чувствует себя неуверенно в мире, где правит мужчина, и старается преодолевать эту неуверенность различными средствами. Занимая менее прочное положение в обществе, женщина более социально уязвима. Если мужчина оценивается по занимаемой им должности, доходу, то женщина не уверена в том, что ее статус может быть выражен посредством занимаемой ею должности или уровнем образования. Эмансипированная женщина укрепляет свой статус благодаря более высокой, чем у мужчин того же социального статуса и уровня образования, речевой компетенции. Так, во всех слоях английского общества женщины проявляли большую чувствительность к изменениям в произношении и показывали наибольшее число престижных речевых форм /2/. Умелое же использование языковым материалом, определяющее речевое поведение человека, играет в современном цивилизованном мире очень важную роль, часто служит показателем социального статуса говорящего.

Безусловно, существуют различия экстралингвистического характера. Однако существуют и определенные лингвистические отличия.

Считается, что наиболее детальное свидетельство половых различий проявляется на фонологическом уровне. Так Траджилл указывает на то, что в каждой социальной группе, если контекст постоянный, произношение женщин ближе к стандартному (*Received Pronunciation*) чем произношение мужчин /7/.

Грамматические различия включают большее использование женщинами просьб там, где мужчина использует приказ, более частое использование квалификаторов-интенсификаторов типа *quite, so, rather* и большее число квалификаторов-модераторов, обозначающих приблизительность (например, *about, sort of, somewhat, fairly*).

Женщины чаще употребляют удвоенные формы прилагательного типа *itsy-bitsy, teeny-tiny*. Уменьшительные формы личных имен типа *Ally-Bally* и *Stevie-Weavie* (добавление или изменение начального согласного характерно для удвоенных форм в английском языке)

также характерны для женщин, поскольку воспринимаются большинством людей как часть детского языка, а потому не совместимы с мужской речью /6/.

Пожалуй, наиболее часто упоминаются различия в выборе лексических единиц. Часть прилагательных, имеющих эмоционально-образную окраску, к примеру, *admirable, charming, sweet, lovely* ассоциируются с женской речью. Для женщин характерно употребление точных названий цвета и оттенков, в то время как мужчина считает такое разграничение тривиальным.

Мужчина традиционно чаще употребляет сленг. Хотя в последнее время фиксируется употребление грубой экспрессивной лексики молодыми женщинами и девочками подростками, что, вероятно, можно объяснить стремлением женщин утвердиться в мужской компании путем использования традиционно мужской лексики.

Женщина употребляет больше эвфемизмов, особенно если речь идет о вопросах пола.

Нельзя отрицать и значительную эмоциональность речи женщин, проявляющуюся не только интонационно (*High Fall, High Rise, Rise-Fall, Fall Rise, Accidental Rise*), но и лексически с помощью большого количества эмоционально-оценочных прилагательных, эмфатических операторов типа *do* (*You do look nice*), эмфатических частиц и восклицательных предложений оценочного характера (*Isn't it wonderful! How amazing! I was afraid, or was I! What a surprise!* etc) переспросов, форм этикетного характера.

Различия в речи мужчин и женщин не являются врожденными, а возникают в результате различий в положении и статусе обоих полов в английском обществе. Если изменяются условия, то такие отличия уменьшаются, хотя необходимо учитывать, что язык представляет собой более консервативную систему, чем общество.

Список литературы: 1. Винокур Т.Г., Гловинская М.Я., Голанова Е.И. и др. Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. — М., 1993. — С. 90—135. 2. Шевченко Т.И. Социальная дифференциация английского произношения. — М., 1990. — С. 81—83. 3. Adler M.K. Sex Differences in Human Speech. A Sociolinguistic Study. — Hamburg, 1978. — P. 24—25. 4. Andersen E.S. Speaking with Style: The Sociolinguistic Skills of Children. — L., N.Y., 1992. — P. 26—46. 5. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. — Cambridge, 1992. — P. 46—47. 6. Poynton C. Language and Gender: Making the Difference. — Oxford, 1990. — P. 66—75. 7. Trudgill P. Sociolinguistics: An Introduction to Language and Society. — L., 1984. — P. 78—88.

А. И. Бородина, канд. филол. наук /Харьков/

О НЕКОТОРЫХ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЯХ В АНГЛИЙСКОМ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИИ

Термины занимают ведущее место среди неологизмов, возникших за последние несколько десятилетий в русском, английском, немецком языках /1/. Исследователи подсчитали, что до 90% новых слов языка относится к научной и технической терминологии. Выполняя важнейшую коммуникативную функцию, обеспечивая взаимопонимание между представителями более или менее узких областей знания и научных дисциплин, термины являются также интереснейшим объектом лингвистического исследования.

Процесс формирования новых научных и технических терминов, то есть процесс именования новых понятий науки и техники, в основном следует общим законам языковой номинации, однако терминологическая номинация имеет свою специфику. Выбор способа номинации — сложный процесс, определяемый субъективными и объективными факторами, экстра- и интралингвистическими факторами. Особенностью терминологической номинации является ее весьма субъективный характер: терминологическое словообразование — чаще всего процесс сознательного словотворчества.

Появляющийся в технике, науке новый предмет (явление, понятие) обозначается по одному из его признаков, но признак выбирается достаточно произвольно. Поэтому для

обозначения одних и тех же объектов в разных языках в качестве основания номинации нередко избираются разные признаки именуемых предметов или явлений; при этом сами выделенные признаки, послужившие основанием номинации, являются, разумеется, объективными. /2:38/. Отсюда явление видимого "расхождения" в терминах, препятствующее их "прямотому" покомпонентному переводу с одного языка на другой.

Довольно часто в английских эпонимических терминах указаны соответственно место появления орудия или имя изобретателя, а в соответствующих русских терминах — конструктивные особенности обозначаемых предметов. Например: Dutch harrow — шлейфборона; Otto engine — карбюраторный двигатель; Mufuy loop — мостовая схема для определения места замыкания на землю.

Очевидно, что установление семантической эквивалентности отдельных терминов разных языков возможно только через установление семантической эквивалентности текстов /3/. Исследование специальных текстов вообще имеет большое самостоятельное значение в изучении терминологии, поскольку все истинные свойства термина проявляются не в сфере фиксации (лексикографическая литература), а в сфере функционирования.

Важнейшим свойством термина является его системность: каждый термин является принадлежностью конкретного подязыка, в пределах которого только и реализуется его строго определенное значение.

Термину свойственна семантическая и структурная динамичность, наблюдаемая как в диахронии, так и в синхронном варьировании в различных коммуникативных ситуациях. В конкретном контексте реализуется одно из возможных значений термина. Например, только контекст даст новый вариант семантизации термина "driver" как "ведущее колесо" (значение не зафиксировано в отраслевом словаре).

Сама динамика развития науки и техники определяет такое положение, когда новый научный или технический термин, появившийся в одном языке, в течение некоторого времени не имеет терминологического эквивалента в другом; в этом случае при переводе пользуются дескрипцией. Например, название созданного в Украине прибора "геркотрон" (электроника) пока не имеет терминологического аналога в английском языке. В переводах этому термину соответствует описание high-voltage insulating interfacer. Сравним также: vectoroscope — электронно-лучевой осциллограф с отображением сигналов на комплексной плоскости; Curtis winding — безиндуктивная обмотка с изменением направления намотки соседних витков с помощью продольных шелей в каркасе.

С лингвистической точки зрения важно наличие или отсутствие в языке продуктивных словообразовательных моделей, которые могут служить для конструирования нового термина с целью номинации нового предмета или явления. Так, семантический способ словообразования не является продуктивным в образовании новых терминов. В настоящее время преобладает морфологический и особенно синтаксический способы образования терминов. Конкретные словообразовательные и синтаксические модели, обеспечивающие возможность создания новых терминов по готовому образцу, обуславливают их структурно-семантическую предсказуемость, простоту восприятия, коммуникативную релевантность.

В создании новых однословных терминов современного английского языка следует отметить определенную избирательность и лимитированность словообразовательных средств. Для простых терминов наиболее продуктивными являются суффиксы: -er, -or (названия устройств, приборов), -ing (название процессов): recloser — "устройство для повторного включения"; improver — "активизатор"; driver — "ведущее колесо"; reverser — "реверсивный механизм"; digger — "плуг с предплужником"; reclosing — "повторное включение"; interlocking — "блокировка"; tripping — "включение"; bridging — "шунтирование".

Характерной особенностью однословных терминов является их обобщенное значение. Тенденция к конкретизации, уточнению ведет к появлению многословных описательных терминов (descriptive terms) то есть к удлинению термина. Сравним:

Однословные термины

divider

Многословные термины

header divider

soybean header divider

improver	ignition improver
steering	power-assisted steering
reverser	feeder-header reverser
regulator	low-pressure regulator
	high-pressure regulator
starting	cold-weather starting
combine	axial-flow combine
	straw-walker combine

Нет сомнения, что многокомпонентные словосочетания фактически стали основным способом образования терминов в английском языке. Более того, эта особенность терминологической номинации наблюдается и в других языках (русском, немецком), то есть является в какой-то степени универсальной /4/.

Одной из причин структурного усложнения (удлинения) терминов является, на наш взгляд, то обстоятельство, что однословные термины часто являются междисциплинарными и без соответствующих уточняющих признаков могут входить в различные терминосистемы (head, rod, block, ring, pin, plug, cap, valve, gage и т.д.). При создании многословных терминов такое слово, обозначающее некоторое родовое понятие, становится основным словом, к которому относится зависимое слово (атрибут), называющее видовое понятие (cylinder head, connecting rod, cylinder block, oil ring, piston pin, drain plug, radiator cap, exhaust valve и т.д.). Такие слова обычно являются основой для создания целевой группы составных терминов. Коммуникативно-прагматическая значимость таких "несколькословных" наименований заключается в их свойстве глубже раскрывать характерные особенности явления через атрибутивный компонент /1/.

Становление многокомпонентного термина, как правило, представляет собой сложный и длительный процесс. В диахронии наблюдается превращение свободного словосочетания в устойчивый элемент терминологии, выражающий единое специальное понятие — то есть в термин.

По нашим наблюдениям, этот процесс имеет в английском языке следующие особенности:

1. Препозитивное употребление предложных конструкций, которые в художественной прозе и повседневной речи, как правило, не выступают в "левой" позиции (on-the-go unloading, on-the-move change, in-vehicle testing, on-line system, on-peak conditions, on-load transformer и т.п.). Как видим, предложные группы выполняют в выше приведенных терминах чисто атрибутивную функцию.

2. Препозитивное употребление инфинитивных конструкций атрибутивного характера (hard-to-thresh crops, easy-to-read instrument panel).

3. Явление языковой компрессии, сопровождающее процесс образования терминов и обусловленное коммуникативной направленностью научных текстов на возможно более экономный способ изложения.

"Стяжение" компонентов происходит по определенным, специфическим для языка науки и техники моделям: развернутые синтаксические конструкции заменяются свернутыми, стяженными. Типичными являются причастные конструкции с внутренней субординацией типа:

N + Part.II + N; N + Part.I + N с возможными вариантами Adj. + Part.I + N; Adverb + Part.I + N (pressure-lubricated roller, nitrogen-based colapounds, oil-derived fuel, pendulum-actuated system, power-assisted steering; ignition-improving additives, material-handling capacity, single-acting valves, cetane-rating engines, mud-collecting capacity). Как видим, стяженные причастные обороты расположены, как и в вышеприведенных случаях, в препозиции к имени существительному.

Мы полагаем, что перенос протяженного определения "влево", в препозицию, является в английском языке одним из признаков образования терминов из свободного словосочетания.

Процесс языковой компрессии, "стяжения" термина находит свое графическое выражение в написании через дефис (см. все вышеприведенные примеры). Интересно, что дефис, как правило, появляется именно при удлинении термина (три компонента и более).

Сравните: ignition improver, no: ignition-improver decomposition, axial flow, no: axial-flow combine, range change, no: range-change level.

Можно предположить, что во все более развивающейся тенденции к цельноформленности термина (написанию протяженных терминологических определений через дефис) проявляется борьба с чрезмерным удлинением, с "размыванием" термина. Известно, что в английском языке нет достаточной унификации правил слитного, дефисного и раздельного написания. Следует, однако, отметить, что упомянутый способ словообразования типичен именно для технической терминологии и гораздо реже встречается в других функциональных стилях.

Приведенные наблюдения не являются исчерпывающими, однако позволяют сделать определенные выводы:

1. В терминообразовании проследживается отчетливая тенденция к дескриптивному уточнению однословных междисциплинарных терминов левосторонними атрибутивными конститuentами.

2. Превращение свободного словосочетания в терминологическую единицу характеризуется явлением компрессии, стяжением компонентов сложного по своей семантической и синтаксической структуре определения.

3. Этот процесс выражается: а) в переносе предложных и инфинитивных конструкций атрибутивного характера в препозицию к определяемому слову; б) в свертывании по определенным моделям и переносе в препозицию сложных синтаксических конструкций, включающих союзы и предлоги; в) в написании левосторонних атрибутивных компонентов через дефис.

Наблюдаемые процессы являются продуктивными в разных подязыках. Развитие отраслевых терминологий, языковая реализация новых терминозначений дают эмпирический материал для изучения и описания указанных тенденций. Эта проблема имеет также и прикладное значение, так как она связана с теорией и практикой перевода и с методикой преподавания иностранных языков, особенно в технических вузах.

Список литературы: 1. Чернышова Я.И. Структура языкового знака в языковой коммуникации. - Сб. науч. трудов КПИИЯ им. М. Тореца, 1987, вып. 284. 2. Володина И.И. Специфика терминологической номинации. Вестник МГУ, 1986. - №5. 3. Бородина А.И. О некоторых расхождениях в структуре русских и английских терминов. Тезисы конференции "Научно-техническая терминология и перевод", Челябинск, 1986. 4. Авербух Н.Я. Терминологическая вариантность: теоретический и прикладной аспекты. ВЯ., 1986, № 6.

Т. В. Братусь /Харьков/

НЕКОТОРЫЕ ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АМЕРИКАНСКИХ ДЕТЕКТИВНЫХ РОМАНОВ (на материале произведений Э.Макбейна)

По нашим наблюдениям специфика использования средств комического связана не только с индивидуальностью автора (отбор и частота употребления), но и с типом детектива (традиционный и нетрадиционный), а также с тремя основными типами сыщиков, фигурирующих в этих романах, о чем будет сказано ниже. Поэтому прежде чем перейти к описанию языковых средств комического в романе современного типа (традиционные /классические/ детективы не отличаются большим количеством и разнообразием средств комического, например, произведения Э.По), и обоснованию выбора романов конкретного писателя (Э.Макбейна), остановимся в самом общем виде на этих вопросах.

За всю историю детективного жанра в Америке писатели создали три основных типа сыщика. Появлением первого из них, классического детектива Огюста Дюпена, мы обязаны Эдгару По. Герой Э.По в высшей степени эксцентричен: большую часть времени он проводит в своем разрушающемся жилище, не принимает гостей, избегает дневного света.

Единственное развлечение, которое себе позволяет Дюпен — книги. Это некий сверхчеловек, который очень далек от жизни, и только его невероятная способность к умозаключениям и сила интеллекта, позволяющая ему четко, безошибочно распутывать самые сложные преступления, оправдывают его существование. В отношениях с посторонними людьми и даже с собственным компаньоном он надменен и сух. Полицейские не могут похвастаться аналогичным умением расследовать преступления, т.к. они лишены воображения и подчинены организации, и поэтому они вынуждены искать помощи у интеллектуала Дюпена. Э.По впервые противопоставляет интеллект и индивидуализм частного сыщика и вялость ума и регламентацию полицейских служящих.

Вторым, качественно новым типом сыщика в американской детективной литературной традиции можно считать Ника Картера, который появился на страницах журнальных публикаций в 1886 году, практически одновременно с Шерлоком Холмсом в Великобритании. От классического сыщика его отличает отсутствие надменности, чувства превосходства над окружающими его людьми. У него есть частная сыскная практика, но при этом он постоянно поддерживает связь с полицией. Он относится к полицейским как к коллегам и помогает им по мере сил. Ник Картер более похож на реального человека, таким, как он мог бы стать каждый, будь он немного сильнее и выносливее /1/. В то время Картер был для многих американцев воплощением американской мечты, человеком, который “сделал себя сам”. Ник Картер является также первым городским героем Америки.

В самом начале XX века в период Великой Депрессии происходит смена акцентов в детективе, которая влечет за собой революцию в жанре. В это время на первый план выходит “крутой” сыщик, который вынужден жить в обществе по волчьим законам. Расследование преступлений для “крутого” сыщика — это уже работа, за которую он получает деньги, т.е. работает за гонорар клиента. Подобно классическим сыщикам, он тоже разгадывает тайны и разоблачает преступников, но это ему удается благодаря упорству и непрерывной беготне, путем проб и ошибок, а не за счет почти мистической силы логики /1/. Такой сыщик противостоит беззаконию и насилию в одиночку и должен действовать теми же методами, что и преступник. Порой ему приходится прибегать к насилию — это единственный способ выжить и восстановить справедливость. Жестокость характеризует не только отношение сыщика к насилию, она отражает его реакцию на общество в целом. На самом деле, в душе жесткий сыщик — романтик, т.к. несмотря на то, что он постоянно рискует жизнью в борьбе с преступным миром, он неизменно убежден в том, что в одиночку сможет восстановить порядок в обществе. Такой детектив может служить в полиции, или быть бывшим полицейским, открывшим частное сыскное бюро после выхода в отставку.

Чтобы выжить в этом жестоком мире, не впасть в отчаяние от всего, что происходит вокруг, защитить себя от жестокости и, порой, тупости окружающих, “крутой” сыщик вынужден казаться циником большим, чем он есть на самом деле. Таковы Сэм Спейд Д.Хэмета, Ф.Марлоу Р.Чендлера.

К только что упомянутым детективам-сыщикам можно причислить и Стивена Кареллу Эда Макбейна. Выбор произведений Э.Макбейна объясняется обилием разнообразных стилистических средств выражения комического, которые являются типичными для современных американских детективных романов /2/. Это полицейский детектив, созданный уже после второй Мировой войны, в 50-е годы. Он хороший семьянин, любит свою работу — 87-й полицейский участок, где его окружают коллеги, помогающие ему в нелегком труде, с которыми его связывает дружба. Есть среди них и такие, как, например, детектив Дженоро, который является объектом насмешки из-за своей неудачливости (он был переведен в отдел расследований преступлений, т.к. в одной из операций случайно прострелил себе ногу) и незнание орфографии.

То грубоватый, то чрезвычайно тонкий юмор в романах Макбейна — достоверная деталь существования героев. Сам Макбейн в своих романах говорил так: “Я обычно начинаю с трупа. Потом я спрашиваю себя: почему так получилось? И пытаюсь это объяснить, как это делали бы полицейские. Я очень верю в совпадения, потому что совпадения помогают расследовать реальные преступления. Я буду и впредь смело использовать этот прием, так как не верю в то, что существуют особые правила написания детективных романов. Детек-

тив должен быть достоверным, должен волновать и развлекать читателя" /3/. В романах Макбейна наиболее часто встречаются следующие средства выражения комического:

1. Тривиализация речи, некая фамильярность в общении с адресатом, которая создает эффект разрядки во время длительных описаний происходящих событий в авторской речи. It was a curiosity of police jargon that the 87 th (precinct)... was referred to as the Eight-Seven, and the 93d was referred to as the Nine-Three, but the 101 st was called the Hundred and First rather than the One-Oh-One. Go Figure it /4/.

2. Иронические насмешки в диалогах между коллегами-полицейскими: "I hate stabbings", Monaghan said. "This ain't a stabbing", Monroe said. "No, then what is it? A poisoning? Man's laying there with his throat cut open - what is it, a hanging?" /4/.

3. Ирония в авторской речи при описании американских реалий. In America... nobody ever got anything done unless you called twice. And then followed the second call with a letter... He suspected it had been this way in ancient Rome, just before the barbarian hordes broke through the northern barricades and rode their ponies into the streets. Senators picking up the skirts of their togas, clutching unanswered tablets to their Chests. Secretaries running along behind them, chewing gums, clothes in disarray /4/.

4. Самоирония детектива. He was beginning to discover that he had a very sensitive olfactory mechanism... He wondered how he could put this to good use in the crime detection /4/.

5. Сарказм (как при описании преступника в авторской речи, так и в диалогах между коллегами. He (Carella) was stooping beside the body, looking into the dead woman's face as though trying to read the identity of the murderer there... "All right, you can take her," Carella said. "You dope it out yet?" the attendant asked sarcastically". You figured who done it? /4/.

6. Игра слов, зевгмы в несобственно-прямой речи автора. She wouldn't mind a little nip herself just now... when there was a little nip in the air /4/.

В дальнейшем планируется более подробное изучение произведений американских и британских детективов.

Список литературы: 1. У.Китредж, С.Краузер. Великий американский детектив. Иностранная литература, 1992, № 12.. 2. Сухнева И. Герой — человек, а не робот с полицейским значком. Книжное обозрение, №40, 1995. 3. Mc Bain E. Killer's Payoff, 1988. 4. Mc Bain E. Long Time No See, 1979.

Е. В. Бутенко /Харьков/

АФОРИЗМЫ Э.М.РЕМАРКА: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Предыдущие публикации автора посвящались исследованию стилистического потенциала универсальных фраз/1,2/: были определены основные признаки универсальности и виды связей между универсальными фразами (предложениями абстрактного характера) и конкретными предложениями в тексте. Целью данной работы является анализ функционирования одного из видов УФ-афоризмов в произведениях Э.М.Ремарка. Э.М.Ремарк стоит в одном ряду с такими мастерами афоризма, как Э.Штреттматер, В.Бредель, Г.Фаллада и другими классиками немецкой литературы. Афоризмы Ремарка не только признак стиля, но и идеологическое оружие автора. Они в известной мере раскрывают перед читателем мысль, мировосприятие и мировоззрения автора и его персонажей. Говоря об афористичности речи Ремарка, мы имеем в виду не использование готовых фразеологических единиц и не их варианты, а лишь созданные писателем изречения. Афоризм как словесно-художественное произведение со структурой предложения содержит в себе общезначимый вывод, обобщение, утверждаемое в четкой, лаконичной форме. Творческий характер введения афоризма в речевой поток обусловлен самой природой его семантической структуры, в которой знаковость сосуществует с динамичностью, подвижностью образа. Афоризмы используются Ремарком для индивидуализации речи персонажей, выполняют важные композиционные функции; наконец, они являются концентрированным средством выражения авторских взгля-

дов и идей. Часто тот или иной афоризм употребляется в функции своеобразного зачина для важных с точки зрения автора утверждений. У Ремарка с самого начала проявляются и последовательно утверждаются определенные общественно значимые темы. Они и дают основание называть в качестве ведущих следующие тематические разряды афоризмов: человек и общество; отношение общества к морали (законы, принципы и т.п.); внутренний мир человека; отношение к недостаткам человека (слабости, глупость, необязательность и т.п.). Лексическую основу афоризмов Ремарка составляют общепотребительные слова, но в составе афоризмов они нередко приобретают новый, обобщенный и переносный смысл. Именно обобщенное, часто образно-символическое употребление слов в составе афоризма — яркий пример индивидуального творческого словоупотребления, направленного на создание афоризма. Преимущественно оно употребляется в авторских афоризмах-определениях. В большинстве афоризмов универсальность реализуется посредством неопределенно-личного местоимения *man*. Как правило, это афоризмы, имеющие поучительный смысл, отражающие мировосприятие Ремарка или его героев: *Man muss das Gute nehmen, wie es kommt. Auch wenn man's nicht versteht* (с.21). *Aber man muss verlieren koennen, wie sollte man sonst leben* / 2:30/. Зачастую в своих афоризмах определениях Ремарк стремится дать тонкое истолкование таких понятий, как человек, свобода, деньги и т.н.: *Der Mensch ist ein komisches Wesen* (с.116). *Das Leben ist eine Krankheit und der Tod beginnt schon mit der Geburt* (с.168). Часто Ремарк высмеивает недостатки человека — слабости, привычки, необязательность, глупость и т.п. *Dumm geboren werden ist keine Schande. Nur dumm sterben* (с.80). *Der Mensch ist boese, aber er liebt das Gute — wenn andere das tun* (с.79). Мастерство авторского обобщенно-переносного словоупотребления рассматривается в связи с окружающим контекстом, который нередко помогает определить значение афоризма. Кроме того, в контексте легко проследить переход значения опорных слов от конкретного к обобщенному плану, т.е. проследить путь создания афоризма. В общих чертах процесс рождения афоризма может быть представлен в такой последовательности. Писатель в ходе повествования выбирает отдельные слова, которые могут быть использованы как опорные; это — обычно семантически емкие слова; затем они используются непосредственно в афоризме, причем их смысловое наполнение в новой текстовой ситуации значительно обогащается. Именно в выборе необходимых слов, в умении переключить мысль из конкретного в широкий план, когда одновременно реализуется прямое и переносное значение опорного слова, и проявляется творческое своеобразие и мастерство афоризмов Ремарка в целом. Очень часто эти высказывания рождаются в диалогах героев, когда одно или несколько слов из предыдущей реплики вводятся в афористическую как ее основные лексико-семантические элементы; порой образуются целые сцены, отражающие характеры и их борьбу, показывающие настоящие словесные дуэли: *"Geburtstage druecken maechtig aufs Selbstgefuehl. Besonders fruch-morgens. Er [Robby] wird sich schon wieder erholen"* Lenz kniff die Augen zusammen. *"Je weniger Selbstgefuehl ein Mensch hat, um so mehr ist er wert"*. Robby. *Troestet dich das ein bisschen ?* "Nein," sagte ich, "ganz und gar nicht. Wenn der Mensch erst was wert ist, ist er nur noch sein eigenes Denkmal. Das finde ich anstrengend und langweilig" (с.24).

В диалогах можно выявить следующую закономерность употребления:

1. Употребление УФ по какому-либо поводу без дальнейшего ответа на него со стороны оппонента.

2. Употребление УФ, направленных на критику всеобщих взаимоотношений, но не требующих ответа. При критике используются различные стилистические средства, как парадокс, ирония, комические тропы и фигуры).

3. УФ — ответ — развитие УФ — развитие темы, иногда с употреблением УФ (симметричная структура) или УФ — ответ — развитие.

4. УФ — без последующего развития темы или ответа (асимметричная структура).

Характерными приемами являются: повторение в структуре всего текста или в близком соседстве афористического определения одного и того же понятия, они могут определять его с разных сторон или, в зависимости от точки зрения автора, противоречить друг другу: *Geld macht zwar nicht gluecklich, aber es beruhigt ausserordentlich* (с.178). *Geld ist gemuenzte Freiheit. Und Freiheit ist Leben* (с.213). *Geld foerdert also die Ideale* (с.213). На-

блюдення над тематически і структурно однородними групами афоризмів дозволяють виділити наступні продуктивні конструкції:

1. Прості двусоставні речення з іменними сказуєми, подлежаще виражено іменником: *Das beste Mittel gegen das Gesetz ist naemlich Freiheit* (с.90).
2. Прості двусоставні речення з "подхватом" подлежащего: *Traenen und Lachen — alles wechselt schnell* (с.180).
3. Прості речення з отрицательним сравнением: *Pietaet ist nichts als Schuldbe-wusstsein* (с.79).
4. Афоризми-определения з предикативно-вираженою определяющей частию: *Freiheit ist kostbarer als Liebe* (с.167).

5. Сложні сопоставительні речення з союзом "je-um so": *Je ruhiger man sich haelt, um so besser kann man helfen* (с.81).

6. Сложні речення з соотнесительними союзними словами "der-wer", "das-was" і т.п. близькі по структурі народним прислів'ям: *Nur wer dumm ist, siegt im Leben* (с.81).

Як видно з наведених прикладів, вони є нетривіальними або парадоксальними судженнями. Статусно-оцінне значення УФ неоднорідно. З однієї сторони, виділяються афоризми з явно вираженим дидактичним змістом, який носить характер предписань і поведінчеських норм. З другої сторони, виділяються афоризми, зміст яких складається в тому, щоб оправдатися або оправдати когось-будь. Висказування першого типу випливають із ситуацій, коли хтось учи провинившихся або потрапивших в неприємності людей. Право поучати обґрунтовується досвідом, соціальним або ситуативним положенням. Дидактичеські афоризми містять правила поведінки як етичеського, так і утилітарного плану. Афоризми другого типу відображають більш складну ситуацію. Хтось заперечує критику, намагається довести, що не все залежить від людини, що неприємності трапляються, що краще — ворог хорошого і т.д. Репліка оправдовуємого принципово вторинна, хоча це не означає, що він повинен відповісти афоризмом на афоризм. Тактика речевого поведінки може бути різною. Описані вище особливості УФ Ремарка дають певне уявлення про майстерство його афористичеського стилю. В подальшому отримані дані передбачається розширити і сопоставити з УФ інших неафористичеських типів.

Список літератури: 1. Стилістичеський потенціал універсальних фраз//Вісник ХГУ, 1996, С.34-36; "Універсальні фрази в німецькомовних текстах". Матеріали наукової конференції, ХГУ, 1996; 2. Е.М.Ремарк "Drei Kameraden", М.,1961.

Л. О. Бикова, д-р філол. наук,

Н. І. Сукаленко, д-р філол. наук /Харків/

БАЗИСНІ МЕТАФОРИ ТА СТІЙКІ ПОРІВНЯННЯ ЯК ВАЖЛИВИЙ ЕЛЕМЕНТ МОВНОЇ КАРТИНИ СВІТУ

Останнім часом переживає справжній ренесанс вивчення мовних картин світу різних типів свідомості — повсякденної, художньої, наукової.

У сучасній науці вже не викликає сумнівів пріоритет чуттєвої діяльності у формуванні свідомості, переважає чуттєвий елемент в універсальній практиці людини /3:69; 5:56/.

Специфіка національних картин світу у першу чергу базується на своєрідності емпіричного і символічного всесвіту різних народів. Якщо до першої належать природні і кліматичні умови, типова господарська діяльність, то діапазон другої складають фольклор, міфологія, художня література, мистецтво, культурні автоматизми. Інакше кажучи, розбіжність національних картин світу перш за все впливає із розбіжності культурних всесвітів.

Фіксація культурних відмінностей в значній мірі здійснюється за допомогою мовних знаків, серед яких головну роль відіграють стійкі порівняння й базисні метафори.

Порівняння як головний метод всіх різновидів свідомості, безумовно, найбільш матеріально, зримо виявляє свій диктат у разі зіткнення культур, виводячи на раціональний рівень усвідомлення таку національну специфіку, яка всередині культури сприймається її носіями як двійник світу /6:46/. "Культура, — зазначає В.М.Топоров, — завжди апелює до

порівняння, зіставлення... Порівняння того та цього, свого та чужого становить одну із праць культури" /8:8/.

У базисних метафорах і стійких порівняннях останнім часом побачили ключ до порозуміння національно-специфічного й одночасно універсального образу світу (див. колективну монографію "Категорія кохання в сучасних європейських мовних" за редакцією В.В.Акуленко /4/, праці Ю.Д.Апресяна, Н.Д.Аругюнової, Г.Вержицької, В.Г.Гака, Г.Д.Гачева, Ю.С.Степанова, В.М.Телія, Т.З.Черданцевої та інших).

Серед метафор і стійких порівнянь найбільш істотними виявляються ті, що утворюють портрет людини: вони безпосередньо пов'язані з чуттєвою діяльністю людини.

Як ілюстративний матеріал використовуються поетичні портретні метафори Близького та Далекого Сходу, а також українські та російські фольклорно-поетичні метафори. Такий вибір матеріалу обумовлено принципово різними поетичними картинками світу цих регіонів. Світ Близького Сходу неначе намальовано густими олійними фарбами, йому притаманна щедра декоративність з підвищеною увагою до людської плоти. Він обдає пряними ароматами нарисів, жасмину, мускусу, засліплює блиском золота, брильянтів, топазів, рубінів. Йому протистоїть акварельно-ніжний і стриманий світ Далекого Сходу, в якому поезія природи настільки тісно переплітається з образом людини, що без спеціального коментаря перекладачів і укладачів поетичних збірок його символіка зовсім незрозуміла іноземному читачеві.

Між цими двома полюсами знаходиться слов'янський ареал. З одного боку, його світ, подібно до далекосхідного, скромний, цнотливий, не дуже яскравий; з другого боку, в ньому відсутня принципова установка на недогворенність. Квіти, дерева, трави не стільки арсенал живих фарб для портрета, скільки відбиття традиційної образності, забобонів. Специфіка поетичного портрета Близького Сходу полягає в занадто роздільній його деталізації порівняно до двох зазначених ареалів. Наприклад, об'єктом захоплення бувають не тільки традиційні для європейської культури очі, брови, ніс, губи, але й пушок над губами, повіки та зіниці очей, зіниці у багатьох арабських поетів постійно порівнюються з алмазами, перлами.

Східна поезія з її підвищеною почуттєвістю, звичайно, не могла залишити без уваги жіночу груди, традиційно порівнюючи її з виноградом, гранатами і т.ін. В якійсь мірі шокованим для європейських уявлень об'єктом вихвалення є слина з її цілющими якостями й надзвичайно приємним ароматом. Поетичне зображення очей в європейській поезії невід'ємне від зазначення кольору квітів, плодів: очі волошкові, фіалкові, бузкові, горіхові і т.ін. Пор. також невід'ємність від кольору улюблених реалій-символів в європейському фольклорі: червона калина, біла береза, зелений дуб. Саме тому можлива в поезії Близького Сходу заміна кольору реалії на діаметрально протилежний (наприклад, очі порівнюються з чорними нарисами) відразу помічається європейцями як щось відмінне від системи їх естетичних поглядів.

Ієрархія природи і людини при змалюванні зовнішності — істотний момент національно-культурної картини світу. В поезії Близького Сходу краса коханої стоїть понад красою сонця та місяця. Пальма, самшит, кипарис, тюльпан або соромляться, ревнують, сохнуть, не витримавши порівняння з коханою, або жертвують собою в ім'я краси коханої.

Якісно іншу парадигму стосунків природи й людини становить поетичний світ Далекого Сходу. Поезія гір і вод — це, звичайно, поезія не тільки про природу, але й про людину. Людські почуття неначе зашифровані в природних символах. Зовнішній портрет людини майже відсутній.

В слов'янському ареалі головну роль при змалюванні портрета відіграє колір. Головні компоненти українського національного портрета — чорні брови і карі очі, причому колір бровей, мабуть, важливіше; постійні епітети чорнобровий, чорноброва, а також іменник чорнобривка в українських народних піснях, в творчості глибоко національного поета Т.Г.Шевченка часто-густо вживається для номінації коханого і коханої.

Трави, квіти, ягоди не стільки беруть безпосередню участь у змалюванні портрета, скільки відіграють роль охоронців вікових традицій. Вони активно супроводжують людину в різноманітних ритуалах.

Символічні дії з рослинами пов'язані з найважливішими віхами в житті людини: порубана тополя або калина асоціюється з заручинами або одруженням дівчини, поникла, зів'яла рута — з втратою дівочтва.

Природа не ревнє, не сердиться, не відступає перед красою коханців, як у поезії Близького Сходу, а утворює ту неповторну національну ліричну атмосферу, на фоні якої зароджується почуття. Так, зелений гай, соловейко — постійні учасники любовного побачення.

Конче потрібно підкреслити імперативний характер підсвідомості, до рівня якого належить формування мовної картини світу і зокрема — базисних метафор і стійких порівнянь. Зазначена імперативність підсвідомості підтверджується нейрофізіологічними дослідженнями. Наприклад, фахівці відзначають цілковиту залежність інтерпретації зорової інформації не тільки безпосередньо від зорового сприйняття, але й від використання мозком минулого досвіду. Істотну частину минулого досвіду мозку становить запис реакції організму на навколишній світ.

Звідси стає зрозумілим наш майже хімічний за влучним висловом Ф.М.Достоевського, зв'язок з реаліями звичайного оточення. Степи України з полином, очеретом, тополею, явором, дозами; безмежні простори Росії, її берези, горобина, калина; японська вишня сакура, китайська слива мейхуа тощо — одвічні координати фольклору, художньої літератури цих народів.

Цікомо можливо, що глобальний всеосяжний ефір культури, який неначе оповиває всіх членів суспільства, ґрунтується на безумовному рефлексі, наприклад, М.М.Амосов називає серед природжених почуттів людини симпатії до родичів і антипатії до чужих /1:60/.

Різке неприйняття чужої культури може супроводжуватись примітивним, "утробним" сміхом, як зазначив відомий психолог П.В.Симонов /7:11/.

Приклади саме такого сміху наводить японістка Лідія Громковська у книзі "Сто первый взгляд на Японию". Так, згадуючи свої студентські роки у Ленінградському університеті, вона звертає увагу на іронічне ставлення студентів до такого витонченого поетичного до японеців символу, як квітка редьки. Цей приклад переконливо доводить "рефлекторний", ірраціональний характер сприйняття чужої культури, особливо у випадках різкої розбіжності із власною. Відомо, що для людини, вихованої в системі світоглядних координат буддизму, квітка редьки або суріпка не менш приваблива, ніж троянда або хризантема, тому що не існує ієрархії серед видів рослин природи. Зовсім інший характер мають в російській культурі стійкі асоціації, пов'язані з редькою; вони надзвичайно далекі від категорії високої естетики, тому що обмежуються виключно побутовою сферою спілкування: пор., наприклад, надоел хуже горькой редьки, хрен редьки не слаще. Цікаво, що свідомість фахівців теж не позбавлена впливу соціокультурних автоматизмів. Так, наприклад, Л.С.Бархударов називає звичай японців пов'язувати свято хлопчиків з рибою-коропом дивовижним (зрозуміло, з погляду російської образної свідомості — Н.С.), пояснюючи далі, що саме короп за старовинними повір'ями вважається символом мужності й відваги /2:12/. Але нічого "дивовижного" у цьому символі немає для культурного ареалу Далекого Сходу. Він пронизує все життя японців, китайців. У Японії на свято хлопчиків розвішують полотняних коропів, червоні ліхтарі та малюнки, що зображають здорову усмінену дитину із золотим коропом у руках — постійні декоративні атрибути китайської весільної церемонії. До речі, символіка мужності закорінена і в емпіричній дійсності: короп, на відміну від багатьох риб, не боїться плисти проти течії. Отже, ірраціональне не тільки сприйняття власної культурної картини світу, але й картин світу інших культур.

Експлікація умовності образної картини відбувається перш за все у випадку міжмовної автономії, точніше, полярної розбіжності емотивно-оціночної модальності: наприклад, жаба в українських колективних уявленнях пов'язана перш за все з бридкою зовнішністю, англ. toad скоріше характеризує внутрішні якості ("погана людина", "гадина"); нарешті zabka в чеській вживається як комплімент щодо дівочої та жіночої вроди.

Цікаво, що логіка мовної картини світу побутового спілкування, зокрема його чуттєво-емоційної сфери, базується на тих самих принципах, що й художньо-естетичний аспект пізнання дійсності. Так, аналізуючи стійкі народні порівняння /9/, що вживаються у побутовому спілкуванні, можна відзначити таке саме примхливе поєднання "правди" і "неправди", раціонального та ірраціонального при зображенні об'єктивної дійсності. У цій картині світу предмети, тварини, рослини наділяються такими властивостями, які не можуть їм належати згідно з законами об'єктивної дійсності. Пор.: дурний як веретено, дурний як кіл у плоті, дурний як

підшва, дурний як вішня, розмірковує як доросле поросля, цікавий як попове поросля, дурний як фасоль, безтурботний як травиночка. Народ немов грає своєю уявою, зображаючи та прикрашаючи тварин, птахів, щоб негативно поцінити зовнішність людини, її одягу: гарно як свині в намісті, виступає як чапля в пантофлях, вирядилася як свиня в наритники, хороше як свиці в коралях. "Неправда" об'єктивної дійсності, висловлена за допомогою метафор та стійких порівнянь, може підсилюватись певними модифікаторами: дурний як сто пудів диму, дурний як сто свиней, дурний як миколаївський чобіт, дурний як сосновий пеня, дурний як пеня осиковий. Парадокс полягає в тому, що відповідно до логіки об'єктивної дійсності дим, чобіт, пеня не можуть бути ані розумними, ані дурними. А модифікатори ще збільшують абсурдність ситуації: чому саме сосновий, осиковий пеня, миколаївський чобіт відрізняються особливою дурістю; тимчасом як міра емоційного відношення, що стоїть поза логікою, підсилюється модифікаторами. Оскільки метафори та стійкі порівняння можуть містити певний ігровий елемент, то цілком можлива є варіативність членів стійких порівнянь: розбирається як баран в апельсинах, розбирається як свиня в апельсинах, розбирається як свиня в ананасах, допався як віл до браги, причепився як свиня до браги, дивиться як баран на нові ворота, дивиться як віл на нові ворота, дивиться як теля на нові ворота, дивиться як пап на нові ворота. Ті ж ігрові елементи й ті ж варіативні заміни ми спостерігаємо у студентських жаргонах: пор. це й коню (жакові) зрозуміло.

Людська уява пристосовує сценарій власної поведінки до птахів і тварин: весела як пташка, говорить наче пташка щебече — "безтурботно, весело говорить". Очевидно, основою цих порівнянь став антропометричний сценарій: людина співає, коли вона має добрий настрій, коли їй весело.

Логічна несумісність об'єктів, поданих як сумісні, — одна з головних рис художнього аспекту побутової свідомості: добра як з курки молока, а з верби петрушки; добра як з козла молока, держиться як пісок на вилах, правда як на вербі груші, як з свині вовни. У деяких випадках зазначена несумісність об'єктів, дій може охоплювати тільки найтиповіші схематичні ситуації, не звертаючи уваги на винятки: як з собаки вовни.

Список літератури: 1. Амосов Н.М. Мое мировоззрение // Вопросы философии. - 1992. - № 6. - С.50-74. 2. Бархударов Л.С. К вопросу о типах межъязыковых лексических соответствий (на материале английского и русского языков) // Иностранные языки в школе, 1980, № 5. - С.10-17. 3. Дельгадо Х. Мозг и сознание. - М., 1971. 4. Категория количества в современных европейских языках. Под ред. В.В.Акуленко. - Киев: Наукова думка, 1990. 5. Ойзерман Т.И. Сенсуалистическая гносеология и действительный научно-исследовательский поиск // Вопросы философии. - 1994. - № 6. - С.55-63. 6. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. - М.: Наука, 1988. - С.8-69. 7. Симонов П.В. Мозг и творчество // Вопросы философии. - 1992. - № 11. - С.3-24. 8. Топоров В.Н. Пространство культуры и встречи в нем // Восток - Запад. Исследование, переводы, публикации. - Вып. 4. - М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. - С.6-18. 9. Юрченко О.С., Івченко А.О. Словник стійких народних порівнянь. Харків, 1993.

М. С. Веденькова, докт. філол. наук /Днепропетровск/

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПОТЕНЦИИ ОТГЛАГОЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Производные слова отличаются прежде всего тем, что на их семантику оказывает влияние каждый из составляемых компонентов, производящей основы и аффиксов. Деривации обладают своей особой деривационной морфологией, проявляют специфику в большом и малом синтаксисе /7-9/.

Отглагольные прилагательные немецкого языка с суффиксом "-bar", широко употребляемые в научно-технической и художественной литературе, также выявляют ряд специфических черт при семантико-морфологическом и семантико-синтаксическом анализе.

В настоящей работе делается попытка осветить некоторые вопросы, связанные с семантикой указанных адвербатов и с их употреблением в предложении, где, как нам представляется, намечается определенная тенденция к совмещению аргументов, контактирования.

Вслед за Е.С.Кубряковой мы полагаем, что учет диахронических данных при определении словообразовательного значения не исключается, эти данные оказываются релевантными при изучении семантики производных слов /7:207/. Суффикс *“-bar”* у отглагольных прилагательных сохраняет первоначальное значение *“несущий”, “несомый”* в несколько модифицированном виде — *“присущий”, “свойственный”* (Ср. /8:68/).

С древних времен этот суффикс являлся формантом, с помощью которого определялось место дериватов в системе частей речи, их относили к прилагательным. Лексема переходного глагола именует транспонированный предикативный признак, она участвует также в сохранении и выражении таких грамматических значений, как пассивность и модальность. Производящая основа определяет и связь транспонированного слова с семантическими падежами, а словоформа с отрицанием в виде префикса *“un-”* указывает на отсутствие признака, обозначающего отглагольным прилагательными. Мы полностью солидарны с мнением тех ученых, которые считают, что значение словообразовательной модели есть *“результат сплетения двух сочетающихся величин”* /7:221/.

Прилагательное, производное от переходного глагола, соотносимо с ним: *greifen - greifbar, vergleichen - vergleichbar, wahrnehmen - wahrnehmbar* u.s.w. Однако прилагательные обозначают *окачествленное* действие или состояние или *окачествленный* процесс. Присоединение к модели префикса *“un-”* не изменяет залогового статуса формы, значение пассивности сохраняется. Отрицание касается наличия/отсутствия возможности проявления признака, выражаемого с помощью адвербата. Другими словами, модификация касается только модального семантического компонента модели (*hörbar - unhörbar, sichtbar - unsichtbar*). Отрицание *“nicht”* встречается крайне редко, как правило, с предикативом: *Das ist nicht vergleichbar* (Kipphardt, 17). Еще реже это отрицание можно встретить перед прилагательным в функции определения: *...fast nicht sichtbare schmale Augen* (Kipphardt, 30). В описываемой ситуации употребление словосочетания *“unsichtbare Augen”* противоречило бы здравому смыслу. Сравним: *Der alte Mann sah ihm nach und sagte in seiner unhörbaren Art...* (Werner, 14).

Частотность употребления прилагательных с *“un-”* почти такая же, как и без отрицания (57%-63%). Представляется, что объяснение такому широкому применению модели с *“un-”* следует искать в смысле деривата, в котором зачастую заключена не отрицательная, а положительная характеристика. Приведем примеры:

... wie ein uersetzbarer Meister (Bodmershof, 172).

... wie aus einer unausschöpfbaren Quelle (ebenda, 156).

Отрицание *“nicht”* (в 5% случаев от всего корпуса примеров) употребляется в конструкциях *sein + прилагательное* в функции предикатива: *Die Wasserbombe ist herstellbar* (Kipphardt, 80).

Один из исследователей немецких отглагольных прилагательных с суффиксом *“-bar”*, В.К.Гречко справедливо отмечает, что в них качественный признак пересекается с процессуальным и динамическим и что они способны выражать потенциальную возможность /3:172-174/.

Наш анализ, проведенный на материале текстов художественной литературы показал, что для деривационной модели избираются основы глаголов, обозначающие ментальную деятельность, мыслительную, процесс говорения, чувства: *denken, sehen, voraussehen, hören, vergleichen, wahrnehmen, erkennen, bemerken, spüren, erzählen, ansprechen, definieren* (75% всех случаев употребления). Среди прочих глаголов выделяются две наиболее крупные семантические группы, они связаны с выражением идеи движения: *gehen, befahren, wenden, erreichen, durchführen* и с выражением передвижения предметов кем-либо: *greifen, ersetzen, antasten, belasten, aufschieben, verrücken*, а также с выражением идеи что-либо делать, изготавливать в широком смысле слова: *herstellen, machen*. Такие глаголы, как *fassen, erschöpfen, lösen*, чаще всего употребляются в переносном значении: *eine unfassbare Hartnäckigkeit* (Riedler, 90).

Окачествление динамического, процессуального признака, заложенного в основе глагола, настолько сближает деривационную модель с прилагательным, что они нередко сопро-

вождаются оценочными словами, наречиями и прилагательными: *schwer entwirrbar, kaum sichtbar, stärker spürbar, fast unhörbar, gleich billig herstellbar*. В качестве оценочно-усилительного средства выступает и местоимение "alle": *mit aller verfügbaren Kraft* (Riedler, 17); *mit aller scheinbar gebotenen Schärfe* (ebenda, 77).

Сравнительная степень деривата однозначно выявляет категориальный статус слова, его принадлежность к части речи "прилагательное" — *unberechenbarer werden* (Riedler, 55).

Рассмотрим синтаксические потенции данной деривационной модели. Как и всякое прилагательное, оно способно выступать в качестве определения: *eine fühlbare Wärme* (Bodmershof, 138); в качестве слова-усилителя перед другим прилагательным: *unantastbar moralisch* (Kipphardt, 42); в качестве именной части сказуемого: *Eine Änderung ist denkbar* (Bodmershof, 100); в качестве обстоятельства: *Die Steppe stand unverrückbar und wartete* (Riedler, 60); в качестве предикативного определения, в том числе и обособленно: *Beamte sassen hinter Schaltern, hinter Gittern, unerreichbar, geschützt von der Welt* (Roth, 98); в качестве распространенного определения: *... die zum größten Teil überhaupt nicht anspruchbaren Menschen* (Riedler, 23).

Если дериват функционирует как предикатив, то кроме обычных связочных глаголов *sein, werden, bleiben, scheinen* могут выступать глаголы *machen* и *sich machen*: *Jetzt war diese Glüt spürbar* (Bodmershof, 197).

...bleiben nur die Augen erkennbar (ebenda, 60).

...machte sich die Spannung sichtbar (ebenda, 190).

У связочных глаголов, как известно, собственное лексическое значение стирается, блекнет, зато прилагательное с суффиксом "-bar" концентрирует в себе всю лексематическую информацию и ряд грамматических значений: модус, залог, негативность. Кроме того, деривационная основа влияет и на валентностные характеристики слова: *Ich bin Ihnen dankbar* (Bodmershof, 85).

...und machte sie einem einzigen Zweck nur dienstbar: der militärischen Strammheit (Roth, 57).

...ist unvereinbar mit den Interessen des Landes (Kipphardt, 142).

В предложениях с подобными прилагательными могут быть включены:

— указание на место или направление действия, значение которого отражено в семантике глагола:

...die überall gleich leicht und gleich billig herstellbare Kernenergie (Kipphardt, 146).

— указание на агенса:

...Sturm, der stieß und nachließ unbeeinflussbar von den Menschen (Bodmershof, 105).

— указание на бенефицианта:

Die Schwüle ... ist für euch unvorstellbar (Riedler, 35).

— указание на дополнение-инструменталис:

... als die Super durch neue Ideen machbar schien... (Kipphardt, 139).

Приведенные примеры наглядно демонстрируют семантико-синтаксические потенции деривационной модели. Во всех случаях (исключение представляют предикативы) деривационные модели не утрачивают своей "глагольности" и выступают как выразители второй степени, подчиненной предикации, включенной в базовую структуру. Здесь можно говорить о контаминации, совмещении семантем, например, аргументов /1:59-60/. Исследователи называют это явление скрытой, латентной предикацией /6:107/. Ранее нами уже высказывалась мысль о совмещении, диффузии непредикатных знаков, аргументов, наблюдаемых в случаях выражения предикативных признаков не глаголом-сказуемым, а, например, предикативным определением /2:62/.

Рассмотрим пример: *Ein Ziegenpfad, kaum gangbar, wand sich eine kleine Schlucht steil hinab* (Bodmershof, 187). В приведенном примере дериват выступает как обособленное определение, наделенное признаками предикативности. Здесь наблюдается совмещение, контаминация двух аргументов — элементива и объектива. Контаминация ведет к созданию полипредикативности.

Что касается случаев функционирования отлагательного прилагательного в качестве предикатива, то в этих конструкциях, как и в случае распространенного определения, со всей очевидностью проявляется тенденция к построению рамки, явления специфического и характерного для синтаксиса немецкого языка: *Sie sind ... kaum messbar* (Werner, 110).

Структурно и функционально подобные двухкомпонентные конструкции напоминают фразеологизированные предикаты, так называемые *Streckformen* (Schendels E., 282-283; Jung W., 33), но если фразеологизированные предикаты являются эквивалентами полнозначных глаголов, то у конструкций с дериватами мы находим ограниченное число глаголов-связок и весьма обширный инвентарь переходных глаголов, способных к деривации и транспонированию.

В некоторых случаях такое именное сказуемое употребляется в безличных оборотах типа: *Das sei doch undenkbar, ob...* (Bodmershof, 20); *Es war denkbar, dass...* (ebenda, 236).

Подобные обороты служат вводом, частью, за которой следует главное содержание высказывания, хотя эта главная информация представлена в зависимой части, в придаточном предложении.

Итак, семантико-морфологический анализ немецких отглагольных прилагательных с суффиксом *“-bar”* показал, что на значение словообразовательной модели оказывает влияние и значение основообразующего компонента, и значение суффикса.

Семантико-синтаксический уровень анализа выявил, что дериваты эксплицируют в той или иной мере свойства и характеристики, которые они заимствуют у двух частей речи, у глагола и прилагательного.

Синтаксические потенции деривационной модели отражают такие тенденции в развитии немецкого синтаксиса, как сохранение рамочной конструкции и выражение полипредикативности с помощью контаминации аргументных семантем.

Список литературы: 1. Веденькова М.С. Немские прилагательные с суффиксом *“-bar”* как средство выражения вторичной предикации // *Нові підходи до філології у вищій школі*. - Мелітополь, 1996. - С.59-60. 2. Веденькова М.С., Приходько А.Н. Предикативное определение в немецком языке // *Уч. пособие*. - Запорожье, 1992. - С.62-77. 3. Гречко В.К. Конструкции со значением возможности в немецкой научной речи (на материале технических текстов) // *Научная литература. Язык. Стил. Жанры*. - М., 1985. - С.172-174. 4. Jung W. *Grammatik der deutschen Sprache*. - Leipzig, 1966. - S.35. 5. Кривуля В.А. Способы выражения директивности в немецком научно-техническом тексте: Дисс... канд. филол. наук. - Одесса, 1994. - С.65-67. 6. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. - М., - С.99, 107. 7. Кубрякова Е.С., Харитончик З.А. О словообразовательном значении и описании смысловой структуры производных суффиксального типа // *Принципы и методы семантических исследований*. - М., 1976. - С.204, 207, 212-231. 8. Paul H. *Deutsches Wörterbuch*. - Halle/Saale: VEB Max Niemeyer Verlag, 1959. - S.68. 9. Schendels E. *Deutsche Grammatik. Morphologie. Syntax. Text*. - Moskau: Vyssaja skola, 1979. S.282-283.

Е. Н. Вереzub /Харьков/

РОЛЬ ПАМЯТИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Данная работа посвящена изучению условий эффективного использования памяти учащихся при изучении иностранного языка.

В основу исследования положена гипотеза об ориентации памяти на будущее /2/, согласно которой при запоминании человек отбирает материал и сохраняет в памяти то, что ему пригодится в будущем.

Целью исследования было выявление продуктивности произвольного и произвольного запоминания иноязычного материала в различных возрастных, а также различных по количественному составу группах учащихся; определение продуктивности запоминания при дополнительной установке — ориентации на работу с этим материалом в будущем.

Для определения оптимальных условий запоминания нами был проведен пилотный эксперимент.

В качестве экспериментального материала для его проведения были выбраны диалогические и монологические тексты.

Эксперимент проводился в двух возрастных группах — 10-11 лет и 13-14 лет при индивидуальной работе с учащимися, в группах из 4 и 12 человек.

Таблица 1.

Воспроизведение текста и диалога учащимися 10 - 11 лет (13 - 14 лет)

			Параметры оценки воспроизведенного текста (в смысловых единицах)		Параметры оценки воспроизведенного диалога (в смысловых единицах)	
Группа	Запоминание		ТОЧНОСТЬ			
			вербальная всего 38 ед. (всего 62 ед.)	семантическая всего 21 ед. (всего 28 ед.)	вербальная всего 28 ед. (всего 32 ед.)	семантическая всего 20 ед. (всего 31 ед.)
индивид	произ- вольное	без ориентации на будущее	25.0 /48.25/	14.25 /20.0/	17.75 /21.75/	13.25 /22.0/
		с ориентацией на будущее	25.75 /50.0/	14.75 /22.25/	17.25 /20.75/	13.0 /22.25/
	непроиз- вольное	без ориентации на будущее	23.0 /42.25/	12.0 /18.75/	16.25 /18.25/	12.25 /17.0/
		с ориентацией на будущее	22.75 /44.0/	12.25 /18.0/	15.75 /17.75/	11.75 /18.0/
4 чело- века	произ- вольное	без ориентации на будущее	16.25 /45.25/	9.25 /18.0/	17.25 /23.0/	13.75 /25.0/
		с ориентацией на будущее	15.25 /47.25/	9.0 /19.0/	18.0 /23.75/	14.5 /26.25/
	непроиз- вольное	без ориентации на будущее	25.25 /40.25/	13.0 /15.25/	17.0 /20.0/	13.25 /25.0/
		с ориентацией на будущее	26.0 /42.0/	14.0 /14.75/	18.25 /21.25/	14.25 /25.25/
12 чело- век	произ- вольное	без ориентации на будущее	19.25 /30.0/	11.25 /12.25/	15.0 /17.75/	10.25 /15.0/
		с ориентацией на будущее	18.75 /32.25/	11.0 /11.75/	14.75 /17.0/	9.25 /15.25/
	непроиз- вольное	без ориентации на будущее	14.75 /24.75/	8.25 /10.25/	12.0 /15.0/	9.0 /12.25/
		с ориентацией на будущее	14.0 /23.25/	8.0 /11.75/	13.0 /15.25/	9.25 /12.75/

Таблица 2.

Сравнение значимых средних вербальных и семантических значений

Группа	Первая возрастная группа — 10-11 лет				Вторая возрастная группа — 13-14 лет			
	ТЕКСТ		ДИАЛОГ		ТЕКСТ		ДИАЛОГ	
	ТОЧНОСТЬ				ТОЧНОСТЬ			
	Вербальн.	Семантич.	Вербальн.	Семантич.	Вербальн.	Семантич.	Вербальн.	Семантич.
Индивидуальное	ПБ>НБ ПО>НО ПБ>НО	ПО>НБ ПО>НО	ПБ>ПО ПБ>НБ ПБ>НО	Значимых различий нет	ПО>НБ ПО>НО	ПО>НБ ПО>НО	ПБ>НБ ПБ>НО ПО>НБ ПО>НО	ПБ>НБ ПБ>НО ПО>НБ ПО>НО
4 человека	НБ>ПБ НО>ПБ НБ>ПО НО>ПО	НБ>ПБ НО>ПБ НБ>ПО НО>ПО	ПО>НБ	ПО>НБ НО>НБ	ПО>НБ ПО>НО	ПБ>НО ПО>НО	ПО>НБ	Значимых различий нет
12 человек	ПБ>НБ ПБ>НО ПО>НБ ПО>НО	ПБ>НБ ПБ>НО ПО>НБ ПО>НО	ПБ>НБ ПБ>НО	ПБ>НБ ПБ>НО ПБ>НО	ПБ>НО ПО>НБ ПО>НО	ПБ>НБ НО>НБ	ПБ>НБ ПБ>НО ПО>НБ ПО>НО	ПБ>НБ ПБ>НО ПО>НБ ПО>НО

ПБ — произвольное запоминание без ориентации на будущее; ПО — произвольное запоминание с ориентацией на будущее;
 НБ — произвольное запоминание без ориентации на будущее; НО — произвольное запоминание с ориентацией на будущее.

Произвольное и произвольное запоминание изучалось в условиях одинаковых способов работы над материалом для всех групп: чтение текста (диалога) учащимися про себя, выполнение заданий (ответы на вопросы по тексту и так далее), предложенных экспериментатором и направленных на лучшее усвоение материала, повторное чтение текста (диалога) про себя.

При анализе воспроизведения текста учитывалась вербальная и семантическая точность (табл. 1). Под вербальной точностью мы понимали количество воспроизведенных лексических единиц (существительных, прилагательных и смысловых глаголов). Для определения семантической точности использовался метод разбивки текста на смысловые единицы /1/.

Полученные данные были обработаны с помощью методов математической статистики. Значимость средних вербальных и семантических значений определялась по t -критерию Стьюдента при $\alpha = 0,05$.

Результаты эксперимента в первой возрастной группе 10-11 лет (таб. 2) показывают, что при индивидуальной работе и в группе из 12 человек наилучшие показатели значимых различий имеются при произвольном запоминании как текста, так и диалога. Условием высокой продуктивности произвольного запоминания здесь является возможность осуществления процесса понимания в качестве не самостоятельного, а подчиненного задаче запомнить. В группе из 4 человек показатели произвольного запоминания выше произвольного при работе с текстом, а при работе с диалогом произвольное запоминание с дополнительной установкой — "ориентация на будущее" более высокое по сравнению с произвольным запоминанием без соответствующей установки. Такие различия в запоминании возникли потому, что при работе с текстом активность учащихся была направлена не на общение друг с другом, а на понимание текста. Освоение этого материала требовало активных развернутых процессов понимания. При работе с диалогом дети были увлечены самим процессом общения, а овладение предложенным материалом отодвигалось на второй план. Поэтому установка на запоминание активизировала осмысление текста и привела к более точному и полному его запоминанию.

Как только с возрастом произвольное запоминание достигает высоких и устойчивых показателей, произвольное запоминание значительно превосходит произвольное. Такие результаты наблюдаются во второй возрастной группе 13-14 лет (таб. 2). Понимание текста и диалога учащимися старших классов не требовало от них специальных усилий, не совместимых с усилиями, направленными на запоминание. Понимание могло осуществляться внутри мнемической задачи, как подчиненная ей, как способ запоминания. В этих же условиях произвольное запоминание является наиболее продуктивным.

Таким образом, для получения наиболее эффективных результатов, учебная деятельность должна организовываться с учетом закономерностей памяти и процессов запоминания, а также оптимального подбора групп при работе с материалом в различных возрастных категориях.

Список литературы: 1. Зинченко П.И. Произвольное запоминание. Изд. Акад. пед. наук РСФСР. М., 1961. 2. Серeda Г.К. Теоретическая модель памяти как механизма системной организации индивидуального опыта. - Вестник Харьк. гос. ун-та, № 253. Психология деятельности и познавательных процессов. - Харьков, 1984. - С.10-18.

Н. А. Винниченко, канд. психол. наук /Харьков/

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ИЗМЕНЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Объектом рассмотрения является изменение лингвистических показателей у студентов, обучающихся английскому языку по экспериментальному проблемно-коммуникативному курсу (ПКК).

Представленные ранее разработка концептуальной модели нетрадиционного обучения /2/, методических аспектов /3/ и материалов самого ПКК /4/ позволяют нам не останавли-

ваться на перечисленных моментах, а изложить факторы, повлиявшие, на наш взгляд, на улучшение лингвистических характеристик обучаемых. В качестве таковых были взяты пополнение лексического запаса, овладение грамматическими структурами, способность понимать текстовый материал, умение воспринимать информацию на слух и рассказать об услышанном, навыки говорения.

В период экспериментальной работы нами были проведены пред- и постэкспериментальные срезы по определению уровня владения английским языком, в которых исследовались такие аспекты языка, как лексика и грамматика, и такие виды речевой деятельности, как говорение и аудирование. Обращает на себя внимание значительное изменение практически всех параметров в экспериментальных группах; количество студентов, у которых улучшилось знание и активное использование грамматических структур, возросло с 16% до 68%, пополнение лексического запаса с 9% до 54%, восприятие на слух с 7% до 45%, говорение с 9% до 86%. В контрольных группах также наблюдалось улучшение показателей, однако это увеличение было не столь значительным.

Особенно заметно улучшение параметра говорения, т.е. умения построить фразы, передать смысл высказывания, мы полагаем, что это не случайно, т.к.

- вся структура ПМК (проблемный и системный подход);
- тщательно отобранный информационный материал (фольклорный и связанный единой сюжетной линией);
- разработанные проблемно-коммуникативные ситуации;
- применяемые процессуальные средства (разминки, игры, релаксация) были направлены на усвоение языка как средства общения.

Таким образом, цель усвоения иностранного языка как средства общения, которую мы ставили в самом начале, разрабатывая наш курс, была достигнута, о чем и свидетельствуют лингвистические показатели.

Улучшение лингвистических показателей мы связываем с изменением психологических характеристик обучаемых и полагаем, что значительный рост параметра говорения связан с коррекцией самооценки, снижением агрессивности, уменьшением личностной тревожности обучаемых, с уходом страха говорить, способствующим исчезновению барьера между мыслью и высказыванием.

Как подчеркивает Л.С.Выготский "внешняя речь есть процесс превращения мысли в слово, материализация и объективизация мысли"/5/. А мысль — это ни что иное, как внутренняя речь, т.е. внутри мы формируем мысль и стараемся правильно ее сформулировать. Но, с одной стороны, возникают трудности при ее формулировании, а, с другой стороны, страх высказаться и допустить ошибку, что тормозит процесс экстерниоризации. В такой ситуации обучаемые предпочитают спрятать мысль, а не высказать ее, ибо боятся допустить ошибку и тут же быть наказанными. Но в экспериментальных группах, где проводилось обучение по ПМК, этот барьер был практически снят, о чем свидетельствует уменьшение личностной тревожности и повышение показателя параметра говорения. В контрольных же группах, там, где не было преимуществ экспериментальной технологии как в содержательном, так и в процессуальном плане, студенты так и не смогли выйти на открытую, легкую беседу, в которой можно не задумываться и не бояться перевести мысль в высказывание.

Улучшение лингвистических показателей может быть также рассмотрено через условия функционирования системы "учитель — учащийся", а именно через умелое управление учителем учебной деятельностью. Какой же принцип следует положить в основу управления иноязычной речевой деятельностью, чтобы добиться наиболее успешного взаимодействия преподавателя и студента? Мы разделяем точку зрения К.А.Мичуриной /8/, что таким принципом является принцип согласования уровней управления со стороны преподавателя и уровней саморегуляции студентов. Такого согласования мы и пытались достигнуть в период экспериментального обучения. Рассматриваемое согласование нередко имеет место в практике (возьмем, к примеру, качество звучания студента на уроках фонетики или его стремление к грамматической правильности на занятиях по грамматике). Там, где преподаватель и студент работают в одной "зоне слежения", преподаватель затрачивает гораздо меньше усилий на управление речевой деятельностью студента за счет мобилизации его саморегуляции. Но зато там, где наблюдается рассогласование уровней, управление со стороны преподавателя оказывается малоэффективным и не оправдывает затраченного на него времени.

В процессе говорения студенты стараются правильно излагать материал (с грамматической и фонетической точки зрения), но, как правило, увлекаются темой беседы и думают скорее о том, "что сказать", чем "как сказать". Таким образом идет речь о переходе студента на смысловой уровень в качестве ведущего в управлении коммуникативной речью, что нередко опережает стратегию управления преподавателя.

В учебных ситуациях можно часто заметить стремление преподавателя исправлять фонетические, лексические и грамматические ошибки обучаемых, т.е. обращается внимание не на содержание высказывания, а на правильность ответа. Подобного рода рассогласование не только тормозит управление речевой деятельностью, но и нарушает протекание саморегуляции, т.к. у говорящего "ломается" иерархия уровней речевого управления. "Насилием над речью, точнее над управлением речью" называет И.Ю.Абелева /1/ вмешательство сознательного контроля в то, что должно протекать автоматически.

Означает ли это, что преподаватель вообще не должен вмешиваться в коммуникативную речь студента? Отнюдь нет. Ошибки исправлять, разумеется, надо, но пользоваться при этом адекватной методикой (например, записать все ошибки, сделанные студентом в процессе говорения, а объяснить ему их — лишь в конце занятия или по усмотрению преподавателя; но ни в коем случае не следует пребывать в процессе высказывания). Тогда не возникает и существующий до сих пор парадокс управления, когда акцент смещается со смысла на "обслуживающую сторону" иноязычной речи. В этой связи приведем высказывание И.А.Зимней: "Одновременно нельзя упустить из виду, что средства и способы при обучении иноязычному высказыванию играют вспомогательную роль. Основное — это "наличие" предмета, т.е. мысли, определяющей смысловое содержание высказывания". /6/. Так, по отношению к мысли, высказываемой или воспринимаемой субъектом речевой деятельности, язык является средством, а речь способом ее формирования и формулирования. Существенно при этом подчеркнуть, что речь отражает процессуальность, динамику мышления в неразрывной связи с языком, воплощающим результат предыдущих мыслительных актов и участвующим в качестве средства, инструмента, орудия в каждом моменте настоящего. "По отношению к процессу общения язык и речь вместе как единство средств и способов являются средством и условием общения. По отношению к реализующим вербальное общение процессам говорения, слушания, чтения, письма язык и речь в их единстве могут рассматриваться как внутренний механизм реализации этих процессов"/6/. Другими словами, язык и речь в данной трактовке не противопоставляются друг другу, а объединяются восходя к средствам и способам осуществления различных видов речевой деятельности в целях общения людей между собой. Но здесь же следует особо подчеркнуть, что одной из самых больших проблем обучения иноязычному говорению заключается в том, что необходимо учить не только средствам, т.е. словам и правилам иностранного языка, но и самому способу формирования и формулирования мысли.

Обучить языку — значит помочь овладеть способами передачи смысла высказывания, создавая для обучаемых такие условия, в которых им было бы необходимо тем или иным способом сформулировать свою мысль и презентовать ее окружающим. Мы считаем, что в этом плане первостепенное значение имеет погружение обучаемого в условия проблемно-коммуникативных ситуаций и обучение его средствами разрешения возникших противоречий, что и было сделано нами в период экспериментальной работы.

Подводя итоги исследований, связанных с анализом факторов, повлиявших на улучшение лингвистических показателей, можно прийти к следующему заключению. Улучшению способствовало:

- значимое изменение психологических характеристик обучаемых: коррективка самооценки, снижение агрессивности, изменение характера тревожности и снятие психологического барьера в виде страха перевести мысленно оформленное предложение в высказывание;
- управление преподавателем учебной деятельностью, заключающееся в соблюдении принципа согласования уровней управления со стороны преподавателя и уровней саморегуляции студентов;
- применение ненасильственных методов при управлении речью обучаемых;
- обучение не только средствам иностранного языка, но и способу формирования и формулирования мысли путем погружения обучаемого в условия проблемно-коммуникативных ситуаций, составляющих суть проблемно-коммуникативного курса в целом.

Список литературы: 1. Абелева И.Ю. Психология заикания у взрослых на разных фазах речевой коммуникации. Вопросы психологии. 1974, №4. 2. Винниченко Н.А. Концептуальная модель нетрадиционного обучения ИЯ. Вестник ХГА. Серия "Проблемы филологии". 1995, №4., С.4-9. 3. Винниченко Н.А. Методические аспекты обучения английскому языку по проблемно-коммуникативному курсу. В сб. "Актуальные проблемы изучения языка и речи, межличностной и межкультурной коммуникации". Харьков, 1996., С.34-36. 4. Винниченко Н.А. Проблемно-коммуникативный курс по обучению английскому языку. Учебное пособие. - Харьков, 1992. 5. Выготский Л.С. Мышление и речь. - М.-Л.: Огиз-Соцгиз, 1934. 6. Зимняя И.А. Предметный план речевой деятельности и основные проблемы его организации при обучении иностранному языку. Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М.Тореза, - М, 1985., Вып. 207. 7. Мичурина К.А., Сергиевская А.П. К вопросу о механизмах речевой активности в связи с разработкой методов интенсивного обучения иностранным языкам //Методы интенсивного обучения ИЯ. Вып. 4. - М., 1977., С.- 39.

Н. И. Гайдукова /Белгород/

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОСТТЕМАТИЧЕСКОГО НОМИНАТИВА

Рамочная конструкция остается в современном немецком языке основным средством оформления предложения. Тенденция нарушения рамочной конструкции ведет к появлению целого ряда других способов структурного оформления предложения. Типичными отклонениями в предполье (Vorfeld), середине (Mitte), заполье (Nachfeld) являются экстрапозиции. Под экстрапозицией мы понимаем синтаксическую позицию до начала развертывания субъектно-предикатной структуры высказывания — начальная экстрапозиция, внутри высказывания — срединная (парентеза) и после его завершения — конечная синтаксическая экстрапозиция. (ср. также: Extraposition; Grundzüge, 1981, 759; K.-E.Sommerfeldt; 1985, 129).

Каждая экстрапозиция имеет несколько субпозиций, разграничивающихся на основе ряда формальных и содержательных признаков. Существенным признаком рассматриваемой экстрапозиции является то, что она функционирует до развертывания субъектно-предикатной структуры высказывания и соотносится с начальной синтаксической экстрапозицией: Er, Nicolas, werde hier nicht alt werden. (L.F., 101). Ich, der Prinz, sollte beweisen, daS ich auch als Betteljunge Mut, Artigkeit und Redegewandheit besitze. (Н.М., 416).

Признаками, позволяющими рассматривать данную синтаксическую позицию как особую структурную и коммуникативно-прагматическую категорию, является кроме собственного позиционного статуса, обозначаемого как "экстра -", т.е. обособление, вторичный синтаксический уровень, отношение тождества между компонентами темы, а также интонация и более длительная пауза между местоимением (грамматическим подлежащим) и экстраполированным компонентом. Первичным критерием разграничения субпозиций является прагматическая ориентация содержания на автора, адресата, объект, код.

Каждая субпозиция характеризуется соответствующими структурно-семантическими, системно-лексическими признаками, стилистическим потенциалом и представлена набором определенных лексико-синтаксических структур.

В рассматриваемой в данной статье экстрапозиции осуществляется дополнительное усиление адресатной прагматической координаты (отнесенности значения высказывания к адресату). Позицию, когда местоимение стоит перед существительным, мы называем посттематический номинатив (ПТН). Ее симметричный противоположный вариант образует конструкцию, когда местоимение следует за субстантивной формой.

Функция местоименного подлежащего как жесткого десигнатора является достаточной для обеспечения референтной отнесенности, но недостаточной для обеспечения коммуникативно-прагматической идентификации выражаемого им объекта. Анафорическое местоимение в позиции подлежащего может отсылать поэтому к предтексту, но появление посттематического полнозначного номинатива снимает эту необходимость. ПТН может употребляться:

- при отсутствии соотносительного компонента в предтексте и, следовательно, при отсутствии возможности идентификации подлежащего (темы);
- при необходимости подтверждения тематического статуса местоименного подлежащего (напоминание), особенно при значительной степени дистанцированности его в предтексте;
- в зачинах, т.е. при отсутствии предтекста для восстановления пресуппозиций существования, отождествления (идентичности) и др.;
- при авторской интенции, связанной с коммуникативно-стилистической эмфазой (коммуникативно-стилистический прием ретардации);
- при определенном способе мышления говорящего и, соответственно, способе выражения, структурирования его мыслей.

Описание структурно-семантических функций ПТН сводится часто к регистрации отдельных его признаков. Поэтому рассмотрение "от формы", характерное для работ, в которых затрагиваются те или иные стороны этого явления, приводят только к установлению набора системно не связанных функций.

Анализ "от содержания" позволяет более адекватно установить причины и его лингвистическую сущность. Актуализация ПТН свидетельствует об изменении коммуникативного статуса подлежащего, рематизации темы или формировании функции идентификации. Но формальная синтаксическая связь подлежащего-местоимения со сказуемым "в обход" ПТН оставляет за ним его первоначальный статус ремы. Формируется двухремонное (двухфокусное) высказывание.

Сигнификация (большая семантическая насыщенность) кореферентного ПТН влечет за собой коммуникативную расчлененность темы. Это легко доказывается трансформацией этой структуры в предикативное связочное предложение: *Er, Fernand, war nicht gut.* (L.F., 117) → *Er (ist) Fernand, war...* Но коммуникативное расчленение осуществляется, т.е. уже на вторичном синтаксическом уровне. Этим снимается противоречие между так называемой рематической функцией темы и собственно ремой высказывания. Коммуникативная расчлененность подчеркивает формируемую в этой структуре функцию обращения к адресату. Эта функция, как уже говорилось, образуется "в обход" основной предикации. Автор и адресат разводятся не позиционно, т.е. в линейно синтагматической цепи, а иерархически, по разным структурным уровням. Но это уже экспликативные отношения, хотя экспликация осуществляется в пределах общей идентифицирующей функции вторичной синтаксической связи на этапе контроля и коррекции при порождении речи.

Вторичная синтаксическая позиция — это адресатная позиция, в которой реализуется основная функция ПТН, функция обращения к адресату. В этом отношении ПТН смыкается с категорией обращения.

Следует отметить, что категориальный статус обращения определяется неоднозначно: в русском языке, в одном случае это — член предложения (Русская грамматика, 11, 163), в других случаях "грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения" (1:340), в немецком языке оно трактуется как разновидность парентезы (Lexikon, 1980:27), как компонент экстрапозиции (6:759), не входящий в основной структурный состав высказывания. Обращение — это позиция реципиента. Оно характеризует прежде всего отношение между коммуникантами, т.е. функционирует в intersubъектной сфере коммуникации. И хотя оно может быть направлено не только на сам адресат, но и на общий для обоих партнеров коммуникации объект (номинативная функция): *Graf Fernand, haben Sie mir etwas zu gestehen?* (L.F., 215) — это прежде всего intersubъективное отношение. Поэтому адресатная функция является первичной, а экспрессивная и номинативная — это вторичные функции обращения и не относятся к его сущностной характеристике.

К основным, совместно реализуемым, функциям обращения относят аппеллятивную и экспрессивную (1:341). Экспрессивная функция характеризует не все обращения. Наиболее общей, характеризующей все типы обращения, является функция экспликации адресата. Это самое глубинное отношение в референтной сфере intersubъективных отношений. Аппеллятивное (императивное) значение специфицирует общую функцию идентификации как адресатную. Номинативная функция связана с семантикой предложения, т.е. реализуется на дру-

гом уровне иерархии отношений в семантической структуре обращения, а экспрессивная функция связана чаще всего с лексическими значениями компонентов высказывания.

В конструкциях с ПТН (в отличие от обращения) идентификация адресата осуществляется, как уже говорилось, через коммуникативное расчленение состава в группе подлежащего, актуализацию номинатива, одновременно осуществляется и спецификация этого отношения как апеллятивного, адресат не эксплицируется. Примечательно, что формирование апеллятивного значения в случае обращения осуществляется в intersubъектной сфере Graf Fernand, haben Sie mir etwas zu gestehen? ich nenne (identifiziere) dieses Objekt (als) Graf Fernand und wende mich an ihn, а в случае ПТН — также в intersubъектной (интенциональной) сфере, но здесь оно маскируется номинативными отношениями. Внешне это отношение тождества (коореференции): Sie selbst, die Frau am Brunnen, fuhr harrend in ihren Versen wie in langsamen Schiffen... (H.M., 627) → Sie selbst (beachtet, die Frau am Brunnen fuhr... Поэтому здесь можно говорить о внешнем преобладании номинативного значения, но результатом этих процессов является формирование апеллятивной функции в обоих случаях. Объединение функций номинатива и вокатива в одной морфологической форме обращения и совпадение с номинативом в посттематической позиции можно также рассматривать как большую степень сближения обращения с ПТП, чем в случае звательного падежа, которым оно выражается в некоторых языках и сейчас. ПТН функционирует, таким образом, как переходная категория в диапазоне между объективным и субъективным значениями при формировании адресатной функции и приближается к ее типизированной форме — обращению.

Список литературы: 1. Кручинина Н.И. Сочинение // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. 2. Прияткина А.Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения. М., 1990. 3. Солодовник И.П. Пояснение в немецком языке. Белгород, 1994. 4. Эйхбаум Г.Н. Обособленные члены предложения в немецком языке. Л., 1974. 5. Sommerfeldt K.-E. Der Nachtrag - eine Erscheinungsform der Aufböckerung im Deutschen // Sprachpflege. Heft 9. Leipzig, 1985. 6. Grundzüge einer deutschen Grammatik. Berlin, 1981. 7. Lion Feuchtwanger. Narrenweisheit. Moskau, 1957. 8. Heinrich Mann. Die Götinnen oder Die drei Romane der Herzogin von Assy. Berlin, 1976.

В. И. Говердовский, д-р филол. наук /Харьков/

НЕМНОГО О КОННОТАТИВНОЙ ЭСТЕТИКЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ РЕЧИ

Если представить коннотацию по отношению к нейтральной литературной лексике, то по одну сторону расположатся "положительные" коннотации, улучшающие речь, такие, которые противопоставляются сниженному стилю речи, а по другую — такие, которые противопоставляются литературному употреблению, они, в отличие от первых, как бы "ухудшают" речь.

Временное непостоянство, а также возникновение и исчезновение коннотации можно показать на синонимах. Коннотация, если она стала явно отрицательная, ведет к замене слова. Так, накопленная коннотация в слове буфетчик привела к тому, что постепенно вывелись все буфетчики (отрицательная коннотация пейоративности), переделавшись в "благородных" барменов (положительные коннотации заимствования и новизны).

Таким образом, в разные периоды жизни слова эстетическое отношение к нему говорящих не одинаковое: оно изменяется параллельно с изменением коннотации в данном слове. В основе понятия искусности речи лежит эстетическое отношение к слову, если под этим понимать прежде всего красоту изложения, причем для эффективности повседневной речи, как это ни странно на первый поверхностный взгляд, красота имеет более важное значение, чем доказательные факты и убеждения.

Так, улучшать речь можно в различной мере: от использования коннотации новых, "престижных" и актуальных или экспрессивных слов до использования эвфемии. Коннотация эвфемистичности — это предельный способ улучшения речи, когда говорящий прибегает к замене слова и языковое общество принимает эту замену. Коннотация, следовательно, приобретает общественный статус, потому что она способствует повышению эстетической ценности речи и, следовательно, — действительности межперсонального общения.

С другой стороны, эстетическое "ухудшение" речи может происходить также несколькими способами и в различной степени: от использования разговорного стиля до привлечения жаргонизмов и табуирования лексики. В последнем случае также происходит замена слова, но языковой коллектив, напротив, не принимает эту замену, потому что она вредит целям коммуникации. Между этими двумя крайними точками, то есть между разговорным стилем и коннотацией жаргонистически имеется ряд других видов коннотации, которые "портят" литературную речь также с различной интенсивностью. Это категория диалектности и пейоративности. Языковое общество принимает или отвергает языковые выражения этих категорий в зависимости от степени диссонанса, вносимого ими в коммуникацию.

Так, эстетическое качество речи проявляется в коннотации ироничности. Но определить точные границы между речевой и языковой коннотациями и, следовательно, меру ее всеобщности, не всегда представляется возможным, так как при этом определении решающую роль играет частотность слова, о которой носитель языка может судить лишь интуитивно. При высокой частоте использования речевой единицы ее коннотативное воздействие снижается.

Но коннотация ироничности может вкладываться в слова субъективно и слушающий не всегда может воспринимать ее, например, в некоторых словах на -е(й): брадобрей, книгочей, чудолой. Подобные неустоявшиеся слова представляют трудности для адекватного экспрессивного восприятия речи. Ср. слово богате́й, где ироническая коннотация релевантна для многих говорящих. (Для искушенного читателя отметим, что мы говорим здесь о суффиксах, как они представлены парадигматично (ассоциативно) в сознании рядовых носителей языка, а не об их генезисе).

Предельный способ улучшения речи — использование коннотации эвфемистичности. Так, простое противопоставление синонимических прилагательных блédный — блédноватый, бédный — бédноватый говорит в первую очередь о количественно разных вещах. Между тем, в конкретных речевых выражениях у вторых в парах слов заметна коннотативно-эвфемистическая направленность, когда, например, не хотят прямо сказать "Вы блédны", "Вы живете бédно", а говорят "Вы блédновато выглядите", "Бédновато Вы живете". Речевая эксплицитность этой коннотации в суффиксах качественных прилагательных -оват(ый), -сват(ый), и -оват(о) наречий позволяет предполагать движение таких прилагательных и наречий в сторону все большего закрепления их в языке как эвфемистических слов. Ср. также: "Рановато вы меня подняли", "Он встретил меня суховато".

Построению стилистически полноценной речи способствуют коннотации книжности, терминологичности, иноязычности, новизны. При внимательном отношении к чужой и собственной речи данные коннотации придадут речи такие характеристики, как "строгость", "престижность" и "свежесть".

Если идти по пути "ухудшения" речи, то в начале этого пути стоит коннотация разговорности. Это тот случай, когда на фоне нейтральной разговорной речи слова производят на собеседника впечатление непринужденности и слабой фамильярности. Это хорошо заметно на примерах синонимов, имеющих одну основу, но коннотативно различные аффиксы.

Бессуффиксальный способ образования существительных в абсолютном большинстве случаев способствует образованию коннотации разговорности. Так, она выделяется у большинства имен с приставкой пере-. Эта коннотация выступает более наглядно на фоне взаимозаменяемых в части контекстов однокоренных существительных с суффиксом -(ив)а-ни(е), который имеет противоположную коннотацию книжности: перегрев — перегревание, перекур — перекуривание.

Коннотация пейоративности — это вторая ступень снижения стиля речи, та ступень, когда коннотированные слова выделяются на фоне литературной разговорной речи своей раскованностью и заметной фамильярностью. Если усиливать дальше степень ухудшения

речи, то следующим этапом является использование жаргонно коннотированной лексики. Далее идет уже бранная лексика, но описание ее коннотативности выходит за рамки настоящего изложения.

Между тем, коннотация разговорности и пейоративности — это два соседствующих этапа, они объединяются общим понятием фамильярности, степень которой иногда бывает трудно определить. В силу этого грань между ними говорящий проводит интуитивно и к тому же по-разному, когда для одного это слово вполне допустимо, а для другого фамильярно. Это субъективный факт речи, но объективность складывается из суммы субъективных моментов, а определить эту сумму точным способом нельзя.

Аффикс может играть решающую роль в эмоциональном воздействии на слушателя.

Сравнение однокоренных синонимов лучше всего обнаруживает коннотацию. Однако “средними” носителями языка она не всегда различается практически, как, например, в словах с суффиксами *-нича(ть)* и *-ствова(ть)*: *злодейничать* — *злодействовать*, *усердничать* — *усердствовать*. В отличие от последних, первые слова в парах более пейоративны, хотя в спонтанной речи они не всегда различаются. Впрочем, так называемый “средний” носитель языка начинает хорошо понимать эти тонкие различия, когда коннотативные слова направлены на него, например, цирковые артисты избегают самоназваний *трюкач*, *циркач* именно по той причине, что суффикс *-ач* ощущается как пейоративный, придающий коннотацию именам существительным, обозначающим лиц мужского пола по роду их занятий или по наличию признаков: *ловкач*, *диач*, *портяч*.

Вот почему коннотация, сопутствующая слову, имеет важнейшее значение для выбора слова в речи. Но по этой же причине коннотация лишает стабильности понятие “правильной речи” и связанное с ним понятие нормы языка. И эти понятия не могут не быть лабильными, потому что существенным признаком естественного языка является его изменение, а это изменение начинается с коннотации.

Но изменение есть не что иное, как нарушение. Отсюда следует, что говорящий, сознательно следующий этому изменению, законно нарушает так называемую “правильность” во имя повышения экспрессивности речи даже при помощи отрицательных коннотаций, “ухудшающих” речь! Получается, что коннотация в любом случае способствует улучшению речи, ибо направлена на повышение ее выразительности. Поскольку коннотация исторически идет впереди “правильности” и предвещает ее, то высшим проявлением речевой культуры является использование в речи любых коннотативных слов, в том числе и эстетически “отрицательных”, хотя они зачастую и противоречат “правильности” речи.

Из изложенного вытекает, что, заключая в себе эмоции, воплощая “неправильность” и ценность, и смотря как двуликий Янус одновременно в разные стороны — в сторону идиолекта, диалекта, диалекта, социолекта и в сторону литературного языка, — коннотация вносит в нейтральную литературную речь легкую стилистическую пестроту, а в сознании говорящих — приятное оживление. В этом — суть коннотативных слов и коннотации как языкового и психологического явления, и в этом ее эстетическая ценность.

Многие слова имеют в своем морфологическом составе коннотации различного вида, часто с противоположными знаками. В результате слово звучит или искусственно, или коннотативно диссонансно.

Так, слово *поминки* в соответствии с тем понятием, которое оно отражает, должно принадлежать к высокому стилю речи, то есть содержать “строгие” положительные коннотации. Корень его не расходится с этим условием: *помянуть* содержит коннотацию архаичности. Однако, суффикс *-к(и)* содержит “легкое” разговорно-коннотативное содержание и тем самым вступает в коннотативное противоречие с основой. Ср.: *глядьки*, *горелки*, *кривотолки*, *кузьминки*, *посиделки*, *салки*, *саженки*, *обжимки*, *ужимки* и др. (Снова напомним искушенному читателю, что здесь рассматриваются суффиксы, актуализированные в сознании говорящих в ассоциативные группы безотносительно к их происхождению).

В результате действия суффиксов -к(и) на основу создается общий "веселый" ореол данного слова, что в данном случае неуместно. Для устранения этого противоречия необходимо заменить этот суффикс другим, совпадающим с основой по знаку, например, -и(е): поминание. Использование коннотативных нововведений в речь, соответствующих ситуации, характеризовало бы речь как эстетически полноценную, а создателя нововведения — как творца языка.

В соответствии с теорией А.А.Потебни, рождение и становление языка есть поэтический акт (А.А.Потебня. Из лекций по теории словесности: Басня. Пословица. Поговорка. — Харьков, 1894). Поэт (в широком смысле) — творец языка — создает эстетическое в языке интуитивно, ведомый материалом речи. (А.А.Потебня. Из записок по теории словесности. Поэзия и проза, тропы и фигуры. Мышление поэтическое и мифическое. — Харьков, 1905).

Коннотация как момент эстетического в речи начинается с нововведения: с употребления лексемы или морфемы в новом окружении. Нововведение — всегда творческий акт, поэтому рождение коннотации обязано творцу — поэту, писателю, которые свое творчество черпают из творчества народа. Посмотрим, как возникает эстетическое в слове на примерах использования Н.В.Гоголем служебных морфем в новом сочетании с целью создания коннотации усиления (Н.В.Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. — 1978).

"Когда был он еще Ванюшою, то обучался в гадяцком поветовом училище, и надобно сказать, что был преблагонравный и престарательный мальчик" (с.138). "Да еще хочу поговорить с тобой о деле: так как ты уже имешь чин немадоважный..., то в воинской службе тебе незачем более служить" (с.140). "И закричал так, что воробы, которые забрались было на баштан, пополымались с перепугу в воздух" (с.159). "И если рассобачий жил не положит значка нечистою своею рукою на святой пасхе, то и святить пасхи нельзя" (с.203). "Отец и мать его тоже были пребеззаконные люди, и оба были невообразимые пьяницы" (с.320).

По мысли А.А.Потебни, понимание поэтического в слове требует творческого усилия со стороны воспринимающего текст. Всякое понимание индивидуальное есть в то же время непонимание. Поэт противопоставлен толпе, которая судит его и отбирает годное для нее. Отобранное толпой переходит к ней и становится благодаря употреблению прозой. Проза — омертвление языка.

Причина неуязвимости эстетики выделенных коннотативных слов у Гоголя и, следовательно, сохранение их на уровне поэзии, а не затухание в прозе (обычной речи) объясняется тем, что понимание коннотации — это творческое усилие, требующее индивидуального эстетического вкуса и эстетической подготовки. Из массы читателей не все способны на творческое восприятие, поэтому не все коннотативные слова усваиваются слушающими и читающими, а коннотация благодаря этому не растворяется во всеобщем употреблении и тем самым не омертвляется.

Л. М. Григор'єва, канд. філол. наук /Харків/

ПОГЛЯДИ І. ФРАНКО НА ПЕРЕКЛАД ТА ЙОГО ПЕРЕКЛАДАЦЬКА ДІЯЛЬНІСТЬ В АСПЕКТІ КСЕНОЛОГІЇ

Ксенологія являє собою нову міжпредметну область, яка вивчає засвоєння, адаптацію та трансляцію чужої культури. Взаємодія культур розглядається у ксенології як процес інтеракцій (згода, полеміка, естафета, модифікація). Суттєвий інтерес має вивчення поглядів І. Франко на переклад і перекладацьку діяльність в аспекті трансляції культурних цінностей, оскільки ця сторона діяльності Франко ще недостатньо вивчена, а, з другого боку, його погляди та практика перекладацької діяльності можуть бути використаними як у подальшій розробці ксенології, так і подальшому зміцненні та поширенні українсько-німецьких культурних зв'язків.

Франкові належать дуже багато перекладів з російської, слов'янських, західноєвропейських, античних та інших літератур, причому для перекладу він відбирав найкращі, найпрогресивніші твори.

Франко так визначав головну мету своєї перекладацької діяльності: "Тільки те, що здобудемо своєю працею, то буде справді наше прирбання, і тільки те, що з чужого культурного добра присвоємо собі також власною працею, стане нашим добром. От тим-то я старався присвоювати нашому народові культурне здобуття інших народів і знайомити інших з його життям" /1/. Тим самим Франко визнавав взаємобогачення культур народів одним із головних завдань свого життя.

"Переклади чужомовних творів, чи то літературних, чи наукових, — пише І.Франко, — для кожного народу являються важливим культурним чинником, даючи можливість широким народним масам знайомитися з творами й працями людського духу, що в інших краях, у різних часах причинялися до ширення просвіти та підймання загального рівня культури. Добрі переклади важних і впливових творів чужих літератур у кожного народу, починаючи від старинних літератур у кожного народу, починаючи від старинних римлян, належали до підвалин власного письменства" /2/.

У виборі творів для перекладу Франко насамперед керувався громадсько-політичними завданнями і питаннями розвитку рідної літератури. Він вважав, що вивчення літератури інших народів, творче освоєння літературної спадщини має велике значення для розвитку української літератури. Треба вивчати всесвітню літературу, особливо сучасну, "щоб не повторювати того, що вже другі забули, а вносити у всесвітню скарбницю світової літератури хоч малу крапельку, а нового свого власного, зачерпнутого з криниці того життя народного і індивідуального, що ще перед ним не було там експлуатовано" /3/. Він сам писав про те, що скарби світової літератури, скарби світової поезії належать всім. Кожний може черпати з цього життєдайного джерела: "Блукаючи по різних стежках всесвітньої історії та літератури, я здавна збирав потроху або намічував собі для пізнішого вжитку поодинокі камінчики, придатні для моєї будови; найдавніші причинки, поміщені в оцій книжці, мають вже 15 літ... Не показую при поодиноких віршах джерел, відки їх узятю. Майже нічого тут нема, що можна би вважати перекладом. Обік оригінального є тут чимало такого, де на чужу основу я накладав свої власні узорі. А відки взято сю основу і кого і де "наслідувано", се лишаю цікавості тих критиків сього і budouчого віку, котрі не будуть мати і вміти що кращого робити, як віднаходити "джерела", з яких котрий поет черпав своє вітхнення Гей! Гей! Ті джерела сотки, тисячі літ створені і доступні кожному, і здоровому оку й шукати їх недалеко" /4/.

Франко розумів, що до культури кожної країни не можна підходити як до єдиної культури. І чітко розмежовував її прогресивні і реакційні напрями. Це особливо яскраво виявляється у ставленні Франка до культури російського народу. Як своїми перекладами, так і статтями Франко постійно популяризував передову російську літературу і в той же час висупав проти офіційної царської Росії і її реакційних ідеологів. Ці погляди були далі розроблені Д.Чижевським та М.Бахтиним.

Але далеко не кожний твір, незалежно від того, до якої літератури він належить — літератури давніх часів або сучасності, — збагачує душу народу, його національну культуру.

"Зрештою думаю, — пише там же Франко, — що не в тім річ, з якої бочки бере поет напій, що подає своєму народові, а в тім, який напій він подає йому, чи чисте, покріплює вино, чи наркотик на приспання. Я наркотиками не шинкую" /5/. Ці слова визначають характер перекладацької та популяризаторської діяльності українського письменника.

Ставлячи перед собою просвітницькі цілі, Франко прагнув підвищити культурний рівень народу. Він був певен у тому, що дійсно великі твори, особливо ті, які вірно змальовують життя простих людей, будуть доступні народу.

Франко перекладав також твори Шевченка на німецьку мову. Ці переклади викликають особливий інтерес. По-перше, тому, що в даному випадку твори великого поета перекладав на іншу мову його великий співвітчизник. По-друге, і в цьому можна переконатися під час аналізу перекладів, німецька віршована мова у Франка майже не поступається перед рідною, в чому йому допомагає прекрасне знання німецької мови; і, нарешті, по-третє, перекладачеві пощастило здебільшого передати здавалося б неповторні художні особливості оригіналу.

На запитання "що спонукало його перекладати на іншу мову" Франко відповідає так у передмові до перекладу "Фауста": "Ані наука сама собою, ані вільне й безжурне життя, ані почесть, ані слава — ніщо це не може ушчасливити чоловіка, як довго цей чоловік все і всьоди має на оці тільки себе самого. Аж коли він всі свої здобутки, всю свою силу поверне

на ущасливлення інших, на запевнення їм безпечного, хоч і ненастанним трудом опуклого життя і розвитку, тоді чоловік може бути щасливим" /6/.

Іван Франко вперше в історії українського перекладу глибоко і всебічно розробляє основні проблеми мистецтва художнього перекладу такі, як співвідношення змісту та форми, діалектика національного та інтернаціонального. Він створює струнку теоретичну систему. Ці погляди Франка близькі до положень сучасної теорії перекладу.

1. Мета перекладу, як вважав Франко, є подальше зближення народів, взаємозбагачення і розвиток їх культур, літератур та літературних мов. Треба робити переклад явищем рідної літератури. Основними принципами відбору текстів для перекладу залишаються такі принципи, що їх ще здавна висловив Франко: при перекладі треба відбирати лише ті твори, які:

— збуджують громадсько-політичну свідомість народу, підносять його культурний рівень, збагачують і розвивають літературу і літературну мову;

— є найзмістовнішими, найактуальнішими на даний момент.

2. Франко висловив правильне розуміння діалектики національного та інтернаціоналізації нальбань літератур усіх народів світу, разом з тим він збагачує кожен національний культуру.

3. Франко ставив такі вимоги до перекладу, що обумовлювали високу його якість: обов'язкове збереження національного колориту оригіналу; збереження відповідності художніх особливостей тексту, стилю оригіналу. Сучасна теорія підходить до якості перекладу художнього твору з тими самими критеріями, що й до якості твору оригінального. Переклад художнього твору — це не копія того чи іншого тексту, а насамперед — твір словесного мистецтва.

4. Серед вимог до перекладача І. Франко зробив особливий акцент на внутрішній спорідненості перекладача та автора першотвору. Це положення має велику вагу і зараз. Франко наполягав на знанні перекладачем мови оригіналу і мови перекладу, висував обов'язкову вимогу перекладу тільки з оригіналу. Як за часів Франка, так і в наш час якісний переклад обумовлює й міцна наукова основа, що передуює самому процесові перекладу.

5. Франко розробив власну систему роботи над перекладаним текстом. До неї входять:

- аналіз літературної епохи;
- відбір тексту, підкреслення з позицій революціонера-демократа його актуальності;
- літературно-теоретичний аналіз відбраного твору;
- критичний аналіз вже розроблених перекладів цього твору іншими перекладачами;
- переклад твору (цей етап іноді був непослідовним);
- "Монтаж" перекладів (при необхідності фрагменти перекладу об'єднувались в єдине ціле).

Цілком зрозуміло, що І. Франко намагався теоретично осмислити свою перекладацьку діяльність. Вагали, три аспекти його творчості, а саме — літературно-критичний, перекладацький та теоретико-перекладацький є невід'ємні один від одного.

Погляди Франка на переклад збігаються з відповідними положеннями сучасної теорії перекладу.

Безпосереднє втілення Франкові погляди на переклад знайшли у його перекладацькій діяльності. Вона була для Франка важливим засобом зближення народів, взаємозбагачення і розвитку їх культур. У передмові до збірки своїх поем він писав, що "переклади чужомовної поезії, поезії різних віків і народів рідною мовою збагачують душу цілої нації, присвоюючи їй такі форми і вирази чуття, яких вона не мала досі, будуючи золотий міст зрозуміння і спочування між ними і далекими людьми, давніми поколіннями" /7/. Його власним перекладам та літературному аналізу завжди передував виклад того, що зроблено було вже до нього у цій галузі. Далі йшов на міцній науковій основі аналіз звичаїв, особливостей побуту народу, якому належить оригінал.

Не маючи можливості перекладати цілі романи, Франко вибирав з них окремі уривки, де найрізкіше виявлялися прогресивні традиції даного твору. Для створення якісного перекладу або переспіву Франко користувався часто кількома джерелами, порівнюючи їх та мотивуючи свій метод "вільного перекладу".

Франко іноді користувався іноземними джерелами, переносячи всю дію на український ґрунт, тобто ставав на шлях вільного перекладу-переспіву: так з'явився у нашій літературі "Лис Микита" ("Reineke Fuchs"), поетичний переспів "Дон Кіхота" Сервантеса, переспів драми "Бар-Кохба" Врхліського (в останній Франко змінив ідею). Вдаючись до переробки, Франко все ж таки дуже обережно ставився до оригіналів, не фальшивав їх основного характеру.

А за обсягом перекладених творів народів світу різного часу І. Франко взагалі не мав собі рівного перекладача в жодній літературі. Він перекладав українською мовою близько двохсот творів, починаючи з шедеврів античності, середньовіччя і закінчуючи кращими зразками художнього слова на початку ХХ сторіччя (з німецької літератури — близько 30 великих творів, незчисленну кількість віршів; з англійської літератури — понад 40 прозаїчних та драматичних творів, а також велику кількість віршів та балад; з французької літератури — близько 20 прозових та 60 поетичних творів; з російської — близько 30 прозових та 30 поетичних творів).

Франкові переклади не втратили і сьогодні історико-літературного інтересу. Особливо цікаві вони як один з виявів титанічних зусиль Франка, скерованих на популяризацію прогресивної іноземної літератури та її діячів серед українського народу, на зміцнення зв'язків між всіма народами.

Реалістичні принципи І.Я.Франка були і залишаються своєрідним дороговказом для його послідовників.

Виноски: 1. Франко, І.Я. Твори в 20-ти тт., т.I, с.81. 2. Франко, І.Я. Твори в 20-ти тт., т.XVI, С.397. 3. Цит. за: Журавська, І.Я. Франко і світова література. - В кн.: АН УРСР, Інститут літератури ім. Т.Г.Шевченка. Творчість І.Франка. 36. статей. - Київ, 1956, С.372. 4. Франко, І.Я. Твори в 20-ти тт., т.XI, С.504-505. 5. Там же. 6. Возняк, М.С. Іван Франко в автобіографічних висловлюваннях. - В кн.: Возняк, М.С. 3 життя і творчості І.Франка. - Київ, 1955, С. 37. 7. Франко, І.Я. Твори в 20-ти тт., т.XVI, С.12.

*О. И. Давыдов, канд. ист. наук,
Н. В. Кононенко,
В. Ю. Щиrow /Харьков/*

О ВОЗМОЖНЫХ ПУТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКА УПОТРЕБЛЕНИЯ АРТИКЛЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ЯЗЫКОВОГО ВУЗА (французский язык)

Формирование грамматического навыка употребления артикля (А) — одна из самых непростых задач при обучении иностранному языку (ИЯ) в любом типе учебного заведения, в том числе в языковом вузе. Одна из очевидных причин этого — отсутствие аналогичной части речи в русском, а также и украинском языках (РЯ, УЯ). Однако эта причина, носящая общий характер, безусловно, не является единственной, многие другие грамматические явления ИЯ, отсутствующие в РЯ, воспринимаются и усваиваются, по сравнению с А, гораздо легче. К числу других причин можно, по нашему мнению, отнести также и то, что приводимые в учебниках случаи употребления А недостаточно мотивированы для носителей РЯ. Очень часто в учебных пособиях предлагается просто перечень правил, когда следует употреблять тот или иной А /2:85-86, 114-115/, но видимая логическая связь между ними отсутствует, и у изучающих язык может создаться впечатление, что это набор отдельно взятых, произвольных предписаний. При недостатке же логики и убедительности — с точки зрения обучаемых — усвоение очевидно затрудняется.

По нашему мнению, одним из путей улучшения и ускорения усвоения А (проблема именно ускорения также весьма актуальна, ибо общеизвестно, что ошибки в употреблении А допускают даже студенты V курса языкового вуза) является логическое увязывание между собой, условно говоря, основных случаев (ситуаций) употребления А (как определенного — ОА, так и неопределенного — НА), соответствующих, по Гаку, первичным и некоторым вторичным функциям А /1:92-110/. С этой целью мы попытались выявить семантическую общность этих ситуаций, иными словами, осуществить поиск инварианта значения А. Такие попытки в лингвистике уже предпринимались и подвергались зачастую критике за психологизм /2:94/. Тем не менее, как мы надеемся показать ниже, в методическом плане такой подход вполне оправдан, поскольку мы не стремились дать смысловое объяснение всем, в том числе асемантическим, случаям употребления А.

Предлагаемый нами подход можно условно назвать диахроническим, т.к. при поисках инварианта значения А мы решили исходить из его первичной исторической сущности, т.е. фактически из значения числительного "unus" для НА и значения указательного местоимения "ille" для ОА /4:65/, а затем попытаться отыскать "следы" этих первичных значений в основных случаях употребления А и отразить их в формулировках. Тогда все разрозненные, на первый взгляд, правила оказались бы взаимосвязанными, и, кроме того, менее многочисленными, что методически тоже немаловажно.

Ниже мы приводим текст нашей разработки по А, составленный как дополнение к учебнику /2/ (в том виде, в каком мы предлагаем ее студентам), а также описание проведенного нами методического эксперимента.

Основное содержание теоретической части нашей разработки — нижеследующая схема случаев употребления НА и ОА в единственном и множественном числе.

I. 1. НА: **ед. число.** А происходит от числительного "один". Основных случаев употребления всего два, причем 2-й вытекает из 1-ого:

- 1) собственно "один, один экземпляр", т.е. выражение единичности;
- 2) по-русски слово "один" может иметь значение "какой-то": "Тебя тут один человек спрашивал". Аналогично и по-французски: НА имеет здесь значение "некий, некоторый, какой-то": *Un homme t'a demandé.*

Случай 1) имеет два подпункта:

- a) один как таковой, вообще: *J'ai un frère.*
- b) один из многих, на выбор, любой: *Donne-moi un crayon.* (из нескольких на столе или в коробке).

Сюда же примыкает очень распространенная структура: *C'est une table.* (один из многих, вообще существующих столов).

2. НА: **мн. число:** *un, une* —> *des*. Происходит "умножение", случаи те же:

- 1) *des* — несколько (сколько именно, неизвестно или неважно, иначе было бы употреблено числительное): *Notre famille est nombreuse, j'ai des frères et des sœurs.*
- 2) *des* — "какие-то, некие, некоторые": *Sur la table il y a des livres et des cahiers.*

II. 1. ОА: **ед. число:** ОА происходит от указательного местоимения "этот, тот". Основных случаев употребления пять.

- 1) "этот, тот, свой": ОА употребляется вместо "се" или "мой, твой...", чтобы избежать тавтологии: *J'ai mal à la tête.*
- 2) "всякий, любой", т.е. "и этот, и этот, и тот, и тот": *Le chien est l'ami de l'homme.*
- 3) "тот" — в смысле "тот самый", т.е. "тот, о котором уже шла речь": *Dans la rue nous avons vu une jeune fille. La jeune fille était très belle.*
- 4) "тот самый" в смысле "тот, что само собой разумеется в данной ситуации": *Je voudrais parler au directeur.*
- 5) "тот самый", т.е. "тот, что само собой разумеется в любой ситуации": *Le soleil brille. Le ciel est bleu.*

2) ОА: **мн. число:** *le, la* —> *les*, "умножение" тех же случаев:

- 1) "те, эти, свои": *Chaque matin je me lave les mains et je me brosse les dents.*
- 2) "и те, и эти", т.е. "все", т.е. "все": *J'aime les animaux, surtout les chiens.*
- 3) "те самые", т.е. "те, о которых уже шла речь": *En rentrant à la maison, j'ai rencontré deux hommes. Les hommes portaient deux grandes valises.*
- 4) "те самые", т.е. "само собой разумеющиеся в данной ситуации": *S'il fait chaud, ouvre les fenêtres.*

5) — мн. число отсутствует.

Как видно из формулировок, случаи употребления НА и ОА в нашей схеме "выражены" через исходные "один" и "тот, этот", и все они оказываются тесно увязанными между собой, поскольку каждый из них соответствует одному из лексических значений исходной части речи. Текст формулировок носит характер не строго научный, а скорее научно-популярный. По нашему мнению, такой стиль изложения допустим, поскольку на младших курсах изучается не теоретическая, а практическая грамматика, и в учебных целях некоторая схематизация и упрощение могут оказаться вполне уместными и даже желательными. В даль-

нейшем же, в курсе теорграмматики этот материал будет проработан гораздо более глубоко и обобщенно.

Для проверки валидности предлагаемого нами подхода по формированию навыка употребления А мы провели методический эксперимент в группе из 12 человек II курса английского отделения факультета иностранных языков ХГУ, где ФЯ является вторым языком. На протяжении двух недель было проведено несколько экспериментальных занятий, на каждом из которых работе с А уделялось 15-20 минут. В принципе, этот материал был изучен группой еще на I курсе, однако уровень его усвоения оказался явно недостаточен, вследствие чего наш эксперимент носил не только обобщающий и систематизирующий, но еще и обучающий характер.

Эксперимент проходил в 3 этапа:

I этап. Предэкспериментальный срез.

Студенты выполняли 2 задания: 1) перевод с УЯ на ФЯ 10-ти предложений (того же типа, что и в упражнениях на II этапе — см. ниже); 2) письменный пересказ текста объемом около 0,5 стр. (изложение в *Présent*, знакомая лексика).

II этап. Экспериментальные занятия.

I занятие — НА (все случаи употребления).

II занятие — ОА (случаи употребления 1, 2, 3).

III занятие — ОА (случаи употребления 4, 5).

IV занятие — повторение всех случаев употребления НА и ОА.

Ниже мы приводим образцы упражнений, выполнявшихся на I-м занятии (упражнения частично заимствованы нами из /3/. На следующих занятиях упражнения такого же уровня сложности.

I. "Условный" перевод: Это ручка. Это шариковая ручка. Это шариковая ручка с синим стержнем.

II. Перевод на ФЯ: Я получил письмо от моего друга.

III. Заполнение пропусков и обоснование употребления НА: Elle va avoir 17 ans. Je voudrais lui offrir ... cadeau.

III этап. Постэкспериментальный срез.

Выполнились задания, аналогичные заданиям предэкспериментального среза. Характерные ошибки, допущенные студентами, относятся, в основном, к одному и тому же типу — употребления ОА вместо НА (подчеркнуто — см. ниже).

I. Предэкспериментальный срез:

1) перевод: а) Une nouvelle institutrice est venue à l'école; б) J'ai reçu une lettre de mon ami;

2) изложение: а) Dans le parc maman s'assied sur un banc; á) Je joue à cache-cache avec des enfants;

II. Постэкспериментальный срез:

1) перевод: Il nous faut faire une traduction, c'est pourquoi nous cherchons un dictionnaire francais-russe.

2) изложение: Près de l'école il e a une cour avec des arbres.

Результаты эксперимента приведены в таблице:

Предэкспериментальный срез (количество ошибок в %)		Постэкспериментальный срез (количество ошибок в %)	
Перевод	Изложение	Перевод	Изложение
30,5%	44%	11%	18%

Мы включили в контрольные задания письменный пересказ, поскольку лексико-грамматический перевод далеко не всегда адекватно отражает истинный уровень усвоения: модели предложений здесь по сути те же, что и в тренировочных упражнениях на практических занятиях, и в процессе перевода зачастую срабатывает механическая память и аналогия. При пересказе же, где в значительной мере имеет место самостоятельное конструирование предложений, приобретенные знания и навыки проявляются более отчетливо.

Из таблицы видно, что число ошибок по окончании эксперимента заметно уменьшилось, так что, по-видимому, наш подход можно считать достаточно результативным.

Общезвестно, что методическая проблема А очень сложна и количество посвященных ей работ чрезвычайно велико. Предлагаемый нами подход, условно названный диахрони-

ческим, сможет, на наш взгляд, дополнить другие методики по формированию навыка употребления А. Суть его заключается в достаточно наглядной, как нам представляется, демонстрации "следов" происхождения А в основных случаях его употребления посредством формулировок, составленных таким образом, чтобы понятия "один" и "этот, тот" фигурировали во всех пунктах нашей схемы. Таким образом обеспечивается "перекидывание" семантического "мостика" от одного случая употребления А к другому на вербальном уровне, что способствует установлению логического "мостика" на уровне ментальном.

Список литературы: 1. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. - М. - 1979. 2. Попова И.Н., Казакова Ж.А., Ковальчук Г.Н. Французский язык. Учебник для I курса институтов и факультетов иностранных языков. - М. - 1990. 3. Пritchard Л.М. Трудности французского языка. - М. - 1983. 4. Сергиевский М.В. История французского языка. - М. - 1938.

С. Н. Денисенко, д-р філол. наук /Львів/

НІМЕЦЬКО-РОСІЙСЬКИЙ СЛОВНИК РОЗМОВНОЇ ЛЕКСИКИ В.Д.ДЄВКІНА ТА ЙОГО ЗНАЧЕННЯ ДЛЯ СУЧАСНОЇ ЛЕКСИКОГРАФІЇ

Сучасна лексикографія характеризується як мистецтво укладання словників різного призначення та як розділ мовознавства, у якому розробляються теорія і практика створення словників, а текст словника вважається особливим літературним жанром /1/.

Важливе місце при такому підході відводиться розробці в першу чергу тлумачних, фразеологічних та перекладних (двомовних) словників. Вони набувають рис показового виміру національної мовної культури, ступеня розвитку літературної мови даної національності, і в той же час виступають могутнім засобом її організації. А тому все більше зростає відповідальність дослідників-словників.

У зв'язку з цим, наприклад, говорячи про словникову кодифікацію російської мови, Ю.Н.Караулов висловлює таке цікаве узагальнення: "Лексикографія виявляється каналом лінгвістичної науки ..., який надає безпосередній вихід на кожного члена суспільства. І в цьому відношенні лексикографія несе відповідальність за всю лінгвістику, вона виявляється обличчям науки, за нею, за її сталою здатністю забезпечити успішну комунікацію, впливати на мовленнєву практику, підвищення культури мови — судять про русистику в цілому, тобто лексикографія володіє "ефектом представництва" у мовознавстві. Предмет лексикології як науки формується на сьогодні все частіше на фоні лексикографічної, загальнолінгвістичної і філософської традицій /2/.

Знаменно, що в новітній лінгвістиці виник і вже досить утвердився окремий напрямок — лексикографічна лексикологія. Вона охоплює також дослідницький опис, який базується на лексикографічних дослідженнях.

Лексикографія — це самостійна галузь наукового знання, майбутність якого все більшою мірою визначається відходом від компілятивної методики побудови словникових довідників різного призначення. Звідси і зростання у лексикографії відповідно мовознавчої функції. Лексикографія як явище *act generis* являє собою основний канал, через який лінгвістика виявляє і обнародує результати своєї діяльності. В цьому сенсі лексикографія може розглядатися як своєрідна служба спілкування між лінгвістикою — наукою про мову, і суспільством, зацікавленим у пізнанні мови, а словникова продукція як головне, чим лінгвістика звітує перед суспільством. А тому цілком зрозуміло, що в кращих концепціях побудови словника кожного жанру дані сучасної лінгвістичної науки і практики розглядаються і вважаються основоположними, висхідно базовими. До того ж новітня загальна і окрема лінгвістика володіє уже такою результативністю, коли можливі оптимальні виходи на конкретні реалізації. Так, на сьогодні слід розглядати, наприклад, лексик, граматик, практику перекладу, лінгводидактики. Сучасна лексикографічна практика характеризується виключною інтенсивністю словникової справи.

У світлі всього сказаного яскравим прикладом може бути нова фундаментальна праця відомого російського германіста, авторитетного фахівця в царині дослідження німецької розмовної мови (синтаксис і лексика), лексикології і лексикографії Валентина Дмитровича Девкіна "Немецко-русский словарь разговорной лексики" /3/. Словник вміщує біля 12 тис. слів і 40 тис. словосполучень сучасної німецької мови, які мають розмовну і фамільярну забарвленість, з перекладом на російську мову та ілюстрованими прикладами німецьких слів і виразів.

Словник призначений для фахівців в галузі німецької мови: викладачів, перекладачів, наукових працівників, для тих, хто вивчає німецьку мову і читає німецьку художню літературу та пресу в оригіналі, а також для зарубіжних германістів і славістів.

В передмові автор обґрунтовує укладання словника німецької розмовної лексики тим, що без знання розмовно забарвленої лексики неможливо обійтись при вивченні іноземної мови, позаяк ця лексика складає досить вагомий, невід'ємний частину лексику. Вона в своїй основній масі доступна і знайома кожному носієві мови, бо ужиткове мовлення відкрите кожному. Далі автор зупиняється на значенні вивчення розмовної лексики. Якщо пластами літературного вокабуляра оволодівають в результаті спеціального навчання, то розмовним пластом природно, стихійно, без навчальних зусиль, жартує. Знайомство з розмовною лексикою потрібно, щоб розуміти ужиткове мовлення, щоб спілкуватися, щоб сприймати художню літературу, мову театру і кіно, щоб оволодіти важливою частиною лінгвокраїнознавства, щоб уміти розшифровувати підтекст, дотепи, асоціативний план висловлювань, щоб усвідомлено відноситися до стилістичної відповідності оформлення висловлювань з диференційним володінням нормами культури мови, щоб привернути увагу до досить істотного, завжди динамічного, часто експресивного і компресивно інформативного лексичного пласту.

Глибоко фахово і науково автор підходить до питання об'єднання розмовної лексики в рамках одного словника, в такий спосіб розкриваються перспективи її подальшого теоретичного осмислення, щоб більш досконало подавати її в лексикографічній і навчальній практиці. Включення в словник знижених і маложиваних одиниць — "запрошення" до їхнього вживання і активізації. Треба не беззастережно засуджувати які-небудь "погані" слова, а знати їх, правильно осмислювати і кваліфікувати, розвивати почуття мови, допомагати зрозуміти, де, ким, коли, за яких обставин доречно і доцільно користуватися такими засобами.

Вивчення розмовної лексики важливо і для методики викладання іноземних мов, коли неодмінно виникає два питання, чому і як навчати. Відбір матеріалу для активізації відбувається за допомогою мовознавців. Розумне виділення того, що підлягає тренуванню, можливе лише при умові достатнього знайомства з різними ділянками будови мови. Ужиткове мовлення іноземця не повинно бути ні офіційним, ні надто неформальним і фамільярним. Постійно доводиться враховувати те, що навіть в умовах цілком ідентичних взаємних ситуацій допустиме для носія мови виявляється недозволене для іноземця. Фактор комуніканта надзвичайно важливий. Природне для одного стає дивним, незвичним, а іноді навіть комічним для іншого.

Введення в іноземне мовлення знижених слів вимагає великого мистецтва, яким далеко не всі встигають опанувати. Під час офіційного спілкування з носієм мови вкраплювання фамільярних слів може бути сприйнято як виклик, як нездолене панібратство, як недопустиме змішування стилів. Черезмірна нормативність і підкреслена літературність мовлення людини, яка вивчила чужу мову, завжди привертають до себе увагу. І в цьому немає нічого поганого. Це значно краще, ніж невдала спроба забезпечити природність мовлення.

Словник В.Д.Девкіна відіграє свою позитивну роль і в теоретичному осмисленні даного фонду, в уточненні поняття розмовності, її семантичної специфіки, в удосконаленні стилістичного аналізу, у розвитку співставної типології німецької і російської мов, теорії перекладу, лексикографії.

Автор виходить з уточнених теоретичних посилань, дає більш ретельно і повно відібраний вокабулятор, адекватно відображає і передає розмовну специфіку, ілюструє характерними прикладами вживання розмовних слів у мовленні, наводить російські відповідники і таким чином покладає початок співставного вивчення лексичного розмовного фонду німецької і російської мови, що може бути напрацьовано і на прикладі інших мов.

Словник як твір довідкового характеру забезпечує достатню інформативність і повноту поданих відомостей при збереженні короткості, компактності, оглядовості подачі матеріалу.

Праця В.Д.Девкіна — словник нового типу, якому немає аналогів ні в німецькій, ні в російській лексикографії. Він відрізняється від словника розмовної мови Л.Кюппера /1987 р./, від розмовного фонду тлумачних словників загального типу. Словник включає розмовно-забарвлений шар, пограничний з нейтральним та приводить багаточисленні приклади слововживання, подає переклад опорних слів на російську мову.

Свіжість і оригінальність багатого фактичного матеріалу та наявність цілого ряду нових дозволує використовувати словник і як захоплюючу книгу для вибіркового читання.

Значення цієї унікальної лексикографічної праці важко переоцінити.

Список літератури: 1. Дубичинский В.В. Искусство создания словарей. Конспекты по лексикографии. Харьков, 1994. 2. Караулов Ю.Н. Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988, С.5. 3. Девкин В.Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики. Deutsch-russisches Wörterbuch der umgangssprachlichen und saloppen Lexik. М., 1994.

В. А. Дмитренко, канд. филол. наук /Харьков/

СТРУКТУРА ИНТРОДУКТИВА В АНЕКДОТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Человеческая речь информативна по своей природе. Анекдотический текст, как продукт акта коммуникации, как субъективное отражение объективного мира, тоже информативен. Информация, передаваемая в анекдоте, многослойна, и предьявляется не сразу, а последовательно. Структурно-композиционный анализ внутренней динамики анекдотического текста выдвигает ряд проблем: 1) сегментации, 2) определения связей и соотношения между сегментами. Так как исследуются здесь в первую очередь действия и их результаты, то ядрами элементов выбраны предложения-высказывания — т. е. предикативные группы.

Для формализации процесса передачи информации при актуализации текста анекдота предлагается инвариантная семантико-информативная модель построения данного типа текста как фольклорного комического образования малого объема /2/, которая раскрывается в композиционных блоках. Данная модель отражает внутреннюю структуру анекдота, которая представляет собой способ взаимосвязи, взаимодействия образующих ее элементов /1:27/. Так как анекдот — это законченный текст в структурном и содержательном аспектах, то этот текст является единицей, в которой все коммуникативно значимые части относятся друг к другу. Все эти части, или блоки, находятся на оси "общего замысла". Между композиционными элементами анекдота существует определенная преемственность, обеспечивающая целостность текста, его связность. Коммуникативная схема идеального комического микротекста представляет собой единство четырех элементов: заглавия, интродуктивного блока, компликативного блока и эксплозивного блока, выполняющих архитектурную, организующую, интегрирующую функции. Такие композиционные блоки как интродуктивный и эксплозивный — облигаторны, устойчивы, в то время как заглавие и компликативный блок — факультативны.

Структурно-композиционные блоки переходят из одного текста в другой, но смысловое наполнение их различно. Компликативный блок раскрывает и описывает тему, представленную в интродуктиве, а также уточняет ситуацию и взаимоотношения между действующими лицами. Эксплозивный блок несет рематическую нагрузку текста анекдота, именно здесь содержится его основная воздействующая сила.

Рассмотрим интродуктивный блок. Этот блок вводит тему, ситуацию, тип речи, действующих лиц, информацию о месте, возможно — времени действия. Здесь полностью отсутствует их описание или характеристика. С другой стороны, основным компонентом этого блока является действие (ср. Чукча приехал в Москву; В аптеке стоит большая очередь; Один мужик говорит другому... и т.д.). Компликативный блок задает также тему всего анекдота.

В следующем примере интродуктивный блок вводит информацию о месте действия, о времени, об актантах ситуации и об образе действия одного из них: Bobby was spending the afternoon at his aunt's. He was standing at the window, looking out of it in a painfully thoughtful sort of way. "What makes you so serious, Bobby?" "Why, Ma told me that I must remember not to ask for anything to eat, and I'm trying to remember it".

Информация, введенная в интродуктивный блок, является необходимой для правильного восприятия анекдота, причем каждая деталь и подробность несет определенную смысловую нагрузку. Информация, заключенная в интродуктивном блоке, имеет познавательное, смысловое значение и логическое завершение, напр.; "Во время пропажи экспедиции Нобиле письма и телеграммы, связанные с розыском, принимались во всем мире бесплатно. И вот муж шлет телеграмму жене: "Маша, ищи Нобиле, а не найдешь, ищи муку". Интродуктив, как правило, содержит максимум информации при жесткой экономии языковых средств. Так, наиболее распространенной формой выражения интродуктивного блока, как в германских, так и в славянских языках, является авторская речь, предшествующая первой реплике коммуниканта. Обычно интродуктив уместается в рамки сложносочиненного или сложноподчиненного, реже — простого предложений: It was a deathbed scene, but the director was not satisfied with the hero's acting. "Come on! he cried. Менее распространенной формой интродуктива является авторская речь, введенная после первой реплики. В таких случаях первая реплика, открывающая анекдот, также является интродуктивной: "Tell me, darling, what did Daddy say when he fell off the ladder?" Asked the Mother of her small son. "Will I miss out the nasty words, Mum? he asked in return. - Of course, dear". "He said nothing". Интересно заметить, что первая реплика интродуктива вводит, кроме активных актантов (мать и ее сын) и пассивного актанта (отца), непосредственно не принимающего участия в данном иллокутивном акте, однако являющегося обязательным действующим лицом, активным "создателем" комической ситуации.

Нередки случаи, когда авторская речь вообще отсутствует в интродуктивном блоке или относится к другим блокам. В таких анекдотах информация об актантах, времени и месте действия вводится по мере развертывания действия, в составе других композиционных блоков, чаще всего в компликативном, и в таких случаях можно говорить об их имплицитно введенной интродуктивной части. Анекдоты такого типа чаще встречаются в славянских языках, особенно в украинском. Имплицитно введенная информация в интродуктиве обычно выражается с помощью не только лексических, но и синтаксических средств. Напр.: - Ти вчора проводжав оту крихітку з кіно додому? — Егеж. — І далеко вона мешкає від кінотеатру? — Та так собі, три кафе і одна кондитерська.

В данном анекдоте вводятся имплицитно два действующих лица (молодые люди). Об их дружеских отношениях свидетельствует местоимение второго лица единственного числа (ти); третье действующее лицо (девушка) вводится имплицитно (пассивный актант).

Нередко действующие лица в анекдотах, в которых отсутствует авторская речь, вводятся с помощью обращений актантов друг к другу: — "Ты брал мою машину вчера вечером, сынок? — Да, папа, я отвозил на ней своего приятеля в другой конец города. — Ладно, только скажи ему, что он забыл на переднем сиденье маленький шелковый платочек.

Следует отметить довольно примечательные случаи выражения интродуктивной части в виде авторской ремарки: Он (после скандала с отчаянием в голосе): Ну и дурак же я был, когда женился на тебе! Она: Конечно, но я-то надеялась, что ты поумнеешь!

Следующая группа интродуктивов представлена предложениями с прямой речью, формальной структурой которой является реплика. Прямая речь может быть выражена повествовательным, вопросительным предложениями, а также может прерываться словами автора, или ремарками, которые, являясь специфическим способом отражения элементов несловесной коммуникации в письменном тексте, способствуют прагматической интерпретации сообщаемого в актуализирующей реплике" /3; 4/. По положению ремарок относительно реплики, можно различать, например, предшествующие репли-

ке ремарки (см. пример выше). Наблюдения показывают, что ремарки в английских анекдотах встречаются гораздо чаще, чем в славянских. Слова автора, являясь косвенной речью, могут разрывать прямую речь в вопросительных предложениях, например: "Herbert, said the mother to her 6-year-old son, "is it possible that you are teaching the parrot to use slang?" "No, Mama," replied Herbert, "I was just telling him what not to say".

Форма интродуктива может варьироваться в зависимости от тематической принадлежности анекдотов. В исторических анекдотах, где описываются события, которые современным слушателям малознакомы, интродуктивный блок носит описательный характер: "Императрица Елизавета Петровна очень любила носить мужской костюм, который при ее высоком росте, красоте и замечательной стройности шел к ней еще более, нежели женский. Она даже приказывала, чтобы на придворных маскарадах все кавалеры являлись в женских нарядах, а дамы — в мужских"...

В интродуктивном блоке превалирует, таким образом, содержательно-фактуальная информация. В бытовых анекдотах, где речь идет о ситуациях, хорошо знакомых слушателю, интродуктив очень короткий, часто укладывается в рамки простых двусоставных полных и односоставных именных распространенных и нераспространенных предложений. Содержательно-фактуальная информация в анекдотах выражена эксплицитно в большинстве случаев, она представлена емко и сжато в силу свойства самой формы анекдота. Интродуктив не обладает концептуальностью, поэтому он лишен каких бы то ни было экспликативных эмоционально-субъективных характеристик и довольно легко схематизируется. Удачно спланированный интродуктив обеспечивает адекватную интерпретацию последующих блоков текста анекдота — компликативного и, главное, эксплозивного. Такой короткий отрезок текста анекдота, как интродуктив, может вобрать в себя минимальный лингвистический и экстралингвистический контекст, когда целые ситуации могут быть описаны даже одной фразой: Из разговоров в поезде: Вы знаете, у меня жена — ангел! — Счастливцев, а моя жена еще жива! или словом: Характеристика: От сохи, но с маникюром.

Описанные средства структурирования интродуктивного блока текста анекдота обеспечивают связность компонентов между собой и направлены на раскрытие и адекватную интерпретацию эксплозивного блока. Языковые средства только способствуют этому пониманию. Семантическая связность объединяет содержательные, языковые, социологические, культурные, идеологические и другие аспекты анекдота. Таким образом, данные тексты объединяются на структурно-информативном уровне, так как имеют определенную структуру, представляющую собой организованный отрезок композиции. Роль композиции в тексте анекдота состоит в том, чтобы создать логическое единство темы и наиболее ярко и полно выразить мысль адресанта. Четкая согласованность всех композиционных элементов раскрывает тему во всей полноте, предопределяя основное прагматическое направление самого текста анекдота.

Список литературы: 1. Дмитренко В.А. Анекдот как отражение современной реальности, его роль и функции // Види мовленнєвої діяльності: лінгвістичні та дидактичні аспекти. - Тези наукової конференції та 3-го українсько-німецького симпозіуму 18-21 жовтня. - Харків, 1995. - С.27-28. 2. Дмитренко В.А. Проблема изучения маломформатных фольклорных текстов с жанрово-стилистической доминантой комического // Система мови та мовленнєва діяльність. - Вісник Харківського державного університету. - №386. - 1996. - С.48-51. 3. Солошук Л.В. Структурно-семантичні і прагматичні характеристики ремарок в драматургічних произведениях. - Автореф. ... канд. дисс. - Киев. - 1990.

Я. В. Долгополова /Харьков/

ПРОМИСЛИВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО И ФОРМАЛЬНОГО ВАРИИРОВАНИЯ

Речевой акт обещания был выделен и впервые описан Дж.Л.Остином, который положил начало классификационной деятельности в области речевых актов.

Промисивы — это те иллокутивные акты, цель которых состоит в том, чтобы возложить на говорящего обязательство совершить в будущем некоторое действие или следовать определенной линии поведения /Дж.Л.Остин 1965:32/.

Класс промисивов включает в себя речевые акты, отличающиеся друг от друга как степенью обязательства, так и социальными условиями их появления.

Классифицируя данные речевые акты по семантическому критерию, мы подразделили их на шесть семантических разновидностей: обещания-обнадеживания, обещания-уверения, обещания-директивы, обещания-ручательства (гарантии), обещания-клятвы и обещания-угрозы.

К **обещаниям-обнадеживаниям** мы отнесли такие высказывания, в которых о выполнении обещанного действия не просили. Пресуппозиция такого высказывания содержит выраженный намек или угадываемое желание/ожидание собеседника.

e.g. Mortimer: We're dining with the Vancouvers at 8.15.

Constance: For eight-thirty. I promise I'll send her home in good time to dress.

M: She'll give me another chance?

C: Yes, yes.

M: I'd do anything in the world for her. /S.Maugham/

Обещание-уверение направлено на изменение эмоционально-психологического состояния собеседника. Уверяют, как правило, не в ответ на просьбу, а как бы наперед, зная или предполагая недоверие или отрицательное эмоциональное состояние собеседника, поэтому обещание чего-либо приятного подкрепляется уверением в его осуществлении.

e.g. — Do you know who pulled you out? — Brett asked Cliffie.

— I assure you we'll find out, Brett, — Edith said. — The whole town will know tomorrow. (P.Highsmith)

Отличительным признаком **обещаний-директив** является тот факт, что оно всегда сопровождает императивные высказывания, выступая как бы продолжением, составной частью команд, распоряжений, инструкций, рекомендаций и т.п.

e.g. — Sit down, woman! — shouted Philomena. — Talk to my son. I am not as old as you. I'll make the tea. (S.Townsend)

В случае **обещания-ручательства (гарантии)** говорящий принимает на себя большую степень ответственности за выполнение обещанного, а также, как правило, ограничивает себя сроками выполнения.

e.g. Norman: I'll give you a ring. Can I?

Annie: Yes. If you...

Norman: Next time I guarantee I'll plan it a bit better, Annie. I'll fix it well in advance — so that... (Ayckbourn)

Особенностью такой разновидности обещания как **клятва** является серьезность намерения совершить обещанное действие, связанное, как правило, с особым эмоциональным состоянием говорящего, вызванным чрезвычайностью или особой драматичностью ситуации. По этой причине клятвы нередко обращены к некоему высшему авторитету (например, богу, церкви, учителю-гuru и т.д.):

e.g. — I swear I'll perform my promise, — he said, — but this matter, Mr. Hartright, shall not end here. (D.Lessing)

Если говорящий обещает сделать нечто явно нежелательное или неприемлемое для собеседника, то обещание превращается в **угрозу**.

e.g. — I'm sick and tired of your lies, Billy. If you don't tell me where it went, I'll thrash it out of you! (R.Hattersley)

Языковое оформление промисива во всех его семантических разновидностях происходит средствами функционально-семантического поля футуральности, т.к. основной отличительный признак — семантический инвариант данного речевого акта — направленность в будущее. Формальные средства выражения — компоненты поля — достаточно широко варьируют в зависимости от типа промисива.

Так, в передаче обещаний-обнадеживаний явно доминируют ядерные грамматические средства, представленные структурами с shall/will: the Future Simple (Indefinite), the Future Continuous, peже the Future Perfect.

e.g. You two can put yourselves to bed. I'll come up and say good night. (Lessing)

e.g. Go and wash your hands and face, Cliffie. We'll be going out to dinner soon. (P.Highsmith)
e.g. I shall have finished this work if you come at seven o'clock. (R.Hattersley)

Помимо грамматических средств в речевом оформлении данного типа промисивов участвуют также и лексико-грамматические средства, представленные грамматико-лексическими конструкциями с футуральной референцией (to be going + инфинитив), и лексические средства, к которым относятся модальные глаголы и глаголы футуральной ориентации — перформативные глаголы (promise).

e.g. He looks in very bad condition. I'm going to give you enough for a couple of tins of dog food and some conditioning tablets — Bob Martin's are good. (S.Townsend)

e.g. Please sponsor this project today. With your help, we really can change the future. ("The Guardian")

e.g. At least I promise I'll come and talk to him. (R.Hattersley)

Примечательно, что именно в речевом оформлении обещаний-обнадеживаний наблюдается самое большое разнообразие, максимальная вариативность разноуровневых средств. Причиной этого, по нашему мнению, является семантическая неопределенность и размытость понятия "обнадеживание", которая и вызывает широкий фон флуктуаций.

По сравнению с обещаниями-обнадеживаниями, в которых преобладают грамматические средства выражения, в обещаниях-уверениях возрастает число лексических единиц, а именно, перформативных глаголов (assure, promise), конкретное лексическое значение которых усиливает эффект воздействия обещания на собеседника, подчеркивая уверенность говорящего в его осуществлении.

e.g. — I assure you, I'll try the last chance tomorrow.

— Yes, the last chance and the best. — I whispered back. (G.Mikes)

Обещания-директивы строятся почти исключительно посредством глагола will, употребляемого в своем модальном значении (желание, волеизъявление). Тем самым подчеркивается, что во всех случаях автор высказывания выступает как гарант реальности обещаемого. Естественно поэтому, что данный тип промисива представлен предложениями с подлежащим в первом лице.

e.g. You say that, Mester Hattersley. But you can't be sure. It's not worth it. Take him back. I will go down to Shalesmoor to get him. (R.Hattersley)

В речевом оформлении такой разновидности промисива, как ручательство/гарантия повышается удельный вес лексических средств и их разнообразие. Расширяется перечень перформативных глаголов, включающих помимо promise такие, как guarantee, vouch, assure. Однако, несмотря на разнообразие, не все перформативные глаголы оказываются одинаково "нагруженными" в речи.

e.g. This Government keeps its promises. We promise to build half a million new houses this year and we'll give jobs to a hundred thousand construction workers! (S.Townsend)

Помимо лексических средств в оформлении данного типа промисивов участвуют также и лексико-грамматические средства, представленные такими структурами, как to be going + инфинитив, to be certain + инфинитив.

e.g. This fire is certain to produce a panic in the morning. (Dreiser)

e.g. Next time, I'm gonna get this right. ("Newsweek")

Выражение клятв также оказывается весьма лексикализированным, причем передается исключительно с помощью перформативных глаголов с соответствующим предельно конкретным лексическим значением: swear, vow. Грамматические средства, которые иногда их сопровождают, характеризуются в нашей выборке весьма низкой употребительностью.

e.g. — What were we saying?

— About Eisenhower — how he did nothing about McCarthy. If Eisenhower won't, I swear I will! (P.Highsmith)

Что касается обещаний-угроз, то данный тип промисива передается в основном структурами с shall, выступающими в отчетливо выраженном модальном значении (shall - угрозы).
e.g. You know more than you choose to tell. Won't you tell it? You shall! I'll wring it out of you at home if I can't wring it out of you here! (W.Collins)

Подводя итоги, можно констатировать, что чем однозначнее, конкретнее и семантически уже понятие, заключенное в данном типе промисива (дифференцирующий семантический признак, например, угроза, клятва, гарантия и др.), тем выше его маркированность и значительнее роль лексических, в том числе модальных средств, в его речевом оформлении.

Чем размытее и неопределеннее понятие (например, обнадеживание, уверение), тем чаще такие разновидности промисива требуют грамматических средств, главным образом, *shall/will* структур в объективно-временном значении.

Г. В. Ейгер, д-р филол. наук,
А. П. Краснящих /Харьков/

ПРОБЛЕМА "ФРАГМЕНТ/ЦЕЛОЕ" В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖ.ДЖОЙСА И А. БЕЛОГО И В МИРОВОСПРИЯТИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА.

Проблема противопоставления фрагмента целому всегда была актуальной как для истории культуры, так и для литературоведения, лингвистики, эстетики, философии и психологии. С ее помощью определились художественные методы писателей и художников, выяснялись творческие принципы художественных направлений и оформлялось в теорию мировоззрение эпохи.

Оппозиция фрагмента и целого стала квинт-эссенцией доминирующего мировидения нашего времени — постмодернизма, что подчеркивается недавно изданным в Германии теоретическим сборником "Fragment und Totalität". Frankfurt/M: Suhrkamp, 1984.

Проблема взаимоотношения фрагмента и целого была ключевой для миропонимания выдающихся писателей начала XX века Джеймса Джойса и Андрея Белого. В философии символизма Белого эта проблема была представлена аспектами: "как достичь максимально органичного взаимодействия фрагментов между собой?" и "приобретает ли целое качественно новые характеристики после процесса соединения фрагментов или остается лишь механической суммой самостоятельных ингредиентов?".

Решая проблему "фрагмент/целое", Белый разграничивает теорию символизма и свое творчество от предыдущего натурализма XIX века. Эта же проблема дает возможность вывести художественные миры Джойса и Белого за рамки модернизма и последующего постмодернистского мировоззрения. Для философии творчества Белого принципиально важен акцент на целом (т.е. синтезе), проблема "фрагмент/целое" в теории Белого представляется бинарными оппозициями "анализ/синтез" и "дисгармония/гармония". Заявляя: "...самое мое мировоззрение — проблема контрапункта диалектики энного рода методических оправ в круге целого..." /1:10/, Белый делает принципиальный выбор синтеза и гармоничности. Так же, как анализ только процесс, вектор в сторону фрагмента, синтез — акцент на целое. Самим же целым, результатом процесса синтезирования, по Белому, является символ: "1) символ ... есть последнее предельное понятие, 2) ... символ есть соединение чего-либо с чем-либо...; мы называем это соединение символом, и не синтезом; и вот почему: существительное слово "символ" происходит от глагола "сьюмбалю" (вместе бросаю, соединяю); символ есть результат соединения; существительное "синтез" производимо от глагола "сьюнтитэин" (вместе полагаю); когда я полагаю разнородное вместе, то еще не предпрещено, соединяю ли я вместе положенное; слово "синтез" предполагает скорей механический конгломерат вместе положенного; слово же "символ" указывает более на результат органического соединения чего-либо в чем-либо" /1:36/.

В самом художественном мире Белого-писателя символ как оформленное целое, результат органического соединения фрагментов, воплощается в 1) полистилистике, характерной как для ранних "Симфоний", так и для романов "Петербург" и "Москва"; 2) гротесках-образах, принимающих в себя самые всевозможные и разнообразные национальные, психологические, политические и социальные характеристики; 3) дериватах, состоящих из нескольких слов, иногда из разных языков; 4) "Арабесках" — именно такое название дал Белый своему сборнику статей, выражающих его символистскую позицию.

Основополагающим для образования символа является ассоциативный метод. Можно сказать, что, где присутствует ассоциация, где она аллюзиями, пародиями или обыгрыванием "целплет" явление с явлением, образ с образом, черту с чертой и слово со словом, там

процесс синтезирования завершается символом, целым. Где оборваны ассоциативные нити, и образы, слова, характеристики разбегаются друг от друга, аналитический процесс приводит к самоизолированным фрагментам.

Аналогичное явление символизации характерно и для творчества Джеймса Джойса. Согласно его теоретической позиции, любой процесс становления и развития, будь то познание мира, общение или акт творчества, проходят три стадии: 1) понимание целостности и 2) гармоничности всего сущего и явленного и 3) открытие-откровение, "новый взгляд" на предмет, при котором он перестает быть чужим и "вещью в себе" и открывается познающему полностью. Такое открытие Джойс назвал эпифанией. Эпифания по генетивному признаку образования целого путем органического взаимодействия фрагментов может рассматриваться как аналог символа, а философия творчества Джойса — в контексте теории символизма Белого.

Для произведений Джойса характерны те же инкарнации символа: полистилистика (каждая из восемнадцати глав "Улисса" имеет свой стиль, иногда — несколько), гротеск (персонажа, собранного из фрагментов, Джойс назвал *everyman* — всечеловеком) и дериват. Последний часто выступает в виде каламбура, и, в таком случае, функции ассоциаций выполняет профанирующая ирония: "липкослащавая девина" /4:163/, "болтающаяся плащезонтность" /4:173/ и т.п.

Формообразующим принципом для "собираания" целого — эпифании в творчестве Джойса является поток сознания. Для своего последнего произведения — романа "Поминки по Финнегану" ирландский писатель ставил цель: собрать воедино все грани "видимо-слышимо-осязаемо-сладостного мира".

Таким образом, в философии творчества Джойса и аналогичной ей теории символизма Белого проблема взаимоотношения фрагмента и целого решается в сторону целого. Фрагмент при этом выступает не самостоятельным субъектом, а необходимой частью множества синтезируемых. Фрагменты связываются между собой ассоциациями, которыми могут служить аллюзии, пародии или ключевые слова. Целое становится гармоничным единством вследствие органического синтеза фрагментов и лишь в этом случае приобретает совершенно новые качества, которых не было у фрагментов до синтезирования.

Для того, чтобы процесс синтезирования дал в результате качественно новое целое, фрагменты должны пониматься не столько самостоятельными (в этом случае он может привести к анализу и эклектике), сколько одновременными. Поэтому принцип одновременности изображения многих событий и явлений Джойс делает основным. В поэтике "Улисса" синхронизм изображения охвачен формой потока сознания. Чтобы его усилить, Джойс соединяет поток сознания с автоматизмом совершаемых движений: "Я иду его. Да, это. Смотри во всех карманах. Носовой. "Фримен". Куда же я? Ах, да. В брюках. Картофелина. Кошелек. Куда? Спешу. Иди спокойно. Еще момент. Как бьется сердце. Рука его искавшая тот куда же я сунул нашла в брючном кармане кусок мыла лосьон забрать теплая обертка прилипшее" /4:200/.

Сделавшие основой своего творческого метода многоуровневые ассоциативные связи, Джойс и Белый нашли возможность адекватного изображения всех проявлений бытия и форму существования настоящего в историческом контексте.

Отказавшись от поисков цельности, гармоничности мира, постмодернизм потерял и ассоциативные связи. В постмодернистском мировоззрении акцент делается на расщеплении, анализе, что ведет к эклетичности и хаотичности восприятия и изображения: "Постмодернист только разъединяет, фрагменты — это все, чему он еще может доверять. Позором для него становится "тотализация": любой синтез, неважно, какой именно — социальный, познавательный, даже поэтический" (Ихаб Хассан).

Сделав ставку на фрагмент, постмодернизм выработал и специфическую поэтику распада, самодостаточных и самодовлеющих единиц. В художественном воплощении она выразилась в перечне, коллаже и тавтологии. Вместо универсальности символа, который образуется взаимодействием одновременных фрагментов, постмодернизм предлагает иерархию фрагментов, лишенных ассоциативной связи. Поэтому в литературе постмодерна самым распространенным становится прием "текста в тексте": писатель пишет о писателе, который, в свою очередь, тоже сочиняет произведение, герой которого также является автором текста о писателе и т.д. Чуть ли не до бесконечности.

Вместо художественного отражения реальности, взятой в целом, и поисков гармонии бытия (истины, символа, эпифании), постмодернизм видит мир как игру отражений в зеркалах: лишенный ассоциации (т.е. исторической "подпитки", донорства из историко-литературного контекста) фрагмент мечется в интертекстуальных отражениях, оставаясь только собой, ни с чем не взаимодействуя и ни во что не превращаясь. Таким образом, главными характеристиками постмодернистского мироотношения становятся фрагментарность и метод "воспроизведения воспроизведенного": "каждый продукт, каждый тезис в искусстве воспроизводит сейчас нечто, что само по себе уже является воспроизведением" (Ж.Бодрийяр), — о том, что постмодернизм только дублирует или воспроизводит, писал еще один теоретик современной эпохи Ф.Джеймсон.

Синхронизм изображения, игравший решающую роль в "собирании" целого в поэтике символизма, в концепции "воспроизведения воспроизведенного" постмодерна редуцировался до понимания истории как завершенного, статизированного процесса. Постмодернисты видят историю набором одновременно представленных эпох (У.Эко), что лишает ее динамики развития, будущего. Поэтому писатели-постмодернисты так любят "перетасовывать" и "переигрывать" историю — она для эпохи постмодерна не почва (как и действительность), а лишь одно из отражений в бесконечной игре зеркал.

Стоит отметить, что по-символистская и пре-постмодернистская культурная эпоха, ставшая переходной между целостристским и фрагментостристским мироотношением, — модернизм — еще сохраняла ассоциативный синхронизм, хотя и поменяла векторы интенций с синтеза на анализ. Так, основным приемом в кубизме был симультанизм — одновременное изображение разных сторон предмета, которые невозможно увидеть в одно и то же время. Симультанизм был попыткой постигнуть сущность предмета "при помощи множества аспектов, поскольку одна-единственная точка зрения дает лишь "обманчивую иллюзию" /3:103/. Однако сама "картина становится коллекцией отдельных аспектов формы, разрезанной на мелкие куски" /3:103/.

Аналогична и позиция футуризма, застывшего на полпути от синхронизма целого к последовательности фрагмента. Заявляя в манифесте "Новая футуристическая живопись": "...наша натура — машина, ...единственная учительница одновременности действия", /3:128/ — Маринетти признает, что целью искусства является не познание и отображение окружающей действительности, а "созидание новой реальности".

Целостристичность символизма была направлена на постижение истины, смысла всего сущего, происходящего и явленного, взятого в его одновременности, фрагментостристичность постмодерна теряет смысл и гармонию: иерархия фрагментов навязывает воспринимаемому множеству смыслов одного и того же (игра зеркал) события или явления, апеллируя не к нормативно работающей психике, а к аномалии психопатологии. Основное свойство воображения — способность видеть целое раньше частей, которое обеспечивается ценностным контекстом и смысловым полем предмета или явления. Иерархия фрагментов же заставляет воспринимающего метаться между самодовлеющими смыслами, расщепляя в его сознании мир на бесконечное множество лишенных ассоциативной связи фрагментов (введенный в 1911 году Зугеном Блейером термин "шизофрения" переводится как "расщепленное сознание").

Потерю смысла в фрагментостристичном мировосприятии может иллюстрировать новейшее постмодернистское явление — запинг — хаотичное переключение телевизионных каналов, при котором зритель получает механическую сумму различных по длине и никак не связанных между собой отрывков из разнообразных передач: программы новостей, фильма, спортивного обозрения, развлекательного представления, репортажа и т.д. Вырванные из контекста части программ утрачивают собственную смысловую ценность, не образуя при последовательном восприятии и общего единого смысла.

Психопатологическая теория еще в начале XX века предупреждала об опасности эклектичности и фрагментарности для современной культуры: "Порой в произведениях современных писателей встречается уже аффективная расщепленность, распад — то, что мы называем альтернативной аффективностью или амбивалентностью, т.е. противоположные аффекты (радость и печаль, любовь и ненависть) непосредственно

сменяют друг друга или даже существуют одновременно, подобно шизофренику, который и любит, и ненавидит в одно и то же время" /2:47/.

Следовательно, проблема "фрагмент/целое" может являться не только линией демаркации символизма от модернизма и постмодерна, синтеза от анализа, гармонии от эклектики, ассоциативного метода от самоизоляции и самодостаточности, но и может выступать индикатором "психически здорового" или "психически больного" искусства вообще, помогает определить норму и патологию и выяснить, куда ведет путь, выбранный современной философией искусства.

Список литературы: 1. Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. 2. Гриневич В.С. Искусство современной эпохи в свете психопатологии// Клинический архив гениальности и одаренности. Л., - 1928. - Том IV. - Выпуск 1. - С.34-50. 3. Модернизм. Анализ и критика основных направлений. М., 1987. 4. Джойс Дж. Том 2. "Улисс". М., 1994.

*Г. В. Ейгер, д-р филол. наук,
Е. И. Морозова, канд. филол. наук /Харьков/*

ЛОЖЬ И ОБМАН: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ

Для того, чтобы вести разговор о лжи, необходимо четко определить, что входит в это понятие. К сожалению, в силу ряда причин, четко определенные понятия не свойственны гуманитарным наукам в целом /3:13/ и ложь, несомненно, относится к таковым. По словам Линды Колмэн и Пола Кея, ложь — ускользающее понятие /7:42; 8:7/. В рамках настоящей статьи мы можем претендовать лишь на то, что, по мере рассмотрения социальных, прагматических и концептуальных сфер лжи выделим ее некоторые разновидности.

Некоторые авторы употребляют слово "ложь" в весьма широком смысле, в то время как другие избегают данного термина, заменяя его эвфемизмами типа "искажение истины", "терминологические неточности" (Черчилля), "стратегические мисрепрезентации" (теоретиков игры) /10:142/. В повседневной жизни слову "ложь" приписывается множество значений /7; 11/, которые, в частности, варьируются в зависимости от возраста /9/.

Согласно С.Бок /5:13/, ложь есть утверждение, предназначенное для того, чтобы ввести жертву обмана в заблуждение относительно положения вещей в мире, включая намерения и отношение говорящего. Данным определением покрывается большинство утверждений, содержащих обман и называемых ложью. Бок подчеркивает, что для того, чтобы подойти под данное определение, "намеренно вводящее в заблуждение сообщение" должно быть "утверждением". Данное определение, по-видимому, может быть распространено и на случаи самообмана, когда утверждение имеет мысленную, а не устную или письменную форму, являясь частью внутреннего диалога.

Наша трактовка данного понятия в отличие от определений других авторов, не принимает во внимание успешность или неудачу обмана. По нашему определению, ошибки и неправильное понимание не являются ложью, если данные речевые акты были совершены без соответствующего намерения, хотя в речи детей и в некоторых быденных ситуациях они иногда называются ложью /3:11/.

Чизхольм и Феган (1977) приводят детальный логический анализ значения "намерение обмануть": намерение заставить жертву обмана принять понимание положения вещей и/или ментального состояния говорящего, которое последний не считает истинным. Наиболее распространенным способом достижения данной цели является ложное утверждение, которое жертва обмана воспринимает как истинное, но это не единственный способ обмануть. Как отмечает Св.Августин /2:56/, жертвой обмана может стать и воспринимаящий правдивое утверждение как ложное. Мы считаем, что ложь может выражаться как истинным, так и ложным утверждением, а также утверждением, которое частично истинно и частично ложно.

Важно отметить, что различие между правдой и ложью относится к намерениям лжца, а не к действительному положению вещей. Вслед за С.Бок мы не принимаем в нашем определении во внимание истинность или ложность высказывания в онтологическом плане. Ибо ложь — это не просто противоположность истине. Мы можем утверждать что-либо, искренне веря в то, что мы говорим, и в то же время ошибаться. Птолемей вводил в заблуждение своими утверждениями, но он не лгал, когда утверждал, что солнце вращается вокруг земли. Он верил в то, что его утверждение истинно и что люди воспримут его утверждение как истинное. Источником лжи, имеющей потенциально разрушительный социальный эффект, является не ошибка, а сознательное намерение обмануть. В частности, плагиатор может произносить или писать утверждения, которые соответствуют истинному положению вещей и не преследуют цель ввести в заблуждение, однако, плагиат — ложь в том смысле, что плагиатор претендует на авторство.

Различие между правдой и ложью — в намерении говорящего, а не в успешности или неуспешности его намерения. Реципиент сообщения может быть введен в заблуждение, хотя мысль и была передана правильно. Кроме того, потенциальная жертва обмана может распознать обман. Ложь есть ложь, даже если она не достигла своей цели. Но данное различие позволяет разграничить успешную и неуспешную ложь.

Виды лжи также могут быть дифференцированы по типу намерения. В этом плане можно провести различие между белой, социальной, или альтруистической ложью, если соответствующие речевые действия были продиктованы добрыми намерениями, и между сержной, асоциальной, жестокой, или наглой ложью, если в намерения говорящего входило нанесение вреда. Ложь может быть направлена на защиту интересов другого лица, которое можно рассматривать или не рассматривать как жертву обмана. Нередко ложь предназначается для того, чтобы защитить самого говорящего, что необязательно предполагает нанесение вреда кому-либо.

Чизхольм и Феган (1977) в упоминавшейся выше работе анализируют различие между ложью и обманом. Они выделяют восемь способов, путем которых один человек может обмануть другого, и приходят к выводу о том, что только два из них могут быть названы ложью в полном смысле слова. Отметим, что Бок в качестве черты, определяющей вид лжи, выделяет намерение обмануть, тогда как Чизхольм и Феган выделяют типы лжи по ее последствиям, т.е. по тому, что происходит с убеждениями реципиента.

Виды лжи и обмана могут также различаться по типу информирования. Среди выделяемых М.Мазуром /1/ типов информирования следующие разновидности могут являться основой для лжи при соответствующем намерении и последствиях:

1) псевдоинформирование — такое информирование, при котором некоторые сообщения являются общими для нескольких кодовых цепей. Симуляционное псевдоинформирование, при котором некоторые кодовые цепи имеют общие оригиналы, но различные образы, может быть основой лжи, к примеру, при чрезмерном употреблении синонимов и перифраз для создания впечатления об обилии информации. Диссимуляционное псевдоинформирование, при котором некоторые кодовые цепи имеют одинаковые объекты, но различные оригиналы, может рассматриваться как ложь в случае использования говорящим общих понятий/мест, для того, чтобы не обнаружить своего невежества в сфере конкретных знаний. Но, строго говоря, ответы, даваемые в самом общем виде, оставляют простор для различных толкований, поэтому того, кто использует диссимуляционное псевдоинформирование для сокрытия истинного положения вещей, на практике весьма трудно обвинить во лжи.

2) дезинформирование — такой вид информирования, в котором некоторые кодовые цепи не полны. Примерами симуляционного дезинформирования, при котором некоторые кодовые цепи не содержат оригиналов, является чистый вымысел: газетные "утки", украшение репортажа вымышленными подробностями, пропаганда (типа "победоносные сражения" в сводке, хотя на самом деле никаких сражений не было). Оговоримся, что изображение общечеловеческих качеств в художественных образах (литература, театр, кино) не является дезинформированием и, следовательно, не может быть названо ложью. Диссимуляционное дезинформирование, при котором некоторые кодовые цепи не содержат образов, приводит к обману при сокрытии фактов, например, при умалчивании в отчете о своих собственных ошибках, при выборочном цитировании, при-

водящем к искажению общего смысла. В судопроизводстве, чтобы избежать диссимуляционного дезинформирования, применяется известная формула: обязуюсь говорить правду (обязательство трансформирования), всю правду (отказ от диссимуляционного дезинформирования) и только правду (отказ от симуляционного дезинформирования).

3) параинформирование — информирование, содержащееся в ассоциации. Примерами параинформирования могут быть намеки, скрытый смысл высказываний. Параинформирование может привести к недоразумению из-за различий в параинформировании говорящего и слушающего, что еще не может быть квалифицировано как ложь или обман. Однако, на этой основе могут возникать ситуации, когда одно и то же параинформирование для одного лица является паратрансформированием, а для другого — парадезинформированием. К изощренной лжи такого рода нередко прибегают влюбленные в классических пьесах, когда вынуждены говорить в присутствии третьего лица. Еще одним примером парадезинформирования является тот случай пропаганды, когда подбираются слова, учитывающие параинформацию, которая по предположению имеется у слушателей.

4) метаинформирование, заменяющее информирование, также может являться средством намеренного сокрытия истины, т.е. обманом. К примеру, в рекламе, вместо сообщения реальных данных о продукте, может говориться, что он хорош, может проводиться сравнение с другими аналогичными продуктами и т.п.

Суммируем вышеизложенное следующим образом: ложь и обман являются весьма сложными понятиями, лежащими в когнитивной, социальной и интенционально-прагматической плоскостях. В их определении играет существенную роль учет философских и морально-этических аспектов.

Список литературы: 1. Мазур М. Качественная теория информации. Пер. с польск. М., 1974. 2. Augustine S. Theatres on various subjects./Deferrari R.J., ed. Washington, D.C.: Catholic University of America Press. 1952. 3. Barnes J.A. Models and interpretations: selected essays. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 4. Barnes J.A. A park of lies: towards of sociology of lying. - Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 5. Bok S. Lying: moral choice in public and private life. New York: Pantheon Books. 1978. 6/ Chisholm R.M. and Feehan Th.D. The intent to deceive // Journal of Philosophy. 1977, # 74, p.p. 143-159. 7. Coleman L. and Kay P. Prototype semantics: the English word 'lie' // Language 1981, 357, p.p.26-44. 8. Ludwig A.M. The importance of Lying. Springfield, Ill.: Charles C. Thomas, 1965. 9. Peterson C.C., Peterson J.L. & Seeto D. Developmental changes in ideas about lying. // Child development. 1983, # 54, p.p.1529-1535. 10. Raiffa H. The art and science of negotiation. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982. 11. Sweetser E.E. The definition of "lie": an examination of the folk models underlying a semantic prototype // Holland D.C., and Quinn N., eds. Cultural models in Language and thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1987, p.p.43-66.

Е. Н. Зобена /Харьков/

ОТРИЦАНИЕ КАК НЕГАТИВНАЯ ОЦЕНКА ИСТИННОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Реакции на истинность/ложность высказывания определяются тем, как слушающий расценивает утверждение говорящего. В случае несоответствия высказывания говорящего реальному положению вещей слушающий:

1) расценивает высказывание как ложное, т.е. трактует его как намеренное введение в заблуждение. Например: "Nun haben Sie es doch gestanden, Ihr Verbrechen, und haben es nicht einmal bemerkt!" — "Mein Verbrechen? Ich habe kein Verbrechen begangen, wenigstens nicht das, das Sie meinen. Mein Verbrechen ist, daß ich mich für zu schlau hielt, daß ich es allein machen wollte..." /Im Strom des Lebens. S.74-75/. Здесь говорящий отрицает предписанное ему действие, противоречащее существующим нормам. С другой стороны, он сознается, что говорящий в определенной мере прав, поскольку счи-

тает, что вина заключена не в самом совершении действия, а в способе его совершения.

2) считает, что говорящий по тем или иным причинам ошибается, незнаком с истинным положением дел.

В данной статье рассматриваются эксплицитные и имплицитные способы выражения отрицания истинности высказывания в реакции-стимуле. Одним из основных способов выражения негативной оценки истинности является использование отрицаний. В научной литературе прочно укрепляется мнение, что в основе всех отрицательных высказываний лежит утверждение. Большинство ученых подчеркивают ретроспективную связь отрицания с утверждением /3/. Особенно интересны замечания Б. Рассела: "допустим, вы берете сахар, думая, что это соль; когда вы попробуете его, вы, по всей вероятности, скажете "Это не соль". Когда вы ищите что-либо потерянное, вы говорите: "Нет, этого здесь нет", после вспышки молнии вы можете сказать: "Я не слышал грома..." /2/.

Негативная оценка истинности является производным высказыванием, полученным в результате применения оператора отрицания к коммуникативно более ранней пропозиции Р, т.е. "неверно, что Р", а при перемене порядка следования компонентов получается "то, что Р, неверно". Мысль (уверенность, допущение, ожидание и т.д.) о ситуации Р уже находилась или появляется в поле зрения говорящего и слушающего непосредственно перед ее опровержением. Оператор "то, что Р, неверно", равно как и противоположный оператор "то, что Р, верно", рассматриваются как средства констатации ложности или истинности некоторой пропозиции, т.е. выполняют роль "чистой" истинности оценки, указывающей на соответствие или несоответствие некоторого мнения действительности /4/.

Негативная оценка истинности высказывания может затрагивать всю пропозицию или отдельные ее части. Например: "Und auch sie muß gemerkt haben, daß er lügt, denn sie hat ganz leise gesagt: "Du weißt es ja schon." - "Nein, ich weiß gar nichts"... "Du weißt es ja, was ich dir zu sagen habe..." "Was denn?" hat er gestammelt, aber ganz, ganz schwach. Und da sagte sie... "Ich hab' doch ein Kind von dir!" /10:28/. Здесь из контекста ясно, что второй партнер по коммуникации отрицает истинность пропозиции в реакции стимула, заведомо зная, что он лжет. "Man sagt, weil er Sozialdemokrat war." "Krüger war Zentrum und niemals Sozialdemokrat!" sagte er etwas lauter als er wollte. /7:7/. Здесь оценивается как ложный подчеркнутый элемент пропозиции.

Оценка ложности высказывания может включать наряду с отрицанием слова типа: wahr, richtig. Например: "Aber die sagen natürlich, daß sie einen Menschen nicht dafür bezahlen, daß er nett ist, sondern daß er eben viel Hosen verkauft." "Das ist ja gar nicht wahr", sagt Lämmchen /5:192/. Отрицание при этом может быть прямым и косвенным. Например, на основе иронического высказывания:

"Los, komm, Tinko!"

"Ich will nicht."

"Was, du willst nicht? Dann zahl deine Schulden. Sofort zahlst du sie."

"Ich habe keinen Pfennig."

"So, keinen Pfennig, aber die Schule hast du gestern und heute geschwänzt. Ich werd erzählen, daß du nicht krank bist."

"Aber Kartoffeln mußte ich lesen."

"In der Kieskuhle hast du Kartoffeln gelesen?"

"Na, dann... komm ich eben mit." /8:20/

Косвенная оценка истинности высказывания может осуществляться и в том случае, если говорящий шутит, заведомо облекая свою шутку в форме явно ложного высказывания. Например: "Ach, Gott, konntest auch besser mir nicht zu bekorrigieren zu gebrauchts gehabs habs! Ich spreche dir das schiere Hochdeutsch!" "Hm. - Eingeweihete wissen davon Kantaten zu singen." /9:56-57/. Здесь говорящий как бы "самофальсифицирует" высказывание. Начало его реплики противоречит тому, что он говорит в конце.

Если отрицается один из элементов пропозиции, то в высказанной реакции может содержаться коррекция предыдущего высказывания. Например: "Seh mal: 'ne Akazie!' 'ne blühende Akazie, lauter blühende Akazien!" "Is gar keine, is'ne Magnolie!" /9:33/. В тех случаях, где корректировка очевидна, не требуется дальнейшая аргументация. Однако в других случаях аргументация приводится, например: "Ich bin viel was Schlim-

meres. Ich bin ein Wolf." "Ein Wolf hat keine Zahnücke, du Krautscheuche du!" /8:8/. Здесь оценка предыдущего высказывания как ложного осуществляется косвенным путем на основе "восстановления" следующего силлогизма. Первый силлогизм Der Wolf hat keine Zahnücke, du hast Zahnücke (имплицитное суждение), folglich: du bist kein Wolf. Таким образом, реакции на ложное высказывание могут выражаться в виде отрицательных предложений разнообразного типа, что еще раз свидетельствует о том, что способы выражения общих категорий в логике и языке коррелируют, но не совпадают.

В дальнейших исследованиях предполагается рассмотреть другие случаи оценки истинности высказывания, в первую очередь номинации понятий: ложь, неправда, а также способы указания на абсурдность предыдущего высказывания: чепуха, глупости.

Список литературы: 1. Оганесян С.Г. Предметная область аргументации и основные понятия теории аргументации // Философские проблемы аргументации. Ереван, 1986. - С.13. 2. Рассел Б. Человеческое познание. М., 1957. 3. Торопова Н.А. Семантика и функции логических частиц (на материале немецкого языка). Саратов. 1980. С.25. 4. Труб В.М. О коммуникативных аспектах отрицания как негативной оценки истинности // Вопросы языкознания. - № 1, 1994. 5. Fallada H. Kleiner Mann — was nun? 1970. 6. Im Strom des Lebens, München, 1975. 7. Kellermann B. Totentanz, 1983. 8. Strittmatter E. Tinko, 1955. 9. Tucholsky K. Rheinsberg. Ein Bilderbuch für Verliebte, 1992. 10. Zweig S. Novellen M. 1959.

С. В. Кабанова /Сумы/

КОЛИЧЕСТВЕННО-КАЧЕСТВЕННЫЕ ЕДИНИЦЫ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ТЕКСТОВЫХ СВЯЗЕЙ

Одной из актуальных проблем современной лингвистики, связанных с углубленным изучением коммуникативного аспекта речевых единиц, является определение роли компонентов в составе целого, роли отдельных речевых единиц в процессе порождения текста, принципов оптимального их размещения в отрезках текста как линейной последовательности речевых единиц, роли отдельных групп языковых единиц в создании множества смысловых связей текста, в реализации его наиболее общих категорий /1:31; 5:120; 6:102/. Актуальным считается исследование в функциональном, речевом плане такой группы языковых единиц, как количественно-качественные словосочетания в художественном тексте.

Количественно-качественное словосочетание — это синтаксическая единица, состоящая из двух или более полнозначных слов и актуализирующаяся в форме расчлененной номинации с помощью типичных для английского языка средств количественно-качественных характеристики действительности. Парадигма данных словосочетаний состоит из таких общих структурных типов:

Q + A + N	five red pencils
A + Q (+ per + N)	a good-natured crowd
(A +) Q + per + A1 + N	a crowd of old women
Q A + N	a second-rate novel

где N — субстантивный компонент, A, A1 — квалификатор, Q — квантификатор, QA — квантитативно-квалитативный компонент, per — предлог, () — факультативный компонент конструкции.

Системно-функциональное изучение словосочетания требует учета не только его структурно-семантических особенностей, но и специфики его функционирования речи, тексте.

Основными категориями текста выступают тематическая цельность (целостность, когерентность) и семантико-синтаксическая связность (когезия), имеющие разнообразные средства выражения /3:34/. Употребление в тексте тех или иных языковых средств с целью его внутренней организации может диктоваться как ее закономерностями, так и условиями протекания коммуникативного акта. В данной статье рассматривается функциони-

рование количественно-качественных единиц как одного из средств смыслового и формального соединения предложений в тексте. Текстовые связи строятся на базе последовательного сцепления предложений по принципу логического следования, соположения, что отображает различные логические отношения, например, причинно-следственные отношения.

Ср.: He was splendid in his smart top boots and his white breeches, when he played polo. In tennis clothes he looked a mere boy. Of course he was proud of his figure: it was the best figure she had ever seen. He took pains to keep it. He never ate bread or potatoes or butter. And he took a great deal of exercise. She liked the care he took of his hands: he was manicured once a week. He was a wonderful athlete and the year before he had won the local tennis championship. Certainly he was the best dancer she had ever danced with; it was a dream to dance with him. No one would think he was forty (W.S. Maugham).

Заключительное предложение данного фрагмента выступает как резюме описанных выше характеристик. Качественные характеристики персонажа (преимущественно его привычки) обуславливают восприятие его количественных признаков (возрастных): безупречный уход за собой является причиной того, что сорокалетний человек выглядит как юноша (a mere boy). В большинстве случаев логическая связь между предложениями опирается на определенные семантические средства.

Семантическая текстовая связь основывается на повторении определенной совокупности семантических (смысловых) признаков, повторении определенного значения. Соотнесение некоторого элемента в присоединяемом предложении с каким-то элементом в присоединяющем предложении или со всем присоединяющим предложением с помощью рекуррентности в тексте одной и той же лексической семы или ее синонима лежит в основе коррелятивной текстовой связи. Сигналом коррелятивной связи в тексте является полный кореферентный повтор, который часто осуществляется с помощью простого повтора слова или группы слов и субституций (местоименных, употребление синонимов и т.д.) /2:20; 4:24-25/, а его актуализатором может выступать количественно-качественная единица. Например, *Insensibly he hastened his pace, taut with anticipation, exulting in the realization - this, this was his first case...*

He reached 7 Glydar Place, knocked breathlessly upon the door, and was at once admitted to the kitchen, where in the recessed bed, the patient lay. She was a young woman, wife of a steel-puddler named Williams, and as he approached the bedside with a fast-beating heart he felt, overwhelmingly the significance of this, the real starting-point of his life. He was alone, confronted by a case which he must diagnose and treat unaided. All at once, with a quick pang, he was conscious of his nervousness, his inexperience, his complete unpreparedness, for such a task.

While the husband stood by in the cramped, ill-lit stone floored room, Andrew Manson examined the patient with scrupulous care. There was no doubt about it, she was ill. She complained that her head ached intolerably. Temperature, pulse, tongue, they all spoke of trouble, serious trouble. What was it? Andrew asked himself that question with a strained intensity as he went over her again. His first case (A. J. Cronin).

Когезия данного текстового фрагмента осуществляется посредством простого повтора количественно-качественного словосочетания (*his first case*) и его субститутов: субстантивных (*the patient, a young woman, a case*) и местоименных (*she*). К тому же основой для употребления лексем "*case*", "*patient*" является синонимическая связь: кореферентный повтор единицы осуществляется за счет синонимической номинации. Кроме того, что упомянутые существительные кореферентны с единицей *his first case*, связь между ними осуществляется и средствами прономинализации (*she - her*). Все эти текстовые единицы имеют один денотат: объемы денотатов предмета в интродуктивном предложении и номинаций, которые его заменяют, полностью совпадают. Данный фрагмент текста основывается на неоднократном кореферентном повторе темы текста /7:358/, которая выступает в интродуктивном предложении как рематический элемент.

Все действия в приведенном выше отрывке разворачиваются вокруг лица, введенного в повествование первым предложением (мысли, переживания, действия начинающего врача, для которого эта больная женщина является первым в жизни пациентом). Это лицо присутствует во всех последующих предложениях и является главным текстуальным связующим средством. Данный фактор представляет собой модель текста, тема-рематической це-

почки с единой сквозной темой или монотемную модель. Тема-рематические цепочки придают тексту коммуникативную целостность, а как текстообразующий фактор они формируют структуру текста.

Средством связи предложений в сверхфразовом единстве выступают и гипертонимо-гипонимические отношения между предложениями. Последние объединяются на основе указанных отношений из-за пребывания их отдельных компонентов в родовидовой связи. Следующий пример иллюстрирует гипонимико-предложение (1) и предложение (2) находятся в гипонимических отношениях. Это происходит потому, что за словом "furniture" закреплено родовое значение. Оно выступает гипертонимом и включает в себя названия всех видов мебели, которая перечисляется далее. Среди гипонимов (a bedstead, a wardrobe, a table, a washstand, chairs), которые помогают конкретизировать понятие "furniture", выделяется и сложное наименование "two stuffed chairs" выраженное количественно-качественным словосочетанием. Повтор одного или нескольких тождественных семантических элементов, лексем сигнализирует о частичном кореферентном повторе. Что касается логической связи между данными предложениями, это конкретизирующая, уточняющая связь, при которой последующее предложение раскрывает содержание предыдущего: Ср.: It was a very small room, overcrowded with furniture of the style which the French known as Phillippe (1). There was a large wooden bedstead... and there was a large wardrobe, a round table, a very small washstand, and two stuffed chairs (2). (W.S. Maugham).

Количественно-качественные словосочетания выступают маркерами разных типов текстовых связей, которые способствуют актуализации дискурсивной связи и цельности текста.

Список литературы: 1. Горюва В.Н. О возможности разграничения содержательно-смыслового и прагматического аспектов текста//Прагматические условия функционирования языка. - Кемерово, 1987. - С.31-36. 2. Григорьева В.С., Расторгуева Г.В., Мостовская И.Ю. Проблемы теории и интерпретации текста. - Тамбов, 1987. 3. Дородных А.И., Рекало В.В. Проблема цельности и дискретности текста//Вісник Харків. ун-ту. - 1995. - № 384. - С.34-37. Кондаурова Л.Е., Туранский И.И. Новые синтаксические теории. - Горький, 1984. 5. Кузнецова И.В. Расчленение структуры атрибутивного словосочетания как средство реализации прагматической установки в художественном тексте//Прагматические аспекты изучения предложения и текста. - Киев, 1983. С.119-125. 6. Рубашева Л.М. Функционирование лексических единиц в тексте//Вестник Харьк. ун-та. - 1992. - № 367. - С.102-106. 7. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A University grammar of English. - Moscow, 1982.

Т. Б. Кайдалова /Харьков/

ЮМОР В БРАЧНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЯХ (на материале немецкой периодики)

Функционирование средств массовой информации и, в частности, периодических изданий вызывает повышенный интерес к изучению разнообразных жанров и видов газетных публикаций и обнаружению жанрово-стилистической типологии газетных текстов.

Для исследования нами был выбран один из разделов газеты — "Брачные объявления" (далее БО). Так как тип текста БО малоизучен, он представляет интерес в лингвострановедческом аспекте, в плане изучения лингвистических креативных способностей человека, кроме того, исследование данного типа текста даст возможность проследить взаимоотношения между жанрами, стилями, типами текстов на газетной полосе.

Целью текста БО является, в первую очередь, не агитация, развлечение или предоставление информации, а установление личного контакта. Залогом успеха БО служит: 1) правильный выбор издания, где оно будет опубликовано и прочитано "нужным" читателем; 2) соответствующее изложение замысла (характеристика себя, искомого спутника, будущей совместной жизни), ориентированное на то, чтобы читатель почувствовал себя тем, о ком идет речь; 3) активные действия такого читателя, т.е. ответ на БО. Для этого в сравнительно небольшом по объему тексте БО требуется специфическое взаимодействие информативности, экспрессивности и краткости, что представляет собой особый лингвистический интерес.

Авторы БО используют достаточно разнообразные языковые средства, обладающие экспрессивной стилистической окраской, чтобы выделить свое объявление на фоне множества других, привлечь внимание наибольшего количества потенциальных участников данного коммуникативного акта, а также экономично передать информацию, оказать эмоциональное воздействие на реципиента и дать представление о своих креативных способностях (умении владеть речью, интеллекте, чувстве юмора).

На стиль каждого БО влияют личностные качества адресанта — творческий подход к написанию текста, фантазия, эрудиция, психологический настрой. БО может содержать в себе минимальное количество компонентов, часто в сокращенной форме: *Er, zärtl., treu, NR, 44/178, su. treue ehrl. Sie für immer.* (Nürnberger Zeitung №5, 1995) и наоборот, быть довольно объемным, с заголовком, иногда с эпиграфом:

Ich möcht mal wieder ein Doppelbett kaufen, morgens für Dich zum Bäcker laufen, Liebesgedichte für Dich schreiben, meine Nase an Deiner reiben, Dir meinen Lieblingspulli borgen, die Nächte verschmussen bis zum Morgen, gemeinsam in der Wanne singen, über Konventionen springen, verruchte Laster mit Dir versuchen, ein Doppel im Orient-Express buchen, ich möcht vor einer Pfütze stehen und in ihr den ganzen Ocean sehen, ich möcht Dich für mich ganz allein, ich will kein Super-Single mehr sein! (Nürnberger Zeitung №241, 1992), иметь стандартную структуру, соответствующую общей формуле БО /6:30/ и отличаться неординарностью. К неординарным БО можно отнести объявления, имеющие юмористический оттенок. В общем потоке они встречаются довольно редко. Причин тому несколько. Число людей, обладающих чувством юмора, способных оценить чужую шутку или остроу достаточно велико, практически в каждом БО среди прочих характеристик указывается "наличие чувства юмора", причем как у автора текста, так и у желаемого партнера, но умением самому создать юмористический текст или высказывание обладают немногие. Чтобы увидеть комическое в серьезном, иметь способность видеть вещи под неожиданным углом зрения, необходимо иметь творческое мышление, самокритичный ум и уверенность в своих силах /1:35/. Не каждый человек может представить себя самокритично, особенно в такой серьезной ситуации как создание семьи, предположить, будет ли адекватной реакция на такое объявление. Поэтому юмористические БО представляют интерес не только в плане языка, но и в психологическом аспекте.

Средства комического используются авторами БО в различных вариациях:

- при описании внешнего вида: *Warum immer nur Männer mit 180 cm? Evtl. tut's auch mal eine Nummer kleiner (ca. 10%)?* (Süddeutsche Zeitung №23, 1995).

- характера, образа жизни, привычек: *Fisch ohne Fahrrad, aber mit Golfschlägern möchte gern mit natürlicher Dame in seinem behaglichen Nest vegetarische Gerichte bruzzeln* (Süddeutsche Zeitung №296, 1994).

- нередко в юмористической форме обыгрывается образ будущего спутника(цы) жизни: *Gesucht wird ein Mann: nicht zu jung und nicht zu alt, nicht zu groß und nicht zu klein, nicht zu dick und nicht zu dünn, nicht zu arm und nicht zu reich. Ich (34) bin genauso.* (Süddeutsche Zeitung №296, 1994).

- объектом для шутки служит также предстоящая супружеская жизнь: *Dipl.-Ing. 27, hat keine Lust, sich noch länger selbst "Guten Morgen" zu sagen. Suche nette Sie um bald gemeinsam zu frühstücken.* (Nürnberger Zeitung №5, 1995).

"Попадание в цель", т.е. соответствующая реакция на объявление, достигается многочисленными языковыми средствами: для выражения юмора в текстах БО используются как специализированные, так и неспециализированные средства, принимающие юмористическую окраску в соответствующем контексте. Сочетаясь друг с другом они также создают комический эффект.

К специализированным языковым средствам выражения юмора относятся: двойное истолкование, нелогичные сочетания, стилистические парадоксы /5:254/.

Двойное истолкование может быть представлено в разных формах. Наиболее распространенной из них в БО является многозначность высказывания: *Humorvolle Sie, 28, sucht Interview mit einem Vampir: groß, interessant, gerne lange Haare u. Bart, zum gemeinsamen Halsknabbern, für immer.* (Süddeutsche Zeitung №23, 1995). В этом БО в основу двусмысленности положена аллюзия. "Интервью с вампиром" — название американского

фильма, достаточно популярного и известного широкому кругу читателей, поэтому здесь легко угадывается второй смысл и восприятие этой остроты не вызывает затруднения.

Основными подвидами нелогичных сочетаний, используемых в текстах БО, являются: оксиморон, зевгма и так называемое финальное предложение (Schlagsatz), ср.: юмористический оттенок придает тексту БО эпитет, выраженный оксимороном: *teuflich-schöne Partnerschaft*. В результате сочетания противоположностей возникает смысловое единство, ярко характеризующее необходимое понятие.

Целенаправленно объединяя понятия не подлежащие объединению слова авторы БО применяют в своих текстах зевгму: *Fürs neue Jahr wünschen wir uns einen kopf-, herz-, hand- und fußfesten männl Lebenspartner. (Süddeutsche Zeitung №296, 1994)*. Комичность заключается здесь в нагромождении желаемых характеристик, выраженных прилагательным с различным первым компонентом и общим последним, т.е. в одновременной реализации различных лексических значений.

В меньшей степени характерным для БО является использование шлагзатца, распространенного заключительного высказывания, которое противоречит всему, что было сказано ранее: *Träumen Sie von einem First-class-Millionär, für den Leasing-Porsche und der Stehplatz beim Käfer's das Höchste sind? Dann sollten Sie noch viele Frösche küssen!* Вопрос, поставленный в начале текста, наталкивает на мысль, что автор данного БО является именно таким человеком, о котором спрашивает. Последнее же предложение как бы перечеркивает все выше сказанное и говорит об обратном.

Рассматривая стилистические парадоксы, наиболее употребительными из них можно назвать смешение стилей или "совмещение планов". Нередко в БО заимствуется стиль художественной литературы и фольклор. Особой популярностью пользуются сказки.

Распространенной формой является уподобление рекламе. При этом автор зачастую оценивает себя как новую модель какого-либо товара, предназначенного для продажи.

Значительно чаще используются в БО неспециализированные средства выражения комического, приобретающие юмористическую окраску в соответствующем контексте — средства образности, фразеология. Употребление готовых языковых штампов облегчает задачу автора, способствуя достижению поставленной цели.

Среди средств образности в БО распространены комические сравнения, тропы, перифразы: *Dkl.haar. Unke (37) sitzt im Brunn u. wartet auf Verabredung mit witzigem Frosch. (Nürnberger Zeitung №5, 1995)*. Используя назывную метафору, автор БО отождествляет мужчину и женщину с лягушками, что в обычном контексте вызвало бы скорее негативные эмоции. В данном тексте перед нами яркий пример самокритичной оценки себя и юмористического представления о своем будущем партнере, что не отталкивает, а наоборот притягивает читателя.

Нередки в БО комичные метонимии, представленные, как правило, синекдохами: *Wuschelkopf m. Sommersprossen und Lachfalten gesucht. (Süddeutsche Zeitung №11, 1995)*.

— перифрастические синонимы: *Idealistischer Gentleman sucht die richtig chice Freundin, die nicht zum Winterschlaf neigt. (Nürnberger Zeitung №284, 1994)*.

Вызывает смех гипербола, отображая понятие в его несурзном преувеличении: *Anja, 26, mit Beinen bis zum "geht nicht mehr" sucht einen Freund. (Nürnberger Zeitung №11, 1995)*.

Из фразеологических единиц наиболее употребительными юмористически окрашенными формами являются поговорки: *Ich bin es leid... Immer nur das 5. Rad am Wagen zu sein. (Süddeutsche Zeitung №296, 1994)*. Они выполняют характеризующую функцию, способствуя созданию образа "с изюминкой".

Используя средства выражения комического, авторы БО не ограничиваются употреблением одного стилистического приема. В тексте могут содержаться одновременно несколько специализированных или неспециализированных средств выражения комического, иногда они комбинируются, взаимно дополняя друг друга. Примером такого переплетения нескольких средств, создающих комический эффект, может служить следующее БО: *Eher geht ein Kamel durch ein Nadelöhr, als daß eine 40 jährige Lehrerin einen Mann findet? (Süddeutsche Zeitung №23, 1995)*. По форме оно соответствует сравнению, но два состав-

ляющих компонента не эквивалентны, приоритет отдан первой части сравнения, она заимствована из фразеологии ("быстрой верблюд пролезет в игольное ушко, чем..."), содержит в себе преувеличение (гиперболу) и может быть рассмотрена как ирония по отношению к себе. Для автора одинаково невозможно найти для себя спутника жизни и увидеть верблюда, пролезающего в игольное ушко, но последнее выглядит более реальным, что и создает весь комизм ситуации.

Многообразие средств выражения комического не исчерпывается выше перечисленными формами. Основываясь на классификации, предложенной Ризель Э. /5/, мы назвали лишь основные из них и остановились на наиболее употребляемых в исследуемом типе текста.

Список литературы: 1. Лук А.Н. Юмор, остроумие, творчество. - М., 1977. 2. Степанова М.М., Чернышева И.И. Лексикология современного немецкого языка. - М., 1962. 3. Iskos A., Lenkova A. Deutsche Lexikologie. - L., 1960, - 269 S. 4. Marfurt B. Textsorten und interaktionsmuster. - Wirkendes Wort, 1/1978, S.19-35. 5. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. - M. 1975. 6. Stolt B., Trost J. Hier bin ich! - Wo bist du? Heiratsanzeigen und ihr Echo. - Kronberg, 1976.

К. В. Кислюк /Харьков/

О СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ПРОЕКТА ЯЗЫКА

Проблема языка возникает в 20 ст. в связи с общим кризисом культуры, быть может, самым глубоким и продолжительным за всю человеческую историю, но все-таки являющимся не ее агонией, а внешним выражением перестройки прежнего культурного модуса. Наше столетие наглядно продемонстрировало несостоятельность господствовавших с эпохи Просвещения представлений о самопонятности мира, как скроенного по мерке естественных человеческих потребностей. Поэтому для человека, в первую очередь, западного он потерял четкость границ, целостность внутренней структуры, а главное — свою смысловую содержательность, хотя и не остановился в своем развитии /1:215/. В современной нам ситуации постмодерна, обусловленной несостоятельностью старой (просвещенческой или "модернистской") парадигмы, прогрессирующий процесс стирания ценностных, моральных и смысловых оппозиций, издавна игравших роль своеобразной системы координат для самоидентификации личности происходит параллельно с качественными изменениями в исторических условиях человеческого существования, такими как глобализация систем обмена информацией и мировой экономики в целом, интеграционные процессы в политике и культуре, становление единого планетарного сознания. Обе эти тенденции ставят перед человеком и человечеством задачу поиска новых смыслов, прежде всего в тех пластах и уровнях бытия, которые некогда исключались из сферы опыта (либо попросту не существовали), а ныне проявились во всем своем качественном своеобразии. Эта задача принципиально невыполнима без расшифровки их "языка" и без нового понимания, что такое язык вообще, какова природа разнообразных механизмов, передающих и организующих на уровне языка человеческий опыт в обществе, где расширение коммуникативной сферы само по себе наделяет язык качественно новым значением /4:18/.

К примеру, на уровне самого человека область смысла — того, что имеет для него значение, воздействует на него и определяет его поступки, оказавшаяся шире области, охватываемой рефлектирующим сознанием, концептуализирована Ж.Лаканом в теории бессознательного, структурированного как язык, которая применяется в психоанализе.

Традиционно с эпохи Нового времени истина языка выводилась из факта если не полного тождества, то, по крайней мере, одновременности и параллелизма развития языка и мышления, т.е. из возможности сведения языка к форме существования и выражения мышления, слова — к понятию, предложения — к суждению, из видения языка как знаков идей, представляющих вещи таковыми, каковыми они существуют в реальной действительности.

Вневременное тождество языка и мышления теряет свою силу в языкознании 19 ст., где язык начинает трактоваться в более широкой взаимосвязи с миром: он мыслится как исторически развивающийся подобно биологическому объекту /6/. Доминантой же лингвистики с начала 20 века становится осмысление когнитивных аспектов языка в прагматике смысла. Речь по-прежнему идет о том, чтобы выявить связи мысли и предмета, слова и мысли, но выявить именно не как одностороннюю зависимость языка от мышления или наоборот или установить, какой компонент в оппозиции “язык – мышление” является первичным, детерминирующим, а о том, чтобы раскрыть связь языка и мышления через многообразные механизмы переработки мыслительного материала в слова и предложения.

За период реализации этого подхода и в самой лингвистике, и в смежных с ней социогуманитарных областях стало ясно, что во взаимоотношениях внутри системы “язык—человек—мир” исключений, требующих вполне самостоятельных моделей для своего описания и осмысления, больше, чем закономерностей.

Произошла необратимая, наверное, плюрализация всего теоретического конструкта языка, которая, впрочем, означает не отказ от любых путей концептуализации языка, а попытку приспособления его к принципиально новым социокультурным условиям существования: ситуации постмодерна. Поэтому постмодернистский проект языка следует представлять себе как собирательный образ, а не целостную концепцию (о чем свидетельствует его название — проект — то, что намечено в основных своих чертах, определено, но не осуществлено). Целостность этого образа, его внутреннее единство, что дает ему, собственно говоря, право на существование, обеспечивается общностью представлений о языке как о полиморфной, гетерогенной структуре, занятой передачей смысла. Однако, в отличие от прежних лингво-философских воззрений на язык, смысл видится не как непосредственно присутствующий в самой ткани языка, а как обнаруживающий себя посредством таких лингвистических структур, которые сами по себе смысла не имеют.

Внутренняя логика становления и развития этого проекта характеризуется, на наш взгляд, следующей связкой: теория знака Ф. де Соссюра — теория смысла Ж. Делеза. Как известно, Ф. де Соссюр первым обосновал мысль о произвольном характере знака, представляющего собой элементарную единицу языка. Его теория подразумевала отсутствие внутреннего отношения между понятием, или означаемым, и последовательностью звуков, его означающих /5:99-103/.

На основе теории де Соссюра Р. Барт успешно исследовал современные мифы, охватившие большую часть культурных феноменов 20 ст. Миф таковой был определен Р.Бартом как производная от знака система, в которой знак первой системы становится лишь означающим во второй (мифологической системе). Если в первой системе означающее является смыслом, то в плане мифа смысл выступал означающей формой, до которой редуцировалась вся сложность человеческих действий. В результате подобной операции из нее “выветривалось” исторически сложившееся содержание, и она превращалась во вневременное “пустое слово”, пригодное для массового тиражирования и потребления /2/. Тем самым были продемонстрированы большие практические возможности неклассических лингво-философских воззрений на язык.

Однако впоследствии было доказано, что произвольность характеризует лишь отношение целостного знака к действительности, а вовсе не компонентов знака между собой.

Чтобы преодолеть эти препятствия на пути формирования постмодернистского проекта языка, Ж.Делез формулирует свою теорию смысла (серию парадоксов, посредством которых смысл может быть схвачен), в которой исследует второе свойство языка — линейность означающего, распространяя его и на означаемое. Таким образом у Ж.Делеза язык развертывается во взаимосвязанных сериях — означающей и означаемой. Эти серии смешены друг по отношению к другу, причем в означающей серии должен присутствовать недостаток, а в означающей — избыток составляющих, что создает возможность продуцировать в них смысл в процессе, напоминающем игру, состоящую в комбинировании пустой клетки и непрерывно перемещаемой фишки /3:60/. Смысл, понимаемый как нечто нейтральное, не имеющая ни физического, ни ментального существования, ни к чему не сводимая “несуществующая сущность” /3:35/, присутствует на границе между вещами и предложениями, при этом не смешиваясь полностью ни с предложением, которое его выражает, ни с положени-

ем вещей, атрибутом которых он является. Только глаголы допускают возможность косвенно судить о нем: "дерево зеленеет" — разве не в этом смысл дерева, тогда как "зеленое" само по себе — просто смесь различных элементов.

Так восстанавливается абсолютность языка (поскольку лезовские серии задаются в поле возможности, где единственной необходимостью остается сам язык), благодаря которой язык начинает выступать двусторонним процессом придания формы миру через ее артикуляцию каждым человеком в отдельности и самоосуществления самого человека через осмысление в языке бесконечно открытого для него мира.

Такова в общих чертах суть постмодернистского проекта языка. Его социокультурной предпосылкой выступает вызванная сменой модусов культуры необходимость поиска смыслов средствами языка, как наиболее адекватных новым историческим условиям, а лингвистическими — концепции, установившие произвольный характер языка как внутренний принцип его существования.

Насколько реальны и обоснованны претензии языка в ситуации постмодерна служить по выражению М.Хайдеггера "домом бытия", т.е. предельным условием человеческого контакта с миром и самим собой?

С одной стороны, постмодернистский проект языка уже доказал свою способность служить надежным инструментом любого социо-гуманитарного исследования, открывать неизвестное в хорошо казалось бы известном (работы Р.Барта, Ж.Лакана, М.Фуко и др.). С другой стороны, мы вынуждены истолковывать язык в самом языке и посредством языка, что ведет к "закликиванию" языка на самом себе, сужает его гносеологические и онтологические возможности.

Поэтому дать однозначный ответ на поставленный вопрос пока не представляется возможным.

Список литературы: 1. Автономова Н.С. Рассудок, разум, рациональность. - М., 1988. 2. Барт Р. Избранные произведения. - М., 1989. 3. Делез Ж. Логика смысла. - М., 1995. 4. Лиотар Ж.-Ф. Ситуация Постмодерна //Филос. и социол. мысль. - 1995. -№5-6. 5. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. - М., 1977. 6. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук.. - М., 1994.

Е. И. Кобзарь, Н. А. Лешнева /Харьков/

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ РАЗЛИЧНЫМ АСПЕКТАМ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА НЕЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ

Проблемы повышения эффективности, поиск новых форм и методов обучения всегда волновали педагогов. В настоящее время решение этих задач приобретает особое значение. Разработка оптимальных приемов и методов обучения иностранным языкам неразрывно связана с изучением проблем восприятия речи и речевого воздействия, которым уделяли большое внимание многие специалисты в области психологии, психолингвистики и теории массовой коммуникации /2; 3; 4; 6; 8; 9; 10; 12; 14/. Проведенные ими исследования подтверждают, что эмоционально окрашенная информация воспринимается и запоминается значительно лучше, чем эмоционально нейтральная.

Необходимым условием восприятия материала студентами является внимание. Без внимания нет восприятия, а без восприятия невозможно ни понимание этого материала, ни его прочное усвоение, ни его творческое воспроизведение и использование. Внимание следует поэтому считать основным психологическим условием успешности учения /3/.

Таким образом, всякое речевое воздействие начинается с привлечения внимания к речевому сообщению /12/. Но привлечь произвольное внимание к речевому сообщению — это еще не значит побудить слушателей прослушать его до конца: нужно не только завоевать их внимание, но и удерживать его до конца речевого воздействия /8/. Средства привле-

чения внимания при речевом воздействии требуют определенной его организации. Для возбуждения внимания и интереса имеются два средства: местоположение наиболее важных сообщений в тексте и сама мотивация, ее действенность для аудитории /12/.

Представляется целесообразным располагать важнейшую информацию в начале (антикульминация) или в конце текста (кульминация), а не в середине. Исследования показали, что кульминация предпочтительнее для заинтересованного слушателя (читателя), для которого достаточно небольшого стимула, чтобы заставить его дослушать или дочитать текст до конца /12/. С этой точки зрения, эффективным является использование юмористических ситуаций или анекдотов в учебном процессе, т.к. особенность этого жанра состоит в том, что вся суть анекдота заключается в последней фразе.

На процесс восприятия в значительной мере влияет установка, т.е. готовность к определенной деятельности /4; 14/. Преподаватель, сообщая студентам, что собирается рассказать им английский анекдот, тем самым дает им установку на слушание. При этом они не только дослушают его до конца с большим вниманием, но и приложат все усилия, чтобы понять суть анекдота.

В арсенале преподавателя должны храниться анекдоты, иллюстрирующие учебный материал при обучении различным аспектам: фонетике, лексике, грамматике, аудированию.

При обучении фонетике целесообразно использовать ситуацию, юмористический эффект которых основан на неправильном или диалектном произношении. Например: WIFE. That new maid of ours must be from New York. She speaks of the nursery as the "noisery". HUSBAND. Well, I rather think that's the way it should be pronounced. /11/

Большой интерес у студентов вызывают и юмористические ситуации, основанные на омонимии. Например:

At a station an old lady asks a young man: "When does the next train come in, and how long does it stop?" The man answers: "From two to two to two-two". "Let's ask somebody else," the lady says to her husband, "this poor man stutters". /11/

При обучении лексике определенный интерес представляют ситуации, юмористический эффект которых основан на многозначности слов, употребленных субъектом в одном значении, но воспринятых реципиентом в другом значении. Например:

SHE. Now that we're engaged, dear, you'll give me a ring, won't you?

HE. Yes, dear, certainly. What is your number, darling? /11/

Особую трудность представляют многозначные слова, различные значения которых входят в разные тематические группировки. Например: A "DRIVE SAFE" SIGN:

It's better to be late, Mr. Motorist, than to be the late, Mr. Motorist. /11/

Как правило, студенты запоминают одно, наиболее употребительное значение, упуская остальные. При выполнении ряда заданий с повторяющимся словом в разных контекстах, где проявляется многозначность, у студентов формируется способность к актуализации того или иного значения слова под влиянием окружающего контекста, вырабатывается привычка более внимательно относиться к многозначным словам и вообще к возможности многозначности в условиях малого контекста, а также учитывать синтагматические связи и фоновые знания для снятия многозначности /5/.

Использование юмористических ситуаций способствует и формированию у студентов языковой догадки. Студенты прослушивают анекдот, в котором употреблены незнакомые слова, после чего они должны определить значение этих слов, исходя из контекста. Например:

- Are you a back-seat driver?

- Indeed I'm not. I sit right here where I can grab the wheel if he doesn't do what I tell him. /11/

Представляют интерес и ситуации, в которых используется специальная терминология. Например:

1) для студентов физического и радиоприродного факультетов:

Mrs Simpson moved into a new hotel and, before she went out to buy herself a radio, called up the desk. "Have you AC or DC current here?" she asked. "One minute" said the clerk, and returned to report, "I am sorry, madam, but neither is registered with us." /11/

2) для студентов экономического факультета:

- There is direct and indirect taxation. Give me an example of indirect taxation.

- The dog tax, sir.

- How is that?

- The dog does not have to pay it. /11/

3) для студентов факультета фундаментальной медицины:

DOCTOR. Why, how is this, my dear sir? You sent me a letter stating you had been attacked by measles and I find you suffering from rheumatism.

PATIENT. Well, you see, doctor, it is like this: there wasn't a soul in the house that knew how to spell "rheumatism". /11/

Кроме того, подобные ситуации могут быть полезны при обучении орфографии, они помогут студентам в преодолении трудностей правописания, а также подчеркнут значимость орфографии.

При предъявлении нового грамматического материала целесообразно применение юмористических ситуаций на родном языке. Родной язык в данном случае выступает как база, необходимая для формирования языкового сознания. Выработка английского языкового сознания является необходимым условием для формирования английской речи /7/. Например, при изучении различий в употреблении Past Indefinite и Present Perfect можно предложить студентам юмористическую ситуацию и попросить их определить, какое из этих времен надо употребить в каждом случае:

Мужчина средних лет пришел в полицейский участок и заявил: "У меня исчезла жена."
"Когда она исчезла? - спросил полицейский.

"Она исчезла неделю назад," - ответил мужчина.

"А почему же вы только сейчас об этом заявили?" - спросил полицейский.

"У меня кончилась чистая посуда," - ответил тот.

На этапе закрепления грамматического материала при прослушивании анекдота студенты активно участвуют в обсуждении ошибок персонажей и корректируют их. Например:
TEACHER. Correct the sentence, "Before any damage could be done the fire was put out by the volunteer fire brigade".

BOY. "The fire was put out before any damage could be done by the volunteer fire brigade." /11/

При обучении аудированию следует обратить особое внимание на отбор материала. Текст должен быть основан на уже усвоенных студентами грамматических и лексических средствах. А чтобы студенты действительно сосредоточились на смысловом содержании иноязычной речи, это содержание должно быть всегда новым для них и интересным /3/. Первостепенное значение при отборе материала для аудирования имеет различие аспектов рецептивности и продуктивности. Если текст предназначен для рецептивного восприятия, то при этом внимание в первую очередь обращается на его содержание, лексику. Тонкости же грамматических конструкций в данном случае играют второстепенную роль, тогда как при активном построении речи грамматический момент приобретает гораздо большее значение /1/.

После прослушивания юмористического рассказа студентам можно предложить различные виды работ - ответить на вопросы, осуществить драматизацию рассказа, провести обмен мнениями по его содержанию, придумать окончание рассказа, если преподаватель не дочитывает его до конца и т.п.

Все эти приемы при их систематическом использовании способствуют тому, что внимание студентов непроизвольно удерживается на смысловом содержании читаемого преподавателем текста /3/. Степень усвоения материала легко определить по реакции аудитории. Юмор помогает преодолеть психологический барьер, обеспечивает интерес к занятию, создает на занятии атмосферу эмоционального подъема, значительно повышает мотивацию учения.

Список литературы: 1. Авдукова А.М. Научный текст учебника английского языка как материал для активного и пассивного овладения // Новейшие методы преподавания иностранных языков студентам неязыковых специальностей вузов. - М., 1991. - С.108-116. 2. Артемов В.А. Психология обучения иностранным языкам. - М.: Просвещение, 1969. 3. Беляев Б.В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. - М., 1965. 4. Бжалава И.Т. Восприятие и установка. - Тбилиси, 1965. 5. Ейгер Г.В., Рапопорт И.А. Проблемные задачи в обучении иностранным языкам // Иностр. яз. в шк. - 1992. - № 5-6. - С.17-22. 6. Зимняя И.А., Леонтьев А.А., Дридзе Т.М. Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). - М., 1976. 7. Клементьева Т.Б. Повторяем времена английского глагола. - М., 1985. 8. Кони А.Ф. Советы лектору // Об ораторском искусстве. - М., 1958. 9. Леонтьев

А.А. Языкознание и психология. - М., 1966. 10. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. - М., 1981. 11. Почепцов Г.Г. Язык и юмор. - К., 1982. 12. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. - М., 1990. 13. Рожкова Ф.М. Поговорим по-английски. - М., 1980. 14. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. - Тбилиси, - 1961.

Е. И. Конакова, канд. филол. наук /Харьков/

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК ОБЪЕКТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА.

Интерес к фразеологии объясняется тем, что в ней "дремлет" наивный мир образно-чувственного мышления/познания "законсервированный" в застывшей форме фразеологических единиц, отражающих понятие о событиях как целостных структурах действительности.

Фразеология имеет дело с отработанными историей общества формами мышления эксплицирующимися с помощью языковых форм.

Солитаризуясь с общепринятой точкой зрения, мы считаем, что в задачи сопоставительного (или конфронтативного) анализа следует включить следующие аспекты:

а) сравнительный, анализирующий сходные фразеологические факты в родственных языках (напр., славянских);

б) сопоставительный, имеющий дело с неродственными языками и устанавливающий фразеологические эквиваленты для перевода с одного языка на другой и для преподавания неродного языка, а также предполагающий сопоставительное изучение фразеологии по семантическим группам;

в) структурно-типологический, направленный на исследование особенностей построения фразеологических образов как в родственных, так и в неродственных языках, т.е. на выявление общих закономерностей и факторов образного переосмысления словесных комплексов, в том числе роли отдельных лексических компонентов в формировании определенных фразеологических значений;

г) ареальный аспект, рассматривающий взаимодействие и сближение фразеологии ряда языков, образующих географическую, языковую (генетическую или постепенно складывающуюся) и культурно-историческую общность, например, европейский фразеологический ареал, среднеазиатский фразеологический ареал и т.п. /1:10/.

Как нам представляется, анализу подлежат система значений и система фразеологических единиц (ФЕ) исследуемого языка, то есть фразеологические структуры следует классифицировать по тематическим группам, относящимся к различным сферам житейского опыта:

- личная жизнь индивидуума;
- знание места и жилища;
- знание семьи и близких людей;
- производство (собственно производство, распределение, обмен и потребление);
- система пространственных, временных и числовых отношений; формы;
- события: а) природы, б) цикла человеческой жизни;
- качества, свойства, состояния;
- философские и логические категории.

Анализ системы единиц каждого из анализируемых языков включает анализ:

- набора дискретных элементов;
- степени открытости/закрытости/конечности ряда элементов;
- имплицитности/эксплицитности элементов/связей/отношений;

- выделение/определение интенционала и экстенционала фразеологической единицы (под интенционалом мы понимаем общую инвариантную конфигурацию, образующую основу для выделения ФЕ, экстенционал же имеет дело с уже выделенной ФЕ, элементы которого выступают в виде вариантов, каждый из которых чем-то отличается от других).

В корпус исследуемых ФЕ могут входить как отдельные элементы: а) относящиеся к мифологии и античности; б) библейским сюжетам; в) крылатые выражения выдающихся людей (авторские ФЕ). Особый интерес представляют случаи выделения безэквивалентных ФЕ, нуждающихся в интерпретации, так как смысл ФЕ может быть не сводим к арифметической сумме составляющих его элементов (например, существующее в русском языке "скалтертью дорожка" или украинское "піднести гарбуза"). Анализ ФЕ не может считаться полным, если мы обойдем вниманием вопрос о коннотациях и стилистических оттенках, ибо это влияет на их текстообразующие потенции:

- ситуацию речевого акта;
- социальные условия/престижность;
- социальный статус коммуникантов.

Особый интерес представляют заимствованные ФЕ, степень их ассимиляции; механизм заимствования; источник заимствования; контактность/дистантность заимствования; наличие/отсутствие языка-посредника (одного/нескольких).

В задачи анализа может входить также:

- определение наиболее частотной синтаксической модели/моделей для каждого из сравниваемых языков;
- выделение наиболее часто встречаемых лексических единиц/тематических групп;
- определение сочетаемостных потенций лексических элементов, образующих данную ФЕ;
- нахождение синонимической ФЕ, отличающихся а) различным лексическим составом; б) словоформами; в) порядком слов.

Корпус фразеологических единиц /ФЕ/ испанского языка представляет собой гетерогенную систему как по происхождению, так и по способу образования.

В данной статье мы остановимся (весьма схематично) на одном из способов образования ФЕ, а именно — десемантизации глагола как ядерного элемента (на примере глагола *poner(se)*).

Известно, что в любом языке глаголы, имеющие широкий семантический объем, легко подвергаются десемантизации, открывая возможность для создания свободных словосочетаний → устойчивых словосочетаний → фразеологически связанных единств → ФЕ.

Данный процесс включает следующие этапы:

- 1) развитие основного значения в сторону большей абстрактности;
- 2) расхождение значений (образование полисемии);
- 3) расширение круга валентностей;
- 4) образование устойчивых словосочетаний/фразеологически связанных единств;
- 5) образование фразеологических единиц.

В качестве примера рассмотрим глагол *poner(se)*.

Список литературы: 1. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. - М., 1980.

А. П. Краснящих /Харьков/

СЛОВО-СИМВОЛ И ОБРАЗ-СИМВОЛ (ДЕРИВАЦИОННАЯ АРХИТЕКТОНИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖЕЙМСА ДЖОЙСА И АНДРЕЯ БЕЛОГО)

В художественном мире выдающихся писателей первой половины XX века, чье творчество оказало определяющее влияние на весь последующий литературный процесс, Джеймса Джойса и Андрея Белого отношение к слову и его роли в историко-литературном контексте значительно изменилось по сравнению с ролью слова в литературе XIX века. В произведениях Джойса и Белого слово теряет свою консервативную семантическую завершенность, изначальную заданность, статичность и стремится к постоянным метаморфозам, развитию. Эта динамика наделяет слово, с одной стороны, непредсказуемостью, читателю приходится как бы заново его прочитывать, прочувствовать и переживать, а, с другой стороны, полисемантикой: слово, сохраняя прежние смыслы, синтезирует их, добываясь совершенно нового, неожиданного эффекта.

Таким образом, в творчестве Джойса и Белого слово приобретает две инновационные характеристики: оно становится коммуникантом между первосмыслами слов-доноров, диалогизируя их, и приобретает универсальность, многогранность, способность ассоциативно отражаться в предыдущих литературных эпохах.

Формально слова-коммуниканты и слова-универсалии выступают в виде каламбуров, обыгрывающих и профанирующих прежний смысл с целью обновить его в восприятии читателя, дериватов, состоящих из частей слов, иногда из слов разных языков, — подобные дериваты ассоциативно апеллируют к уже знакомым смыслам, т.е. заставляют читателя вспоминать прошлые значения и “узнавать” их в новом контексте, и, наконец, ономотопей — звуко-подражательных структур, связывающих творчество и жизнь, искусство и быт, произведения и действительность.

Каламбур, дериват и ономотопей являются ключевыми звеньями архитектоники произведений Джойса и Белого: “...налил на блюдце теплопузырчатого молока...” /3:60/, “омни-ум понемногу...” /3:146/, “Йогобогомуть”, “души мужчин, души женщин, душно от душ” /3:210/, “Раскрытый рояль — крокодилова пасть: зубы музыка таит. Бемоли: Б.Молли, Молли Блум” /3:315/, “Бронза и золото услышали цоккопыт сталежвон. Беспардон дондондон” /3:282/. Часто итоговому каламбуру-деривату предшествует цепочка промежуточных каламбуров, подготавливающих читателей к совершенно неожиданному смыслу и одновременно уводящих его от первосмысла привычного слова: “... у Бена Долларда не бас-баритон, а бас-бормотон. Потому что когда поет, половину звуков глотает и ни слова не разберешь. Прожорлив как альбатрос. И в выпивке удержу не знает, налижется как последний оборот. Бас-обормотон-он” /3:166-167/.

Понимание роли слова как коммуниканта и универсалии в контексте художественного произведения и в контексте историко-литературного процесса непосредственно связано с философией творчества этих писателей. Ключевым понятием для творческого акта у Джойса является эпифания — неожиданное духовное озарение-открытие-откровение в потоке обыденного бытия: в жесте, слове, поступке, — которому предшествует понимание целостности и гармоничности явления. Следовательно, перед тем, как стать словом-эпифанией, т.е. раскрыть новый неожиданный смысл, слово должно пройти этапы слова-реципиента, вобрать в себя прежние смыслы (целостность), и слова-синтезатора, соединить и переработать накопленные смыслы (гармоничность).

По Белому, символ является до конца осуществленным синтезом — совершенно новым по качеству явлением, сохраняющим черты исходных синтезируемых смыслов. Систему символизма Белый представлял в виде мировоззренческой пирамиды, гранями которой должны служить наука и религия; поэзия и естествознание, философия техники и философия искусства, познание и творчество, модулирующей при этом выступает история философии и культуры.

Сравнительному анализу эпифании Джойса и символа Белого посвящена работа Woronoff A. Andrej Belyi's, "Peterburg", James Joyce's "Vlysses" and the symbolist movement. — Berne; Francfort/M.: Lang, 1982. На наш взгляд, Воронцов совершает принципиальную методологическую ошибку, противопоставляя эпифанию символ. Полагаем, гораздо больше оснований имел исследователь Джойса Дэвид Дайшис, рассматривавший поэтику ирландского писателя через курс теории символизма, говоря о намерении Джойса: "... попытаться охватить все возможные точки зрения одновременно. Все больше и больше игра слов становится нормой художественной экспрессии. ... в произведении подобном "Улисс" и, в большей степени "Поминками по Финнегану", сложная символическая форма требует, чтобы читатель постоянно держал в голове отражения и соответствия, которые связывают характер с характером, ситуацию с ситуацией, слово со словом. Это снова достигается сложной игрой слов и изобретенными словами-гибридами. Иногда чувствуешь, что настоящее честолюбивое стремление Джойса было найти одно слово, до такой степени наполненное контрапунктированными значениями, что оно могло бы сказать в одном огромном звучащем каламбуре все, что могло быть когда-либо сказано о человеческом опыте с каждой возможной точки зрения и на каждом уровне сознания" /2:102/.

Процесс символизации является сквозным для всех уровней, образующих архитектонику произведений Джойса и Белого. Кроме вербального и мировоззренческого, символизации в полном объеме подвержен и персонажный уровень. Так же, как слово-эпифания, символ перед тем, как стать коммуникантом и универсалией, проходит стадии целостного и гармоничного синтеза с помощью ассоциативного процесса и профанации, образ-символ проходит те же стадии с помощью процессов дегероизации и пародирования. Перед тем, как вобрать в себя различные национальные, психологические, бытовые и эстетические характеристики, персонаж произведений Джойса и Белого "приземляется", деромантизируется, становится не-героем-обывателем.

Аполлон Аполлонович Аблеухов в "Петербурге" Белого соединяет в себе восточное происхождение и западническую общественную деятельность. По словам автора: "Он в аспекте "министра" — значительное лицо; в аспекте обывателя — Акакий Акакиевич" /1:324/. Сын Аполлона Аполлоновича Николай одновременно и порывист, и нерешителен, и красавец, и урод и т.д.

В "Улиссе" Джойса Леопольд Блум и отец, и не-отец; и муж, и не-муж; и гражданин, и изгой; и любовник, и не-любовник; и торговец, и литератор (рекламный агент). Один из переводчиков "Улисса" философ С.С.Хоружий замечает: "В "Цирcee" все аспекты блумовой личности отделяются и типостатизируются, становясь самостоятельными субъектами: Блум-бабник, Блум-мальчик, Блум-деятель, Блум-преступник... вплоть до "Блумумии" /4:15/. Завершает образование образа-символа: "Заключительный... этап-обобщение человека, его универсализация и деперсонализация... Герой, расчлененный и перемолотый, претворяется в нового, обобщенного человека, тождественного любому другому. Джойс специально подчеркивает этот итог: как знак свершившегося превращения, в конце "Итаки" Блум получает новое имя-Всякий-и-Никто" /4:16/.

Такого дегероизированного персонажа-обывателя, образованного процессом символизации, Джойс назвал everyman, подчеркивая его всеобщность, всечеловечность-универсальность. По аналогии и слово-символ в художественном мире Джойса и Белого можно определить как everyword. Процесс символизации коренным образом отличается от ранее известных литературоведению идеализации и типизации: как идеализация, устраняя противоречия особенного и индивидуального и делая акцент на общем, в то же время как типизация, включает персонажа в контекст социальной среды, отрицая романтическую самодостаточность.

Цель образования образа-символа (everyman) и слова-символа (everyword) едина в системе символизации, а именно: стать коммуникантом и универсалией, вобрать в себя максимум жизненных явлений и диалогизировать их в себе.

Список литературы. 1. Белый А. Мастерство Гоголя. М.: МАЛП, 1996. - 352 с. 2. D. The Present Age in British literature. Bloomington: Indiana University press, 1958. 3. Джойс Дж. Том 2. "Улисс" (роман). М.: Знаменитая книга, 1994. 4. Хоружий С.С. Бахтин, Джойс и Люцифер/Бахтинология. СПб Алетейя, 1995. - С.19-26.

В. С. Кузьмина /Харьков/

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД К РАБОТЕ НАД ТЕКСТАМИ ПО АНАЛИТИЧЕСКОМУ ЧТЕНИЮ НА СТАРШИХ КУРСАХ ЯЗЫКОВОГО ВУЗА

Основной принцип коммуникативного обучения заключается в том, что студенты изучают иностранный язык, пользуясь им как инструментом общения /1:105/. Однако, следует пояснить, что мы имеем в виду, говоря об "использовании" языка. Совершенно очевидно, что процесс коммуникации не сводится к разговору двух или более собеседников, задающих друг другу вопросы и отвечающие на них. Существует, по крайней мере, три условия, которые должны быть соблюдены на занятии по иностранному языку /2:59-60/ для того, чтобы какая-либо учебная работа могла считаться коммуникативной.

Во-первых, необходимо стремиться к созданию реальных или близких к реальным ситуаций для общения. Это не значит, что следует отказаться от ролевых игр, драматизации и других подобных видов работы. Необходимо лишь четко осознавать различие между искусственно создаваемыми и реальными ситуациями для общения.

Во-вторых, для успешной коммуникации нужно выбрать тему, связанную с реальной жизнью студентов и представляющую для них интерес.

В-третьих, следует помнить, что в реальной ситуации общения всегда присутствует элемент неожиданности, непредсказуемости. Однако, во многих учебниках в качестве заданий к тексту предлагается ответить на вопросы по тексту, ответы на которые содержатся в самом тексте, что лишает студентов свободы выбора и возможности высказать свое мнение.

Учитывая вышесказанное, мы предлагаем использовать следующие виды коммуникативных упражнений при работе над текстами по аналитическому чтению.

Перед чтением текста:

1. Попробуйте определить по заглавию текста, о чем он. Представьте, что вы собираетесь написать рассказ под таким заглавием. О чем мог бы быть ваш рассказ?

2. Студентам предлагается закончить несколько предложений/ситуаций, взятых из текста и связанных с развитием сюжета рассказа. После этого им предлагается "предсказать" развитие сюжета.

3. На доске записываются словосочетания из текста, относящиеся к главному герою рассказа или к нескольким персонажам. Студентам предлагается сделать какие-либо выводы о характере данного человека, основываясь на данных словосочетаниях.

Во время работы над текстом:

1. Придумайте другой конец истории: смешной, неожиданный, печальный и т.д.

2. Продолжите диалог героев в соответствии с ситуацией.

3. Придумайте диалог между героями, который мог бы иметь место в ситуации, описанной в тексте.

4. Представьте себя на месте главного героя. Как бы вы повели себя в данных обстоятельствах?

На заключительном этапе работы над текстом:

1. Перескажите рассказ от лица очевидца событий (так, как будто эту историю вам рассказали ваши друзья).

2. Представьте, что вы режиссер и собираетесь снимать фильм по данному рассказу. Каких известных актеров вы бы пригласили на главные роли? Какую из ролей вы смогли бы сыграть сами?

3. Какой могла бы быть иллюстрация к данному тексту?

Приведенные нами упражнения не охватывают всех видов работы по аналитическому чтению, а лишь иллюстрируют коммуникативный подход к работе над текстом.

Список литературы: 1. Peter Medgyes. *Queries a communicative teacher* // *Currents of change in English teaching*: Oxford University press. 1990, p.103. 2. Li Xiaojun. *In defence of the communicative approach* // *Currents of change in English language teaching*: Oxford University press. 1990, p. 59.

А. Э. Левицкий, канд. филол. наук /Житомир/

СТАНОВЛЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ГРАДУАЛЬНОСТИ ПРИЗНАКА В ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Характеристика человека как мыслящего индивида включает стремление к адекватному познанию предметов, их свойств и качеств. С этим непосредственно связано желание оценить проявление какого-либо признака по степени его интенсивности. В сознании человека существует своеобразная "шкала градуальности", по которой квалифицируется признак. Эта мыслительная операция сугубо объективна и основывается, с одной стороны, на оценке признака, а с другой стороны, — на степени его проявления.

В этой связи вполне закономерно функционирование в речи значительного количества средств выражения градуальности признака. Их избирательность мотивируется отношениями, основывающимися на выборе важности, релевантности и истинности из двух или множества.

Функции же языковых единиц нами рассматриваются как свойственная им способность к выполнению определенного назначения и к соответствующему функционированию в речи, т.е. функция — реализованное назначение равноуровневых языковых единиц в речи.

Правоммерно говорить об универсальной семантической категории градуальности признака, которая, как и другие семантические константы, выступает в тех или иных вариантах в языковых значениях, выраженных различными (морфологическими, синтаксическими, лексическими, а также комбинированными) средствами высказывания.

Речь идет о связи семантических и мыслительных категорий при главенстве последних благодаря их более высокому уровню обобщения. Мыслительные категории связаны с языком, но больше — с логикой, что, в свою очередь, предполагает необходимость некоторого отвлечения от их языкового содержания и выражения.

Что же касается семантических категорий, то они, как и в интересующем нас случае, реализуются посредством их регулярной представленности в семантике языковых единиц и синтаксических конструкций в речи. Тем самым, мы вправе рассматривать данные категории как функционально-семантические.

Хотя категория градуальности проявления признака (в широком смысле) уже давно выделена научным познанием, тем не менее ее детальный лингвистический анализ, принятый на основе диахронического подхода к исследованию языковых средств, не лишен, на наш взгляд, определенной эвристической значимости. Это обусловлено тем, что системный характер и динамичность языка проявляются в процессе его функционирования. Под функционированием понимается, с одной стороны, употребление тех или иных единиц, а с другой — реализация их различных функций, прежде всего семантических. Данные явления тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены, но реализоваться функции могут только в процессе употребления языка, когда возникают новые явления, а старые отмирают.

Наиболее плодотворным представляется путь исследования градуальности проявления признака вместе с рассмотрением комплекса равноуровневых средств ее выражения в рамках функционально-семантического поля (ФСП), как предлагается авторами "Теории функциональной грамматики" /7/.

В современном английском языке к средствам градуальности признака относятся формы выражения степеней сравнения прилагательных и наречий; квалификаторы — лексические единицы с семантической функцией оценки степени проявления признака; характе-

ризаторы — квалифицирующие слова, не лишённые семантики конкретного признака; эмфатический оператор *do*, обладающий интенсифицирующей функцией; аффиксы градуальности; ряд синтаксических конструкций градуальности признака.

Разноуровневость конституентов данного ФСП связана с характером объединяющей их функционально-семантической категории, которая не выражает оценку конкретного признака, а лишь указывает на степень его проявления. Специфика отношений внутри рассматриваемого ФСП состоит также в том, что его конституенты в силу своих отличительных черт группируются по двум зонам (лексической и грамматической) и двум ядрам (формам степеней сравнения прилагательных и наречий — в грамматической зоне и квалификаторам — в лексической зоне). Как известно, ядро поля передает: а) наиболее специализированный для выражения данного значения признак; б) признак, выражающий его наиболее однозначно; в) систематически используемый признак /1/.

В основу рассмотрения вопроса о становлении средств выражения градуальности признака как компонентов особого ФСП в истории английского языка была положена концепция Т.А.Расторгуевой об исторической стабильности полей как постоянно присущих языку широких областей значения, многие признаки которых могут подвергаться различного рода преобразованиям. “Сопоставление признаков поля на нескольких синхронных срезах по единообразным параметрам дает возможность оценить степень их устойчивости, определить исторически константные и подвижные элементы и свойства” /4:66/.

Что касается структуры ФСП градуальности признака в древнеанглийском языке, то в ней представлены ядерные конституенты — степени сравнения прилагательных и наречий, а также квалификаторы. Значительно беднее представлены периферийные элементы (характеризаторы, словообразовательные аффиксы и синтаксические структуры градуальности признака). Следует отметить и относительное единообразие подобных языковых средств в древнеанглийском языке.

Наиболее распространенным средством выражения градуальности признака в тот период были степени сравнения прилагательных и наречий. Наряду с супплетивными формами (*3od - betera, bettra - betst, yfel - wiersa, wyrsa - wierrest, wyrst и др.*) функционировали и флективные формы со словоизменительными аффиксами (*-ra, -ist, -est*): *eald-ielðra-ieldest, strong-streng-ra-strengest, 3eong-3ingra-3ingest*. Например: *oferwearp pa weri3-mod wi3ena strengest, fepe-cempa, paet he on fylle wearo* /Beowulf/

Уже в древнеанглийском языке встречаются сочетания типа *maro, maest + прилагательное*. Однако дальнейшее развитие они получили в среднеанглийском периоде, когда подобные лексические сочетания грамматикализировались.

Система квалификаторов древнеанглийского языка была представлена такими лексическими единицами, как *ful* (*full*), означавшей “очень”, “то” в сочетании с прилагательными, значившей “слишком”, *wel well* — “очень”, “почти”, *swiðe* — “очень”, *swiðe swiðe* — “чрезмерно”, *hraðe* — “сразу же”, “быстро”. Семантический сдвиг в последнем слове произошел значительно позже. И в наши дни разряд квалификаторов пополняется за счет ряда слов, утрачивающих семантику конкретного признака. Следует отметить и то, что первые квалификаторы английского языка имеют общегерманское происхождение, например, *ful* — ср. с гот. *fulls*, днв. *full*, дисл. *fullr*, дсак. *full*, нем. *voll*; *to* — дсакс., дфриз *to* днв. *zuo, za, zi*, нем. *zu*, дс. *to, te*; *wel* — нем. *wohl*, дс. *vel*, гот. *wailla*, днв. *wala, wela*, дисл. *val, vel*, дфриз. *wal, wel, wol*; *hraðe* днв. *hrado*. Их роль в английском языке стала постепенно возрастать позднее в связи с развитием аналитизма.

Основным источником пополнения функционального класса квалификаторов являются характеризаторы — квалифицирующие слова, утрачивающие семантику конкретного признака и становящиеся квалификаторами. Этот путь прошли *ful, wel, hraðe* и многие другие подобные единицы. Данный процесс проходил и проходит довольно интенсивно, так как функциональные слова (в том числе и квалификаторы) “принадлежат к той сфере языковой семантики, которая отражает наиболее общие, абстрактные категории бытийных отношений” /2:30/.

Вполне справедливым представляется вывод К.М.Сувориной о том, что расщепление лексемы, приводящее к переходу единиц одного функционального класса в другой — основной путь образования собственно квалификаторов /6; 7-10/.

При переходе характеристикаторов в квалификаторы происходят изменения в их семантико-синтаксических, стилистических и парадигматических свойствах. Ср.: *he was terribly shaken with the tragic news* (характеризатор) :: *it's terribly nice of you* (квалификатор).

В силу флективного характера древнеанглийского языка большой вес среди средств выражения градуальности принадлежит словообразовательным элементам: *isc, for-, in-, after-, under-; ... brondy lafe*

wealle beworhton, swa hyt weorolicost
fore-snotre men findan mihtonn /Beowulf/

Система словообразовательных градуальных элементов в древнеанглийском языке была не достаточно разработана, но весьма частотна. Ее пополнение в последующие периоды истории английского языка происходило в основном за счет заимствований: *demi-* (lat. *dimidius*), *extra-* (lat. *extra*), *hemi-* (gr. *hemi-*), *hyper-* (gr. *hypo*), *sub-* (lat. *sub*), *super-* (lat. *super*), *sur-* (lat. *super*).

Исключение составляет лишь *pur-*, генетически связанное с *pure*, напр., *purblind*.

В древнеанглийском языке видны истоки и ряда квалифицирующих синтаксических конструкций, в частности, — *good and adj: to beadu — lace aetberan meahthe, 3od ond 3eatolic, 3izanta 3eweorc /Beowulf/*

В среднеанглийском периоде языковые средства выражений градуальности признака значительно обогатились в связи с перестройкой всей грамматической системы и развитием аналитических тенденций. Практически не претерпела изменений система форм образования степеней сравнения прилагательных и наречий. Однако уже довольно широко стали употребляться аналитические формы типа *more kind — most kind*. Стали употребляться и плеонастические формы сравнения, например, *more better, most kindest*. С XVII в. заметно разграничение в употреблении морфологических форм сравнения и сочетания с *more* и *most* в зависимости от слоговой структуры слова. В то же время в XVII-XVIII вв. ненормативными считались плеонастические сочетания степеней сравнения прилагательных /3/.

Значительно расширилась система квалификаторов: *ful, to, wel, so, swioe, very, rathe (reathe), qwitte*.

Квалификаторы среднеанглийского периода отличались “всегда контактной препозицией и очень высокой частотностью, их сочетаемость с любой частью речи всегда факультативна” /5:19/. Как видно из представленного выше списка квалификаторов среднеанглийского периода, он пополняется в основном за счет заимствований. Так, в это время был заимствован наиболее частотный интенсификатор *very*. Вот путь его развития: *Lat. veraius, OF. ver(r)ai, Mid. E. verray, XIII вв. — “именно”, XIV в. — “очень”* (квалификатор): *He was a verray parfit gentil knyght* (G. Chaucer. The Prologue).

В среднеанглийский период снижается удельный вес словообразовательных аффиксов градуальности, зато, как указывалось ранее, растет их разнообразие: *Ful thredbare was his overeste courtpey.* (G. Chaucer. The Prologue).

Глагол *do* стал выполнять эмфатическую функцию в повествовательных предложениях в XVII-XVIII вв. /3/.

В связи с изменением синтаксической структуры эмфатическую функцию приобрели конструкции типа: *Was I glad or wasn't I? And wasn't she cross? /1/*

Изменения в структуре ФСП градуальности проявления признака в истории английского языка представляются существенными как в плане выражения, так и в плане содержания, и являются важной составной частью общего процесса развития строя этого языка.

Значительное обилие и разнообразие средств выражения градуальности признака как правило объясняются тем, что оценка степени проявления признака субъективна (представление о степени во многом зависит от индивидуального восприятия человека).

Список литературы: 1. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. - Л., 1983. 2. Виноградов В.В. Русский язык. - М., 1986. 3. Иванова И.П., Чахоян Л.П. История английского языка. - М., 1976. 4. Расторгуева Т.А. О некоторых исторических изменениях в структуре поля (на материале поля времени в английском языке) // Сб. научн. тр. МГПИИЯ им. М.Тореза. - Вып.

125. - М., 1978. - С. 65-73. 5. Рослякова Э.М. Наречие среднеанглийского периода и его грамматическая валентность: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1971. 6. Суворина К.М. Интенсивы в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1976. 7. Теория функциональной грамматики. - Л., 1987; Теория функциональной грамматики. - Л., 1990; Теория функциональной грамматики. - СПб., 1992.

Примечание: При написании статьи использовались словарные данные The Oxford Dictionary of English Etymology / Ed. by C.C. Onions. - Oxford, 1025 p.; а также текстовый материал из книги Смирницкого А.И. Хрестоматия по истории английского языка с VII по XVII в. М., 1953.

И. П. Липко, канд. филол. наук

Э. Н. Липко, канд. филол. наук /Харьков/

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛА HAVE И ВАРИАТИВНОСТЬ СТРУКТУРЫ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ И ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С HAVE В БРИТАНСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (XIX век)

Целью данного исследования явилось изучение вопроса, существует ли зависимость между речевым (актуальным) значением глагола have и его употреблением в do-структурах или без него в отрицательных и различных типах вопросительных предложений в британском (BE) и американском (AE) вариантах английского языка.

Мы исследовали предложения, содержащие have в его различных семантических реализациях, от отчетливого выражения посессивности до сочетаний, в которых это инвариантное значение в известной степени приглушено.

Изучая специфику глагола "бытия" и "обладания", В.Н.Ярцева писала: "глагол have вступает в сложные взаимоотношения, втягивая в свою орбиту только специфические, либо общие элементы и отражая в зависимости от состава структур, от семантики их элементов весьма разнообразные отношения, в том числе экзистенциальные и посессивные" /6/.

Как справедливо отмечают О.С.Ахманова, А.А.Драздаускас и другие авторы, "... в одних и тех же семантических условиях... лексические группы слов в пределах одной и той же части речи могут обнаруживать известную функциональную дифференциацию в зависимости от лексического окружения" /1/. И действительно, значение глагольных лексем полностью раскрывается лишь на уровне синтагматических отношений действия, выражаемого глаголом к его объекту или субъекту.

Это особенно справедливо для такого своеобразного "индивидуального" и "грамматического глагола", как have.

Учитывая неразрывность диалектического единства коллигации и коллокации, мы сделали попытку проследить параллельное употребление have — структур со вспомогательным do и без него в сочетаниях have + N с дополнениями различной семантики.

Для качественной характеристики употребления have-структур с do и без него в сочетаниях с дополнениями различной семантики, в которых манифестируется сложная семантическая структура have, мы выделили 7 основных семантических групп (СГ) и 3 подполнительных, в которых представлены синтагматические реализации have.

Предлагаемая классификация является одной из возможных. Она имеет чисто эмпирический характер, набор групп может быть дифференцированным в большей или меньшей степени. Были выделены следующие семантические группы:

СГ-1. Have + существительные с конкретным значением, т.е. have выражает посессивность, наличие временной или постоянной собственности, например: He has a book.

СГ-2. Have + существительные с абстрактным значением (кроме существительных, входящих в СГ 3, 8, рассматриваемых отдельно). Have указывает на наличие характерис-

тики, качества, т.е. выражает квалификативные отношения, например: He has courage (interest).

CU-3. Have + существительные со значением "мысль", "идея" и т.д. Have указывает на осуществление умственного процесса, например: He has an idea (the plan).

CG-4. Have + существительные со значением родства. Have указывает на наличие родственных связей, например: He has a son.

CG-5. Have + существительные со значением личностной или социальной характеристики. Have указывает на наличие определенных личностных или социальных отношений, например: He has a friend (an enemy).

CG-6. Have + существительные или словосочетания со значением конкретной характеристики. Have указывает на наличие свойства, при котором денотат дополнения есть часть денотата подлежащего, т.е. отношения части и целого, например: He has blue eyes.

CG-7. Have + существительные со значением dinner, supper, breakfast. В сочетаниях с have обозначаются соответствующие процессы. Три дополнительные группы выделены с учетом присущего каждой из них своеобразия состава.

CG-8. Have в различных устойчивых сочетаниях, фразеоматических и фразеологических, например: He has a cold (the nerve). Общепосессивное значение have взаимодействует с семантикой существительного.

CG-9. Have + различные местоимения. Have обозначает различные градации посессивности в зависимости от значения местоимений, например: He has something interesting.

CG-10. Have + существительные + причастие II (have + N + Participle II).

Have участвует в выражении каузативных отношений, например: He has his hair cut.

Разбиение сочетаний have + существительные на CG представляло значительные трудности по ряду причин: а) сложность выделения вклада глагола в каждый конкретный подтекст; б) нечеткость границ между фразеологическими и фразеоматическими единицами /4/, с одной стороны (что находит отражение и во фразеологических словарях К.Т.Баранцева, А.В.Кунина), а также последними и свободными словосочетаниями, с другой; в) недостаточная изученность фразеоматичности; г) возможность различной семантической интерпретации ряда зарегистрированных сочетаний. В состав семантической группы абстрактных существительных с have входит и значительное число фразеоматических единиц, выделение которых в отдельный класс не вызывалось теоретической или практической необходимостью.

Структуры с do и без do взаимодействуют с различными количественными и качественными характеристиками. Рассмотрим их удельный вес в BE и AE в выделенных CG в отрицательных и вопросительных предложениях.

Как в BE, так и в AE вариантах английского языка в XIX в. в исследуемых типах предложений в рассматриваемых CG употребляются, главным образом, структуры без do, имеющие значительно больший удельный вес по сравнению с do-структурами. Например:

BE

1. I had not a letter to write myself /Austen, p.390/.
2. I didn't have pins, drawing-pins... /Kipling, p.88/.
3. "Have you a pocket-comb about you Sir? /Ch.Bronte, p.557/.
4. Did you ever have a watch, Jim? /Greenwood, p.236/.
5. Why do you have such a horse? /Hardy, p.61/.

AE

1. David had not a penny to pay the marriage fee. /O.Henry, p.143/.
2. It didn't have an iron latch on the front door. /Twain, p.349/.
3. Have you your pistols? /Whitman, p.319/.
4. Does the pear-tree have any pears on it? /W.Cooper, p.164/.
5. When do we have these bread and milk again, Mummy? /Norris, p.560/.

Удельный вес do-структур больше в AE, чем в BE, причем этот удельный вес колеблется в зависимости от CG и типа предложения.

Синхронная характеристика использования структур с do и без него показала, что употребление do-структур в отрицательных предложениях чаще, чем в вопросительных в обоих

национальных вариантах. Это, по-видимому, связано, с одной стороны, с природой отрицательного предложения как маркированного члена синтаксической оппозиции "утверждение-отрицание", обладающего более специфическим эмфатическим содержанием, и, с другой стороны, стремлением более четкого формального выражения содержания с помощью аналитической конструкции, а не только отрицательного элемента *not*, способного обслуживать и часто-отрицательные предложения.

Нами установлено, что *do*-структуры в обоих национальных вариантах встречаются чаще в СГ-1 и СГ-2, чем в остальных СГ. Это представляется закономерным, так как живой синтаксический процесс, в первую очередь, дает о себе знать в наиболее широко употребляемых речевых образованиях, в нашем случае, в СГ-1 и СГ-2, проходя путь от идиолекта через узус в язык, в нашем случае этот процесс осложняется тем, что в его протекании есть дополнительный этап в виде национального варианта.

Таким образом, анализ полученных данных свидетельствует о том, что на вопрос о существовании определенной зависимости между семантическим значением *have*, типом предложения и структуры отрицательных и различных типов вопросительных предложений с *have*, можно ответить утвердительно, хотя эта зависимость имеет характер тенденции, а не жестко кодифицированного правила.

Список литературы: 1. Ахманова О.С., Драздаускас А.А. Синтаксис как диалектическое единство коллигации и коллокации. - М., 1969. 2. Вариативность как свойство языковой системы: Тез. докл. М., 1982, ч.2. 3. Гишшани Н.Б. Полифункциональные слова в языке и речи. - М., 1979. 4. Дашевская В.Л. Окказиональные преобразования фразеологических комплексов // *Вопр. фразеологии*. - М., 1980. - С.93-106. 5. Селиверстова О.Н. Компонентный анализ многозначных слов. - М., 1975. - С.28-67. 6. Ярцева В.Н. Категории бытия и обладания в языке. - М., 1977.

И. П. Липко, канд. филол. наук,

Э. Н. Липко, канд. филол. наук /Харьков/

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛА HAVE И ВАРИИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ И ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С HAVE В БРИТАНСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (XX век)

Структура вопросительных и отрицательных предложений с глаголом-сказуемым *have* не была объектом специального изучения, хотя упоминание о вариантах таких предложений применительно к XX веку в британском (ВЕ) варианте встречаем в ряде теоретических исследований, а также в практических руководствах /Хорнби, 1953; Швейцер, 1963; Соболев, 1971; Расторгуева, 1980; Бережан, 1982; Вышин, 1982; Ярцева, 1982; Бонк в соавт., 1995; G.Carey, 1959; G.Dieter, G.Gotfried, 1977 и др./

Вышеуказанные авторы определяют некоторые конкретные условия, связанные с семантикой *have*, микро- и макроконтэкстом, при которых употребление *have* с *do* или без *do* в вопросительных и отрицательных предложениях в ВЕ имеет, по мнению авторов, нормативный характер. Эти условия, в основном, сводятся к следующему:

1. А.С.Хорнби, Г.Дитер и др. полагают, что, когда глагол *have* употребляется в своем основном значении и обозначает "обладание чем-либо", он образует в Англии, по терминологии А.С.Хорнби, "особые личные формы", т.е. употребляется без *do*. При этом А.С. Хорнби считает, что в британском употреблении существует различие между *have*, обозначающим обычные и регулярно повторяющиеся явления, и *have*, обозначающим единичные конкретные явления. В первом случае *have* употребляется в *do*-структурах, во втором — в структурах без *do*.

II. А.С.Хорнби, Г.Дитер и др. полагают, что, если глагол *have* в сочетании с существительными определенной семантики приобретает значение "take", "receive", "experience" и обозначает обычные действия, то он всегда употребляется в структурах с *do*.

III. По мнению Г. Дитера и др., в тех случаях, когда глагол *have* используется для обозначения наличия как временной ситуации *to have time, an idea (cold)*, он употребляется в структурах без *do*, например: 1. *I haven't any cigarettes here.* 2. *I haven't anything special to do.*

IV. А.С.Хорнби считает, что в тех случаях, когда *have* выражает свойства и отношения, и предложения с *have* синонимичны предложениям с *be*, употребляются особые личные формы (т.е. инвертированные) структуры без *do*, например: *How many children have they (got)?* or: *How many children are there in the family?*

V. Вместо таких глаголов, как: *rest, drink, dine, smoke, walk*, часто употребляются сочетания: *have a rest, have dinner* и т.п. /Хорнби А.С./, а по терминологии Г.Дитера и др., в подобных сочетаниях глагол *have* выступает как составная часть сказуемого — носитель процессуальности. Как полагают авторы, глагол в этих сочетаниях имеет только простые личные формы (*do-структуры*).

VI. А.С.Хорнби также полагает, что, когда *have* имеет каузативное значение, т.е. показывает, что действие, о котором идет речь в предложении, совершается не самим лицом, обозначенным подлежащим, а для него и по его желанию кем-то другим глагол *have* имеет результативное значение, то в этом случае *have* употребляется только в *do-структурах*, например: 1. *How often do you have your hair cut?* /Хорнби/.

Близки к этому сочетанию *have* с инфинитивом, в котором *have* приближается по значению к "заставлять", например: *Did you have them wait?*

Наша выборка дает нам основания полагать, что вышеприведенные наблюдения авторов не могут считаться нормативными. 1. Так, глагол *have* в значении "владеть", "обладать" чем-либо употребляется не только в структурах без *do*, как утверждают вышеназванные авторы, но также и в *do-структурах*, независимо от регулярного или единичного характера явления, что подтверждается не только примерами из художественной литературы, но и данными опроса информантов, например. *He did not have the boxes much longer* /Russel, Nelson..., p.359/. 2. Аналогично, при обозначении владения, обладания, наличия, имеющего узкий ограниченный характер, глагол *have*, наряду со структурами без *do*, употребляется также в *do-структурах*, например: *He didn't have time to ask for money* /Greene, Brighton, p.37/.

Особо ощутимы отступления от указанных Хорнби и Дитером и др. норм в сочетаниях с *time*, типа: *he didn't have much time*, например: *Do you have time for a drink?* /Swan, Practical...p.283/.

По нашим данным, в примерах, где *have* имеет значение "иметь определенные свойства", "находиться в определенных отношениях, социальных или личностных" более чем в 50% случаев употребляются *do-структуры*, например: *"Gipsies don't have blue eyes"* - said Andy, - *"She's a half-bred"* /Maynard, Weep... p.145/.

Нами установлено, что при обозначении родственных связей глагол *have* может употребляться как в структурах без *do*, так и в *do-структурах*.

Таким образом, реальная картина использования *do* с *have* во многом является неполной и неточной из-за того, что не учтены различия в использовании данных вариантных форм, определяемые: 1. принадлежностью к определенному варианту полинационального языка; 2. типом предложения; 3. синтагматической характеристикой *have* и некоторыми другими факторами.

Особенно заметны эти отклонения при употреблении *have* в его парадигматическом (инвариантном) значении "обладать", "владеть" чем-либо в сочетаниях с существительными конкретного и абстрактного значения. Именно здесь, в наиболее обычных случаях обнаруживается тенденция к проникновению *do-структур* в вопросительные и отрицательные предложения с *have*.

Что касается американского варианта (АЕ) английского языка XX в., то лишь немногие авторы (в частности, А.С.Хорнби, А.Д.Швейцер, И.П.Соболев, В.С.Шах-Назарова и др.) частично коснулись данной проблемы. Указывая на специфику функционирования этих структур как одной из особенностей АЕ, отличающей его от ВЕ английского языка, авторы

в своих работах по этому вопросу констатируют лишь сам факт употребления до-структур как общепринятой формы.

Однако нами зарегистрированы случаи, когда в идентичных синтагматических условиях, наряду с до-структурами, возможны и структуры без do, например: He did not much money in the bank /Capote, In Cold... p.312/.

Одновременно в BE, наряду с преобладанием структур без do, наблюдаем широкий охват различных семантических групп /2:38/ до-структурами, например: 1. I didn't have the key of the upstairs /Underwood, What...p.156/. 2. What did you have in mind to ask to do? /Watson, Murder...p.69/.

Распространение до-структур в обоих национальных вариантах, более интенсивное в АЕ, связано, по-видимому, с преодолением внутрисистемных противоречий и стремлением к формальной унификации одинаковых явлений, структурно выравниванию, отсутствующему по аналитическому типу.

Анализ полученных данных, касающихся употребления до-структур и структур без do с глаголом have в отрицательных и различных типах вопросительных предложений в выделенных нами семантических группах в BE и АЕ в XX веке свидетельствует о том, что характер употребления до-структур с have определяется типом предложения, с одной стороны, и семантикой have, реализованной в его дистрибуции, с другой, а также принадлежностью к определенному национальному варианту.

Список литературы: 1. Вариативность в германских языках: Тез. докл. и сообщений Всесоюзной конференции. Москва, Калинин, 1988, ч.1, ч.2. 2. Липко И.П. Варьирование структуры вопросительных и отрицательных предложений с глаголом-сказуемым have в британском и американском вариантах английского языка в синхронии и диахронии. Дис... канд. филол. наук. - Харьков, 1984. 3. Соболев И.П. Об одной особенности английского языка в США. - Вопр. диалектологии и языкознания. - Омск, 1971, С.51-57. 4. Солнцев В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вариативность как свойство языковой системы: Тез. докл. М., 1982, ч.2, С.71-73. 5. Хорнби А.С. Конструкция и обороты современного английского языка. - М.: Учпедгиз, 1995. 6. Швейцер А.Д. О синхронном изучении различий между британским и американским вариантами английского языка в области грамматики // Проблемы синхронного изучения грамматического строя языка: Тез. докл. М., 1965, С.15-24. 7. Ярцева В.Н. Синтаксические условия реализации морфологической вариативности языка // Вариативность как свойство языковой системы: Тез. докл. М., 1982, ч.2, С.149-150.

И. Б. Лутовинова /Харьков/

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СИМВОЛА "КАМЕНЬ" В АНГЛИЙСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКЕ

Как известно, языковые особенности сказок состоят в тесной связи с явлениями культуры данного народа. Особенно ярко эта связь проявляется в таких формульных элементах сказочного текста, как заклинания, заговоры, магические устойчивые словосочетания, особая сказочная фразеология, где слово и обозначаемый им предмет, слово и действие отождествляются. В некоторых случаях сказку можно считать прямым отображением обряда, в частности, обряда инициации. Анализ сказочных текстов с точки зрения степени их сохранности позволяет сделать вывод о том, что более стабильны в языковом отношении те сказки, за которыми стоят тысячелетние традиции, ритуалы, народная психология, языческие религиозные пережитки, составляющие часть культуры народа, ее национальный колорит.

Наше исследование, являясь историко-лингвистическим, предполагает изучение этнографических и других внеязыковых материалов, что помогает объяснить появление в языке сказок тех или иных формульных речений, клишированных художественных определений, слов-символов и других штампов сказочного стиля и подтверждает их подлинность, "невыдуманность". Более того, оно открывает возможность восстановления первоначального смысла отдельных частей сказки, а иногда и всего произведения, по "остаточным смыслам", присутствующим в современных адаптированных записях народных сказок. Лексические единицы, используемые в настоящее время, могут не иметь тех значений, которые имели их

древние аналоги. Однако для полной адаптации и модификации, для уничтожения содержательной стороны текста недостаточно полностью изменить его с точки зрения лексики, структуры событийного ряда и т.д. Для полного исчезновения модифицируемого текста нужно полностью уничтожить смысл ситуации, стоящей за символом, подпитываемой к тому же общечеловеческими мифопоэтическими ассоциациями. В случаях неосознанного, интуитивного сохранения сказочной символики, как бы "не мотивированной" контекстом, мы вправе предполагать влияние на репродукторов фольклорных произведений таких глубинных подсознательно усвоенных ассоциаций.

Предмет данной работы — описание подхода к изучению символики устного народного творчества на примере символа "stone/mountain". "Камень" — один из наиболее комплексных фольклорных символов, вбирающий в себя целый ряд идей и отношений, в большей или меньшей мере осознаваемых носителями устной народной поэтической традиции. Чтобы понять все многообразие оттенков данного символа, необходимо обратиться к пристокам человеческого мистического и религиозного мышления и исследовать генетическую связь "каменной" символики с центральным языческим образом — Великим Змеем сказки — всезнающим, всемогущим и всепроникающим космическим божеством, одним из вещественных воплощений которого является камень (ср. "Горыныч" в русских сказках). Без учета этого главного обстоятельства — родственной связи, по сути, тождественности двух понятий — "божество" = "гора/камень", невозможно истолковать все вытекающие неотъемлемые сказочные свойства камней, гор, холмов с закрепленными за ними клишированными художественными средствами и невозможно реконструировать первоначальный смысл поэтического текста. Змей, дракон, великан и подобные им персонажи, обитатели и хранители горы или дерева (функционально равнозначных), широко представлены в мировом фольклоре. (К примеру, всем известный искуситель, обвивающий древо познания в райском саду.) Эти два образа — олицетворяемая Змеем высшая сила и точка — начало мироздания в виде горы — слились в представлении древних в одно целое, что нашло отражение и в английской сказке: движущаяся, пожирающая гора или швыряющий камнями великан. Вероятно, древний человек ощущал потребность в определении центра, геометрической организующего пространство (верхний, средний, нижний миры) и пытался привязать его к конкретной земной форме (гора, дерево), приобретшей впоследствии характер универсального мирового символа. Не всегда, однако, связь "камень" — "бог" бывает выражена явно. Чаще она имплицитно присутствует в таких атрибутах камня, как: 1) крепость при заключении, верность долгу, обету; 2) долговечность; 3) физическая сила; 4) мудрость, проникновение в суть вещей; 5) целебные свойства; 6) защита, охрана; 7) дарование жизни, плодovitости; 8) орудие нападения и смертоносность; 9) способность особого видения, перемещение по воздуху и другие волшебные возможности. Символ "камень" настолько впитал в себя ассоциации с волшебством, с потусторонним миром, т.е. страной мертвых, что играет при нем роль "пограничного столба": одно упоминание о камне в тексте сказки служит сигналом к тому, что сейчас последует описание наиболее фантастических и значительных событий.

Мы не можем быть абсолютно уверены в том, что смыслы слов-символов, интересующих нас, совпадают в своем оригинальном и финальном вариантах. Слово "камень"/"скала" часто обретает в современных вариантах сказок свой буквальный смысл: особенности ландшафта, природного материала, выпадающая из более древнего смыслового ряда: "воплощенное божество", "носитель силы", "повелитель стихии", "владыка жизни и смерти", "волшебная принадлежность обряда", "жертвенник, алтарь" и т.п. Тем не менее, невозможно представить себе редактора, который смог бы полностью сменить смысл всей ситуации, где непременно присутствует представление о необычной силе камней. Традиция родства камня и особой силы в фольклоре столь сильна, что формульные элементы сохраняются даже в полностью свернутом изложении, пусть в совершенно иной форме их реализации. ("Камень" может стать, например, "кучей камней", "грудой торфа", "жерновом", "метеоритом", "галькой", "щебнем", "кременем", "кристаллом", "колонной в храме", "куском коралла", "каменной статуей", "каменными руинами", "утесом", "островом", "горной грядой", "холмом" или "каменистым склоном" и т.д.).

Современный человек при чтении сказок сталкивается со множеством "несуразностей". Вопрос гиганта перед поединком: "How would you like to fight, - on the gray stones or with sharp swords?" звучит примерно так же нелепо для читателя нашего времени, как: "Ты будешь есть яичницу, или вилкой?". В данном случае биться "на камнях" не соответствует русскому "на мечах", обозначая буквально каменистую почву, в которую противники вбивают друг друга по колено, по пояс, по плечи. Но для древних, по-видимому, было совершенно естественным предложение состязаться либо в мудрости и волшебных умениях, либо физически, по принципу "размахнись рука, раздулись кулак". Кстати, герой выбирает мудрость и побеждает.

Человек, обладавший властью над камнем, так велик, что христианство не могло не перенять у древних мифов мотив "сдвигания гор с места и управления стихиями: "He crossed the sea on a slab stone", говорится о святом. Но наиболее ярко божественность камней видна из примера, где Спаситель описан эпитетами, традиционными для всех языческих божеств: "Our Saviour Christ Himself, standing in a blaze of glory on the hill-side with all the strenght that is in the hills, and all the beauty that is of the sea and a love that was greater than the love of the world at all shining in His face."

Подведем итоги.

1. Сказочные формулы — наиболее древние элементы фольклора, обладающие особой семантической стабильностью.

2. Независимо от сменности лексико-грамматического материала, исследуемые формульные компоненты фольклора являются прямым подтверждением смысла той ситуации, в которой возникли их аналоги.

3. Древнейшие представления, отпечатываясь в сознании людей, и запавая в подсознание, становятся общечеловеческими повторяющимися образами. Многовековая устная традиция, вобравшая в себя универсальные мифопоэтические комплексы, побуждает носителей фольклора употреблять конкретные символы с типичными для них художественными определениями в типичных ситуациях.

4. Существует возможность толкования (с большей или меньшей степенью субъективности) этимологии отдельных базисных сказочных элементов путем привлечения экстралингвистического материала, а, следовательно, возможность реконструкции древнейших смыслов.

5. Исследование праисторической символики и ее развития могло бы в дальнейшем иметь значение для разработки проблем трансляции культуры.

Р. А. Ляховецкая /Харьков/

О НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ АНГЛИЙСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Изучение специфики языка фольклора в его отношении к народной речи и литературному языку относится к числу самых трудных и фундаментальных проблем лингвофольклористики. Без решения ее невозможен разговор о генезисе устно-поэтической речи, характере ее структурных и семантических изменений, функциональных возможностях.

Попытаемся определить, что же подразумевает термин "язык фольклора". Для одних исследователей — это "система дискретных звуковых знаков, служащая для целей коммуникации" /3:410/. Для других — "определенная система, постепенно развивавшая в себе такие выразительные средства, которые за ее пределами не встречаются, либо находятся в других соотношениях с фактами языка" /5:207/. Для третьих — "язык фольклора" включает в себя поэтику, все средства экспрессии и эстетики /4:59/. Приведенные точки зрения различаются в зависимости от того, делается акцент на структуру или функцию языка. Мы придерживаемся первой точки зрения с учетом необходимых уточнений. "Язык фольклора" — это система языковых единиц различного уровня, сложившаяся в процессе художественного творчества. Для этих единиц характерны определенные структурно-семантические свойства,

реализация которых приводит к появлению приемов, определяющих композицию текста, обуславливает жанрово-стилистическую специфику фольклорного произведения.

Примечательная особенность языка фольклора — наддиалектность. Наддиалектность языка фольклора понимается как совокупность специфических черт: широкой распространенности и богатства устно-поэтического языка, максимальной устойчивости его грамматических конструкций, фразеологических оборотов, лексических элементов, поливалентности его функционирования /1:116/.

Устнопоэтический язык, составляющий основу фольклорного языка, включает семантически и морфологически наддиалектные слова, изобилует архаизмами, специфическими лексическими единицами, которые нуждаются в специальном лингвистическом анализе. В данной работе мы попробуем описать некоторые характерные черты народной речи в языке произведений английского детского фольклора. Традиционные английские фольклорные стихи содержат множество архаических черт, указывающих на их древнее происхождение. Архаические элементы наблюдаются на всех уровнях текста: грамматическом, лексическом, фразеологическом, фонетическом, синтаксическом.

Наиболее часто употребляемые грамматические архаизмы можно найти среди местоимений, форм глагола, прилагательных (*curiouser, forloner*) и числительных (*eenе, meena, mona*), сохранившихся еще с кельтских времен. В английских стихах для детей часто используются старые формы вспомогательных глаголов: *dost, shalt, hast*; устаревшая третья форма неправильных глаголов: *wave — woven, swelled — swollen*. Для просторечных грамматических конструкций характерно неправильное употребление временных форм: *is become (has become)*, *Past Perfect* вместо *Future Past Perfect*.

Лексика фольклорных произведений для детей богата архаизмами, просторечными выражениями, отклонениями от современной нормы языка. Из архаичных слов, сохранившихся в стихах, следует отметить: *anon, bunting, pritheе, аye*. Употребляются клички животных, принятые в народе: *Rover, Dobin, Bunny*. Часто встречаются рифмованные бессмыслицы: *Andy-Spandy, Eeka-Neeka-Leeka-Lee*. Для английского языка характерна передача звуков с помощью подражательных междометий: *tappity-tap (топот ног), mumble-umble (шум голосов), swish-swash (свист скакалки)*. В стихах широко распространен прием игры слов, основанный на намеренной реализации нескольких значений: *spring — прыгать, весна; sage — шалфей, мудрец; to do — проделать, надуть*. Встречаются слова, принадлежащие к детской лексике: *trotters (feet), breeks (breeches)*. Некоторые слова, используемые в современном английском языке, утратили свое прежнее значение: *rare — в архаическом значении "превосходный"*, просторечные *but, as* имели значение современного *that*; *of the same* означало *of this*. Необычайно популярны в Англии рифмующиеся или аллитерирующие прозвища: *Tittle-Tattle (болтун), Hurly-Burly (виновник паники), Harum-Scarum (делающий все впопыхах и спустя рукава), Cowardy custard (трус)*.

Типичные черты просторечия часто наблюдаются при передаче фонетических особенностей. Воспроизводится специфика народного произношения. Часто опускаются отдельные звуки в середине или начале слова: *fam'ly, s'pose, 'stead, 'orse, 'enry*. Окончание *-ing* произносится без носового звука: *talkin', mornin'*. Буква *g* часто претерпевает перестановку: *purty-pretty*. Некоторые звуки искажаются: *git, missage, anoder, wery*. Используется народно-песенный прием добавления украшающих окончаний в конце строки: *crack'a, dail'o, tail'o*. В стихотворении "*Mary, Mary, quite contrary*" /7:138/ внутренняя рифма строится на созвучии слов *Mary и contrary*, в котором ударение специально переставляется на второй слог.

На синтаксическом уровне характерными являются случаи построения предложений по нормам разговорного синтаксиса. Перед инфинитивом, выражающим обстоятельство цели, в старых текстах встречается предлог *for*: *She went to market her eggs for sell* /7:245/. В некоторых примерах сохраняются особенности глагольного управления, не характерные для современного языка: *to consider of it, the man asked of me*. В утвердительных предложениях вспомогательный глагол *do* присутствует наряду с основным глаголом: *The north wind doth blow*. Архаическим является употребление инфинитива с частицей *to* после глагола *to make*: *Which made the little woman to shiver and sneeze* /7:56/. Употребляются специфические выражения, характерные для просторечия: *Lawk a mercy on me*. Используется прием эмфатической инверсии: *Dut never afeared are we* /6:82/. Для народной поэзии также характерен порядок слов, когда эпитет следует за существительным: *the moonlight pale, his accents mild*.

Особый интерес представляют случаи необычного словообразования в фольклорных произведениях для детей. Образование шутливых глаголов от существительных: beave (бобрить) от beaver (по модели write — writer); уменьшительных производных: bittens от bats (по образцу kitten — cat). Широко используются шутливые прилагательные: snarly, yarly, woffely, snappy; придуманные имена: Wynken, Blynken (от глаголов to wink, to blink).

Как видно из приведенных выше примеров, английский фольклорный поэтический текст является не только образцом национального художественного мышления, но и в языковом отношении представляет собой образец народной традиционной речи, впитавшей в себя все богатство и многообразие лексических, фразеологических, семантических и грамматических особенностей языка. Язык фольклорной поэзии дает многочисленные и разнообразные примеры трансформации слова и морфемы, полной или частичной утраты ими своего значения при сохранении внешнего строения. Утрата или изменение словом своего значения определяется исторической давностью бытования их произведения, а также самой спецификой фольклорных жанров, формой существования и исполнения. То, что невозможно и необычно для литературного языка, естественно для языка фольклора. Фольклорный языковой текст тесным образом связан с поэтикой, что отражается в функционировании и развитии единиц всех его уровней.

Говоря о взаимоотношениях фольклора и литературного языка следует отметить, что язык фольклора своими строевыми особенностями и наддиалектностью подготовил почву для развития литературного языка. Богатое фольклорное наследие с его устойчивыми языковыми и поэтическими особенностями оказывает влияние на все уровни языковой структуры литературного языка, оставаясь при этом непроницаемым по своей структуре [2:67].

В заключение следует подчеркнуть, что изучение языка фольклора углубляет теорию лингвистики и этнолингвистики, стимулирует историческое и типологическое осмысление многовекового устнопоэтического творчества, универсальных его основных жанров, играет огромную роль в разработке проблем семантики и прагматики, теории литературного языка и его национальных вариантов.

Список литературы: 1. Асланов В.Г. Типы наддиалектических форм языка. - М., 1981. 2. Гацук В.М. Фольклор в современном мире. - М., 1991. 3. Марузо Ж.А. Словарь лингвистических терминов. - М., 1960. 4. Никитина С.Е. Устная народная культура как лингвистический объект // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. // - М., 1982, №5. 5. Оссовецкий И.А. Некоторые наблюдения над языком стихотворного фольклора // Очерки по стилистике худ. речи // - М., 1979. 6. Luigas A.A. Short Student's Guide to English Literature. IX. - Tartu. 1979. 7. Opie I., Opie P. The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes. - London, 1958.

Л. Д. Маевская, канд. филол. наук /Харьков/

DIE DEUTSCHE SPRACHE EINE BRÜCKE IN DER INTERKULTURELLEN KOMMUNIKATION

Durch die aktive Teilnahme der Germanisten aus verschiedenen Ländern an der Vermittlung, Verbreitung und Pflege der deutschen Sprache und Literatur ist die Germanistik zu einem weltoffenen Kulturschatz geworden. Die Aufgabe der interkulturellen Germanistik, der interkulturellen Kommunikation besteht in der Bewahrung dieses Kulturschatzes.

Seit Anfang der 80er Jahre hat sich Kommunikationsfähigkeit als Ziel des Deutschunterrichts durchgesetzt. Das bedeutet in erster Linie, dass an die Stelle des

Sprachwissens das Sprachkönnen gerückt ist. Und was auch sehr wichtig ist, dass die 4 Fertigkeiten: Sprechen und Hören, Lesen und Schreiben im Unterricht Vorrang gegenüber Grammatikkenntnissen und dem Übersetzen erhalten haben.

Die Sprache ist eine spezifische Form menschlichen Handels. Für die Entwicklung von Gesprächsfähigkeit im Fremdsprachenunterricht ist es wichtig, worüber und wie miteinander geredet wird. Die neuen Medien dringen mehr und mehr in alle Lebensbereiche vor. Ihre Globalisierung und Ausdifferenzierung ermöglichen neue Formen der Kommunikation und des Austausches. Satelliten Fernsehen, länderübergreifende Computernetzwerke und internationalverbreitete Software ermöglichen heute den Kontakt mit fremden Kulturen mit einer in der Geschichte der Menschheit nie dagewesenen Intensität. Heute sprechen wir über face-to-face-Kommunikation, d.h. eine direkte Interaktion zwischen Menschen aus verschiedenen Kulturen.

Also kommunikativer Unterricht stellt Aufgaben bereit, die es erlauben, schon im Unterricht selbst mit Sprache zu handeln, die Wirkungen der Sprache zu erproben. Deshalb wird ein solcher Unterricht auch als handlungsorientiert bezeichnet.

Unter Kommunikationsfähigkeit verstehen wir kommunikative sprachliche Kompetenz. Diese Kompetenz setzt sich aus mehreren Komponenten zusammen, die auch zusammen wirken müssen, wenn die sprachliche Verständigung gelingen soll. Als Hauptkomponente lassen sich unterscheiden:

- a) die linguistische Komponente-Sprechen, Hören, Schreiben, Lesen u.a.;
- b) die pragmatische Komponente-das Wissen und Fähigkeiten in konkreten Situationen in einen sprachlichen Austausch einzutreten, also zu wissen, wie ein Dialog, eine Diskussion funktionieren, wie nichtsprachliche Mittel einzusetzen sind (Mimik, Gestik);
- c) die sozio-kulturelle Komponente: für das Gelingen von Kommunikation ist es wichtig, sensibel auf die sozialen Konventionen einzugehen, z.B.: Höflichkeitsregeln, die Beziehungen zwischen verschiedenen Generationen oder den Geschlechtern zu beachten, soziale Gruppen, vor allem aber auch kulturelle Konventionen zu berücksichtigen. Das Gelingen interkultureller Kommunikation setzt Kenntnisse solcher kulturellen Strukturen, aber auch persönliche Fähigkeiten, solche wie: Toleranz, die Bereitschaft, andere anzuerkennen, voraus.

Wir, Lehrer, arbeiten mit den Kindern und Jugendlichen und wir müssen Neigungen und Interessen dieser sozialen Gruppen planen. Der Unterricht soll dem einzelnen Individuum ermöglichen, alle seine Talente optimal zu entfalten und auf Herausforderungen zu treffen, die selbstbestimmtes Lernen fördern. Fremdsprachenunterricht, der seine pädagogische Verankerung in einem gesellschaftlichen und Bildungspolitischen Kontext hat, kann sich nicht nur darauf beschränken, mündliche Fertigkeiten als Verhaltenselemente einzutrainieren, sondern muss Gesprächsfähigkeit als Handlungskompetenz entwickeln. Uns steht zur Verfügung viel Gesprächsstoff: Freunde, Reise, Bibliotheken, Länder und Städte, Briefwechsel usw. Ausgehend von diesen ersten Gesprächserfahrungen soll der Deutschunterricht das sprachliche Vermögen der Lernenden durch sinnvolle Aufgaben und darauf abgestimmte Übungen entwickeln, ohne das die Jugendlichen die Lust verlieren, etwas in der Fremdsprache sagen zu wollen. Solcher Unterricht gibt den Lernenden die Möglichkeit, sich selbst Gedanken darüber zu machen, was sie üben und ausbauen müssen, um ihre Aufgabe fremdsprachlich lösen zu können. Die Lernenden müssen selbstbestimmte real erlebte Kommunikation erleben und Sprechfertigkeiten zu Gesprächsfähigkeit erweitern. Die real erlebte Kommunikation bei uns? Das sind: Deutschunterricht (Neuenhagen, Nürnberg), Teilstudium der Germanistikstudenten an der Universität Erlangen/Nürnberg, Gastlehrzeit an den Universitäten der BRD unserer Historiker, Mathematiker, Chemiker, Philologen. Solche Kommunikationfertigkeiten sind wesentliche Elemente eines Gesprächsaufgaben. Regelmäßige Hörer-Rückmeldungen sind wertvoll, attraktiv, voll von Information, haben praktische Anregungen, erhöhen das Prestige von Gesprächsaufgaben. Regelmäßige Hörer-Rückmeldungen sind wesentliche Elemente eines Gesprächs. Während der eine Gesprächspartner redet, signalisiert der oder die andere fortwährend non-verbal und verbal, dass er/sie zuhört, versteht oder nicht versteht, interessiert oder erstaunt ist usw. Durch dieses aktive Zuhören wird das Gespräch in Gang gehalten und das gegenseitige Verstehen gesichert. Partnerbezogenes Sprechen in Alltagssituationen ist eine wichtige Voraussetzung für das friedliche Zusammenleben der

Menschen und das Verständnis anderer Kulturen. Es sind neue Inhalte, Materialien, Methoden in der Praxis erschienen. Das oberste Ziel ist die Förderung und Stärkung des Deutschunterrichts an allen Lehrstufen sowol bezüglich Qualität als auch seiner Präsenz in der Gesellschaft und an öffentlichen privaten Schulen, Hochschulen, Universitäten. Dieses Ziel wird am besten erreicht durch die selbstmotivierte Professionalisierung der Lernenden.

Es ist nicht zu vergessen, dass die zunehmende Verflechtung der Weltwissenschaft, die weltweite Internationalisierung der Wissenschaft, die politische Öffnung nach Osten, die immer wichtiger werdende Motive bieten, Deutsch zu lernen. Interkulturelles Lernen soll im Mittelpunkt des Unterrichts stehen. In diesem Zusammenhang erinnern wir uns an die Worte aus Dresdner Erklärung des Fachverbandes DaF zur Zukunft des Deutschen als Fremdsprache: "Im Ausland-besonders in Osteuropa-Besteht grosses Interesse an der deutschen Sprache. Die Weltsprache Deutsch ist Wirtschaftssprache als notwendiges Transportmittel der internationalen Wirtschaftsbeziehungen Deutschlands und anderer deutschsprachiger Länder. Sie ist ebenso Kultur- und Wirtschaftssprache".

A. В. Малина /Харьков/

О ДВУХ СПОСОБАХ ОБРАЗОВАНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Способы выражения отрицания демонстрируют удивительное однообразие в различных языках. Более того, их изменения в ходе языковой эволюции также весьма однотипны, однако в пределах этого однообразия можно выделить несколько более или менее четких тенденций, причем каждый данный язык или их группа внутри семьи преимущественно следует только одной тенденции, что позволяет говорить о более или менее тесной связи то ли генетической, то ли географической отдельных языков в доисторическом прошлом, что и будет продемонстрировано нами на примере способов выражения общего отрицания, когда в предложении также имеется отрицательное/относительное местоимение.

Рассмотрим несколько типов таких предложений, которые хронологически можно расположить следующим образом:

I. *ne/me - подлежащее - сказуемое - относительное/вопросительное местоимение. Например: авест. *ma ciss pauvo Vairuacae no* (пусть не кто-либо первый почует нас).

Данный тип является древнейшим и отражает то время, когда в индоевропейских языках еще не было отрицательных местоимений, сформированных способом *ne + вопросительное/относительное местоимение. Однако постепенно в индоевропейских языках начинается процесс образования отрицательных местоимений и наречий путем присоединения отрицательной или другой усилительной частицы к вопросительному/относительному местоимению или наречию.

II. Подлежащее - сказуемое - отрицательное местоимение. Например, вед. *nakir indra tvad uttaro... nakir eva yathu tvam* (никто, о Индра, есть выше тебя... никто подобен тебе).

В данном случае отрицательное местоимение является единственным отрицанием в предложении, сохраняя первичный тип употребления только одного отрицания в предложении. Сравните: хет. *parkunesimara ul kud* (букв.: очистишься ничем); *ul-ra kutki nahmi* (букв.: ничего боюсь).

Однако в современном французском языке, где глагольное отрицание не может опускаться, отрицательных местоимений, образованных по общему индоевропейскому типу, нет. Такое же наблюдается в большинстве современных финно-угорских языков, где глагольное отрицание изменяется по лицам и временам и тем самым не может не присутствовать в отрицательном предложении, являясь неотъемлемой частью сказуемого, а отрицательных местоимений и наречий нет. Например, фин.: *En sanonut mitään* (Я ничего не сказал).

III. *ne - подлежащее - сказуемое - относительное/вопросительное местоимение - усилительная частица/суффикс. Например, гот.: *poei anpar ainshun ni gatauida* (чего кто-либо

другой не сделал); древнесак. *ni maz im eniz man than suiȝor* (не мог никто ему сказать); вед. *na te vajran anv asno ti las cana* (никто же не создаст твое молниеносное оружие).

Ведийский пример прекрасно иллюстрирует тот факт, что ведийское отрицательное местоимение "nakis" (никто), используемое в предложениях как единственное отрицание в сер. II тыс. до н. э. (см. пример II типа), начинает заменяться сочетанием "na ... kas cana" ("cana" - усилительная частица в нач. I тыс. до н. э., по данным Дельбрюка Б.), имеющим тот же смысл "никто", но с точки зрения говорящих, по-видимому, явно усиленному по сравнению с просто "nakis".

IV. Подлежащее - сказуемое - относительное/вопросительное местоимение - усилительный суффикс/частица. Например, русск. *николи же* себе правльня творити.

V. Подлежащее - сказуемое - относительное/вопросительное местоимение + усилительный суффикс. Например, др.-исл. *sva es marg ses munge ann* (это есть человек, которого никто любит).

Данный тип предложения относится, в основном, к древнеисландскому языку, замечательному среди германских, а пожалуй, и вообще среди индоевропейских тем, что он практически полностью отказался от употребления частицы "ni". Все отрицательные местоимения образованы путем прибавления суффикса "-gi" (= "cana") к обычной германской основе, и в предложении эти местоимения выступают единственным отрицанием. Например: *A dogum Froda uar sua mikil fridr, ad enge nilldi mann drepa* (В дни Фрода был такой великий мир, что никто не хотел убивать человека).

Усилительной частицей (впоследствии суффиксом) является *cana* (в полной мере зафиксированная в ведийском), не являющаяся сама по себе отрицательной, что, например, полностью сохраняет русский язык (*Я же* ему говорил). Она в той или иной мере была использована всеми индоевропейскими языками, но только некоторые из них образовали с ее помощью местоимения, употреблявшиеся в отрицательном предложении, при этом "не" перед сказуемым могло опускаться.

Как уже отмечалось, среди индоевропейских языков в полной форме "cana" зафиксирована в ведийском. Являясь первоначально усилительной, она постепенно превращается в отрицательно/усилительную, преимущественно употребляемую в связи с отрицанием в предложении.

В готском языке ведийское "cana" уже стало суффиксом, неотделимым от местоимения: *mannahum, ainshun, hvashun, hvanhun* (-hun - cana). Возможно, готы воспринимали эти местоимения, взятые сами по себе, как просто неопределенные, т.е. как "кто-то, что-то", но доказать это невозможно, т.к. употреблялись они всегда в отрицательных предложениях при наличии "ni" со сказуемым.

Всего в готской Библии нами было найдено 167 отрицательных предложений с этими местоимениями, что позволило нам сделать следующие наблюдения: суффикс "-hun" никогда не присоединяется к "vaiht", которое при наличии "ni", стоящей перед глаголом, приобретает отрицательный смысл ("vaiht" было употреблено в 55 предложениях и ни разу с "-hun").

Напр. *ni vaiht auk ist gahulip* /Mat. 10:26/ (ибо нет ничего сокровенного).

Следующим местоимением, употребляемым без "-hun" является "manna" (26 предложений) и только в 9 случаях с "-hun". Напр. *Jah anabaup im filu ci manna ni fumpi pata* /Mark. 5:43/ (и строго приказал им, чтобы никто об этом не узнал).

Наиболее же часто встречаемой формой наряду с другими является "ainshum" (53 предложения). Напр. *ainshum ni gamip at allin, nila paik mik* /John. 14:6/ (никто не приходит к отцу как только через меня).

Таким образом, готский язык прекрасно демонстрирует процесс отрицания, используя при этом элемент, не являющийся по своей природе отрицательным, сохраняя при этом изначальное, присущее индоевропейским языкам мононегативное построение отрицательных предложений.

Древненемецкий язык как совокупность нескольких диалектов (нижне-, средне- и южонемецкая группы) демонстрирует две тенденции в образовании отрицательных местоимений, а именно, древнесаксонский фактически сохраняет изначальный германский тип, также используя суффикс "gi" для усиления: готскому "ainshum", др.-исл. "enge" соответствует "enig" при отрицательном глаголе: Напр. *that il ni maz eniza huila libbian* (и (что) я не могу никакой девы любить), в то время как верхненемецкий в полной мере прибегает к негативно-

му стяжению, подобно западно-саксонскому диалекту древнеанглийского ("niheim", "noheim", "nioman"): Напр.: Jat. 97.2.5. inti nioman imo ni zab (и никто ему не дал).

Древнеанглийский также демонстрирует оба способа усиления отрицания: северные диалекты древнеанглийского языка использовали "cana" и на протяжении всей письменной истории сохраняли мононегативное построение отрицательных предложений, а западно-саксонский, использовавший негативное стяжение, был полинегативен. Напр.: ... of deofol ne cunȳ aeniz oper bot buton ... (от дьявола нет никакой другой помощи кроме ...).

Мы полагаем, что данную картину распределения двух способов отрицания можно удовлетворительно объяснить влиянием соседних языков, а именно урало-алтайских, которые находились в непосредственном контакте с индоевропейскими на протяжении всего исторического времени. Данные по финскому языку, имеющему четкую и однозначную схему оформления отрицательных предложений, подтверждают наши предположения. В финском в отрицательных предложениях представлен фактически тот же тип образования, который имеется в ведийском или в готском, а именно, использование отрицательно-усилительной частицы "kaan", "kään" для присоединения к неопределенным местоимениям в отрицательном предложении: Напр.: Emmen anna, emmekä ota mitään (не дадим и не возьмем ничего).

Финский использовал усилительную частицу "cana" гораздо полнее и шире, чем индоевропейские языки, что является естественным, поскольку, как мы полагаем, индоевропейцы заимствовали только один из способов ее употребления.

На основании приведенного анализа мы получили следующую картину географического распределения типов отрицательных конструкций: не + относительное/вопросительное местоимение и относительное/вопросительное местоимение + cana. Использование негативного стяжения характерно для юга, географически эта группа языков включает языки, лежащие южнее некой границы, проходящей вдоль Балтийского моря с востока на запад, то есть верхненемецкий, латинский, греческий, в то время как северные языки — скандинавский, готский, древнесаксонский, английские диалекты относятся ко второму типу. Русский же язык, территориально расположенный между крайними точками запада и востока, представляет собой промежуточный тип (IV).

Т. И. Манякина, канд. филол. наук /Днепропетровск/

ПРИЕМ ДВОЙНОГО СМЫСЛА В АФОРИЗМАХ (на материале немецкого языка)

Одной из существенных черт афоризма как жанра является его установка на новизну заключенного в нем суждения и на яркость формулировки (последняя, впрочем, может облекать общеизвестную истину). Одним из наиболее эффектных и эффективных средств смысловой и стилистической экстраординации в афоризмах выступает прием двойного смысла.

Этот структурно-семантический прием заключается, как известно, в одновременной реализации разных значений или оттенков значения многозначного слова или устойчивого выражения, а также в одновременной реализации значений омонимов /1:74/. Двойной смысл является видом каламбура, занимая в его пределах автономное место: реализуясь в рамках одной лексической единицы без ее структурной деформации, двойной смысл противопоставит всем остальным вариантам каламбура, поскольку в них присутствует хотя бы минимальное — в один звук — расхождение сближаемых или совмещаемых единиц /2/.

Каковы же структурное своеобразие и экспрессивный потенциал двойного смысла в афоризмах?

По своей словесно-структурной основе двойной смысл в афоризмах обнаруживает несколько вариантов.

1. Это может быть одновременная реализация — благодаря специфическому контексту — значений многозначного слова. Например: Alle Vorräte an Getreide, Mehl, Zucker, Kaffee und so weiter sind nacheinander gestreckt worden. Mit den Waffen war's noch zu probieren. /3:134/. Двойной смысл создан здесь противопоставлением основного значения глагола atrecken в свободном употреблении — "растягивать" — его значению во фразеологизме die Waffen strecken — "сложить оружие".

Также активизированы оба значения у глаголов в следующих афоризмах: *Manchen Patienten fehlt eigentlich nichts als ein Krankenschein.* /4, 1980, Nr.4, S.6/. *Übrigens ist es viel leichter, eine Sache zu überschen als zu überblicken* /4, 1980, Nr.5, S.15/.

Столкновение во втором из них синонимов *überschen* (в значении "окинуть взглядом") и *überblicken* создает дополнительно эффект парадокса, что в сочетании с каламбуром и общим ироническим тоном создает высокий экспрессивный эффект.

2. Двойной смысл может иногда создаваться также столкновением в пределах одной словоформы омонимов, в том числе лексико-грамматических. Например: *"Würde ist konditionale Form von dem, was einer ist."* /3:99/. Здесь двойной смысл создан путем намеренного столкновения в рамках одной лексической единицы лексико-грамматических омонимов: существительного *die Würde* — достоинство и конъюнктивной формы глагола *werden*.

3. Чаще всего двойной смысл создается в афоризмах путем буквализации значения общеязыковых метафор и переносно-образных фразеологизмов. Например: *Viele Worte sind lange zu Fuss gegangen, ehe sie geflügelte Worte wurden.* /5:617/. Здесь оживлено буквальное значение причастия *geflügelt* "летающий", "передвигающийся по воздуху", благодаря противопоставлению: *sind lange zu Fuss gegangen*. Однако метафорическое значение устойчивого выражения "*geflügelte Worte*" — "передаваемый из уст в уста" и в этом смысле "крылатый" — тоже сохраняется. Отсюда — смысловая двуплановость, составляющая семантико-стилистический эффект этого афоризма. Этот способ создания двойного смысла представлен также в следующих примерах (лексические компоненты — носители двойного смысла в примерах подчеркнуты): *Es gibt nicht wenig bunte Programme, die ausgesprochen farbig sind.* /4, 1969, Nr.33, S.10/. *Jeder Dichter und alle ehrlichen Dilettanten schreiben mit ihrem Herzblute, aber wie diese Flüssigkeit beschaffen ist, darauf kommt es an.* /5:605/. *Der Anspruch auf einen Platz an der Sonne ist bekannt. Weniger bekannt ist, dass sie untergeht, sobald er errungen ist.* /3:121/. *Übrigens sollten auf die Höhe der Verantwortung nur Schwindelfreie gelangen.* /4, 1980, Nr.23, S.15/.

Прихотливое сочетание двойного смысла с образностью дает яркий комический эффект в следующем афоризме: *Wessen Geist nicht blitzt, dessen Stimme donnert.* /4, 1979, Nr.30, S.5/.

Таким образом, двойной смысл в рассмотренных афоризмах представлен всеми структурными вариантами. Он реализуется здесь в рамках слов (различной частеречной отнесенности) и словосочетаний. Как правило, прием двойного смысла конвергирует здесь с другими средствами экспрессивности: образностью, парадоксом, другими видами каламбура, что обеспечивает высокий экспрессивный эффект.

Актуализация в рамках одной структурной единицы одновременно двух смысловых планов автоматически создает эффект отстранения, поскольку представляет собой (нарочитое) нарушение закона формальной логики, согласно которому понятие (и суждение) должно быть равно самому себе. В то же время конструирование смысла как таковое не обеспечивает качества мысли. Должный уровень остроумия предполагает, как думается, гармоничность, естественность (без нарочитых натяжек) сосуществования смысловых планов внутри элементов суждения и значимость всей актуализированной мысли, относительно которой прием двойного смысла выступает лишь средством усиления.

Список литературы: 1. Манякина Т.И. Языково-стилистическая характеристика жанра афоризмов (на материале немецкого языка). Дисс. ...канд. филол. наук, Днепрпетровск, 1980. 2. Соловьян В.А. Языково-стилистические средства сатиры в немецком языке (на материале художественной публицистики XIX—XX веков). Автореф. дисс. канд. филол. наук. - М., 1960. 3. Kraus, Karl. *Anderthalb Wahrheiten. Aphorismen.* / Hrsg. von Kurt Krolop. - Berlin: Ritten-Loening, 1969. 4. *Fulenspiegel: Wöchentliche Zeitung für Satire und Humor.* - Berlin. 5. *Ebner-Eschenbach, M. von Sämtliche Werke.* In 20 Bd. - Berlin-Grünwald: Klemm, 1920, Bd.1.

*А. П. Мартынюк, канд. филол. наук,
С. Башкирева /Харьков/*

SOME DIFFERENCES IN CONVERSATIONAL STRATEGIES OF THE SEXES

1. INTRODUCTION

Men and women talk differently and, naturally, many attempts to explain the sources and nature of these have been made. To some extent all these attempts have been connected to the speaker's social environment and to the actual circumstances of language usage.

The fundamental principle of most explanations of gender related differences that has been accepted by the vast majority of researchers is the dichotomy of men and women's communicative strategies. It is common to believe that while men choose a strategy of competition, women choose that of cooperation. Then comes the communicative competence of men and women. In this paper we try to consider how the concept of male and female subcultures is actually realized in specific ethnic settings through analysis of experimental data on indirectness strategies of Ukrainian males and females and comparing them with those obtained by Tannen who investigated conversational strategies of Greek and American males and females /5/.

We view indirectness as most convenient tactics for getting what you want without asking for it openly and, on the other hand, to remain comfortable of one's conversational contribution is not received well since it always leaves the opportunity of saying "That is not what I meant". Starting from Otto Jespersen who seemed to be confident that "women exercise a great and universal influence through their preference for refined and veiled and indirect expressions" /1:246/, many linguists have touched upon indirectness in women's conversational strategies within the framework of politeness bringing up such points as greater use of euphemistic forms /4/, the use of questions to affect the actions of others /2/, etc.

2. EXPERIMENTAL WORK

2.1. Experiment 1. The participants of the initial experiment (18 Ukrainian males and 25 females) were offered to watch an episode from Kalina Krasnaia ("Res Ashberry"), a film directed by Shukshin. The episode includes the main character, Egor, talking to a young female bank clerk whom he has never met before, trying to make a date with the girl. The dialogue between the characters runs as follows.

- Egor (1): Could you help me please! I have just come from the gold mines and it happens I have no friends here.
 Girl (2): And what of it?
 Egor (3): Have you got a boyfriend?
 Girl (4): What does it matter?
 Egor (5): I mean we could make a wonderful tour round the city.
 Girl (6): You are transferring money, aren't you? Please, do what you have to do, sir.
 Egor (7): I am not a sir for you! I am your comrade and brother. You had better work than flirt.

Female and male participants in the experiment were asked to interpret the girl's cues identifying themselves with Egor or the girl, respectively. In the discussions 67.5% of imaginary Egor's stated that by raising the question "What does it matter?" the girl was letting Egor know that she didn't want any date with him and further on in the conversation the girl's reaction to Egor's proposal to have a tour showed that she refused him and that was final. About 30% of female informants gave a similar interpretation against 70% who interpreted the girl's cues as hesitation and taking some more time to make up her mind or as an indirect attempt to retain him an opportunity of disclosing himself.

The results of the survey demonstrated quite clearly the divergence of male and female interpretive strategies of indirectness.

2.2. EXPERIMENT 2. In order to determine more precisely the extent of differences in expectations of indirectness in cross sex conversation further systematic questioning was undertaken. On the basis of the initial pilot survey a questionnaire was made reproducing part of the

dialogue and asking informants to choose between the two most likely interpretations of the male character and the girl's cues. The questionnaire was offered to 265 Ukrainian male and 270 female students of a teachers training college aged between 19-23 and also 38 male and 46 female teachers aged 35-45. The questionnaire reads as follows. Egor (3) - Girl (4).

The first task was to check which interpretation the participant of the experiment thought was correct for Egor.

/1-D/ The girl is very pretty. I'd like to spend some time with her. I'll ask her if she is available.

/1-I/ The girl is very pretty. I'll ask her something that can make her understand that I like her and want to know more closely. The question about a boy friend is the best in the situation. The answer does not matter.

In /1-D/ Egor's cue is regarded as a simple request for information while in /1-I/ it is considered an indirect speech act indicating hidden preferences.

88% of females choose /1-I/ against 45.8% of males.

The second task was to put a tick next to the interpretation of the girl's cue which the participant of the experiment thought explained what the girl really meant.

/1-D/ It sounds like this guy is making a pass at me. I don't like him at all. I had better make him understand that he should mind his own business.

/1-I/ It sounds like this guy is making a pass at me. I can't say I like him at first sight, but I'm not sure yet whether I'd like to know him more closely or not. Sometimes the first impression is wrong. I'd better take my time and have a second look at him.

In /1-D/ the girl's cue is regarded as a direct and impolite refusal to cooperate since instead of answering an earlier question the contents of which are quite transparent she asks another question which hampers interaction and, hence, contradicts the rules of successful communication. / 3/.

In /1-I/ it is viewed as an indirect speech act implying hesitation and serving to gain time to take a decision about which answer to give.

Here 68.4% of women chose the indirect interpretation against 34.75% of males.

The second part of the questionnaire reads: The same characters go on with the conversation: Egor (5) - Girl (6).

The task was to put a tick next to the statement that one thinks explains what the girl really meant when she asked the second time.

/2-D/ It sounds like the guy is going to make a date with me. I don't like him at all. He sounds rude. I'd better make him understand that he has to leave and mind his own business.

/2-I/ It sound like this guy wants to date me. I can't say whether I'd like to meet him or not. Sometimes the first impression is not right. I'd better take my time and have a second look at him. Maybe, his tactics will be more polite. I might as well accept the invitation.

Women and men were both asked to interpret the girl's cues. The choice of both /1-I/ and /2-I/ revealed most indirect interpretive strategy, since both the girl's and Egor's questions were taken to indicate their hidden preferences.

Again the results fall out with women most likely to take the indirect interpretations /75.1%/ and men the least likely /25.8%/. Then the participants were asked what gave them the impressions of indirectness or directness and what the girl and Egor should have said for them to have ticked the other statement. Differences in explanations of interpretations were systematic with regard to the girl's questions.

Interpretations /2-I/ indicates that the girl's question means she doesn't want Egor to leave so soon and hesitates about agreeing to his proposal. The reasoning reported by Ukrainian women was that if the girl really wanted Egor to leave, she would have stopped talking.

Thus, sharing common social and communicative competence and, hence, being capable of interpreting questions both ways the sexes showed preference in interpreting a question in a particular context with women more likely to take an indirect interpretation and men less likely to do so.

2.3. Age groups. We failed to find any difference in interpretive strategies of male students and teachers. With female younger ladies turned out less indirect than older ones: only 7.5% of the older group chose the direct interpretation in both cases against 25.75% of younger ones.

After filling in the questionnaire most of the participants of the experiment were asked to explain their choices. In the course of this discussion we differentiated a separate group of women

(22,8% of all the female participants) who stated that they wanted to check both interpretations in the questionnaire. They explained that if they projected themselves into the position of the girl they would choose the indirect interpretation, but if they imagined themselves in Egor's shoes they would tick the direct version.

In other words they were aware of both possible strategies and formed an in-between group. This group was mostly composed of young female students. They commented that they tended to be indirect in order to seem more polite. But communicating with boys in the student's groups they preferred to choose a more direct style to facilitate their interaction. The use of indirect requests in the form of question is associated with a certain level of politeness.

The data obtained from the analysis of the experiment, led to the conclusion that there exist some systematic differences in politeness strategies between the sexes (female speakers using questions indirectly are more polite than male speakers).

Thus, we can state that there exists some significant difference in expectations of indirectness between the Ukrainian males and females with female speakers being more likely to take the indirect interpretation than male ones.

3. DISCUSSION.

It seems fruitful to discuss our findings in connection with those by Tannen /5/. She found that for the Greeks and the Greek Americans percentages of male and female respondents taking the indirect interpretation of questions and minimal responses were more or less the same while for the Americans these percentages were quite different with fewer men and more women choosing the indirect interpretation. On the basis of these findings D. Tannen suggested the existence of a stylistic gulf between American men and women.

It seems a bit difficult to accept that kind of hypothesis since it may easily lead us to believe that the Greeks understand each other far better than the Americans which contradicts common sense.

Tannen choose married partners as participants of the experiment because she supposes that interaction between couples reveals the effects of different uses of indirectness. Unlike D. Tannen we considered not the material status of the participants of the experiment and their kinship, but their socio-economic status, intellectual level, professional orientation, age, etc.

Anyway, both Ukrainian and American data once more proved the hypothesis that men and women tend to interpret questions differently.

4. CONCLUSION.

Finally, we can draw a conclusion that even in modern, urban, industrial and somewhat fluid societies such as America and Ukraine, in which men and women differ in their conversational behaviour exposing the difference between male and female cultural assumptions about friendly conversation.

Male and female subcultures showed themselves quite clearly. In the course of our experiment we saw how strategic goals of communication (or rather the understanding of this goal from the point of view of men and women) influences the speech behaviour of male and female participants of the communicative group and make them adjust their speech tactics accordingly.

Knowledge of such differences can promote better understanding between individuals of the opposite sexes engaged in all sorts of joint activities and facilitate interpersonal contacts.

References: 1. Jespersen, Otto, 1922. *Language: Its Nature, Development and Origin*. London: Allen and Unwin. 2. Fishman, P. 1978a "Interaction: The work women do". *Social problems* 1978b. "What do couples talk about when they are alone?", in: Butturff, Douglas Epstein, Edmund L. (eds). *Woman's language and style*. Akron, Ohio. L&S Books. 11-12. 3. Grice, H.P. 1975. "Logic in conversation in syntax and semantics", in: Cole and Morgan (ed.) *Speech Acts*. vol. III. Academic Press. 78-84. 4. Lacoff, Robin, 1982 "The logic of politeness: or minding your P's and Q's. Papers from the Ninth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. 5. Tannen Deborah, 1993. "What's in the frame? Surface evidence for underlying expectation". in: Tannen, Deborah (ed). *Framing in Discourse*. New York. Oxford University Press: 14-56.

В. Я. Мизецкая, д-р филол. наук,
И. А. Вавришук /Одесса/

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ (на материале англоязычных пьес)

Еще В.В.Виноградов писал о том, что цементирующей силой любого художественного произведения, которая обеспечивает единство его текстового массива, является образ автора, понимаемый как "концентрированное выражение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей" и представляющее "идейно-стилистическое средоточие, фокус целого" /1:118/. Однако степень эксплицитной выраженности авторского "я" в различных произведениях не одинакова. В данной статье мы рассмотрим способы передачи содержательно-концептуальной информации драматургического произведения.

Как известно, текст пьесы состоит из двух подсистем: авторской и персонажной речи. Их соотношение не одинаково в произведениях различных авторов. Например, авторский регистр в эпоху Возрождения был весьма неразработанным: ремарки главным образом фиксировали появление и уход со сцены действующих лиц. Поэтому, естественно, в таких произведениях авторский текст не мог выполнять функцию носителя содержательно-концептуальной информации произведения.

С другой стороны, англоязычная драматургия знает немало примеров максимального использования в этих целях авторского регистра. К числу подобных произведений относятся многие пьесы Б.Шоу, который широко использовал ремарку для передачи своей концепции мира, выражении своего отношения к действующим лицам и их поступкам. Примером здесь может послужить вводная ремарка к пьесе "Человек судьбы" (1899), где дается оценка действий Наполеона как политического деятеля, а также той ситуации, которая сложилась в Европе к началу основных событий пьесы.

Специфика авторской речи драматургического произведения заключается в том, что любое описание или суждение представлено исключительно с позиций самого автора, в то время как в прозаическом эпическом произведении, — романе или новелле, — повествование может быть перепорученным, то есть вестись от имени одного из действующих лиц или от имени стороннего наблюдателя. Авторская позиция в этом случае завуалирована позицией персонала. Последняя может не совпадать или, наоборот, приближаться к авторской, но они не являются тождественными.

Драматургический текст не располагает тем многообразием форм репрезентации фактов и событий в авторской речи, которые характерны для авторского повествования прозаического эпического произведения. Ремарка является сугубо авторской сферой, и драматург, казалось бы, всегда имеет возможность выйти непосредственно на адресата, обратиться к нему от своего собственного имени. Однако здесь имеются ограничения.

Авторская речь в драматургическом тексте — это замкнутая подсистема: информация, заключенная в ней, доходит до главного адресата-зрителя, либо через другие знаковые системы — светотехнику, сценографию и проч., либо остается достоянием тех, кто знакомится с письменным вариантом произведения. Поэтому авторский регистр не может быть, как правило, единственным или основным носителем содержательно-концептуальной информации пьесы.

В отличие от авторской, персонажная речь драматургического произведения является открытой подсистемой, так как заключенная в ней информация передается зрителю непосредственно речевым путем.

Однако в рамках данной подсистемы автор не может так свободно выступать от своего собственного имени, как в ремарке. Для передачи концептуальной информации через персонажный регистр ему приходится использовать различные художественные приемы. Рас-

смотрим их подробнее в порядке убывания степени эксплицитной выраженности авторских идей и замыслов.

Так, существует большое число драматургических произведений, где авторская позиция получает концентрированное эксплицитное выражение. Это прежде всего пьесы, в которых выводится персонаж "от автора". В этом случае драматург идентифицирует себя с данным действующим лицом, о чем свидетельствует и номинация автора с помощью местоимения 1-го лица. Устами этого персонажа последний и выражает свое отношение к происходящему на сцене. Подобный пример использует, например, Джон Арден в пьесе "Странствующий торговец" (1971), вводя фигуру "Рассказчика", непосредственно обращающегося к зрителям от имени автора /3:99/.

В драматургических произведениях, написанных в традициях так называемого эпического театра, основоположником которого является Б.Брехт, авторская точка зрения становится достаточно эксплицитно выраженной в тех случаях, когда персонаж выходит из своего образа, "отстраняется" от него и нарушает границу между пространством вымышленным и пространством реальным, обращаясь непосредственно в зрительный зал. К произведениям этого типа относится пьеса американского драматурга Е.Уайльдера "Наш город" (1938), где персонаж, названный "распорядителем пьесы", одновременно является и участником происходящих событий и их комментатором. Благодаря этому информация, которая обычно остается за пределами сценической реализации, поскольку содержится в авторской ремарке, становится доступной для зрителя: Распорядитель сцены: ... Первый акт был назван "Будни". Этот акт назван "Любовь и брак". Есть еще один акт, следующий за этим. Я думаю, вы сами догадаетесь, о чем пойдет речь. Итак, три года спустя. 1904 год. Сегодня 7 июля, прямо после начала занятий в средней школе (Цит. в переводе автора).

Такое специфическое построение пьесы сближает речевую партию "распорядителя сцены" со сказом от 1-го лица прозаического эпического произведения, когда автор перепоручает изложение одному или поочередно различным персонажам (См., например, роман Р.П.Уоррена "Вся королевская рать").

Авторский голос таким образом проникает в открытую, персонажную сферу: автор выступает здесь в непосредственный контакт со зрителем благодаря речевой партии "распорядителя сцены". Однако в этом случае автор и персонаж не тождественны, о чем свидетельствует и упоминание об авторе в данной речевой партии в 3-м лице: Распорядитель сцены: Эта пьеса называется "Наш город". Она была написана Торнтоном Уайльдером...

В драматургии Англии XVI века для выполнения подобной функции в пьесу вводился специфический коллективный персонаж Хор, заимствованный из греческой трагедии, где он был призван предвосхищать и комментировать события.

В пьесе К.Марлоу "Доктор Фауст" (1589) Хор выступает и с прологом и с эпилогом-назиданием, его можно обнаружить и в более поздних произведениях англоязычной литературы. Так, трудно переоценить значение Хора в общей художественной структуре пьесы Т.Элиота "Убийство в соборе" (1935), где Хор используется, в частности, для выражения авторского протеста против всякого рода насилия.

Иногда Хор вводится и в современную пьесу, однако обязательным, каноническим структурным элементом драмы XX века он не стал. Наряду с Хором для передачи в эксплицитной форме авторской концепции в драматургии XVI-XVIII веков использовались пролог и эпилог, с которыми выступал персонаж, называемый "лицом от театра" (в ряде случаев с прологом и эпилогом выступает хор). Таким образом, и здесь нет отождествления автора с персонажем. Однако последний выражает основные идеи, замыслы драматурга, рассказывает о структуре пьесы и тех принципах, которыми автор руководствовался при написании данного произведения.

Речевыми сигналами того, что персонаж, выступающий с прологом и эпилогом, не тождествен автору, служат местоимения 3-го лица для номинации последнего. Именно так строится, например, пролог в пьесе Бена Джонсона "Вольпоне" (1606):

Законы театра автор соблюдал

И правил сцены он не нарушал... (Цит. в переводе автора).

Однако такая отстраненность данного персонажа от автора не всегда имеет место, поскольку он традиционного является единомышленником последнего, защищая и отстаивая авторскую точку зрения.

Так же, как и Хор, пролог и эпилог в настоящее время рассматриваются главным образом как архаические элементы драматургического произведения. Они используются довольно редко и преимущественно в пьесах-стилизациях под греческую трагедию.

Главная функция всех вышеупомянутых действующих лиц в общей персонажной подсистеме сводится к передаче содержательно-концептуальной информации драматургического произведения.

Персонажи, выступающие с прологами и эпилогами, а также Хор, находятся, как правило, над сюжетом и являются "чистыми" комментаторами и наблюдателями. В отличие от них "рассказчики", "распорядители сцены" в ряде случаев могут быть непосредственно заняты в сюжетных перипетиях, хотя они также в первую очередь являются носителями авторской концепции. К последним примыкают персонажи-резонеры. Однако их отличие от всех предыдущих заключается в том, что они несут важную концептуальную нагрузку в самом сюжетном плане произведения, занимая место не над сюжетом, а будучи неотъемлемой частью сюжетно-персонажной схемы. Эти персонажи, как правило, положительно во всех отношениях. Они несколько схематичны, поскольку лишены слабостей, свойственных реальным людям. Содержательно-концептуальная информация обычно находит выражение в их пространственных монологах-рассуждениях и обличениях. Здесь показательна, например, фигура Торогуда из пьесы Джорджа Лилло "Лондонский купец" (1731), который является выразителем буржуазных идеалов самого драматурга. Торогуд произносит назидательные речи, поучая или осуждая окружающих.

Наконец, авторская концепция может быть выражена в речевой партии откровенно положительного персонажа (см., например, пьесу "Святая Иоанна" (1923) Б.Шоу) или в репликах сложного неоднозначного действующего лица. К числу последних принадлежит и Джимми Портер из пьесы Джона Осборна "Оглянись во гневе" (1956). Вся персонажная ткань произведения пронизана монологами этого центрального действующего лица, обличающего послевоенное общество, погрязшее в самодовольном мещанстве. Задача выявления здесь собственно авторской позиции несколько затрудняется противоречивым характером самого персонажа, не все сентенции которого можно приписать драматургу. Авторское "я" скрыто в пьесе за рядом противоречивых суждений и требует от читателя/зрителя определенного умственного усилия для распознавания собственно авторской позиции, которая представлена в неоднозначной форме.

Интересным приемом является использование отрицательных персонажей в качестве носителей концептуальной информации драматургического произведения. Здесь уместно вспомнить пьесы Джона Гей "Опера нищего" (1728) и "Полли" (1729), в которых лица, далеко не безукоризненные в нравственном отношении, вещают истины, безусловно составляющие позицию самого драматурга, обличающего порядки английского монархического общества. Содержательно-концептуальная информация здесь прежде всего представлена в балладах, которые исполняют персонажи.

Баллада весьма твердо укоренилась на английской сцене. Успех последней можно во многом объяснить тем, что она обладает большой силой воздействия, поскольку исполняется в музыкальном сопровождении. Так, баллады используются современным английским драматургом Джоном Арденом в пьесах "Пляска сержанта Макгрейва" (1959), "Тихая пристань" (1960), где они являются не единственным, но важным средством передачи концептуальной информации произведения. Например, в "Пляске" таким концептуальным ядром служит финальная баллада Эттерклифа "Я розу красную сорвал..." и ее ключевая фраза: "Есть зерна в яблоке, они дадут ростки весной".

Наконец, можно найти немало драматургических произведений, где авторская концепция полностью растворяется в ткани пьесы, не имея эксплицитного концентрированного выражения в виде рассуждений персонажа или его сентенций, афоризмов и проч. Авторская идея здесь становится ясна только на основе комплексного восприятия текста.

К числу таких пьес, в которых драматург растворяется в своих персонажах, В.В.Ивашева относит, например, пьесу Ш.Дилейни "Вкус меда" (1963) /2:399/. Жизнь в этой пьесе

показана такой, какой она есть, в ее будничных проявлениях, а метод драматурга близок к натуралистическому. И хотя автор, как отмечает В.В.Ивашева, отказывается от однозначных оценок, не делает одного, конкретного персонажа своим "рупором", в пьесе все-таки можно выделить несколько ключевых реплик, из которых извлекается вполне определенная содержательно-концептуальная информация: "Элен: Ну, Джо, ты же еще совсем ребенок. Почему ты не учишься на моих ошибках? Полжизни уходит на то, чтобы научиться извлекать уроки из собственных ошибок". Здесь точка зрения Элен безусловно отражает авторскую позицию, — позицию самой Шейлы Дилейни.

Кроме того, авторская позиция может быть выведена на основе контрапункта, создаваемого в сюжетной канве произведения между персонажами.

Все эти вопросы еще ждут своего решения. Успешное продвижение на этом пути во многом зависит и от того, как будет решаться проблема выявления заложенной в произведении имплицитной информации, которая до сих пор остается камнем преткновения для исследователей, несмотря на многочисленные попытки внести ясность в данный вопрос.

Наряду с произведениями с более или менее эксплицированной точкой зрения автора существуют и пьесы, в которых даже на основе вышеупомянутых приемов трудно выделить авторскую концепцию. Примером подобного крайне затуманенного авторского виденья мира является пьеса Г. Пинтера "Старые времена" (1971), в которой ни авторская ремарка, ни персонажная речь несколько не способствуют прояснению концепции драматурга. Лишь весь сюжетно-образный строй произведения позволяет сделать самые общие предположения относительно авторской идеи в этой пьесе, открывая пути для ее различного прочтения. Но какой нравственный урок следует извлечь из воспоминаний трех действующих лиц — читателю/зрителю остается только догадываться. Обилие безответных реплик дает повод говорить о том, что драматург пытался показать разобщенность людей в буржуазном обществе.

Итак, авторская концепция представлена в драматургическом произведении по-разному. Степень эксплицитной выраженности авторской позиции варьируется и определяется как индивидуальным почерком драматурга, так и принадлежностью его к определенному литературному течению, к определенной эпохе и стилю.

При достаточно эксплицитной форме выражения извлечение содержательно-концептуальной информации для среднего читателя/зрителя не представляют большого труда. С переходом от экспликации к имплицитации от реципиента требуются все большие усилия для ее распознавания. Здесь, правда, следует иметь в виду, что при сценической реализации главный адресат — зритель, получает более или менее четкие ориентиры, благодаря тому, что режиссер дает свое прочтение авторской идеи. Чем меньше в самом тексте эмпилично представленных авторских "сигналов", тем большей свободой в трактовке обладает постановщик. Чем эксплицитнее выражена авторская концепция, тем, естественно, труднее режиссеру ее "поломать", а значит, и исказить изначально данное в письменном виде произведение.

Список литературы: 1. Виноградов В.В. О теории художественной речи. - М., 1971. 2. Ивашева В.В. Литература Великобритании XX в. - М., 1984. 3. Шляхтер Н.А. Театрально-эстетическая концепция Д.Ардена // Проблемы зарубежной драматургии. - Свердловск. - 1982.

Л. М. Минкин, д-р филол. наук /Харьков/

НОВАЯ ТЕОРИЯ ПРАГМАТИКИ И НЕКОТОРЫЕ ИДЕИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Первоначально термин прагматика обозначал раздел общей теории знаков (семиотики), наряду с синтаксисом и семантикой /6/. Исследователи неоднократно подчеркивали необходимость комплексного подхода, и прежде всего семантико-прагматического, к характеристике языковых явлений /1:17/. Интенсивное развитие прагматики /

8:32-33/ параллельно с углублением коммуникативного подхода к языку, связанного с теорией интерактивного вербального общения, привлечение данных когнитивной психологии для анализа хранения, переработки и продуцирования языковой информации подготовили новое осмысление прагматики и ее связи с лингвистикой /5:36/. При этом прагматика сохранила свое предшествующее научное поле: теории местоименных, локальных и темпоральных маркеров, перформативных глаголов и соответствующих высказываний, отрицания, теории наречий, относящихся ко всему высказыванию и т.д. /2:259-320/. Несомненно, теория речевых актов осталась центральной для прагматики, которая обогатилась теорией аргументации и полифонии /1:174-179/.

До возникновения новой теории прагматики расширение ее научного поля происходило в рамках интегрированной риторики, включающей синтаксис, семантику и прагматику /1:15-40/. Предшествующее развитие прагматики, в частности, теории речевых актов, специальных маркеров указывало на тесную связь прагматики с теорией контекста. При отсутствии дейктических маркеров прагматическая характеристика того или иного высказывания в контексте вызывает определенные трудности. Кстати, это согласуется с такими лингвистическими аксиомами: варианты значения (или просто значения) языковой единицы зависят от контекста; при изменении контекста изменяется содержание языковой единицы, интеграция ее значения /4:26-27/. Конечно, эти положения весьма относительны, поскольку нет однозначного ответа на вопрос о степени автономии значения в контексте. Число значений (вариантов значений) может быть в контексте бесконечно большим в сравнении с первоначальным (внеконтекстуальным). Именно в контексте существуют благоприятные предпосылки для изменения прагматического значения, интегрированного с семантикой языковой единицы. Подобный подход, предполагающий разную зависимость языковых структур от контекста, не является, по сути, новым для теории лингвистики. Он сохраняет свою значимость в связи с переориентацией прагматики, развитие которой вышло за рамки интегрированного с синтаксисом и семантикой раздела общей семиотики и превращение ее в теорию общей коммуникации, предполагающей, что интерпретация вербальной коммуникации будет неполной, если она базируется только на определенных фактах и высказываниях, которые известны партнерам по общению. В лингвистическом плане классическим примером этого могут быть прагматические presuppositions. Теория общей коммуникации учитывает, с одной стороны, необходимые, а с другой — достаточные условия для коммуникации. Положения теории общей коммуникации вызывают некоторые возражения /4:28/. По своей сути это — когнитивная теория, в рамках которой существуют гипотезы о прагматической интерференции. Именно на когнитивном уровне обработка языковой информации осуществляется в центре, а лингвистика занимает периферийное положение /4:31/. Ее единицы поступают в прагматический центр. Другими словами, постулируется существование специализированного модульного механизма переработки языковой информации /4:30/. Подобное движение языковых структур (от лингвистической периферии к прагматическому центру) регулируется принципом уместности (соответствия) /4:23-28/.

Основы этой теории были сформированы британским лингвистом Д. Вильсоном, французским антропологом Д. Спербером в русле идей теории психологии Д.А. Фодора и философии языка А.П. Грайса. Авторы считают данную теорию прагматической, восходящей к положениям когнитивной психологии (теории интеллектуальных процессов). В широком смысле слова новая теория выписывается в парадигму многоэтапной переработки информации /10;11;12/ — принцип соответствия предполагает, что говорящий продуцирует высказывание наиболее уместное, по его мнению, в определенных обстоятельствах. В каждом коммуникативном акте содержится информация о его соответствии. Сам по себе этот принцип не гарантирует успеха коммуникации, он лишь указывает на основания, по которым партнер по коммуникации — слушатель — соглашается обсуждать адресованную ему информацию. Первая интерпретация информации связана с принципом уместности, результатом которой является контекстуальный эффект (значение), достаточный для компенсации когнитивного усилия партнера по коммуникации /4:30/. На уровне принципа соответствия

именно первая интерпретация оказывается оптимальной, в процессе дальнейшей интерпретации минимальное соответствие может быть также эффективным.

Казалось бы, контекст должен быть постоянным компонентом процесса интерпретации. Однако, во-первых, контекст не является таковым в теории соответствия (уместности), во-вторых, контекст иногда не содержит предложения, необходимые для информационного соответствия. Так, фраза: "Я совсем не ем мяса, я лингвист", не может быть понята слушателем. Для адекватной интерпретации этой фразы необходима общая посылка: Все лингвисты вегетарианцы. Вряд ли последнее предложение содержит реальное высказывание и является частью общих для партнеров по коммуникации знаний. Фразу-посылку адресант должен восстановить как имплицитную аргументацию.

Чаще всего в аспекте принципа соответствия высказывание и контекст взаимодействуют, происходит контекстуализация высказывания, в результате возникает определенный контекстуальный эффект и контекстуальные импликации. Ср. одно из значений потенциально многозначных, но в данном случае контекстуально обусловленных фраз: Окно открыто? (В комнате холодно: закройте окно). Мой стакан пустой (Я хотел бы еще вина). У меня нет вилки (Дайте вилку). Эти фразы употреблены в переносном значении. Вне контекста (в нулевом контексте) они сохраняют свое основное значение. Следовательно, контекст иногда блокирует значение высказывания. Другими словами, высказывания проходят контекстуальный фильтр, фильтр знаний второго плана /4:18-20/, которыми могут быть общие дискурсивные и конвенциональные импликаторы. Для понимания новой теории прагматики важна трактовка контекста в широком смысле слова, включающего не только собственно текстовую информацию, но и общее когнитивное окружение — совокупность фактов и идей в сознании партнеров по коммуникации, которые им понятны и очевидны /4:23/.

Принцип соответствия как психолого-когнитивная основа нового понимания прагматики создал реальные предпосылки для разделения лингвистики и прагматики. Лингвистическая периферия соответствует уровню анализа всего, что связано с языковым кодом (фонологией, синтаксисом, семантикой), центральная область (прагматика) соответствует уровню полной интерпретации высказывания /4:25/.

Таково в общих чертах новое содержание теории прагматики, которая вышла за рамки высказывания, диалогического и монологического текста. "Новая" прагматика не является этапом развития предшествующей прагматической теории. Естественно, что новая теория сохранила и использует научный корпус прагматики, интегрированной с семантикой и синтаксисом. Произошло не частичное изменение означаемого прагматики, а его полная замена. "Новая" прагматика стремится унифицировать процедуры анализа лингвистического материала и, вероятно, каким-то образом подготовить психолого-когнитивный и лингвистический механизмы к широкой коммуникации человек-машина.

Фактически на стыке когнитивной психологии и лингвистики возникло новое направление. В настоящее время название прагматика предполагает два научных подхода: при первом — прагматика, интегрированная вместе с синтаксисом и семантикой, — часть семиотики; при втором — прагматика и лингвистика представляют две взаимодействующие области когнитивного уровня. Характерно, что и в последнем случае прагматика направлена, по сути, на анализ отношения между языком (речью) и партнерами по коммуникации. При этом постулируется более широкая модульная интерпретация языковой информации на уровне мыслительных процессов.

В обеих трактовках прагматики, к сожалению, отсутствует даже упоминание о языковой системе, потенциальных свойствах ее единиц, которые во многом могли бы предвосхитить уместность (соответствие) информации высказывания и контекста (в широком понимании), а также прохождение информации через контекстуальные фильтры. Вопросы о потенциальных свойствах языковых единиц в зависимости от их позиций в поле языковой системы, развитие значений слов в связи с определенными мыслительными операциями и многое другое получили оригинальное объяснение в теории психосистематики и психомеханики французского лингвиста Г. Гийома /7:89-120/. На любом участке процесса языкотворчества, которое анализирует ученый, присутствует субъект как мыслящий (уровень языковой системы) и как мыслящий и/или говорящий

и слушающий (уровень речи) /3:51-120/. Вот некоторые постулаты теории психосистематики Г.Гийома:

— язык, подобно речи обладает временной характеристикой /3:180/, оперативное время составляет материальный субстрат взаимодействия языка и речи в речевой деятельности. На пространстве оперативного времени разворачиваются ментальные (психические) операции формирования языковой единицы (слова);

— актуализация языковых единиц происходит на основе позиционных характеристик и прагматического целеустремления говорящего. Многозначность единиц в речи и их однозначность в языке отражают экономию в речевой системе.

Обратим внимание лишь на некоторые положения теории Г.Гийома, которые могли бы быть использованы в новой теории прагматики:

а) учет потенциальных свойств языковых единиц в речи во взаимоотношениях языковая единица (ее однозначность) — контекст (ее многозначность); б) определение материального субстрата в виде оперативного времени обработки языковой информации в модуле когнитивного уровня: лингвистика (периферия) — прагматика (центр).

Идеи «новой» прагматики существенно дополняют теорию целостности языко-творческого процесса в аспекте общей доктрины Г.Гийома о лингвистическом ментализме со стороны обработки информации, и прежде всего при ее восприятии. При этом сохраняются традиции французской лингвистики о связи ментальных и языко-творческих операций /9/.

Список литературы: 1. Anscombe J.-C. Ducrot O. L'argumentation dans la langue. Liège-Bruxelles, 1988; 2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974; 3. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992; 4. Noeschler J., Reboul A., Lucher J.-M., Jayez J. Language et pertinence. Nancy, 1994; 5. Moeschler J. La pragmatique après Grice: contexte et pertinence // L'information grammaticale, N° 66, 1995; 6. Morris C. Foundations of the Theory of Signs // International Encyclopedia of Unified Sciences, 1/2, Chicago, 1938; 7. Principes de linguistique théorique de G. Guillaume. Recueil de textes inédits préparé en collaboration sous la direction de R. Valin. Québec, 1973; 8. Reboul A. La pragmatique à la conquête de nouveaux domaines: la référence // L'information grammaticale, 155-1995; 9. Реферовская Е.А. Философия языка и грамматические теории во Франции (из истории лингвистики). Санкт-Петербург, 1966. 10. Sperber D. Wilson D. Relevance. Communication and cognition. Oxford, 1986; 11. Fodor J. The Modularity of Mind. Cambridge, 1983; 12. Grice H.P. Logic and conversation // Gole P. and Morgan J.L. Syntax and semantics 3: Speech Acts, New York, 1975.

А. Д. Михилев, акад. АНВШ Украины,
И. В. Сарановская /Харьков/

СКАЗКИ ГРИПАРИ: ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

Пьер Грипари — имя практически неизвестное украинскому читателю. Его творчество никогда не являлось предметом исследования отечественных филологов, хотя представляет собой значительное явление французской литературы XX века. Его новеллы снискали признание не только простого читателя, но и получили Гран При Французской Академии в 1988 году. Яркий и живой язык, неожиданные идеи, способность видеть мир через призму комического, своеобразная манера повествования, сбливающая с толку смесью фантастики и реализма с включением абсурда и несуслазницы, — никого не оставляют равнодушным.

Грипари родился в Париже 7 января 1925 года от брака нормандки и грека. Очень рано начинает понимать, что смыслом его жизни является писательское ремесло. В конце войны, в 1944 году, он получает степень бакалавра философских наук в лицее Луи-Ле-Гран, где впервые знакомится с работами Ницше, Шопенгауэра, Лао-Тцзы. Затем — хаотичная жизнь, увеличивающая количество перепробованных профессий и жизненный опыт; предпочтение уединению, которому он остается верен до последнего дня своей жизни — 23 декабря 1990 года. Было бы наивным знакомиться с его творчеством, не учитывая влияния некоторых моментов его жизни. Так, например, спектр политических увлечений Грипари включает буквально все оттенки — от красного до коричневого. Он был коммунистом, профсоюзным

активистом, состоял членом так называемого "нового правого" движения и сочувствовал фашистским идеям. Грипари провозгласил себя женоненавистником, антисемитом и расистом /6/.

В 1963 году выходит в свет его автобиографический роман "Пьеро ля Люн", где нашли отражение его убеждения и гражданские позиции того времени, что в дальнейшем стоило ему репутации "Фашиста" /5/. Те же убеждения отразились на многих произведениях и значительно повлияли на отношения с издателями. В дальнейшем он публикует более двадцати томов, в которых его биография и личные взгляды принимают чаще всего маску вымысла, с помощью которой он надеется "переделать мир". При этом он неизменно остается верен принципам большой литературы, всегда несущей в себе нравственно-этическое начало, пишет ли он для маленьких или для взрослых. Это такие произведения как "Невероятная затея Фосфор Нолока" ("L'incroyable équipée de Phosphore Noloc"), "Жизнь, смерть и воскресение Сократ-Мари Грипотара" ("la vie, la mort et la résurrection de Socrate-Marie Gripotard"), "Пушка" ("Le Canon") и многое другое. Но особое место среди произведений для взрослых занимает эпистолярный роман Пьера Грипари "Брат-левша, или Путешествие в Китай" ("Frère Gaucher ou le Voyage en Chine"), который справедливо считается одним из самых значительных романов французской литературы XX века.

Грипари испробовал себя во многих литературных жанрах. Диапазон его творчества простирается от сказки до научно-фантастического рассказа, от аллегорической новеллы до литературного фарса, и даже от поэзии до театра. Идя против моды, идей и течений, Грипари один из немногих во французской литературе XX века, кто последовательно и с увлечением исследует пути воображаемого и фантастического. Прекрасный знаток мировых религиозных и философских систем, он в то же время писатель ироничный, смешивающий необычное и комическое, историю и собственный миф.

Кроме произведений для взрослых его творчество насчитывает более 20 названий для детей, многие из которых уже давно стали классическими: Это: "Сказки с улицы Фоли Мерикур" ("Les contes de la Folie Méricourt"), "Жан-Ив, с которым никогда ничего не происходит" ("Jean-Yves à qui rien n'arrive"), "Не знаю, кто, не знаю, что" ("Je ne sais qui je ne sais quoi"), "История принца Пипо, Пипо-лошади, и принцессы Попи" ("Histoire du Prince Pipo, de Pipo le cheval et de Popi"), "Сказки с улицы Брока" ("Les contes de la rue Broca"), "Сказки откуда-то и с другого места" ("Contes d'ailleurs et d'autre part"). /1/. Сборники "Сказки с улицы Фоли Мерикур" и "Сказки с улицы Брока" /2/ удостоились театральной обработки и экранизации, а по одной из сказок последнего сборника — "Ведьма из каморки для веников" — Марселем Лендовски поставлена опера.

Любопытна история возникновения этих сказок: Пьер Грипари установил свою штаб-квартиру в кафе палаша Свиды на улице Брока. Каждый день он приходил туда и рассказывал детям квартала — Баширу, Тине, Наде — классические сказки мировой литературы. Однако вскоре его репутар испортился и он вынужден был сочинять. В результате такого своеобразного вынужденного сочинительства кабульцы, русские, негры, испанцы с улицы Брока становятся главными действующими лицами фантастических сказок, населенных чертами, причудливыми ведьмами и привлекательными феями. В течение 25 лет Пьер Грипари являлся энтузиастом возвращения сказки. Исходя из традиционных структур и мотивов, он реактуализировал мифологические идеи, освежил их мораль, встряхнул их консерватизм. При этом он исходил из глубин подсознания, черпал из источников мировой культуры (Афанасьев, Андерсен, Перро, Толстой, Гоголь) и добавлял туда элементы повседневности, чтобы создавать свои собственные варианты, как это делали до него деревенские сказочники. Темы его сказок небезинтересны для читателя любого возраста: детские фобии, всевозможные искушения, нравственная стойкость, мужество в достижении поставленной цели, притягательная сила и страх уединения. Традиционно присущие сказкам элементы страха и ужаса скрашиваются иронией и юмором и на первое место выдвигается ощущение радостного подъема, торжества преодоления и победы. Пьер Грипари шутит над тем, что кажется незабавным, говорит с легкостью о том, что заставляет сердце сжиматься от ужаса. Он побуждает детей посмотреть критически и с юмором на мир взрослых. Его

и слушающий (уровень речи) /3:51-120/. Вот некоторые постулаты теории психосистематики Г.Гийома:

— язык, подобно речи обладает временной характеристикой /3:180/, оперативное время составляет материальный субстрат взаимодействия языка и речи в речевой деятельности. На пространстве оперативного времени развертываются ментальные (психические) операции формирования языковой единицы (слова);

— актуализация языковых единиц происходит на основе позиционных характеристик и прагматического целеустремления говорящего. Многозначность единиц в речи и их однозначность в языке отражают экономию в речевой системе.

Обратим внимание лишь на некоторые положения теории Г.Гийома, которые могли бы быть использованы в новой теории прагматики:

а) учет потенциальных свойств языковых единиц в речи во взаимоотношениях языковая единица (ее однозначность) — контекст (ее многозначность); б) определение материального субстрата в виде оперативного времени обработки языковой информации в модуле когнитивного уровня: лингвистика (периферия) — прагматика (центр).

Идеи "новой" прагматики существенно дополняют теорию целостности языкового творческого процесса в аспекте общей доктрины Г.Гийома о лингвистическом ментализме со стороны обработки информации, и прежде всего при ее восприятии. При этом сохраняются традиции французской лингвистики о связи ментальных и языкотворческих операций /9/.

Список литературы: 1. Anscombre J.-C. Ducrot O. L'argumentation dans la langue. Liège-Bruxelles, 1988; 2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974; 3. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992; 4. Noeschler J., Reboul A., Lucher J.-M., Jayez J. Language et pertinence. Nancy, 1994; 5. Moeschler J. La pragmatique après Grice: contexte et pertinence // L'information grammaticale, № 66, 1995; 6. Morris C. Foundations of the Theory of Signs // International Encyclopedia of Unified Sciences, 1/2, Chicago, 1938; 7. Principes de linguistique théorique de G. Guillaume. Recueil de textes inédits préparé en collaboration sous la direction de R. Valin. Québec, 1973; 8. Reboul A. La pragmatique à la conquête de nouveaux domaines: la référence // L'information grammaticale, 155-1995; 9. Реферовская Е.А. Философия языка и грамматические теории во Франции (из истории лингвистики). Санкт-Петербург, 1966. 10. Sperber D. Wilson D. Relevance. Communication and cognition. Oxford, 1986; 11. Fodor J. The Modularity of Mind. Cambridge, 1983; 12. Grice H.P. Logic and conversation // Gole P. and Morgan J.L. Syntax and semantics 3: Speech Acts, New York, 1975.

А. Д. Михилев, акад. АНВШ Украины,
И. В. Сарановская /Харьков/

СКАЗКИ ГРИПАРИ: ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

Пьер Грипари — имя практически неизвестное украинскому читателю. Его творчество никогда не являлось предметом исследования отечественных филологов, хотя представляет собой значительное явление французской литературы XX века. Его новеллы снискали признательность не только простого читателя, но и получили Гран При Французской Академии в 1988 году. Яркий и живой язык, неожиданные идеи, способность видеть мир через призму комического, своеобразная манера повествования, сбливающая с толку смесью фантастики и реализма с включением абсурда и несурриализма, — никого не оставляют равнодушным.

Грипари родился в Париже 7 января 1925 года от брака нормандки и грека. Очень рано начинал понимать, что смыслом его жизни является писательское ремесло. В конце войны, в 1944 году, он получает степень бакалавра философских наук в лицее Луи-Ле-Гран, где впервые знакомится с работами Ницше, Шопенгауэра, Лао-Тзы. Затем — хаотичная жизнь, увеличивающаяся количество перепробованных профессий и жизненный опыт; предпочтение уединению, которому он остается верен до последнего дня своей жизни — 23 декабря 1990 года. Было бы наивным знакомиться с его творчеством, не учитывая влияния некоторых моментов его жизни. Так, например, спектр политических увлечений Грипари включает буквально все оттенки — от красного до коричневого. Он был коммунистом, профсоюзным

активистом, состоял членом так называемого "нового правого" движения и сочувствовал фашистским идеям. Грипари провозгласил себя женоненавистником, антисемитом и расистом /6/.

В 1963 году выходит в свет его автобиографический роман "Пьеро ля Люн", где нашли отражение его убеждения и гражданские позиции того времени, что в дальнейшем стоило ему репутации "Фашиста" /5/. Те же убеждения отразились на многих произведениях и значительно повлияли на отношения с издателями. В дальнейшем он опубликует более двадцати томов, в которых его биография и личные взгляды принимают чаще всего маску вымысла, с помощью которой он надеется "переделать мир". При этом он неизменно остается верен принципам большой литературы, всегда несущей в себе нравственно-этическое начало, пишет ли он для маленьких или для взрослых. Это такие произведения как "Невероятная затея Фосфор Нолока" ("L'incroyable équipée de Phosphore Noloc"), "Жизнь, смерть и воскресение Сократ-Мари Грипотара" ("La vie, la mort et la résurrection de Socrate-Marie Gripotard"), "Пушка" ("Le Canon") и многое другое. Но особое место среди произведений для взрослых занимает эпистолярный роман Пьера Грипари "Брат-левша, или Путешествие в Китай" ("Frère Gaucher ou le Voyage en Chine"), который справедливо считается одним из самых значительных романов французской литературы XX века.

Грипари испробовал себя во многих литературных жанрах. Диапазон его творчества простирается от сказки до научно-фантастического рассказа, от аллегорической новеллы до литературного фарса, и даже от поэзии до театра. Идя против моды, идей и течений, Грипари один из немногих во французской литературе XX века, кто последовательно и с увлечением исследует пути воображаемого и фантастического. Прекрасный знаток мировых религиозных и философских систем, он в то же время писатель ироничный, смешивающий необычное и комическое, историю и собственный миф.

Кроме произведений для взрослых его творчество насчитывает более 20 названий для детей, многие из которых уже давно стали классическими: Это: "Сказки с улицы Фоли Мерикур" ("Les contes de la Folie Méricourt"), "Жан-Ив, с которым никогда ничего не происходит" ("Jean-Yves à qui rien n'arrive"), "Не знаю, кто, не знаю, что" ("Je ne sais qui je ne sais quoi"), "История принца Пипо, Пипо-лошади, и принцессы Попи" ("Histoire du Prince Pipó, de Pipó le cheval et de Popi"), "Сказки с улицы Брока" ("Les contes de la rue Broca"), "Сказки откуда-то и с другого места" ("Contes d'ailleurs et d'autre part"). /1/. Сборники "Сказки с улицы Фоли Мерикур" и "Сказки с улицы Брока" /2/ удостоились театральной обработки и экранизации, а по одной из сказок последнего сборника — "Ведьма из каморки для веников" — Марселем Лендовски поставлена опера.

Любопытна история возникновения этих сказок: Пьер Грипари установил свою штаб-квартиру в кафе палаши Свиды на улице Брока. Каждый день он приходил туда и рассказывал детям квартала — Баширу, Тине, Наде — классические сказки мировой литературы. Однако вскоре его репертуар истощился и он вынужден был сочинять. В результате такого своеобразного вынужденного сочинительства кабуллы, русские, негры, испанцы с улицы Брока становятся главными действующими лицами фантастических сказок, населенных чертями, причудливыми ведьмами и привлекательными феями. В течение 25 лет Пьер Грипари являлся энтузиастом возвращения сказки. Исходя из традиционных структур и мотивов, он реактуализировал мифологические идеи, освежил их мораль, встряхнул их консерватизм. При этом он исходил из глубин подсознания, черпал из источников мировой культуры (Афанасьев, Андерсен, Перро, Толстой, Гоголь) и добавлял туда элементы повседневности, чтобы создавать свои собственные варианты, как это делали до него деревенские сказочники. Темы его сказок небезинтересны для читателя любого возраста: детские фобии, всевозможные искушения, нравственная стойкость, мужество в достижении поставленной цели, притягательная сила и страх уединения. Традиционно присущие сказкам элементы страха и ужаса скрашиваются иронией и юмором и на первое место выдвигается ощущение радостного подъема, торжества, преодоления и победы. Пьер Грипари шутит над тем, что кажется забываемым, говорит с легкостью о том, что заставляет сердце сжиматься от ужаса. Он побуждает детей посмотреть критически и с юмором на мир взрослых. Его

истории изобилуют ведьмами, такими же хорошими, как и нехорошими, феями добрыми и зловредными, в них зачастую все поставлено с ног на голову и привычные понятия сдвинуты: великан становится карликом, карлица — великаншей, продавец пошечин и черти вызывают наше сочувствие. Короткие, ритмичные, “написанные, чтобы быть рассказанными” /7/, они содержат в себе широкую гамму чувств — от радости до печали без диссонанса. Он умело использует язык, который возвращает в беззаботное детство: вокализ, заклинания, игра слов, шансонетки, считалки, ритурнели, доставляющие большое удовольствие для слуха ономапоэти. Успеху сказок Грипари во многом способствовало также плодотворное сотрудничество с Клодом Лапознотом — “художником-сказочником”, который сумел выделить существенное из текстов, учитывая их комическую окраску.

Следует заметить, что сказки, в частности, “с улицы Брока” были опубликованы в Испании (и даже на каталонском языке), в Италии, в Германии, в Голландии, в Греции, в Болгарии, в Польше, в Бразилии, в Японии. Мы полагаем, что столь широкая популярность сказок Грипари обусловлена также и тем, что они позволяют отыскать в них не только все составляющие классической волшебной сказки, но в то же время демонстрируют и прекрасную адаптацию жанра к современности.

Примечательно то, что Грипари-сказочник пользовался огромным уважением преподавательского корпуса, и это не случайно. Мы также считаем, что его сказки представляют большой интерес для учебного процесса в плане овладения французским языком, так как они сочетают в себе фабульно-содержательную увлекательность с очень чистым ясным и доступным языком. Он часто использует повторение труднораспознаваемых грамматических структур (“...je lui parle, il me parle, nous nous parlons; Paul me l'a dit comme Pierre me l'avait dit, et cela sans que Pierre le lui ait dit, puisque, comme je l'ai dit; je le lui donne, il me le donne...”) /3:10-12/, синонимы (“...ils se sont mis à tirer, à pousser, à déplacer, à basculer, à bousculer, à rouler, à transbahuter”) /3, “Les démenageurs”/. Легковосприимчивые тексты позволяют быстро и без особых усилий повысить уровень знания французского языка.

С помощью этих сказок усваивается не только грамматический материал, пополняется лексический запас, но и юный читатель открывает для себя страну, ее язык, столицу и ее жителей на новом уровне, используя более прогрессивный подход, так как сказки содержат в себе культурно-исторический, страноведческий материал (“Histoire de Lustucru”). Сказки с улицы Брока” очень часто выполняют роль гида для иностранных студентов /4, № 4/.

Читательский интерес повышает еще и то, что значительная часть его сказок, как уже отмечалось ранее, происходит из переделки русских сказок, явившихся одним из плодотворных источников творчества Грипари. Сам он неоднократно подчеркивал, что “чистая выдумка иллюзорна”, что “крайне редко случается выдумать историю, даже учитывая, что выдумать — не означает извлечь из ничего, а воссоединить детали, заимствованные из реального опыта” /7/. Впрочем, при издании этих рассказов Грипари указывает, что речь идет о переделке: например, название “Лиса и хвост” сопровождается в скобках — “русская сказка”. Таким образом, были написаны: “Лиса и хвост”, “Жанно и людоедка”, “Мороз-Красный нос”, “Правда и Кривда”, “Крестьянин и воробей”, “История Кошеля Бесмертного”, “Не знаю кто, не знаю что” и др.

В качестве примера обратимся к сравнительному анализу двух сказок. Так, сказка “Лиса-плакальщица” Афанасьева была переделана в сказку “Лиса и хвост”. Сказка Грипари длиннее почти на 70% по двум причинам:

1. Грипари использует намного больше диалогов. Если финальная сцена, во время которой лиса спрашивает свои уши, глаза, лапы и хвост совершенно идентична сказке Афанасьева, то встречи крестьянина с медведем и волком намного расширены. Сцену же описания смерти старухи Грипари заменяет пояснением: “...и вот однажды, не знаю как, старуха умерла...” /3:21/.

2. Грипари не упускает любую возможность оживить свое повествование и для этого вводит определение термина “плакальщица”, непосредственно обращаясь таким образом к своим слушателям и иронизируя по поводу данного обычая; придумывает новые персонажи (... и вся деревня раскрыла рот от восхищения...) /3:26/.

Но костяк сказки Афанасьева остается неизменным и финальная сцена ни больше, ни меньше, чем литературный перевод русского текста. То, что сказка достаточно отлична — это факт: сцена смерти старухи, кажущаяся лишней, на самом деле, совершенно логично исключена; объяснительный момент по поводу плаканицы показывает, что Грипари знает, что обращается к детям, не знающим обычаев.

Эти дополнения или упущения — признак самобытности любого рассказчика, использующего фольклорный материал. У Грипари сказки принимают более совершенный, то есть литературный вид. В силу этого сказка становится более живой и интересной для читателя, она как бы актуализируется, сохраняя в то же время свое исконное ядро, что лишний раз подчеркивает исключительный талант писателя, его остроумие, его способность обновлять сказку благодаря умению сочетать реальное и вымышленное.

Список литературы: 1. Contes d'ailleurs et d'autre part, Paris, Grasset Jemmesse, 1991. 2. Contes d'ailleurs, Paris, La Table Ronde, 1990. 3. Les contes de la Folie Méricourt, Grasset Jemmesse, 1990. 4. Bulletins de l'Association "Les Amis de Pierre Gripari", Paris, 14-9. 5. Dictionnaire des idées revues par 1. Sternberg chez Denoël, Paris. 6. Nouveau dictionnaire des auteurs de tous les temps et de tous les pays. Laffont-Bompiani, France, 1994. 7. Peyroutet Jean-Luc. Pierre Gripari et ses contes pour enfants, l'Age d'Homme, 1986.

В. Я. Мищенко /Харьков/

КЛАССИФИКАЦИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ КОМПЛИМЕНТА

Чтобы дать возможно более четкое определение комплимента, обратимся к теории речевых актов (ТРА), основное положение которой состоит в том, что минимальной единицей человеческой коммуникации является не предложение или высказывание, а осуществление определенного вида актов, таких как констатация, вопрос, приказание, описание и др. Этот подход дает возможность выявить тот признак, который помог бы идентифицировать комплимент в дискурсе, и который послужил бы в качестве интегрирующего признака для того, чтобы объединить в одну группу разнообразные по форме и значению языковые единицы, а также в качестве дифференцирующего для того, чтобы отличить комплимент от во многом сходных с ним похвалы, одобрения и т.п.

Традиционная ТРА относит комплимент к классу бехабетивов по Остину /2/ или экспрессивов по Серлю /3/. Общая иллокутивная цель этих РА заключается в том, чтобы выразить психологическое состояние говорящего, задаваемое условием искренности (убеждение, желание, намерение, сожаление, удовольствие и т.д.) относительно положения вещей, определенного в рамках пропозиционального содержания. Условие искренности (доброй воли) связывает РА с намерениями говорящего, а через них с состояниями его сознания (интенциональными) состояниями: просьбы, по идее, должны соответствовать желаниям и нуждам говорящего, сообщения — эпистемическим состояниям, выражения чувств — тем или иным эмоциям. Соответствие РА интенциональному состоянию признается обществом обязательным для речевых действий и является одним из условий успешности РА. Однако в случае экспрессивов дело обстоит несколько иначе. Еще Остин /2:73/ обратил внимание на то, что в жизни человека часто бывают ситуации, в которых выражение эмоций является конвенционально обязательным независимо от того, испытываем ли мы в действительности чувства, о которых сообщаем. Экспрессивы, как правило, связаны именно с такими ситуациями, и при осуществлении этих РА выражение определенного психологического (интенционального) состояния имеет место, даже если говорящий неискренен, даже если он не имеет в действительности соответствующего убеждения или желания, не испытывает того сожаления, удовольствия или восхищения, о котором говорит.

Иллокутивной целью комплимента, как правило, является не выражение положительной оценки как мнения, а выражение самых разнообразных положительных психологических состояний (восхищения, наслаждения, удовлетворения, одобрения, гор-

лости, симпатии и т.д.), включающих в себя убеждение в том положении вещей, которое определено пропозициональным содержанием. Так, комплимент "Вы прекрасно танцуете" подразумевает примерно следующее: "Я имею убеждение (именно убеждение, а не предположение или еще что-либо), что вы прекрасно танцуете и восхищаюсь этим (или наслаждаюсь этим, или рад этому и т.п.) Здесь уместно отметить, что пропозициональному содержанию, в рамках которого нечто оценивается положительно, не всегда соответствует положительное психологическое состояние говорящего. Например, если человек, которому предстоит дуэль, говорит о своем сопернике: "Господин N очень хорошо стреляет", он, скорее, выражает сожаление (к высказыванию логично было бы добавить фразу "к сожалению"), нежели восхищение или удовольствие по этому поводу, и к производимому в данном случае РА нельзя применить иллюкутивные глаголы "хвалить", "одобрять", "восхищаться" и т.п.

Чтобы ответить на вопрос, чем комплимент отличается от других входящих в класс экспрессивов иллюкутивных актов, выражающих положительное психологическое состояние говорящего (в частности, похвалы и одобрения), следует вспомнить замечание Серля /3:193/ о том, что существуют глаголы, указывающие на более, чем одну иллюкутивную цель. Так, к примеру, глагол "протестовать" связан одновременно с выражением неодобрения и ходатайством об изменении. Обратимся к определениям комплимента, предлагаемым словарями: "remark intended to praise or please" /7/; "похвала, вызванная стремлением сказать любезность или подлить кому-либо" /4/. Судя по ним, дополнительной иллюкутивной целью, на которую указывает глагол "to compliment", очевидно, является намерение говорящего как-то особенно подчеркнуть свое внимательное отношение к адресату, свою заинтересованность в нем и тем самым сделать ему приятное. Этот компонент иллюкутивной силы не является обязательным для РА, которым соответствуют глаголы "to approve" (одобрять) и "to praise" (хвалить). Подтверждением этому может служить следующий довод. РА комплимента возможен только тогда, когда адресат либо сам является объектом, на который направлено выражаемое интенциональное состояние говорящего, либо имеет непосредственную связь с этим объектом. Это означает, что комплимент нельзя сказать в адрес отсутствующего человека. Но похвалить отсутствующего человека или одобрить его поступок, решение и т.п. можно. Например, произнося высказывание "Ваш сын очень способный", (сын при этом не присутствует), говорящий осуществляет два различных РА одновременно: во-первых, он говорит комплимент родителям и, во-вторых, он хвалит их сына. Следовательно, требование связи адресата с объектом похвалы и одобрения не обязательно для данных РА.

Есть все основания считать, что рассмотренные компоненты иллюкутивной силы комплимента, а именно: а) намерение говорящего проявить заинтересованность по отношению к адресату, сделать ему приятное и б) обязательная связь адресата с объектом, на который направлено выражаемое интенциональное состояние — как раз и являются тем искомым признаком, позволяющим идентифицировать РА комплимента в дискурсе.

Главным признаком, лежащим в основе предлагаемой нами классификации РА комплимента является модель поведения, с которой соотносится конкретный РА. В психологии понятие "модель поведения" обозначает комплекс элементов поведения, таких как слова, интонации, жесты, мимика, позы, костюм, несущих в себе определенные конвенциональные значения. Культуру общества можно рассматривать как "состоящую из моделей поведения, которые возникают в коммуникации и постоянно укрепляются постольку, поскольку люди общаются взаимодействуют с условиями жизни" /5:26/. Несмотря на то, что моделей поведения можно выделить довольно много и в жизни каждый тип поразному воплощается у разных людей, в разных ситуациях общения, люди, принадлежащие к одной культуре, достаточно однозначно трактуют содержание той или иной модели и достаточно сходно выражают свои мнения, оценки и переживания в рамках этих моделей, хотя делают это как правило бессознательно. Большая часть этих моделей в повседневной жизни не является объектом социального анализа, однако есть и такие, которые становятся предметом специального изучения. Это — этикетные образцы и стратегии /1/. Этикетные модели поведения характеризуются символической насыщенностью. Они отражают идеи, ценности, важнейшие нравственные принципы, на которых зиждется данное общество, существующие в нем традиции, обычаи и со-

цио-культурные нормы. В отличие от этикетных образцов стратегии "работают", то есть обладают практической полезностью. "Мы изобретаем стратегии поведения, обдумывая, какие слова сказать собеседнику, чтобы убедить его в своей правоте, как показать ему готовность к сотрудничеству, как завоевать симпатию нового знакомого и т.д." /1:36/. Этикетные модели поведения закреплены за типизированными ситуациями, тогда как стратегии поведения соотносятся с типизированными целями, которыми коммуниканты ставят перед собой в процессе общения.

Итак, мы выделяем два больших класса комплиментов: этикетные комплименты (I) и комплименты-стратегии (II). В англоязычных (британской и американской) культурах существует ряд стандартных ситуаций, в которых употребление комплимента предписано этикетом.

I.1. "Реакция на элемент новизны". Вы должны обязательно сказать комплимент вашему знакомому, если в его внешности или среди его вещей вы заметили что-то новое или если он задал вам соответствующий вопрос: "...Hoping to strike a lighter tone, Ludens senior asked his son if he liked the moustache, which was new. Ludens, who thought it messily disfigured a handsome face, said it was fine. He mentioned Einstein, hoping that was tactful." /Murdoch/.

I.2. "Вечеринка". Если вы пришли на вечеринку, комплимент должен сопровождать формулы приветствия или заменять их. Н. Вулфсон /8/ обращает внимание изучающих английский язык на то, что в этих ситуациях приветствия без комплиментов практически не употребляются: "Rose!" screamed Lily, "What a perfectly scrumptious dress! You always get it right! So simple, so absolutely you!"... "You look lovely," said Rose, "Rather oriental. I adore those trousers". /Murdoch/.

I.3. "Выражение признательности". Иногда комплимент служит наиболее приемлемым способом выражения благодарности. Ключевым фактором, обуславливающим такое употребление данного РА, по мнению Н. Вулфсон /8:88/, являются ролевые экспектации. "В большинстве традиционных американских семей считается, что приготовление еды входит в обязанности жены, и поэтому буквальное выражение ей благодарности за эту услугу со стороны мужа и детей было бы не совсем уместным. Оптимальный способ выражения признательности в данном случае — это комплимент по поводу того, что еда вкусна". Аналогично, люди, посетившие ресторан, как правило, говорят его владельцу или официанту комплименты по поводу поданных блюд вместо того, чтобы благодарить их. Роль гостя также предполагает, что старания хозяйина должны быть вознаграждены комплиментом по поводу его кулинарных способностей: Trish came in carrying the soufflé and we all exclaimed. 'Trish, you're marvellous,' said Mollie, watching her serve it out. /Cooper/.

I.4. "Встреча после долгой разлуки". Комплимент сопровождает формулы приветствия при встрече знакомых или друзей, если они не виделись длительное время: Elisabeth came in carrying in her arms a baby girl.. 'Oh John,' she said. She settled the baby in the father's lap. 'It's grand to see you. I'm awfully glad you could come.'... "You've hardly changed at all," Elisabeth said, "but it has been a long time" "Eight years." /McCullers/.

I.5. "Поздравление". Почти всегда комплименты говорят, когда поздравляют кого-то. "Congratulations, Roscoe," Philip Johannsen, president of Mid Continent Rubber said, "you've really moved this bank into the big league. More power to you, fella." /Hailey/.

I.6. "Принятие подарка". Если вам дарят подарок, вы должны сказать в ответ комплимент по поводу подаренной вещи: Lush (Shyly). ...Well, you see, the fact is, Colonel, I've... I've got a present for you... (He takes a cigar from his pocket and hands it to Roote) This is it. Roote. I say! That looks a fine one. /Pinter/.

Таким образом, перечисленные типизированные ситуации позволяют подразделить класс этикетных комплиментов на шесть групп соответственно. Аналогично, класс комплиментов-стратегий мы подразделяем на группы в соответствии с типизированными практическими целями, на достижение которых направлены конкретный РА.

II.1. "Установление / поддержание дружеских взаимоотношений". Чаще всего комплимент служит средством установления или поддержания солидарности /6/ между говорящим и адресатом, под которой понимается общность их мнений, взглядов,

вкусов и т.д.: Roger Guerin said to Foxy, "It's true, the rates in town are the highest in Plymouth County. But we have so many wooden houses." "Yours is beautifully restored", Foxy told him. /Updike/

II.2. "Убеждение". Комплимент нередко используется для того, чтобы убедить в чем-то адресата, сделать так, чтобы он согласился с предложением говорящего: "You're a topflight controller, the best numbers and money man I know anywhere. And any day you get an urge to move over here with Northam, with a fatter pay-check and a stock option, I shuffle my own people and put you at the top of our financial pile. That's an offer and a promise. I mean it." /Hailey/

II.3. "Поощрение". Комплимент, сказанный преподавателем студенту или взрослому ребенку по поводу успешно выполненного задания может способствовать укреплению желательных тенденций в поведении адресата: "That was outstanding. The theory was well presented and the examples were marvelous." /Wolfson/

II.4. "Социальная смазка". Комплимент может употребляться с целью смягчения критики, особенно в тех случаях, когда необходимо сохранить гармонию взаимоотношений с адресатом: "Listen, I think you're doing a good job with their classes... but please tell them to stay out of the office at lunch time." /Wolfson/

II.5. "Психологическая поддержка". Комплимент может служить средством оказания психологической поддержки партнеру по общению, если он разуверился в себе, в своих силах, чувствует себя одиноким, нуждается в вашем внимании: "...Mr Norton definitely seems interested in you". "Why? A spinster no man looks at twice. And he's so handsome, so vital". "Come along, Briggs will be waiting. And you're not a spinster. You're an attractive woman". /Shannon/

II.6. "Организация дискурса". Комплимент также используется для организации дискурса. С помощью данного РА говорящий может задать нейтральную тему разговора (это умение составляет важную часть искусства "small talk") или дать понять партнеру по общению, что беседа завершена: "That's a beautiful dress," Pamela said to end the conversation pleasantly. "Is it new?" "Thank you, dear," Mrs Nudd said. "Yes, it is new." "It's a beautiful color," Pamela said... /Cheever/ Помимо перечисленных 12 групп комплиментов, составляющих два основных класса, существует еще 3 промежуточные группы, которые мы не относим ни к этикетным образцам, ни к стратегиям.

III.1. "Приветствие". В эту группу входят комплименты, которые нередко говорят при встрече вслед за формулами приветствия или вместо них: "...The door opened and there stood X, his face sparkling with welcome.... "Xavier, how well you look!" "You, James, look perfectly splendid!" He held out his hand. "Come in." /Cooper/

III.2. "Знакомство". Когда вам представляют человека, об успехах которого вам известно что-либо, комплимент поможет "растопить лед", преодолеть отчуждение, расположить к себе нового знакомого: In the operation room there were whispered introductions: "Dr Remington, Dr Mitty. Mr Pritchard-Mitford, Dr Mitty. " "I've read your book on streptothricosis", said Pritchard Mitford, shaking hands. "A brilliant performance, sir". "Thank you", said Walter Mitty. /Thurber/

III.3. "Интимные комплименты". Комплимент является неотъемлемым атрибутом интимного общения: And later still, they held each other sharing the warmth from their bodies and the fire. At last Maggot stirred. "I've said it before and I say it again. You are a delicious lover". "And you are okay, Bracken." /Hailey/

Мы считаем эти три группы промежуточными, поскольку входящие в них комплименты, с одной стороны, закреплены за стандартными ситуациями, что сближает их с этикетными образцами, а с другой, они служат средством достижения определенных практических целей и их употребление не является обязательным с точки зрения правил этикета, что делает их сходными со стратегиями. О.И.Даниленко замечает в связи с этим: "Этикетные модели поведения и стратегии не разделены четкой границей. Многие правила этикета родились из некогда полезных, продуктивных действий. За ними стояла реальная попытка найти оптимальный способ воздействия на партнера (например, найти способ убедить его в доброжелательном к нему отношении). Можно сказать, что многие правила этикета — это выпавшие в осадок, или кристаллизовавшиеся, стратегии. Однако, чтобы осадок выпал или произошла кристаллизация, сосуд должен какое-то время стоять относительно спокойно. Иначе говоря, социальная струк-

тура или система ценностей должна существовать достаточно длительный срок, только тогда произойдет естественное вызревание этикетных моделей поведения" /1:42/.

Список литературы. 1. Даниленко О.И. Культура общения и ее воспитание. М., 1989. 2. Остин Дж. Л. Слово как действие // НЗЛ. Вып. 17. М., 1986. 3. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов. // НЗЛ. Вып. 17. М., 1986. 4. Словарь современного русского литературного языка. М., Л., 1948-65. 5. Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969. 6. Brown R., Gilman A. The pronouns of power and solidarity. *Style in language*, ed. by Th. A Sebeok, 253-276. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1960. 7. Webster's Third New International Dictionary. Springfield. Mass. USA, 1961. 8. Wolfson N. An empirically based analysis of complimenting in American English. *Sociolinguistics and language acquisition*, ed. by N. Wolfson, E. Judd, 82-95. Rowley (Mass.), London, Tokyo, 1983.

В. Я. Мищенко /Харьков/

КОМПЛИМЕНТ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ВЕЖЛИВОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ КУЛЬТУРАХ

В современной лингвистике классической теорией вежливости считается социально-психологическая концепция П.Браун и С.Левинсона /1/, объясняющая, почему в естественной коммуникации мы постоянно наблюдаем случаи, когда говорящий выбирает не самые эффективные и рациональные в плане передачи информации высказывания, представляющие собой отклонения от принципа сотрудничества и вытекающих из него максим, сформулированных Грайсом /4/. Из приведенных ниже примеров только (1) строго соответствует принципу сотрудничества, тогда как (2)-(5) нарушают его:

- (1) Rake the leaves.
- (2) Do you think you could rake the leaves?
- (3) Might the leaves need to be raked?
- (4) Can I ask you to rake the leaves?
- (5) I'm terrible sorry to bother you with a think like this and in normal circumstances I wouldn't dream of it, since I know you're very busy, but I'm simply unable to do it myself so do you think I could respectfully request that you rake the leaves?

П.Браун и С.Левинсон исходили из следующих положений.

Первое. Каждый из коммуникантов обладает "лицом", позитивным и негативным. Позитивное лицо — это целостное представление человека о себе как о личности, а также желание, чтобы другие воспринимали его таким, каким он сам себя представляет, и, следовательно, высоко оценивали и одобряли его /1/.

Под негативным лицом понимается отстаиваемое человеком право на личную неприкосновенность, на свободу действий и свободу от принуждения /там же/.

Второе. Коммуникантам присуща рациональность, позволяющая им для достижения любой цели выбирать наиболее подходящие средства.

Третье. Коммуниканты тем решительнее будут нарушать максимы Грайса, чем выше они оценивают степень риска для лица адресата.

Браун и Левинсон разработали механизм, позволяющий вычислить степень отклонения от "стандарта" или, иначе, необходимое количество "лицевой работы" (face work). Предполагается, что говорящий оценивает: 1) свое положение и положение адресата на горизонтальной шкале различий, т.е. социальную дистанцию $D(S,A)$; 2) свое положение и положение адресата на вертикальной шкале различий, т.е. относительную власть адресата над говорящим $P(A,S)$; 3) степень принуждения (imposition), испытываемого адресатом, по шкале культурно детерминированных ценностей R .

Сумма этих величин равна количеству лицевой работы W , которую необходимо выполнить: $D(S,A) + P(A,S) = W /1/$.

При условии взаимной заинтересованности в сохранении лица коммуниканты стремятся к тому, чтобы потребности, составляющие лицо собеседника, не игнорировались, а были бы по возможности удовлетворены. Для этого они применяют определенные коммуника-

тивные стратегии, в результате чего возникают сложные, изысканные модели построения сообщения, которые как раз и представляют собой индикаторы вежливости. Браун и Левинсон различают вежливость позитивную, негативную и косвенную. Важнейшие из стратегий позитивной вежливости формулируются следующим образом: "дай понять адресату, что он интересен, замечателен, превосходен", "преувеличивай свое одобрение адресата, твой интерес, симпатии к нему". Примером стратегий негативной вежливости могут служить такие: "употребляй конвенционально косвенные высказывания", "не оказывая давление на адресата", "собои о своем желании никоим образом не посягнуть на свободу адресата". Стратегии косвенной вежливости состоят в применении конвенциональных имплицатур, которые высказывание получает в результате нарушения максим Грайса.

Достаточно очевидно, что согласно этой теории комплимент, по которым обычно понимают любезные слова, лестный отзыв, произносимые говорящим именно для того, чтобы сделать приятное адресату, удовлетворить его потребность в признании, представляет собой образец позитивной вежливости. Однако следует иметь в виду, что, хотя позитивная и негативная вежливость явления разнородные, поскольку первая больше направлена на общий характер взаимоотношений между коммуникантами, а вторая связана со специфическим актом принуждения (imposition), между ними не всегда можно провести четкую грань. К. Тернер /3/ на простом примере демонстрирует взаимосвязь между позитивной и негативной вежливостью. Высказывание "Could you look after the baby for half an hour?" является негативно вежливым, так как оно несет в себе угрозу негативному лицу адресата, выражающуюся в возможном принуждении и ограничении его свободы действий. В то же время это высказывание может быть использовано в качестве стратегии, направленной на сохранение позитивного лица адресата, поскольку обращение говорящего с подобной просьбой означает, что он видит в адресате надежного и ответственного человека, которому можно доверить особенно важное дело. Аналогично позитивная вежливость, если она накладывает ограничения на свободу действий адресата, может выступать в качестве негативной вежливости. Например, позитивно вежливое высказывание "You're good with children" может имплицировать угрозу негативному лицу адресата: "Может быть ты предложишь присмотреть и за моими?" что, в свою очередь, может подразумевать: "Я считаю тебя надежным и ответственным человеком" и т.д. Это заставляет пересмотреть точку зрения на комплимент как стратегию исключительно позитивной вежливости.

Необходимо принять во внимание, что в концепции Браун и Левинсона вежливость имеет сугубо инструментальный характер. Они рассматривают вежливость как эффективное средство, используемое говорящим для того, чтобы регулировать, изменять поведение адресата в соответствии со своими интересами и при этом поддерживать с ним неантагонистические отношения. Ю. Гу замечает по этому поводу: "В общении вежливость носит не только инструментальный характер, она также нормативна... Тот факт, что Браун и Левинсон не удалось выйти за рамки инструментальной функции вежливости и перейти к ее нормативной функции объясняется, по-видимому, тем, что их теория основывается на сочетании двух тенденций в поведении человека — рационализме и сохранении лица. Однако вежливость — это явление, относящееся не столько к уровню личности, сколько к уровню общества. Каждый член общества должен вести себя прежде всего в соответствии с принятыми в нем нормами" /2: 241-242/.

Если инструментальная вежливость связана с разнообразными коммуникативными стратегиями, которые воплощаются в речевых и неречевых действиях, направленных на достижение какой-либо практической цели, а также в технике исполнения этих действий, то вежливость нормативная обусловлена правилами этикета, предписывающими определенные образцы поведения (речевого и неречевого) в типизированных, стандартных ситуациях. Под этим углом зрения комплимент можно рассматривать как полифункциональную коммуникативную стратегию и различать комплименты — стратегии, представляющие собой инструментальную вежливость и этикетные комплименты как проявление нормативной вежливости. Рассмотрим следующие примеры:

(A) 'On her way through the fur department she paused to caress the sleeve of a honey mink. Almost instantly a saleswoman popped up at her side: "Madam has superb taste, she breathed. This coat is really divine. Do try it on..."

The saleswoman was properly enthusiastic. "Madam has such a divine build. So many ladies are much too short and plump to carry fur to the best advantage. But madam looks simply... simply -". "Divine? I'll take it..." (Shannon).

(B) 'At the gate Prothero paused for us to survey his car. A BMW Sapphire with a Y registration — this year's. In must have cost him over £20000. Thinking of my clapped-out old Citroën, I said: "Very nice." (Cooper)

Комплимент в примере (A) представляет собой типичную стратегию, применяемую продавцом по отношению к покупателю с целью убедить его сделать покупку.

В примере (B) описана стандартная ситуация: у вашего близкого знакомого появилась новая вещь. В англоязычной культуре в подобной ситуации правила этикета предписывают обязательную вербальную реакцию, причем допускается только положительный отзыв. Комплимент в данном случае имеет этикетный характер.

Перечень стереотипных речевых ситуаций, в которых уместен этикетный комплимент, включает такие как "приветствие", "знакомство", "прощание", "поздравление", "выражение признательности" и некоторые другие.

В отличие от этикетного комплимента комплимент-стратегия преимущественно используется говорящим как способ показать адресату свою общность с ним, состоящую в единстве взглядов, сходстве вкусов и т.п., дать понять адресату, что говорящий его высоко ценит, благожелательно к нему относится, что адресат ему интересен. В сознании говорящего эти непосредственные цели, как правило, связаны с более общими практическими целями той деятельности, успешное осуществление которой во многом зависит от адресата.

Список литературы: 1. Brown P., Levinson S. Politeness: some universals of language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 2. Gu Yu. Politeness in modern Chinese. Journal of Pragmatics, 14, 1990, p.p. 237-257. 3. Turner K. The principal of pragmatic inference: Language teaching 29, 1996, p.p. 1-13. 4. Grice, Paul. Studies in the way of words. Cambridge, Massachusetts/London, England. Harward University Press. 1989.

И. Б. Морозова, канд. филол. наук /Одесса/

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОСТОГО ВОПРОСИТЕЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ (на материале английского языка)

Проведенное исследование является попыткой прояснить некоторые аспекты, связанные с определением вопроса как типа предложения и установить относительную частотность вопросительных предложений в целом.

Выделение вопроса в качестве научной проблемы мы находим еще у древнегреческих мыслителей (см., например, работы Аристотеля /1/), которые интересовались тем, что такое вопрос, что такое проблема, при каких обстоятельствах возникает проблемная ситуация и т.д. Практическое и теоретическое значение вопросов хорошо понимали древнегреческие математики, пытавшиеся ввести понятие проблемы в математическую терминологию. Известно искусство Сократа, который, благодаря точно поставленным вопросам, выходил победителем в спорах. Позднее блестящие философы, такие как Ф.Бэкон и Р.Декарт, занимались исследованием сущности этой проблемы. Одно из центральных мест в эвристике занимает вопрос: "... мы разделяем все, что может быть познаваемо, на простые предложения и вопросы" /2/. Р. Декарт совершенно правильно указывает как на исключительно познавательную роль вопросов, так и на определенную информацию, заключенную в самом вопросе.

Известный чешский ученый Б.Больцано также занимался исследованием вопроса. Однако, в отличие от Р.Декарта, который пытался определить, в основном, методоло-

гическую сторону вопроса, Б.Больцано уделяет большое внимание его логической интерпретации. Под вопросом Б.Больцано понимает "любое предложение", высказывающее требование указать какую-либо истину, обозначенную определенными свойствами, которые она должна иметь" /10/. Поэтому вопрос может выражаться не только вопросительными, но и повествовательными предложениями, отвечающими названным условиям. Многие советские ученые, в частности, П.С.Повов, П.В.Таванец, Н.И.Жинкин, П.В.Копнин пытались исследовать логическое и грамматическое содержание вопроса. П.С.Повов подчеркивает специфику вопроса как мыслительного акта, характеризующего "момент перехода от того, что мы знаем, к тому, что мы еще не знаем" /4/. П.В.Таванец открыто заявляет о своем несогласии с традицией и рассматривает вопрос как форму мышления /9/. Что касается П.В.Копнина, то он считает, что всякий вопрос состоит из двух частей: суждения-сообщения и запроса. Причем, суждение-сообщение составляет основу вопроса, и вопрос всегда содержательнее суждения-сообщения /3/.

Психология рассматривает вопрос как основу "вербальной коммуникации, форму проявления познавательной потребности, обеспечивающей направленность логики на осознание цели и деятельности, и, тем самым, способствующей ориентировке и более глубокому познанию окружающей действительности" /5/. А.И.Смирницкий считает, что вопросы несут на себе семантику побуждения (соответственно, к речи и к действию) /8/. Г.Г.Почепцов полагает возможным объединить в одну подгруппу повествовательные и вопросительные предложения, поскольку они отражают две стороны речевой коммуникации в плане информации /6/.

Современные зарубежные исследователи также отмечают отсутствие существенных различий между императивом и интеррогативом. Дж.Лайонз даже вводит новый тип вопросительно-побудительных предложений, называемый им "mands" (усечение слов "commands", "demands") /11/.

Исходя из неопределенности семантических характеристик вопроса, фактический материал исследования отбирался по чисто формальным показателям (инвертированный порядок слов и, главное, наличие вопросительного знака). Примеры для анализа (6000 речевых образцов) взяты из современного художественного диалога, поскольку "... условия, в которых протекает диалог, определяют его вопросно-ответную форму" /7/. При этом все вопросительные предложения были разделены на собственно-вопросительные, вопросительно-побудительные и вопросительно-риторические, которые, по нашим данным, распределяются в следующей частотности:

- собственно-вопросительные — 82,2%
- Who is Stadlater's date? /J.Salinger/
- вопросительно-побудительные — 13,3%
- (The telephone is ringing)
- Well? /J.H.Chase/
- вопросительно-риторические — 4,5%
- Who has ever met such a woman? He spread his arms in despair. /K.Fiennes/

Очевидно, что собственно-вопросительные высказывания составляют основную массу речевых образцов. Вопросительно-риторические не составляют и 5% от общего количества, а вопросительно-побудительным является примерно лишь каждое восьмое из всех вопросительных предложений. Такое распределение частотности смыслов исследуемых вопросов позволяет сделать вывод о том, что признак "просьба" или "побуждение" для вопроса является скорее случайным, чем видоопределяющим. В большинстве же случаев просьба к слушателю в вопросительных высказываниях совершенно отсутствует. Что же касается определенной информативности самого вопроса, то всякое предложение, как коммуникативная единица, несет в себе ту или иную информацию.

Однако, как указывает Д.Брунер, наше речевое общение представляет собой постоянно решаемый внутрилингвистический конфликт в плане отсутствия-присутствия информации, а вопросительные предложения являются теми самыми формами высказывания, которые позволяют заполнять информационные лакуны /12/.

На наш взгляд, существенным является не наличие-отсутствие новой информации в определении любого типа высказывания, а ее направленность к задающему вопрос.

Отсюда, к вопросительным предложениям на уровне семантики можно отнести высказывания, запрашивающие информацию. При этом последние составляют примерно четверть всей совокупности высказываний в диалоге. В соответствии со структурой высказываний, наиболее частотными являются структурно-предикатные вопросительные предложения, из которых неэллиптические распространенные составляют 62%. Недопустимость, в большинстве случаев, эллиптической сверстки убеждает, что вопросительные предложения являются основой вербальной коммуникации, формой проявления психологической потребности личности в познавательной деятельности.

Список литературы: 1. Аристотель. Метафизика. М.: Наука, 1956. 2. Декарт Р. Правила для руководства ума. М.-Л, 1936. 3. Копин П.В. Природа суждения и формы выражения его в языке. В сб. "Мышление и язык", М., 1957. 4. Попов П.С. Суждение, М., 1957. 5. Психология. Словарь под ред. Петровского А.В. и Ярошевского М.Г., 1990. 6. Почепцов Г.Г. Конструктивный анализ структуры предложения. Киев, 1971. 7. Розенталь, Теленкова "Словарь-справочник лингвистических терминов", М., 1985. 8. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. М., 1957. 9. Таванец П.В. Суждение и его виды. М., 1953. 10. Bolzano B. Wissenschaftslehre, B.2, Leipzig, 1921. 11. Lyons J. Introduction to Theoretical Linguistics. Ldn, 1971. 12. Brunner J.S. The Ontogenesis of Speech Acts. In "Journal of Child's Language". Ldn., 1975.

И. В. Музейник /Харьков/

ИЛЛОКУТИВНЫЙ АСПЕКТ ЯВЛЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ (на материале французского языка)

Несмотря на кажущееся изобилие научных изысканий, отрицание продолжает оставаться одним из самых интересных и противоречивых объектов для исследования в лингвистике. Наиболее традиционным является подход к отрицанию как к логико-грамматической и собственно синтаксической категории. В этом случае, по мнению исследователей, логическое отрицание является основным содержанием грамматической категории отрицания /3:77/. Единичные попытки исследовать явление двойного отрицания, точнее ту его разновидность, которую принято называть "отрицанием отрицания" также предпринимались преимущественно с позиций логики. При этом характеристика данного явления сводилась к тому, что отрицание отрицания дает утверждение с разными оттенками значения. Теория речевых актов стала основой для интерпретации отрицания с точки зрения прагматики. Анализ отрицательных высказываний в свете теории иллокутивных актов посвящены работы таких французских лингвистов, как О.Дюкро /5/, П.Аттал /1/, Ж.Мешлер /6/, Б.Каллебо /4/ и др. Б.Каллебо в своем исследовании обращается к классической типологии иллокутивных речевых актов Д.Серля. Основной задачей анализа Б.Каллебо является взаимодействие этих актов с отрицанием /4:191-203/. Следует особо отметить, что Б.Каллебо, следуя остинговскому противопоставлению первичных и эксплицитных высказываний /2:67,118/, считает такое разграничение существенным фактором для всех типов актов. Рассмотрим особенности взаимодействия иллокутивных речевых актов с двойным отрицанием (отрицанием отрицания), переводящим отрицательный речевой акт в область положительной поляризации.

1. **ЭКСПРЕССИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ.** Иллокутивной целью экспрессивных речевых актов является выражение эмоционального, психологического состояния говорящего. По мнению Б.Каллебо, эта расплывчатая характеристика делает этот класс достаточно неоднородным, что подтверждается разнообразием взаимоотношений этих актов с отрицанием. Важно также учитывать различие между когнитивными и перформативными экспрессивными актами. Первичные (неэксплицитно выраженные) экспрессивные акты более констативного характера допускают наличие отрицания отрицания для выражения психологического состояния говорящего: "Je ne suis pas très content de ne pas vous voir depuis si longtemps". "Je ne suis pas encore dégoûté". "Je ne regrette pas mes erreurs de jeunesse", в то время как первичные перформатив-

ные экспрессивные акты вообще не приемлют отрицания отрицания, если речь идет о выражении благодарности или же о приветствии, либо поздравлении: "Salut", "Merci", "Mes félicitations". Вполне возможно взаимодействие отрицания отрицания с эксплицитно выраженными экспрессивными актами: "Je ne peux pas dire que je ne suis heureux/que je suis malheureux". "Je ne dis pas que j'en suis mécontent". "Je ne peux pas ne pas vous remercier/féliciter..."

2. РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ. Для первичных репрезентативных актов наличие отрицания отрицания абсолютно естественно в той мере, в какой описанное фактическое состояние дел подчиняется поляризованной репрезентации: "Tu ne peux pas rester sans travailler, ça te rend fou". "Vous ne pouvez pas ignorer". "Personne ne vous en empêche".

Особенностью взаимодействия отрицания отрицания (как, впрочем, и отрицания вообще) с эксплицитными репрезентативными актами по сравнению с первичными является их большая абстрагированность, основание для которой дает перформативный потенциал эксплицитного репрезентативного акта. Так, например, "Vous n'êtes pas coupable de cet assassinat" (первичный репрезентативный акт) = "J'en suis sûr, parce que je sais qui en est coupable"; "Je ne vous accuse pas de cet assassinat" (эксплицитный репрезентативный акт) = "Vous pouvez en être coupable, mais moi, je ne vous en accuse pas".

3. ДЕКЛАРАТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ. К декларативным актам относятся назначение на должность, присвоение имен и званий, вынесение приговора и т.п. В основном это застывшие выражения, своего рода речевые клише, формулы, как правило, строго регламентированные социальными конвенциями. В силу этих причин декларативные акты практически не поддаются отрицанию вообще и отрицанию отрицания в частности. Единственным удачным примером взаимодействия декларативного речевого акта с отрицанием отрицания может служить отрицательная конструкция с глаголом annuler: "Je n'annule pas mes engagements", которая является исключением, только подтверждающим правило.

4. КОМИССИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ. В случае взаимодействия этих актов с обычным отрицанием это означает отказ взять на себя какое-либо обязательство или обещание не делать что-либо, иногда это даже предупреждение или угроза. Взаимодействие же комиссивных актов с отрицанием отрицания представляется проблематичным.

5. ДИРЕКТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ. Если вопросительные директивные акты не допускают отрицания отрицания в принципе, то отрицательные императивы совершенно естественно и без проблем могут быть переведены в область положительной поляризации при помощи отрицания отрицания. Более того, некоторые первичные директивные акты по экстралингвистическим причинам вообще не могут существовать без взаимодействия с отрицанием отрицания: "Ne sois pas bête!" (Sois bête??), "Ne sois pas idiot!" (Sois idiot??). Возможность взаимодействия отрицания отрицания с эксплицитными директивными актами тоже не вызывает сомнений:

"Je ne t'interdis pas..." — (interdire = ordonner de ne pas)

"Je ne te défends pas..." (défendre = ne pas permettre)

"Je ne t'ordonne pas de ne plus jamais rien faire".

Подведем некоторые итоги. Для репрезентативных и директивных речевых актов взаимодействие с отрицанием отрицания является абсолютно естественным, экспрессивные акты взаимодействуют с отрицанием отрицания с небольшими исключениями, а взаимодействие комиссивных и декларативных актов с отрицанием отрицания представляется проблематичным. Отрицание отрицания, взаимодействуя с имплицитными актами, содержащими эксплицитно выраженное отрицание или имплицитно выраженную сему отрицания, переводит высказывание в область положительной поляризации, изменяя пропозициональное содержание. Анализ внеконтекстуальных примеров обнаружил возможные предпосылки реализации отрицания отрицания, которые очевидно могут видоизменяться в условиях широкого контекста.

Список литературы: 1. Attal P. Deux niveaux de négation // Langue Française, 62, 1984. 2. Остин Дж.Л. Слово как действие. Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. М., 1986. 3. Бондаренко В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. М., 1983. 4. Callebaut B. La négation et les théories de

l'ilocutoire // La Négation. Numéro spécial de LINX. 1994. 5. Ducrot O. La preuve et le dit. Paris. 1973.
6. Moeschler J. Théorie pragmatique et pragmatique conversationnelle. Paris. 1996.

Е. Д. Нефедова /Харьков/

ОРГАНИЗАЦИЯ ДИСКУРСА АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ

Традиционное деление речи на устную и письменную базируется на различии в способах воспроизведения и восприятия, — различии чисто физиологического плана. Но в отношении структурного деления дискурса существует гораздо более существенный критерий: степень формальности/неформальности, планированности/спонтанности. Традиционно письменный дискурс ассоциируется с высокой степенью формальности и планированности, а устная речь рассматривается как более неформальная и спонтанная /1:58/. Еще одним принципиальным критерием разграничения этих двух типов дискурса, вытекающим из оппозиции планированности/спонтанности, является степень вовлеченности воспринимающего в дискурс, возможность его активного участия в создании дискурса, который превращается в диалог автора и воспринимающего дискурс, причем их функции сближаются.

В дихотомии письменная/устная речь английская литературная сказка является медиатом, обладающим многими особенностями устной речи, переданными средствами речи письменной. В терминах рассмотренных выше типов дискурса английская литературная сказка характеризуется высокой степенью неформальности и вовлеченности читателя в создание дискурса (диалог автор — читатель), что объясняет особенности организации ее дискурса.

Особо выделяется тот факт, что многие английские литературные сказки ведут свое происхождение от устных рассказов их авторов. Таковы сказки сборника "Just So Stories" Р.Киплинга (эти сказки созданы для чтения вслух, что даже наиболее ранняя память об этих сказках связана у их читателей с размеренным и звучным чтением); сказки Д.Биссета, Р.Айнсворта, М.Бонда были сначала рассказаны в телевизионных передачах для детей в 1953 году. Помимо приведенных выше фактов, анализ английских литературных сказок показал, что подавляющее большинство произведений этого жанра имитирует устный рассказ, с ремарками рассказчика, его обращениями к слушателю, характерными для устного дискурса сокращенными формами вспомогательных глаголов в авторской речи рассказчика, структуру устного повествования.

Рассмотрим структуру литературной сказки, используя модель структуры устного повествования (истории, анекдота, шутки)/3, 1972/. Согласно этой модели, устное повествование начинается с "Abstract" — краткого заявления, о чем будет идти речь. Во взятой для анализа сказке Р.Киплинга "The Beginning of the Armadilloes" роль "Abstract" выполняет первое предложение, содержащее обращение к читателю: "This, O Best Beloved, is another story of the Higt and Far-Off Times" (ст.1). Автор апеллирует к фоновым знаниям читателя, который уже прочел несколько сказок из предложенного его вниманию сборника, и маскирует новую сказку как имеющую отношение, близкую к уже известным читателю. Затем следует "Orientation" — часть, в которой рассказчик уведомляет слушателя о времени, месте и действующих лицах своего рассказа. Автор сообщает читателю место и время действия и называет действующих лиц сказки непосредственно за частью "Abstract": "In the very middle of those times was a Sticky-Prickly Hedgehog, and he lived on the banks of the Turbid Amazon, eating shelly and things. And he had a friend, a Slow-Solid Tortoise, who lived on the banks of the turbid Amazon, eating green lettuces and things... But also, and at the same time, in those High and Far-Off Times, there was a Painted Jaguar, and he lived on the banks of the turbid Amazon too; and he ate everything that he could catch" (см. ст. 2-12). Часть "Orientation" характеризуется интенсивным употреблением инициальных поэтических формул, переходных и стативных глаголов /2:165/. За этим следует "Complicating Event" — главное событие, причина всех последующих событий. В анализируемой сказке эта часть начинается с того,

что Мама-Ягуариха объяснила своему сыну, пятнистому Ягуару, как есть еж и черепаха, и он застал врасплох двух главных персонажей сказки — Ежа и Черепаху — и собрался их съесть.

За этой частью следуют "Resolutions" — развязка. Она наступает, когда Еж и Черепаха настолько меняют свой облик, что превращаются в новых зверей, которых даже Мама-Ягуариха не знает, как есть; и Пятнистому Ягуару приходится уйти ни с чем.

Заканчивается устное повествование частью "Coda", в которой рассказчик каким-либо образом связывает события повествования с моментом повествования. Заключительная часть сказки "The Beginning of the Armadillos" состоит из двух частей: утверждения автора, что на берегах Амазонки до сих пор живут неизвестные переименовавшиеся Еж и Черепаха, которые за их ум зовут Броненосцами-Armadillos (см. ст. 285-296); и стихотворения, в котором автор признается, что никогда не видел броненосцев и не был на Амазонке, но что ему хотелось бы там побывать (см. ст. 297-316). Эта часть возвращает читателя из сказочного мира, куда автор вводит его в части "Orientation", в мир реальный, и также является связующим звеном между двумя этими мирами. В письменном повествовании первую и последнюю части — "Abstract" и "Coda" можно опустить, однако они являются обязательными характеристиками устного дискурса (повествования).

Как видно из проведенного анализа, текст сказки Р.Киплинга "The Beginning of the Armadillos" полностью укладывается в схему принятой модели устного дискурса, что является типичным для английской литературной сказки.

Согласно использованной выше модели, особой отличительной чертой устного повествования является его оценка рассказчиком — "Evaluation" — средства, которыми пользуется рассказчик, чтобы заинтересовать аудиторию повествованием и вовлечь ее в процесс создания дискурса как диалога автор — читатель. Рассказчик может непосредственно сообщить аудитории, что его рассказ заслуживает внимания ("you'll love this one"; "it's not the world's funniest joke, but I like it"); или же использовать ряд особых приемов: преувеличение, звукоподражание, постоянную личную оценку событий ("which amazed me really"). Авторы английских литературных сказок также используют все вышеперечисленные приемы:

Пример 1.

а) "This, O my Best Beloved, is a story — a new and wonderful story — a story quite different from the other stories..." (Kipling R. "The Butterfly That Stamped" ст.1) — яркий пример непосредственной оценки автором своей сказки.

б) В сказке "The Beginning of the Armadillos" Р.Киплинг рефреном повторяет свою оценку событий: "So that was all right" (ст.7, 21, 30, 296). Переживание автора за судьбу своих персонажей, активная авторская оценка ситуаций и героев является важнейшей чертой жанра литературной сказки, в тексте сказки проявляющейся в форме обращений автора к читателю, авторских ремарок, многократного использования автором оценочных глаголов. Это еще одна черта, сближающая устный рассказ и литературную сказку.

Литературная сказка стремится передать даже столь важную, свойственную лишь ему, составляющую устного дискурса как интонация рассказчика (разумеется, доступными ей средствами: капитализацией, разрядкой, курсивом, многократным использованием дефиса выделяя ключевые слова, которые рассказчик в устной речи выделял бы интонационно).

Пример 2.

а) "who was a very sensible woman" (Graham K. "The Reluctant Dragon" ст.46). Курсив не только указывает на "превосходную степень разумности" женщины, но и подсказывает, что на этом слове автор сделал интонационное ударение.

б) "His name was Tegumai Bopsulai, and that means, "Man-who-does-not-put-his-foot-forward-in-a-hurry..." (см. Kipling R. "How the First Letter Was Written" ст.9). Киплинг не только обыгрывает таким длинным именем его значение ("неторопливый человек"), но и дает читателю понять, что это имя следует произносить на одном дыхании, без пауз.

Во многих случаях авторы литературных сказок прибегают к прямой имитации устной речи — использованию сокращенных форм вспомогательных глаголов в авторской речи, несвойственным письменному тексту.

Пример 3. В сказке "The Reluctant Dragon" К.Грэхэм использовал 26 сокращенных форм вспомогательных глаголов в авторской речи. Этим он не только имитировал устную речь, но и создавал неформальную, игровую атмосферу, где читатель и автор выступают на равных.

Упомянутые в связи с авторской личной оценкой перипетий литературной сказки авторские ремарки и обращения к читателю выполняют в литературной сказке еще одну функцию: они являются средством постоянного контакта автора с аудиторией. Являясь, пожалуй, одной из самых основных черт устного дискурса, такое общение рассказчика со слушателем, автора с читателем стало еще одним категориальным признаком дискурса текста литературной сказки. Автор таким образом не дает читателю отвлечься от сюжета литературной сказки, поясняет неясные моменты, подсказывает читателю дальнейший ход событий, требует определенной эмоциональной реакции на события, стремится увлечь читателя и вовлечь его в ход событий, что очень характерно для устного дискурса.

Пример 4.

а) Here was news indeed!" восклицает автор, когда он сообщает своему главному герою (и своему читателю), что в деревушку, поблизости от которой поселился дракон, прибыл Святой Георгий, змеборец (см. Graham K., "The Reluctant Dragon" ст. 354), интригуя читателя, не знающего еще, какие последствия повлечет за собой этот приезд. Аналогичную роль выполняет восклицание автора "... - Ah! what did he see!" в сказке О.Уайльда "The Happy Prince" (ст.71).

б) Практически во всех сказках сборника "Just so Stories" Р.Киплинг использует прием обращения к читателю. Так в сказке "How the Whale Got His Throat" обращения к читателю "Don't forget the suspenders!" (стр. 32-33) не только напоминают читателю о вещи, которая выручит проглоченного Китом Моряка из беды, но и поддерживает неослабевающим вниманием читателя и становится своеобразным средством ритмической организации текста сказки.

Таким образом, из приведенного выше анализа можно заключить, что текст английской литературной сказки — имитация устного дискурса, что является категориальным признаком литературной сказки как жанра. Дискурс английской литературной сказки характеризуется высокой степенью неформальности и вовлеченности читателя в создание дискурса, и противоположен по прагматической направленности т. наз. "sanitized text" — устному дискурсу, адаптированному для передачи на письме /2:244/.

Список литературы: 1. Cook G. Discourse. Oxford University Press, 1992. 2. Hatch E. Discourse and Language Education, Cambridge University Press, 1992. 3. Labov W. (ed.) Language in the Inner City. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

О. И. Панасенко /Харьков/

ФРАНЦУЗСКИЕ ОБЩЕВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ОТРИЦАНИЕМ В СИСТЕМАХ ЯЗЫКА, РЕЧИ И ДИСКУРСА.

Анализ деривационных отношений общевпросительных предложений (ОВП) в иерархии язык-речь-дискурс предполагает как семантические, так и структурные подходы. Система языка объединяет прежде всего языковые единицы с разной степенью соответствия означаемого и означающего. В типовых конструкциях сохраняются полные соответствия аспекта синтаксической формы и коммуникативного содержания. На этом основании ОВП и повествовательные предложения (ПП) противопоставляются по структурному признаку /3/ при адекватном различии в коммуникативно-содержательном аспекте. Ср.: Paul est venu. Paul es-t'il venu? Системное описание синтаксических структур принимает характер парадигматичности, что позволяет определить единство структуры и коммуникативного содержания ОВП. Поэтому средства реализации коммуникативного содержания (комму-

никативной установки) характерны для всех членов одной парадигмы ОВП. Ср.: *Es-tu venu?*; *Etes-vous venu?*; *Est-il venu?* и т.д. В системе языка между типовыми структурами ПП и ОВП располагается целый ряд кодифицированных конструкций, в которых сохраняются полные или частичные несоответствия аспектов синтаксической структуры и коммуникативной установки. Таковыми являются модели предложений повествовательного и вопросительного типов, где коммуникативное содержание в разной степени не соответствует их синтаксической форме. Это, например, ОВП, выражающие побуждение (конструкции *vouloir* + *infinitif*): *Veux-tu me passer du sel?* в системе языка такие позиционные переходы качественно мотивируют оппозицию ПП-ОВП.

В отличие от системы языка, в системе речи расположение компонентов регулируется их функционально-семантическим значением. Поэтому в центре поля располагаются типовые конструкции языковой системы, а на периферии — модели предложений, в которых сохраняется прямой порядок слов, коммуникативная установка, реализуемые с помощью синтагматических средств (*est-ce que*, *n'est-ce pas*, *oui*, *non* и др.).

Дискурс представляет собой собственно функциональный план — план речевой деятельности, в котором интегрируются потенциальные свойства систем языка и речи. Это — план актуализированной реальности языка. В дискурсе также реализуются потенциальные проблемные ситуации, которые являются частью коммуникативной компетенции участников общения. Сама вербальная (и невербальная) информация в дискурсе согласуется со смыслом контекста. Такое согласование осуществляется в соответствии с принципом уместности (*principe de pertinence*) /7/. Например: *Voulez-vous vous asseoir?* Именно на дискурсе распространяются теории речевых актов, аргументации и полифонии как часть прагматического подхода к языковым структурам.

В дискурсе используется целый ряд средств коррекции коммуникативной установки высказывания, его иллюктивной направленности. Некоторые из них приобретают такие функции в определенных структурах. Такова роль предикативного отрицания в ОВП, где оно не выражает негативный характер связи подлежащее-сказуемое, тогда как в утвердительном предложении отрицание имеет определенную референтную отнесенность. В широком смысле слова отрицание в ОВП выполняет метаязыковую функцию. Кроме предикативного отрицания, в этой роли используются слова и сочетания слов, содержащие негативную сему или приобретающие отрицательное значение в определенном контексте (*n'est-ce pas*, *non*, *vraiment*, *hein* и др.). Например: *Il fait beau, hein?*

Рассматривая типовые проблемные ситуации, в которых используется ОВП с отрицанием, исследователи принимают во внимание прежде всего формы *ce n'est...pas* (*ce...personne*). В этом случае разграничиваются несколько планов анализа ОВП. Так, различаются два плана /8/, которые в общих чертах соответствуют пресуппозиции и пропозиции. Второй план (П2) представляет предварительное мнение говорящего о пропозиции, а сам вопрос интерпретируется как первый план (П1) речевого акта. П2 непосредственно мотивирует П1. В зависимости от положительного или отрицательного содержания П2 изменяется общая стратегия говорящего при вербальном взаимодействии, которая проявляется, в частности, в ориентации П1 на определенный ответ.

Представляя своеобразную обобщенную ситуационную модель ОВП с отрицанием, К.Мюллер фактически описывает когнитивный образ денотативного плана, поскольку когнитивные образы являются формой отражения денотатов в интеллекте /4:70/.

Возможно выделить следующие семантико-прагматические модели реализации ОВП с отрицанием /-p?/: 1. /-p?/ с положительным П2:

а) /-p?/, направленные на подтверждение: *N'es-tu pas de mon avis?* - *Si, effectivement*. П2 предполагает утверждение типа: *"Il est de mon avis"*. Подобные вопросы в рамках теории полифонии /6/ расцениваются как аргументативные, где говорящий уверен в правильности утверждения П2, но речевой акт сомнения приписывает собеседнику.

б) /-p?/, направленный на отрицание. А.Борийо /5/ отмечает, что подобные вопросы могут быть заданы в том случае, если утверждение П2 является недостаточно достоверным в условиях "когнитивного дефицита", когда говорящий не уверен в истинности П2, и поэтому сам вопрос предполагает отрицательный ответ: *-Je voudrais*

aller à la gare, mais je ne reconnais plus mon chemin: est-ce que je ne suis pas dans la bonne direction? Предполагаемое утверждение П2: "Je suis dans la bonne direction".

2. /-p?/ с отрицательным П2: а) /-p?/, направленные на подтверждение: -Tu ne reconnais personne? -Non, effectivement. П2: "П не reconnaît personne". В данном случае возможно представить употребление П1 как обычного ОВП /p?/. Однако, такой вопрос будет направлен на подтверждение. При этом изменятся коммуникативная стратегия и сам вопрос П1: -Tu reconnais quelqu'un?

Особый случай представляют ОВП с имплицитным отрицанием, когда вопрос сохраняет негативную ориентацию. Например: -Est-ce que Paul a jamais levé le petit doigt pour t'aider? Поскольку подобные вопросы расцениваются как риторические, имплицитное отрицание сохраняет свою референтную отнесенность. Ср. соответствующее ПП: -Paul n'a jamais levé le petit doigt pour t'aider.

В заключение отметим, что типовые структуры ОВП являются потенциально многозначными. В дискурсе их коммуникативная установка может варьироваться при разной степени соответствия синтаксической формы и содержания. В коррекции коммуникативной установки ОВП (его иллокутивной направленности) предикативное отрицание участвует неоднозначно: некоторые модели ОВП предполагают подтверждение, некоторые — отрицание. Такая метаязыковая роль отрицания отличается от его референтной роли в риторическом вопросе.

Определенные возможности вариаций подобных обобщенных моделей, но вне конкретного контекста, рассматривают А. Борийо /5/, В.А.Косарева /2/, Л.Л.Дроботова /1/, принимая во внимание, с одной стороны, разные способы выражения коммуникативной вопросительной установки, с другой — различные формы выражения отрицания.

Список литературы: 1. Дроботова Л.Л. Семантика и функции вопросительных предложений с отрицательной формой сказуемого в современном русском языке. Автореф. канд. дисс... Ростов-на-Дону, 1983; 2. Косарева В.А. Вопросительно-отрицательное предложение в современном английском языке. Автореф. канд. дисс... Л., 1982; 3. Минкин Л.М. К взаимоотношению языковых и речевых тенденций // ИЯШ. 1984, №4; 4. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983; 5. Borillo A. La négation et l'orientation de la demande de confirmation // Langue française. Décembre, 1979; 6. Ducrot O. La valeur argumentative de la phrase interrogative // Logique, argumentation, conversation. Fribourg, 1981; 7. Moeschler J. et al. Langage et pertinence. Nancy, 1994; 8. Muller C. La négation comme jugement: une application aux interrogatives // La Négation. Nanterre. Numéro spécial de LIX, 1994.

Э. Г. Паповяни, канд. филол. наук /Харьков/

РЕЧЕВЫЕ АКТЫ ЗАПРЕТА И ИХ СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ

Подход к речевому акту (РА) как к способу достижения определенной цели и рассмотрения под этим углом зрения используемых языковых средств — главная особенность теории речевых актов. В современной прагма-лингвистике существует большое количество исследований, посвященных различным типам РА. Отсутствие системного описания РА запрета (прогитива) обусловило правомерность его детального изучения.

В данной статье будет определено место РА запрета в системе РА, а также будет описание его сущностных характеристик и условий реализации.

Анализ наиболее известных классификаций показал, что наиболее эксплицитно РА запрета представлен в классификациях А.Вежицкой и М.Я.Гловинской. А.Вежицкая /1/ предложила классификацию различных типов высказываний, разбив речевой универсум на 36 групп глаголов, среди которых автор выделяет и группу глаголов запрещения.

Аналогичный принцип лежит в основе классификации М.Я.Гловинской /2/, которая, распределяя глаголы речи по типам РА, выделяет "запреты" в отдельный класс. Основную цель запретов она определяет как "не дать совершиться нежелательному действию, предотвратить его", а основой всех запретов считает понятие "нельзя".

Релевантной для определения места прогибитива в системе РА является классификация Г.Г.Почепцова /3/. Среди пяти прагматических типов предложений автор выделяет директив. В рамках директива выделяются подклассы "реквистива" (просьб) и инъюнктив (приказов). Именно значение инъюнктов "Я приказываю" позволяет говорить о его тесной взаимосвязи с содержанием и значением рассматриваемого РА, ибо запрет может быть определен как отрицательный приказ.

Исходя из вышесказанного, можно считать запрет разновидностью инъюнктива, входящего в базисный класс директивных иллокутивных актов. Что же касается директива — то это важнейший тип РА, который находит отражение во многих известных таксономиях /4,6,7/.

Одним из главных компонентов характеристики любого РА является иллокутивная цель. Для РА запрета характерна директивная иллокутивная цель, так как замысел, присущий данному РА, состоит в попытке заставить слушающего не поступать тем или иным образом, и тем самым реализовать линию действий, репрезентированную пропозициональным содержанием.

Для РА запрета характерна заинтересованность говорящего в выполнении каузируемого действия, который, как правило, занимает доминирующую позицию по отношению к адресату. Говорящий выступает в активной, наступательной роли, поскольку именно он стимулирует слушающего "прекратить действие, а также не совершать определенных действий в будущем" /5:95/. Однако говорящий не может прогнозировать реакцию адресата, которая может быть либо положительной, либо отрицательной. Каким же условиям должно удовлетворять высказывание, чтобы функционировать в качестве запрета?

Пусть говорящий Г произносит запрет П в присутствии слушающего С. Тогда при произнесении П Г запрещает С делать нечто, если:

- 1) П произносится в контексте достаточно большого речевого отрезка, произнесение которого предугадывает будущий акт слушающему С;
- 2) Существует так называемая "предыстория", которая объясняет причину возникновения запрета, иначе интенция будет необоснованной;
- 3) П должен произноситься, только если Г замечает со стороны С нежелательные действия и хочет их прекратить или предотвратить;
- 4) П следует произносить, только если Г уверен, что С совершает действия, которые могут навредить С в будущем или в момент совершения;
- 5) П следует произносить, если Г уверен в правильности и правомерности своего П;
- 6) С намерен выполнить требования Г и прекратить выполнение нежелательного действия. Однако, даже если С не намерен прекратить выполнение действия, то все равно правило искренности соблюдено, т.к. основная задача акта — запретить С совершение определенного действия — выполняется.

Учитывая все вышеизложенные соображения, представляется возможным дать следующее определение РА запрета. РА запрета — это иллокутивный акт, представляющий волеизъявление говорящего относительно невыполнения действия. Таким образом, семантическая структура прогибитива имеет следующий вид: волеизъявление + {отрицание + (пропозиция)} /5:107/.

Группа прогибитивных актов с родовым названием "запреты" неоднородна и включает несколько видов. Каждый вид запрещения имеет свои дифференциальные признаки, однако все они объединены общностью пропозиционального содержания директивных иллокутивных актов. По семантическому критерию в группе прогибитивов, например, можно выделить такие семантические виды, как: 1) запрет-приказ; 2) запрет-распоряжение; 3) запрет-инструкция; 4) запрет-угроза; 5) запрет-совет.

Высказывание может квалифицироваться как запрет-приказ, если оно является предельно категоричным указанием, распоряжением не выполнять какое-либо действие. При этом подразумевается, что выполнение действия нежелательно для говорящего, слушающего или обоих одновременно, а также присутствуют эксплицитные или имплицитные указания на вред, ущерб, опасность, которые ожидают собеседников в случае невыполнения приказа. Данный вид запрещений имплицитно подразумевает наказание в гораздо большей степени, чем остальные члены данной группы прогибитивных актов. No retreat! Do you not know that an

officer should be with his troops? /Hemingway/. The bridge is not to be blown up! /Hemingway/.

Запрещение-распоряжение близко по семантике и прагматике действия к приказу. Этот вид прескриптивного побуждения к действию и его невыполнение всегда влечет за собой санкции, различные вследствие позиционных возможностей адресанта наказать адресата за невыполнение действия. В РА данного вида запрещение может осуществляться как в интересах говорящего, так и в интересах адресата или любого третьего лица. Приоритет источника побуждения базируется на статусных различиях между коммуникантами (взрослый-ребенок, начальник-подчиненный и т.д.). My orders are to let no one into the building /Maugham/. The administration of our clinic prohibits the patients from writing letters, Neely /Susann/.

Запрет-инструкция характеризуется тем, что в роли источника побуждения выступает не говорящий, представленный конкретным лицом, а коллектив. Приоритет, которым обладает данный источник по отношению к адресату, базируется на знаниях о ходе выполнения действия. Инструкция, в отличие от приказа, является косвенным видом побуждения. Неследование инструкции может быть наказано как прямо, так и косвенно.

Действие, к осуществлению которого побуждает запрет-инструкция, однозначно бенефактивно для адресата. Инструкция существует только в письменной форме. The iron should never be left unattended while it's connected to the mains supply; Do not unplug the iron by pulling on the supply cord.

При запрещении-угрозе говорящий пытается добиться невыполнения определенного действия путем использования своей власти или оказания давления на слушающего, обещающая слушающему последствия нежелательные для него. Причем, причиной этих последствий является отказ или нежелание слушающего следовать линии поведения, предлагаемой говорящим. Don't let any Helen Lawson creep in or we'll throw you out /Susann/.

Запрещение-угроза не всегда корректно по отношению к слушающему, чаще всего, слушающего заставляют делать что-либо, не входящее в его планы. Nelly, you mustn't get thin, otherwise we'll fire you /Susann/.

Цель запрещения-совета не совершать определенное действие — предостеречь слушающего от опасности, грозящей ему в случае совершения этого действия, или нежелательности, неуместности этого поступка. Данный вид запрещения не подразумевает обязательного указания на причины нежелательности и возможные последствия, хотя они и могут быть даны. You are not allowed to get tan, because it's bad for technicolor /Susann/; You mustn't take things too seriously /Cristie/; Sleep cure only: she has had enough barbiturants already, let her sleep /Susann/.

Что касается семантической дифференциации внутри класса прогитивов, то следует отметить, что границы между отдельными видами не жесткие, а довольно размытые. Окончательным решающим фактором для определения того или иного вида служит в устной речи интонация, а в письменной — контекст.

Список литературы: 1. Вежбицкая А. Речевые акты // НЗЛ., М., 1985, вып. 16, С.251-276. 2. Гловинская М.Я. Русские речевые акты и вид глагола // Логический анализ языка. - Вып. 5. - Модели действия. - М., 1992. 3. Иванова И.П., Буракова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981. 4. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // НЗЛ, М., 1986 - Вып.17, С.170-194. 5. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986. 6. Leech G.N. Principles of pragmatics, L., N.Y., 1983. 7. Searle G.R. and Vanderveken D. Foundations of illocutionary logic. Cambridge, Mass, 1985.

В. Г. Пасынок, канд. пед. наук,
С. И. Цветков /Харьков/

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМОВ ВОСПРИЯТИЯ ЗРИТЕЛЬНОГО ОБРАЗА (ТЕКСТА) ПРИ СКОРОЧЕНИИ

В последнее время психологический анализ механизмов восприятия при скорочтении трактуется рядом исследователей как психологическая алгоритмизация (поэлементное описание) процессов. Отсюда — разработка методов ускорения чтения характеризуется как перспективное направление прикладных психологических исследований.

Таким образом, исследования, затрагивающие проблемы скорочтения, определяют его психологические принципы как приемы и способы постижения максимальной скорости чтения, основанные на понимании психических процессов, происходящих во время чтения, умственных действий, совершаемых читающим, учете наиболее благоприятных условий для эффективности чтения.

Овладение скорочтением предполагает возможность восприятия сложного сигнала (объема текста), его осмысление, оценку и усвоение в предельно короткий срок. Теоретически это осуществимо, поскольку в отличие от слухового восприятия, ограниченного развернутой во времени последовательностью чередующихся звуков, зрительное восприятие любого текста, попадающего в поле зрения, фактически может быть реализовано мгновенно и ограничивается во времени лишь традиционными методами считывания, рекомендующими разделение, дробление целого на отдельные последовательные смысловые единицы.

В 80-е годы берет свое начало и успешно развивается так называемый постулат непосредственности восприятия стимульной информации. То новое, что вносит в психологию восприятия этот метод, можно свести к следующему: теоретически обоснованно и экспериментально доказано, что положение шумового фона при тех же текс-объектах и для той же решаемой задачи ведет к сужению пространственной зоны восприятия, внутри которой выполняется данная задача — распознавание текста, причем степень сужения тем больше, чем, во-первых, уровень сигнала, а во-вторых, объем текстового материала и, в-третьих, сходство ритмики звукового сигнала и ритмики речи текста /3/.

Обобщенные данные показывают, что для эффективного восприятия текста при обучении скорочтению необходимо принимать во внимание и учитывать динамические стереотипы или психологические установки, под которыми понимается готовность воспринимать и действовать в некотором, уже выбранном и усвоенном направлении. Можно выделить следующие стихийно выработанные и фиксированные повседневной практикой у большинства людей установки, подлежащие переделке и замене на противоположные при обучении скорочтению; а именно, установка на озвучивание, внутреннее прослушивание, а также на проговаривание, внутреннее произнесение, при зрительном восприятии текста. Поэтому должна быть выработана установка на зрительное восприятие текста с подавлением слуховых и моторных установок.

Еще в 1981 году было установлено, что в режиме чтения функциональное поле зрения смещено вправо от направления зрительной оси, т.е. фактический центр зрительного восприятия оказался на границе функционального поля зрения, а левая половина сетчатки бездействовала. Такой сдвиг действительно носит функциональный характер и определяется направлением процесса чтения: у одного и того же человека, владеющего двумя языками (английский и иврит), чтение на которых идет в разных направлениях (соответственно слева направо и справа налево), поле зрения было сдвинуто в первом случае вправо, а во втором — влево от зрительной оси /2/.

Этот результат подтверждают и данные А.Р.Ярбуса и Г.И.Рожковой, которые ставили на глаз испытуемых центральные заслонки, т.е. блокировали фoveальные и парфовеальные области сетчатки. В этих условиях рассматривание, чтение и даже опоз-

навание протекали вполне нормально при диаметре заслонок 10—15 градусов и даже 30 градусов /1/.

Характерны высказывания наблюдателей, которым в этих условиях казалось, что "заслонка сдвинута в сторону и они имеют возможность видеть центром".

В свете этих наблюдений уже не кажется столь парадоксальной мысль, что центральное зрение (взор) не привязано жестко к центру т.н. поля зрения.

Установленные в данных исследованиях закономерности очень важны для понимания процесса механизмов восприятия при скоротечности. Как показала экспериментальная проверка, не эффективно построчное "последовательное" рассматривание текста с движением глаз слева направо. Преодоление этой установки основано на выработке навыка видеть одновременно максимально возможный объем текста за счет перемещения глаз сверху вниз в правой трети текста.

Более детальный анализ научных исследований за последнее десятилетие о восприятии динамических событий, социальной перцепции предлагает учитывать, что устройство, управляющее процессом чтения — головной мозг — поэтому и является центральным причинным фактором, что именно его деятельность определяет следственное поведение всех периферических концов анализаторов.

Очевидно, именно в функциях коры головного мозга надо искать те ключевые причинные факторы, которые определяют в конечном счете скорость и эффективность чтения. Установлено опытами, что в нервных механизмах головного мозга прослеживается подсистема, обеспечивающая восприятие текстового материала с временем, равным 0,55 ... 0,04 с. Речь идет о непроизвольном запоминании. В условиях скоротечности, когда основные мыслительные процессы носят свернутый характер, роль непроизвольного запоминания особенно велика.

Согласно вышеприведенным исследованиям и нашим наблюдениям эффективно содействует восприятию зрительного образа двухплановое восприятие на уровне осознанного и неосознанного, т.е. при предъявлении зрительного сигнала на время $T = 0,02...0,04$ с.

Установлено, что изучение и определение особенностей механизмов восприятия у читающего-обучающегося при скоротечности свидетельствует о том, что их особенностью является необходимость учитывать и поэтому рассматривать психофизиологические особенности восприятия одновременно.

Анализ механизмов восприятия при скоротечности показал, что в скоротечности участвуют зрительный и речедвигательный анализаторы, причем целостное восприятие не является результатом объединения ощущений, хотя и зависят друг от друга.

Следовательно, во-первых, для устойчивого и полного восприятия информации при скоротечности необходимо избавиться от внутренней артикуляции, затрудняющей процесс восприятия, не прибегая к шумовому — звуковому подавлению. Это может быть достигнуто сжиманием губ, сжиманием зубами какого-либо предмета, широким открыванием рта во время чтения при возможно более пассивном положении языка и голосовых связок; во-вторых, необходимо отметить, что чем более сложен текст, тем большая информационная нагрузка должна приходиться на единицу площади функционального поля зрения и тем меньше должен быть его объем; в-третьих, предъявляемые для обучения скоротечному тексты должны быть представлены в виде столбцов (колонок, расположенных в правой трети страницы) экрана дисплея; в-четвертых, при обучении скоротечному переводным способом предъявлять на экране дисплея на время $T = 0,02...0,04$ с. перевод данного текста на родном языке. Вариант — другого цвета.

Список литературы: 1. Лурия А.Р., Правлина-Ванарская Е.Н., Ярбус А.Л. К вопросу о механизмах движений глаз в процессе восприятия и их патологии // Вопросы психологии. - 1961. - № 5. - С. 159-172. 2. Pollatsek A., Well A.D., Rayner K. Asymmetries in the perceptual span for Israeli readers // Brain and Lang. 1991. Vol. 14. P. 174-180. 3. Senders I.W. Speculation and notions // Eye movements and psychological processes. N.Y., 1986. P. 355-366.

Ю. Г. Перлина, канд. филол. наук /Днепропетровск/

РАЗНОВИДНОСТИ НАМЕКА В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЭПИГРАММАТИЧЕСКОГО ПУАНТА

На лексико-синтаксическом уровне в механизме реализации эпиграмматического пуанта задействованы такие приемы и средства, об алогичной сути которых в специальной литературе лишь вскользь встречаются разрозненные замечания, а между тем в эпиграмме они функционируют как алогизмы. К ним относятся каламбур (двойной смысл, игра слов), неожиданное столкновение понятий (оксюморон, зевгма), неожиданное столкновение формы и содержания (алогическая стилистическая связь и формы не прямой передачи мысли (ирония, намек).

Намек мы рассматриваем в соответствии с концепцией Л.В.Лисоченко как одну из форм выражения имплицитного коммуникативного смысла, то есть коммуникативную перифразу. Перифрастический оборот содержит скрытую ссылку на считаемый исходно известным предмет. Алогичность намека нам видится в том, что он содержит заранее запланированный, но намеренно скрытый, вербально не выраженный, но осознаваемый коммуникантами дополнительный смысл. Последний заведомо ориентирован на дискредитацию открыто выраженного смысла и его переоценку. Намек заостряет на себе больше внимания, чем прямое высказывание, допускает варианты домысливания и свободу переосмысления оценки референта тем, что он закреплён в тексте перифрастическим оборотом.

Относительно автономный в структуре текста элемент, намек создается средствами разных уровней и опознается по особым сигналам. Наиболее показательны параграфемные знаки — графические средства, выделяющие непредсказуемую часть высказывания /2:13/, а также конъюнктивные и императивные формы глаголов. Типичными для эпиграммы стилистическими средствами актуализации намека являются литота, антономазия, пародийное преломление аллюзий, трансформация фразеологизмов, комические тропы, двойной смысл. Часто намек срабатывает в тандеме с иронией, являясь импульсом к ироническому переосмыслению текста.

Непременным условием реализации намека является наличие у автора и реципиента общей коммуникативной пресуппозиции и мобилизация пресуппозитивных знаний последнего для адекватного восприятия смысла. Концепт произведения создается в результате сплава информации, эксплицированной в тексте, имплицированной в намеке, а также внетекстовой информации пресуппозитивного уровня. Не обладающий необходимым объемом пресуппозитивных знаний реципиент терпит коммуникативную неудачу.

Эпиграммы изобилуют намеками. Особенно заметны они в произведениях Г.Е.Лессинга. Приведем одну из рефлексий поэта, где косвенно запечатлена мысль о недосказанности как необходимом структурном элементе эпиграммы:

Abschied an den Leser

Wenn du von allen dem, was diese Blätter füllt,

Mein Leser, nichts des Dankes wert gefunden:

So sei mir wenigstens für das verbunden,

Was ich zurückbehielt. /3:44/.

В эпиграммах прием намека представлен четырьмя вариантами, которые с лингвистической точки зрения отражают разные способы языковой репрезентации заложенного смысла с различной степенью его имплицитности. Ими являются: а) намеренные смысловые пропуски; б) аллюзии; в) свободные перифрастические обороты и г) скопление намеков. В текстах они функционируют чаще всего во взаимодействии.

а) Намеренные смысловые пропуски (лакуны) содержат, как правило, имплицитный пресуппозиционный смысл (значение само собой разумеющихся пресуппозиций) со статичной импликацией (то есть информация необязательно восстанавливается в воспринимающем сознании реципиента)/1:41/. Необходимая для успешного коммуникативного акта информация подается заведомо неполно, в так называемом высказывании-компрессиве /там же:16/. Это побуждает реципиента восполнять намеренные смысловые пробелы самостоятельным домысливанием. Наиболее показательны намерен-

ные смысловые пропуски, четко обозначенные графически троеточием и другими функционально эквивалентными умолчаниям графическими средствами:

Auf - - -

Dem schlauesten Hebräer in B.

Dem kein Betrug zu schwer, kein Kniff zu schimpflich... /3:49/.

Лакуны восстанавливаются сноской: Gemeint ist der französische Dichter Francois-Thomas-Marie Baculard d'Arnaud, der durch Intrigen Voltaires aus Berlin vertrieben wurde /1:591/.

Подобный же эффект намска создают семантически полные лексемы, например:

Auf einen gewissen Leichenredner

O Redner, dein Gesicht zieht jämmerliche Falten,

Indem dein Maul erbärmlich spricht.

Eh du mir sollst die Leichenrede halten,

Wahrhaftig, lieber sterb ich nicht! /там же:34/.

Только ссылка в конце сборника проливает свет на то, что написана эта эпиграмма на самого себя: Dem Bericht Karl Gotthelf Lessing in der Biographie seines Bruders zufolge schrieb Lessing dieses Epigramm auf sich selbst... Статичность импликации заключается в том, что смысл текста в целом воспринимается реципиентом при отсутствии ссылки, пусть и без полного восстановления конкретного имени референта.

б) Аллюзии — семантически более емкие за счет широкого импликационала и номинативно-квалификативной функции компонента создания имплицитного коммуникативного смысла /1:24-25/. Пользуясь терминологией Л.В.Лисоченко, мы видим в аллюзии, с одной стороны, компрессию (поскольку в одном слове или словосочетании может быть имплицирован очень большой объем информации), а с другой — перифразу (так как, в отличие от лакун, номинация предмета осуществляется иносказанием). Поэтому мы считаем аллюзию перифразой-компрессионом.

Условием актуализации аллюзии также служат знания пресуппозиционного уровня, но при этом степень осведомленности адресата играет первостепенную роль. В случае отсутствия в сознании реципиента научных, социальных, бытийных и т.п. знаний, на которые рассчитывал адресант, коммуникативный акт вовсе не состоится. Характер импликации здесь динамичный, поскольку она выполняет функцию операциональной пресуппозиции вывода имплицитного смысла /там же:17/. Алогичность преломления аллюзий в текстах усматривается в сдвиге смысловой и стилистической направленности известных изречений /4:14/, а также в контрасте между старым и новым, привнесенным в общеизвестное содержание. В эпиграмме пародийное преломление аллюзий осуществляется, как правило, за счет того, что элемент, располагающий аллюзивным потенциалом, не только вводится в контрастный по своему семантико-стилистическому фону текст, но и трансформируется, заполняя новые компоненты. При этом смысловая несовместимость не исключает, а подразумевает устойчивые ассоциативные связи. Например:

Auf das Wörterspiel

DaB keine schlichten Wort' ein Pegnitzschäfer* spricht,

DaB er die Freund' und Lust "der Sinnen Sonne" nennt,

Und für ein "Stirngestirn" Phyllis Aug' erkennt,

Verwundert mich im mindesten nicht.

Denn wenn an diesem fruchtbar'n Ort,

Wo schnatternd alle Gäns'in Schwanen sich verkehren,

Parnassus schwanger ist, so pflegt er zu gebären

Statt einer Maus** ein Zwillingswort. /Wernicke Chr., 5:5/.

Без специальных историко-мифологических сведений адекватное восприятие аллюзивных знаков невозможно, поэтому они в необходимом объеме приводятся в сносках: *) Das ist ein Mitglied einer poetischen Genossenschaft, die unter dem Namen eines "Hirten- und Blumenordens an der Pegnitz" 1644 von Harsdörfer und Klaj su Nürnberg gestiftet wurde. **) Horazischen: Parturiunt montes, nascetur ridiculus mus (ср. рус. = гора родила мышь). Острота эпиграммы, высмеивающей витиеватый стиль поэтов известного литературного общества 17 в., строится на : 1) развернутой двойной

аллюзии на поэтов — членов общества “Орден пастухов на Пегнице” и на известный стих Горация; 2) аллегории (бесталанные поэты превращаются в гениев); 3) игре слов “der Sinnen Sonne”; “Stirn-Gestirn”; 4) коннотации через литоту *verwundert mich im mindesten nicht*; 5) несоответствию высокого поэтического стиля изложения тривиальному предмету в целях пародирования высокопарного слога горе-поэтов; 6) экспрессивной начальной *Wörterspiel, keine schlichten Wort* и экспрессивной конечной позиции коммуникативно нагруженной лексики *Zwillingswort* с семой отрицательной оценочности “излишней перегруженности, избыточности”; 7) сцепления (с точной рифмой *spricht - nicht; rennet - erkennt; verkehren - gebären; Ort - Wort*). Первые пять из них — алогизмы.

в) **Свободные перифрастические обороты** — дискурсивно восполняемые высказывания — перифразы с имплицитной имплицативной семантикой, содержащие имплицитный коммуникативный смысл /1:6/. Как правило, они строятся по образцу алогических выражений. Важно отметить, что в такого рода перифразах опускаются именно те суждения, которые соотносятся с основной авторской задачей. При этом пропуски существенных для вывода посылок конструируются намеренно, так как экспликация недостающих суждений повлекла бы за собой потерю комического эффекта. Импликация здесь носит динамический характер, поскольку адекватное декодирование концепта возможно только при условии развертывания имплицитного коммуникативного смысла. Например:

Originalwerk

Sein Eigentum ist ganz und gar
Das tiefe Werk, das er geschrieben;
Befragt nur der Verleger Schar:

Es ist sein Eigentum geblieben. /Kalbeck M., 6:22/.

Последний стих является свободным перифрастическим оборотом начала произведения. Шлагзац эпиграммы построен по принципу энтимемы, в которой вербализована (в свою очередь, в компрессивном иносказании *Befragt nur der Verleger Schar*) большая посылка силлогизма “автор публиковал свои произведения в разных изданиях”, выпущена меньшая “Никто не купил ни одной книги” и эксплицирован вывод “Все книги остались собственностью автора”. Смысловой пробел коммуникативного смысла устраняется путем ввода промежуточного суждения “Никто не купил ни одной книги”. Эта вербальная часть текста послужит основой для формулировки концепта “Автор бесталанен” при условии, однако, что и другие приемы, участвующие в конструировании намека, будут адекватно идентифицированы. Это в двух случаях “двойной смысл”: 1) *Originalwerk* — а) подлинное произведение; б) творчество с претензией на оригинальность; в) оригинальное издание /= обеспеченное самим автором; 2) *sein Eigentum* — а) его достояние /= ни у кого не списано; б) его собственность /= не продано. Интенсификаторы — усилительные наречия *ganz und gar* — создают коннотацию. В ретроспективном прочтении весь текст воспринимается с отрицательной эмотивной оценкой, что свидетельствует о его ироническом переосмыслении. В общей сложности, в комбинацию приемов, создающих разоблачающую бесталанность референта остроту, входят: намек в виде перифрастического оборота по типу энтимемы, двойной смысл, коннотация, ирония, экспрессивная конечная позиция коммуникативно нагруженных лексем *sein Eigentum geblieben*, сцепление (в виде перекрестной рифмы *gar - Schar, geschrieben - geblieben*). Первые четыре по своей природе алогичны.

г) **Скопление намеков** и взаимодействующее функционирование их в одном тексте уже подробно описано ранее /7:143-145/. В таких случаях каждая форма намека содержит определенную часть пресуппозитивной информации или коммуникативного смысла.

Приведенный материал наглядно иллюстрирует разнообразие модификаций приема “нарек” как алогизма в механизме реализации эпиграмматического пуанта.

Список литературы: 1. Лисоченко Л.В. Высказывания с имплицитной имплицативной семантикой в дискурсе (языковой, логический и прагматический аспекты): Автореф. дисс. ...докт. филол. наук. - Краснодар, 1993. 2. Кравченко Н.К. Система речевых средств актуализации подтекста в русской публицистической речи (газетно-публицистический комментарий): Автореф. канд. дисс. - К., 1990.

3. Lessing G.E. Epigramme und Epigrammtheorie // *Gesammelte Werke und Briefe in 12 Bänden*. - Bd. 1. - Berlin; Weimar: Aufbau, 1981. - S.7-186. 4. Буйницкая Т.А. Языково-стилистические средства юмора и сатиры в публицистике Эгона Эрвина Киша: Автореф. канд. дисс. - Львов, 1967. 5. Köpert H. Satirische Epigramme der Deutschen von Opitz bis auf die Gegenwart. Nebst einem Anhang Über die Theorie und die Geschichte des Epigrammes. - Eisleben: Reihardt, 1863. 6. Deutsche Epigramme aus fünf Jahrhunderten/ Hrsg. v. K. Altman. München: Deutscher Taschenbuchverlag, 1969. 7. Перлина Ю.Г. Композиционно-стилистическая структура эпиграммы как типа текста (на материале немецких эпиграмм 17-20 вв.): Дисс. ... канд. филол. наук. - Днепропетровск, 1955.

Н. Ю. Петрищева /Харьков/

КОММУНИКАТИВНАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ В ФИНАЛЬНОЙ ФАЗЕ ДИАЛОГА

В последнее время в языкознании широкое распространение получила прагмалингвистика, в связи с чем диалог, как сфера непосредственного человеческого общения, неоднократно становился предметом исследования. Наиболее пристальное внимание уделялось смысловой фазе диалога. Однако не менее важную роль, на наш взгляд, играет и финальная фаза, т.к. она не только подводит итог всей предшествующей коммуникации, но и позволяет возобновить общение в дальнейшем. В связи с этим определенный интерес представляет изучение тональности общения в финальной фазе диалога.

Тональность общения трактуется как "социальное качество ситуаций общения, определяемых степенью соблюдения этических норм взаимодействия коммуникантов" /2:111/.

Вид тональности общения зависит от коммуникативной установки говорящих, их социальных ролей, возраста, степени образованности и от обстановки общения.

В диалогической речи выделяются две основные коммуникативные установки: ориентация на сотрудничество и ориентация на конфликт. В соответствии с ними выделяют два основных вида диалога: диалог-сотрудничество и диалог-конфликт. Информационное содержание, интонационное, лексическое и параречевое оформление каждого из видов позволяют, в свою очередь, подразделить диалог-сотрудничество на диалог-унисон и диалог-объяснение, а диалог-конфликт на диалог-спор и диалог-ссору /1/.

Для финальной фазы диалога-сотрудничества характерна позитивная тональность, которая может быть повышенно-вежливой, вежливой, нейтральной, дружеской и фамильярной.

Повышенно-вежливая тональность общения характерна для лиц пожилого возраста, имеющих высшее образование. Она употребляется, в основном, в официальной обстановке общения. Симметрия/асимметрия социальных ролей коммуникантов в данном случае решающего значения не имеет. У мужчин повышенно-вежливая тональность выражается интонационным оформлением высказывания (которое описывается как "уважительное", "почтительное") в сопровождении типизированного жеста приподнимания шляпы и/или поклона. У женщин, помимо соответствующей интонации, высказывание может сопровождаться наклоном головы.

Liza: Good-bye, Freddy.

Freddy raises his hat.

Вежливая тональность общения характерна для коммуникантов любого возраста и пола в официальной обстановке общения при симметричных социальных ролях. Этот вид тональности проявляется в употреблении нейтральных этикетных формул прощания, дополненных типизированным жестом рукопожатия (жест присущ как мужчинам, так и женщинам).

Freddy (Comes to Mrs Higgins): Good-bye.

Mrs Higgins (Shaking hands): Good-bye.

Нейтральная тональность общения присуща коммуникантам любого возраста и пола вне зависимости от степени образованности. Симметрия/асимметрия социальных ролей говорящих и официальность обстановки общения решающего значения не имеет. Использование данного вида тональности указывает на то, что собеседники либо недостаточно хорошо знают друг друга, либо не удовлетворены результатами предшествующей коммуникации, но достаточно воспитаны, чтобы не демонстрировать этого.

Нейтральную тональность общения характеризует отсутствие типизированных жестов и нейтральная интонация:

Mrs Iceford Hill: Well, I think it's time for us to go.

Дружеская коммуникативная тональность употребляется как в официальной, так и в неофициальной обстановке общения при симметричных ролях говорящих. Она указывает на то, что собеседники хорошо знают друг друга.

— Well, I'll be getting on now.

— Hope to hear from you in a day or so.

Данный вид тональности выражается посредством употребления нестандартизированных фраз ("Halleluia", "Woobey-do") или разговорных формул (Good luck", "See you") в сопровождении типизированного жеста похлопывания по плечу (у мужчин) или воздушного поцелуя (у женщин).

При асимметрии социальных ролей, дружеская тональность более характерна для старшего по положению, в то время как подчиненные обычно придерживаются нейтральной тональности.

— Keep well, guys!

— Good night, sir.

Фамильярная тональность общения обычно наблюдается в неофициальной обстановке общения между равными по положению и возрасту собеседниками. Однако наше исследование показывает, что чем ниже образовательный уровень человека, тем больше вероятность неадекватного использования фамильярной тональности (в официальной обстановке общения или при разговоре со старшими по возрасту или положению). С определенной долей условности можно утверждать, что на фамильярную тональность указывают формулы "Enjoy yourself", "Have a good time", "Take care of yourself", дополненные поцелуями и объятиями (жесты типичны как для мужчин, так и для женщин).

Nina (Gaily): Now go on.

Nick (Takes her in his arms): Take care of yourself. (He kisses her).

Таким образом, ведущим средством выражения позитивной тональности, помимо соответствующей интонации, являются типизированные жесты: их набор ограничен и социально закреплён этикетом.

Финальная фаза диалога-конфликта выдержана, как правило, в негативной тональности. Негативная тональность может выражаться эксплицитными и имплицитными средствами. К имплицитным средствам выражения негативной тональности прибегают обычно коммуниканты с достаточно высоким культурным уровнем в официальной обстановке общения. К таким средствам относится употребление речевых актов, которые в обычной ситуации не несут интенции размыкания контакта, в функции формул прощания. Интонация в таких случаях подчеркнуто-нейтральная.

David: I don't think you are right. He just wanted to help!

Mary (Coldly): Excuse me. (Exits)

К эксплицитным средствам выражения негативной тональности прибегают коммуниканты любого возраста, пола и степени образованности обычно в неофициальной обстановке общения. Такими средствами является специфическое лексическое и интонационное оформление высказываний, имеющих своей целью оскорбить и уязвить противника. К лексическим средствам относится ирония, употребление вульгаризмов, грубых слов. Интонация в таких случаях описывается как "гневная", "вызывающая", "язвительная", собеседники говорят "на повышенных тонах". Невербальное сопровождение при этом индивидуально и не имеет смысловой нагрузки. Это скорее выход эмоций, чем средство общения.

Laura: All right, if you love the garbage pail better than you do your wife, you can live with it! (Flings her towel on the floor and exits).

Gordon (Stands irresolutely at the sink, then tears off his apron, throws it on the floor and goes out, slamming the door).

Итак, в нашей статье были рассмотрены различные виды коммуникативной тональности, факторы, от которых она зависит и средства, которыми она выражается. Мы выяснили, что в зависимости от коммуникативной интенции говорящих тональ-

ность может быть позитивной и негативной. Позитивная тональность общения выражается обычно эксплицитными средствами и может быть повышено-вежливой, вежливой, нейтральной, дружеской и фамильярной. Негативная тональность может выражаться как эксплицитными, так и имплицитными средствами (в зависимости от обстановки общения). Средствами выражения коммуникативной тональности является лексическое, интонационное и жестовое оформление высказывания. Факторами, оказывающими большое влияние на выбор тональности, является обстановка общения, социальные роли говорящих, их возраст, пол и образовательный уровень.

Список литературы: 1. Соловьева Л.К. О некоторых общих вопросах диалога // Вопросы языкознания. - 1965. - № 6. 2. Фурмановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методологический аспекты. - М., 1987.

Л. С. Пихтовникова, канд. филол. наук /Харьков/

БАСЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО Й.Г.ГЕРДЕРА В ЭВОЛЮЦИИ НЕМЕЦКОЙ СТИХОТВОРНОЙ БАСНИ (системно-стилистический аспект)

Эпоха Просвещения в Германии (XVIII век) была представлена целой плеядой талантливых поэтов-баснописцев. Среди них: Ф.Ф.Хагедорн, Кр.Ф.Геллерт, М.Г.Лихтнер, Й.В.Л.Глейм, Г.К.Пфеффель, Г.Э.Лессинг. Басня была для них не только предметом творчества, но и объектом исследования. При всем многообразии тем, затронутых в баснях этих авторов, наряду с индивидуальностью их стиля, есть нечто общее и в тематической направленности их басен, и в их стиле. Во-первых, обобщенные образы-символы басен /5/ группируются вокруг сравнительно небольшого количества тем. Это — критика негативных человеческих качеств, особенно неприемлемых для просветителей, а также — социальная критика. Во-вторых, в баснях этих авторов создание обобщенных образов-символов происходило, в основном, с помощью расширенного сюжета. В текстах этих басен воплощались стилевые черты: пространственность, повествовательность, диалогичность, драматичность, монологичность, т.е. все те, которые присущи эпическим жанрам. "Насыщение" смыслом образа-символа басни происходит при этом равномерно на всех композиционно-стилистических уровнях: на содержательном (наличие мотивов противоборства персонажей, их конфликта, кульминации развития действий и т.п.), на формально-содержательном уровне (полный набор композиционно-речевых и архитектонико-речевых форм), на образно-символическом уровне (микрообразы, полярные персонажи) и на формальном (строфичность, астрофичность, ритмичность). Мораль в этих баснях (имплицитная или эксплицитная) лишь подытоживало то, что было подготовлено в рамках сюжета и, таким образом, исполняла оформительскую функцию для образа-символа, но не смыслообразующую. Тем самым никогда не удавалось полностью избавиться от дидактичности басни, что являлось традиционно одной из главных ее функций и что снижало бы художественную ценность стихотворных басен этого периода, если бы это не компенсировалось их поэтичностью, эстетичностью, образованностью, эмоциональностью, интеллектуальностью. Процесс преодоления моральной дидактики, начавшийся частично в творчестве Хагедорна, Геллерта, значительно усилившийся в баснях Лессинга, нашел завершение в теории басни и в басенном творчестве Й.Г.Гердера (1744-1803). В соответствии со своей теорией Гердер сочинил большое количество прекрасных басен и притч. Его краткие стихотворные басни представляют собой полную противоположность большинству басен Хагедорна, Геллерта, Лихтнера и Пфеффеля, отличающихся подробным изложением сюжета и всякого рода отступлениями, описаниями, рассуждениями. Сюжетность басен Гердера сведена до минимума, введение в ситуацию ограничивается одной-двумя строками, диалог предельно лаконичен и динамичен. Басни лишены каких-либо намеков на мораль в значении "поучение". Выделенные своеобразные резюме басни — это, скорее, вопрос, обращение, призыв, предупреждение, про-

сьба, просто стусок мысли, абстрактный вывод с намеком на конкретные данности. Например, вывод басни "Zwei Auerstiere" звучит так: "Mein Vaterland (Deutschland!) In allen Welten träufst dein Blut, / und wem zugut?". В этой концовке басни есть и обращение, и страстный вопрос, а, в сущности, восклицание с призывом к Германии сплотиться.

Противопоставленность басен Гердера басням названных баснописцев и, можно сказать, басням почти всех поэтов-баснописцев этого периода состоит также в отсутствии названий басен. Это, видимо, также объясняется принципами его теории басни. Гердер, в отличие от Лессинга, считает, что общее положение, вывод басни должен вытекать из действий персонажей, представляющих мир природы. Поэтому, на наш взгляд, не давая названия басням, Гердер тем самым избегает предвосхищения возможных выводов.

Несомненно, что в теориях и в басенном творчестве Лессинга и Гердера много общего. Они заложили основы краткой, более абстрактной и интеллектуальной басни, которая будет развиваться на протяжении двух последующих веков. И, хотя Лессинг согласно своим теоретическим взглядам на втором этапе своего басенного творчества стал писать лишь прозаические басни, а Гердер писал стихотворные басни, их объединяет одно общее: у Лессинга — краткая меткая проза, у Гердера — краткая меткая стихотворная форма. На наш взгляд, абстрактность и афоричность многих басен XX века были заложены именно Лессингом и Гердером.

Басни Гердера представляют также интерес как ступень в эволюции композиционно-стилистических структур стихотворной басни. На их материале, сравнивая с баснями других авторов XVIII века, можно показать конкретный механизм свертки сюжета басни, не приводящей, однако, к обеднению образа-символа. Последний остается инвариантным, неизменным по художественному воздействию, по смысловому насыщению.

В чем заключается механизм свертки? В баснях Гердера развитие действия представлено схематично, до минимума сведены сам сюжет, авторская речь и речь персонажей, в результате чего не определяются композиционно-речевые формы описательного характера, среди анализируемых басен не обнаружена строфическая форма. Таким образом, в баснях Гердера и на содержательном, и на формальном уровнях отсутствуют многие элементы, которые традиционны для басен его предшественников. Это можно объяснить прежде всего тем, что Гердер вообще не признавал дидактику, морализирование в искусстве /1; 2; 7/, что отразилось соответственно на выражении морального аспекта его басен. Поэтому в сюжете басни ему не требовалось обосновывать моральный принцип, утверждаемый образом-символом; отсюда — отсутствие многих традиционных элементов композиции на содержательном уровне. Мотивы действий персонажей, развитие действия обозначены лишь несколькими скупыми штрихами; противоборство, конфликт полярных персонажей, кульминация конфликта — весьма условны или отсутствуют вообще. Невнимание Гердера к изображению конфликта можно объяснить тем, что персонажи изначально представляют несоизмеримые силы и не могут вступать в открытую борьбу. Здесь, на наш взгляд, содержится принципиально новая возможность басен отражать несправедливую борьбу человека с невидимыми гигантами: экологией, мафией, плутократией и т.п. Именно эта литературная находка Гердера была воплощена в баснях XX века. Приведем в качестве иллюстрации басню Гердера, которая не имеет названия /8/: Der Hirsch sah sich im Bach. / "Wie prächtiges Gewein / und -eil- / wie dürre Beine! / Sind sie auch meine?" / Die Jagd klang, Feld und Wald klang nach. / Nun auf die Beine! / Die dürren sind die seine. / Sie retten ihn. Sein prächtiges Gewein / ist nicht sein. Es erhängt ihn im Gesträuch. / Der Jäger hat ihn gleich. ///

Verachte nicht dein armes Sein, / dein Glück. / Erhebe nicht den leeren Schein, / dein Unglück. / Im Mangel, nicht im Überfluss, / keimt der Genuss.

Возвращаясь к анализу композиционно-стилистической структуры басен Гердера, следует подчеркнуть, что сознательно ослабленная сюжетность басни с отсутствием многих традиционных элементов этой структуры не может создать художественно богатого, емкого, насыщенного содержанием образа-символа, который часто встречается в баснях, проанализированных нами ранее /5/. По мере исчезновения элементов

композиционной структуры соответственно уменьшается насыщение смыслом образа-символа. Методически важно понять, что это эквивалентно укрупнению масштаба, объема тех композиционно-стилистических средств, которыми создается образ-символ. Происходит укрупнение объема за счет потери содержания. Таким же образом ведет себя и образ-символ: укрупняется его объем, теряется содержание. В теории систем /4/ и в науке о саморазвитии систем (синергетике) /3/ о таких объектах как образ-символ говорят, что он ковариантен, т.е. преобразуется вместе с преобразованием координат, масштабов, объемов. Укрупняется масштаб, укрупняется и объект. С изложенной точки зрения легко объяснить, за счет чего образы-символы басен Гердера остаются содержательными, насыщенными, инвариантными. В любой басне Гердера имеется заключительная часть (иногда несколько), которую весьма условно можно назвать моралью, резюме. На самом деле, как правило, это новый мини-сюжет со своими действующими лицами, еще более пунктирными, абстрактными, чем в главном сюжете. Второй мини-сюжет является "разработкой темы" первого сюжета и происходит в человеческом пространстве, содержит иллюстрирующие аналогии с первым. Это — традиционная для басни аллегоричность, распространяемая и на мораль. Тем самым "моральный раздел" басен Гердера не просто подытоживает то, что приготовлено в сюжете, а и продолжает конструировать моральный принцип, продолжает насыщать смыслом и художественным содержанием образ-символ басни. Благодаря этому поддерживаются и улучшаются художественные качества образа-символа.

Согласно системной точке зрения, изложенной выше, в "моральных разделах" басен Гердера по мере обогащения их композиционно-стилистическими элементами разных уровней происходит дробление масштаба объемов этих элементов, а с ними — дробление, усложнение образа-символа. Последний противопреобразуется по отношению к укрупняющимся элементам основного сюжета, контравариантен этому преобразованию. Одновременные преобразования объекта (образа-символа), ковариантные по одним элементам и контравариантные по другим, дают так называемую свертку-инвариант /4/, устойчивый и неизменный при любой эволюции системы.

Данный подход дает методическую возможность анализировать инвариантность (или ее нарушение) любого элемента композиционно-стилистической структуры басни, рассматриваемой на длительных этапах эволюции. Данный системный подход к инвариантам крайне важен при синергетическом анализе басни, если ее рассматривать как самоорганизующуюся, саморазвивающуюся открытую систему. Однако такой анализ требует отдельного изложения.

Остается сделать ряд замечаний о содержании и характеристиках "морального раздела" басен Гердера. Уже говорилось, что такой "раздел" представляет собой мини-сюжет, нередко свернутый до афоризма, продолжающий насыщать смыслом образ-символ басни. Фактически это не узкое дидактическое наставление, как у предшественников Гердера, а моральный императив, который оставляет читателю намного больше свободы в трактовке. Этот императив выражается у Гердера одним из следующих способов: риторическим вопросом, афоризмом, действиями или состоянием персонажей, вызывающих определенные эмоции у читателя. В целом такая композиционная система как басня Гердера представляет собой двойную систему (два мини-сюжета, две мини-композиционные структуры) со сдвинутыми характеристиками: два мини-сюжета в басне аналогичны, но первый относится к традиционным басенным персонажам, а второй разворачивается в пространстве человеческих реалий. Системы подобного типа, их законы эволюции хорошо изучены в науках весьма отдаленных от лингвистики /6/. В частности, там показано, что бисистемы со сдвинутыми характеристиками при максимальной экономии ресурсов могут устойчиво выполнять предельно широкий спектр функций. Это еще один довод в пользу изучения эволюции стиля басни с системной точки зрения.

Список литературы: 1. Гердер Й.Г. Избранные произведения. М., 1959; 2. Гулыга А.В. Гердер. М., 1975; 3. Лоскутов А.Ю., Михайлов А.С. Введение в синергетику. М., 1990; 4. Петров А.Е. Тензорная методология в теории систем. М., 1985; 5. Пихтовникова Л.С. Композиционно-стилистические особенности стихотворной басни (на материале немецких басен XVIII века): Дисс. ...канд. филол. наук. -

К., 1992; 6. Саламатов Ю. Система развития законов творчества // Шанс на приключение /Сост. А.Б.Селюцкий. - Петрозаводск: Карелия, 1991. С.5-175; 7. Herber J.G. Fabel (Auszug) // Texte zur Theorie der Fabel / Leibfried E., Werle J; I-te Aufl. - Stuttgart: Metzler, 1978. - S.66-76; 8. Lindner H. Fabeln der Neuzeit: Kritische Information. England, Frankreich, Deutschland. Ein Lese-und Arbeitsbuch. - München: Wilhelm Fink, 1978.

И. В. Рубцов /Харьков/

К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ СТУДЕНЧЕСКОГО СЛЕНГА

В современном англоязычном мире существует огромное количество разнообразных субкультурных групп со своими нормами, ценностями, моралью и своим языком — сленгом. Панки, рокеры, бритоголовые, хиппи, новые романтики, байкеры — далеко не полный перечень экзотических и своеобразных молодежных течений современности, являющихся благодатным полем для культурологических, психологических, филологических, социологических и других исследований. Студенческая культура, не являясь столь экзотической, все же представляет собой не менее интересный объект исследований. Современное студенчество очень разнообразно по своему возрастному параметру, национальной и религиозной принадлежности, расе, этничности, социальному классу, материальному положению и академической подготовке. Одним из способов понимания такой своеобразной культуры является изучение ее сленгового вокабуляра. Калверт Воткинс в Словаре Американского наследия пишет, что “ни в коей мере не являясь идеальным зеркалом, языковой лексикон остается единственным наиболее эффективным путем подхода к пониманию культуры носителей данного языка” /1:2084/. Пауль Хенль /2:2/ отмечает, что изучение языка приобретает новое значение в социальных науках и становится первостепенным в изучении культуры.

Таким образом, анализ молодежного студенческого сленга может пролить свет на то, что на данном этапе является наиболее важным для студенческой молодежи, какие виды деятельности она предпочитает, каким принципам следует в своей жизни.

Анализу букв подвергнуты 900 лексических единиц американского студенческого сленга, зафиксированных на территории кампусов различных колледжей и университетов США на протяжении 1970-х — 1990-х годов. Материалом исследования послужили выборки из многочисленных молодежных периодических изданий, ряда научных публикаций американских культурологов и социолингвистов, а также ряда словарей современного американского сленга.

Лексические единицы, используемые студенческой молодежью, отражают многоплановость студенческой культуры. Весь собранный корпус сленга можно разделить на 13 семантических полей:

1. Человек — 32%	bagger	— член братства
	dweeb	— глупый человек
	fox	— привлекательный человек
2. Оценка — 12%	killer	— отличный
	hot	— привлекательный
3. Секс — 9%	qrub	— страстно целовать
	scope	— добиваться кого-либо
4. Алкоголь — 9%	trashed	— пьяный
	chill	— пиво
5. Чувства — 7%	hum	— в плохом настроении
	dap	— уважение
6. Академическая среда — 7%	ace	— сдать экзамен
	dig	— добросовестный студент
	chiz	— расслабляться
7. Досуг — 6%	bogel	— ничего не делать

8. Мода — 4%	Barbie chicalean	— модно одетая девушка — стильный
9. Приветствия/ прощания — 4%	archives check in	— приветствие — приветствие
10. Еда — 2%	buel chug	— еда — быстро пить
11. Наркотики — 1,6%	coke buzz	— кокаин — чувство эйфории после употребления наркотиков
12. Спорт — 1,6%	animal chucks	— атлет — атлетические туфли
13. Финансы — 1%	bank	— деньги

Как видно из данного списка, практически все ЛЕ студенческого вокабулятора свидетельствуют о том, что современная студенческая культура глубоко укоренилась в доминирующей культуре. В субкультурах сленг, обычно, отражает те сферы групповой деятельности, которые выделяют данную группу из окружающего общества. Студенческий же сленг содержит малое количество ЛЕ, характеризующих его носителей как представителей учащейся молодежи. Вместо этого упор делается на отношения с другими студентами, а также на видах деятельности, которые укрепляют эти отношения. Перед нами как бы предстает языковое сообщество, для которого такие понятия как “деньги”, “спорт”, “наркотики”, “еда”, “мода” — имеют весьма малое значение. Основа всего — межличностные отношения. Так, например, такие ЛЕ как *bro*, *sister*, *homeboy/homegirl* *homey* представляют собой наиболее часто используемые формы обращения и являются определяющими лексическими единицами в установлении отношений между членами студенческого коллектива. Наличие таких слов в сленговом вокабуляторе свидетельствует о том, что студенческая культура формируется на принципах равенства и учета взаимных интересов, а также о еще не утраченной роли и влиянии семьи. Поскольку статус студента, в большинстве случаев, связан с отрывом от родных и близких, то наличие в студенческом сленге ЛЕ, отражающих личностные отношения, свидетельствуют о попытке учащейся молодежи сделать отрыв от семьи менее болезненным и восстановить чувства безопасности и защищенности, связанные с ней. Молодежь ищет замену семейному социуму и находит ее в студенческой культуре.

Наличие в студенческом сленге большого количества ЛЕ и выражений, описывающих человеческие отношения, отражают тенденцию, наблюдаемую в американском обществе в целом. Так широко известная дискуссия об открытости и честности в отношениях нашла свое отражение в таких ЛЕ студенческого сленга: “DHC” — “*deep, heavy conversation*” — “разговор по душам” и “DTR” — “*defining the relationship*” — “определиться в отношениях с кем-либо”.

Таким образом, из вышесказанного можно сделать следующий вывод: тот сленг, который студенты используют для общения друг с другом — это вокабулятор для особой цели. Эта цель — общение и достижение чувства гармонии с другими людьми.

Работы антрополога Майкла Мюфатта (1989) и фольклориста Саймона Дж. Броннера (1990) подтверждают первостепенность социальных связей и поступков в жизни американских студентов последних десятилетий. Именно общечеловеческие, а не академические интересы являются основополагающими в формировании студенческой культуры и студенческого сленга, что является отражением процесса социализации. Большую часть своего времени студенты тратят на то, чтобы уяснить, кем они являются по отношению друг к другу, что им нравится, а что нет, что они предпочитают делать, а что делать не желают.

Дело в том, что приобретение знаний в классных комнатах и посредством учебников — чрезвычайно индивидуальный процесс и, следовательно, обрекает студента на некоторое одиночество. В результате современное студенчество чувствует больше личной ответственности за самоопределение и причисляет себя к группам, которые

бу могли "утолити жадлу" в товарищеских отношениях и дружеском общении. Саймон Дж. Броннер /1990:239/ пише о том, что студенты находятся в постоянных поисках путей укрепления своей социальной идентичности, своей системы ценностей, эмоционального роста, но обнаруживают, что академическое окружение, которое когда-то способствовало осуществлению этих целей, теперь отстраняется от них. Как следствие, студенты обращаются за помощью и поддержкой друг к другу, стремясь создать внутригрупповую гармонию. А одним из основных средств в достижении такой гармонии является специфический студенческий вокабулятор — сленг.

Список литературы: 1. Calvert Watkins in The American Heritage Dictionary, 1992, New York; 2. Henk, Paul. Language, Thought and Culture. London; 3. Moffatt, Michael. 1989. Coming of Age in New Jersey: College and American Culture. New Brunswick, №3.: RutgersUniversity Press; 4. Bronner, Simon J. 1990. Piled Higher and Deeper: The Folklore of Campus Life. Little Rock: August House Publishers.

I. М. Рудик /Житомир/

ЕКСПЛІЦІТНІ ТА ІМПЛІЦІТНІ ЗАСОБИ ВИРАЖЕННЯ ЗГОДИ/ВІДМОВИ, ПІДТВЕРДЖЕННЯ/ЗАПЕРЕЧЕННЯ В АНГЛІЙСЬКІЙ РОЗМОВНІЙ МОВІ

Увагу дослідників дедалі більше привертає розмовна мова в процесі її функціонування. Реалізація будь якого мовленнєвого акту відбувається за певних екстралінгвістичних умов. Саме тому поглибленого вивчення потребує вплив зовнішніх факторів на характер висловлювання.

Об'єктом дослідження в даній роботі є висловлювання зі значенням згоди/відмови, підтвердження/заперечення, яким в порядку доповнення класифікації прагматичних типів речень ми пропонуємо присвоїти назви позитивів та негативів. Ці прагматичні типи відносяться до ретроспективних мовленнєвих актів. Мовець в даному випадку лише реагує на репліку-стимул ініціатора діалогу позитивно або негативно. Його реакція залежить:

- від того, як буде побудовано репліку-стимул, наскільки вона відповідатиме інтересам адресата;
- від екстралінгвістичних об'єктивних умов;
- від оцінки адресатом об'єктивних умов;
- від внутрішнього стану адресата в момент реалізації даного мовленнєвого акту.

Останній фактор є дуже важливим, і перед нами постає завдання виявити залежність мовленнєвих характеристик висловлювання від емоційних характеристик адресата.

Основою для дослідження приймемо класифікацію, яка поділяє позитиви та негативи на експліцитні та імпліцитні відповідно до комунікативної інтенції мовця. Остання може полягати:

1) в позитивній/негативній відповіді на запитання адресанта: Cary choked up, "She said that?" Ivy smiled. "Word for word" (F.Michaels). "Rocco, did you ever hear of a man named Joe Shore?" "Nope." (J.Krantz).

2) в доведенні до адресанта інформації про виконання/невиконання адресатом певної дії: "But please, promise me that you won't try and see me until I say so". "Scout's honor" (J.Collins). Edmund: "...You'd better call my mother, too. Cathleen: What for? She's always in time without any calling (O'Neill).

3) в наданні адресанту дозволу або заборони на виконання певної дії: "Do you mind if I pull down the curtain?" "Please do." (G.S.Fitzgerald). Gerald: I'd like to have a look at that photograph now, Inspector. Inspector: All in good time (J.B.Priestley).

4) в повідомленні адресанта про прийняття або неприйняття його пропозиції: "Why don't we speak tomorrow at this time?" "You got it" (J.Collins). Nick: Come on out, Carrie. It's a wonderful night. Take you for a sail. Carrie (Laught): Good night, Nick (L. Hellman).

5) в підтвердженні або заперечності певного висловлювання: "You should have married a more reliable man". "That's true", Joannie said (J.Redgate). Alice: ...Have you had a wash since you got up this morning? Billy: 'Course I have. Alice: Yes, a cat-lick. I bet you didn't take your shirt off, did you? (K.Waterhouse & W.Hall).

6) в намаганні уникнути прямої відповіді: "Care for it?". Sam inquired. "It's very impressive", said Smiley politely (J.le Carre). "Would you tell him?" asked Meg. "He'll laugh", said Amy warningly (L.M.Alcott).

Відповідно до вибору адресатом певної комунікативної мети та надання висловленню того чи іншого емоційного забарвлення ми розрізняємо експліцитні та імпліцитні засоби вираження згоди/відмови, підтвердження/заперечення.

Найбільш поширеними експліцитними засобами слід вважати:

1. Комунікативи:

а) комунікативи з семантикою згоди або незгоди з твердженням співрозмовника: "I like bananas", Jake said. "Sure, you do" (J.Redgate). "He bit a cyanide capsule as soon as they got him in the car". "The hell he did" (J.Redgate).

б) комунікативи стверджувальної/заперечної відповіді на запитання співрозмовника: "Would you hate that person, too?" "You bet!" (M.Way). "When you say listeners all over the world can join in, you mean English listeners?" said Sophia. "By no means," said Fred. (N.Mitford).

в) комунікативи-речення з семантикою підтвердження/заперечення, виражені фразеологізмами, що надають висловленню особливої експресивності: "Why are you so defensive?" said Rennie. "Don't you trust me?" "Do chickens have lips?" said Jake (M.Atwood). Edmund: Well, I hadn't thought of that — Cathleen: Oh no, not you! "Butter wouldn't melt in your mouth," I suppose (O'Neill).

г) комунікативи незгоди або згоди на дію:

— відмова/згода зробити що-небудь: "Alwas the peacemaker, Adam said, "He's got a hell of a load to carry around. ...Cut him a little slack, call him back." "No way," Sawyer seethed (F.Michaels). Joyce. ... I want that black nylon cocktail dress... Douglas. It's a deal! (M.Brand).

— заборона/дозвіл співрозмовнику на певну дію: Mary: I really ought to reduce. Tyrone: None of that, my lady! (O'Neill). Underhaft: By the way, may ai call you Charles? Lomax: De-lighted. (B.Shaw).

д) комунікативні згоди-компроміси, поступки: Anne: ...If I put the radio on we might be able to dance. Sarapp. But that would make a great deal of noise. Anne. Not if I put it on very softly. Sarapp. As you wish. (M.Brand).

2) репліки-відповіді, які інформують адресанта про обставини або умови позитивної/негативної реакції, як засіб вираження згоди/незгоди: Mangan. I ruined your father, didn't I? Ellie: Oh, not intentionally. (B.Shaw). Frederica. ...You've a trained, scientific mind. Edward. Only in a very narrow discipline. (J.Osborne).

3) репліки-відповіді, які підтверджують або заперечують зміст репліки-стимулу в перебільшеній чи зменшеній формі: "Good-bye," said Nicole. "We had fun, didn't we?" "Loads of fun," said Rosemary. (F.S.Fitzgerald). Maire: Does he know what I'm saying? Owen: Not a word. (Brian Friel).

4) висловлювання, які внаслідок прагматичного транспонування перейшли до розряду експліцитних позитивів або негативів: Courcelles. How do you know that spirit which appears to you is an archangel? Does he not appear to you as a naked man? Joan. Do you think God cannot afford clothes for him? (B.Shaw). (квеситив — негатив).

Rufio (looking at the chain). What! An old man and a boy work that! Twenty men, you mean. Britannus. Two only, I assure you. (B.Shaw). (перформатив — негатив).

"Remember now — half past five." "I won't forget," said Carraie. (Th. Dreiser). (промисів — позитив).

Імпліцитна реакція, позитивна чи негативна, на наш погляд, несе більше емоційне навантаження, ніж експліцитна. Приховане у висловлюванні значення згоди/відмови збагачується додатковими відтінками остраху, люті, зніяковілості, ввічливості та ін. Так, у реченнях, що зазнали прагматичного транспонування, значення згоди/незгоди нівелиються заради ввічливості, через нерішучість мовця або для надання висловлюванню іронічного змісту. Метою мовця може також виступати інформування адресанта про причи-

ни згоди чи незгоди: *Constance* (annoyed): Do you want the cake or don't you? *Nick: Tell her I'm busy.* (L.Hellman). (директив — негатив).

До імпліцитного типу реакції, на нашу думку, слід також віднести морфологічні засоби вираження заперечення, незгоди: умовний та наказовий способи дієслова. Такі морфологічні індикатори реалізуються в стверджувальних структурах, при цьому стверджувальне значення висловлення частково нейтралізується.

а) Умовний спосіб стає засобом вираження імпліцитного заперечення завдяки тому, що його форми, на відміну від форм дійсного способу, описують не реальні, а уявні факти: *I wish you'd tell me what's bothering you.* /.../ *"Nothing's bothering me."* But she wasn't convincing and he wasn't convinced. *"I wish I believed you."* (D.Stell).

б) При експресивному вживанні деяких форм наказового способу у відповідному контексті та з необхідною інтонацією речення втрачає сему наказовості та набуває значення заперечення, незгоди. Це конструкції типу *Catch one doing smth!; Dash me (if I do it!); twitch my twiddy (McCullers); Kiss me leg! (Golding).*

У діалогічній мові широко розповсюджені також фразеологічні індикатори імпліцитного заперечення: *"Sit down, Midge," Scott said sharply. "You can hear every word I have to say."* *"The devil she can!"* *Sonia whirled on her son...* (M.Way).

Вищевикладене є лише спробою намітити основні засоби експліцитного та імпліцитного вираження згоди/відмови, підтвердження/заперечення в залежності від емоційного стану мовця. Подальше детальне вивчення таких засобів з врахуванням їх надзвичайної різноманітності, стилістичної приналежності та прагматичних відтінків складає, на нашу думку, актуальну тему дослідження в сучасній лінгвістиці.

Л. В. Рыжкова /Сумы/

К ВОПРОСУ ОБ АБСОЛЮТНОЙ АНТРОПОЦЕНТРИЧНОСТИ ЛИМЕРИКОВ

На современном этапе большой импульс к развитию получила антропологистика; язык изучается в тесной связи с миром человека. Принцип антропоцентричности срабатывает практически во всех лингвистических концепциях и считается одним из главных /1; 5; 6; 9/. Поскольку "познание и отражение мира в произведении художественной литературы направлено на познание человека", антропоцентричность выступает обязательной категорией любого текста, в том числе и лимерика, и "определяется взаимодействием автора художественного произведения через систему действующих лиц с читателем, ориентацию на обобщенный образ которого имеет каждое литературное произведение" /4:23; 95/.

Среди антропоцентров "адресант-персонаж-адресат" художественного произведения персонаж играет особую роль. Через характеристику персонажей, их литературно-художественные портреты автор стремится выразить идею произведения.

Абсолютная антропоцентричность лимериков объективируется результатами анализа поверхностной структуры этих текстов, референтом которых выступает человек, характеризующийся: 1) как специалист какой-либо отрасли знаний или практической деятельности (conductor, canner, poet, painter, censor, doctor, artist, teacher); 2) по социальному положению в обществе (prince, thief, gentlemen, lady, Queen); 3) по полу (man, girl, male, boy, woman, maiden); 4) по родству (father, husband, wife, son, uncle, daughter, cousin, aunt); 5) по биолого-физиологическим данным (brunette, blonde, blind); 6) по наклонностям и увлечениям (booklover, lover, traveller); 7) по эмотивной оценочности человека (dear, prude, darling, bore, wag). Чаще всего (64%) главным действующим лицом в лимериках являются person, man, lady. Анализ показывает, что во всей массе анализируемых существительных референтом более 44% является человек.

Использование классификационной схемы, разработанной на базе тезауруса П.Роже М.И.Борецким /2/, объективировало идентификацию парадигмы языковых единиц, соотношенных с семей "антропос", которые в той или иной мере используются для

характеризации субъекта, "создавая ..." "человеконаправленность" художественного текста, в центре которого независимо от конкретной темы... стоит человек" /6/:

1) "человек, его органы чувств и части тела" eye, nose, toe, chin, leg, thumb, nail, head, mouth, heel, face, feet, teeth;

2) "одежда" bonnet, shoe, veil, vest, coat, hat, muff, cap, dress, wig, shawl, wreath;

3) "еда и питье" egg, stew, bun, beer, onion, honey, bread, butter, cake, brandy, lemonade, ale;

4) "жилище, предметы домашнего обихода" room, pump, stove, pot, box, bed, lath, spoon, hall, chair;

5) "фауна" elephant, cat, bee, tiger, bird, pig, fly, sheep, bear, puppy, fish, poodle, toad, flea, pony, horse;

6) "абстрактные отношения, пространство, время, движение" day, minute, end, night, morning, year, week, size, gallon, speed;

7) "неорганический мир (Вселенная, земля, ландшафт, погода, вещество, физические свойства)" air, copper, sky, star, rock, earth, moon, water, sea, ground, tree, sun, cliff, stone, lane, ice;

8) "воля и деятельность" conduct, observation, rest, curtsy, habit, birth, ride, journey, cough, walk, procession;

9) "ощущения и чувства" surprise, pain, grief, despair, doubt, moral, dream, trouble, temper, smile, fancy, sense;

10) "общество (власть, собственность, деньги, управление)" penny, money, city, station, boat, aeroplane, zoo, tram, ticket, street;

11) "разум" word, line, verse, narration, tale, play, limerick, mind, reply, answer;

12) "флора" tree, garden;

13) "религия и мифология" God;

Компонентами художественного изображения в лириках становятся:

— действия (факты динамического характера)

There was an old Person of Bree,

Who frequented the depth of the sea;

She nurs'd the small fishes,

And washed all the dishes,

And swam back again into Bree. /3:166/;

— биографические данные героя

There was an Old Derry down Derry

Who lived to see little felks merry

So, he made them a Book,

Till with laughter they shook

At the fun of that Derry down Derry. /10:210/.

— реакция героя на отдельные действия, события, его движения. жесты

There was a Young Lady of Norway,

Who casually sat in a doorway;

When the door squeezed her flat,

She exclaimed, "What of that?"

This courageous Young Lady of Norway /3:165/.

— описание внешности героя, его портрет

There was an Old Man in a barge,

Whose nose was exceedingly large;

But in fishing by night,

It supported a light,

Which helped that Old Man in a barge. /10:209/.

— описание внутреннего состояния персонажа, черт характера

There was a Young Girl of Asturias,

Whose temper was frantic and furious,

She used to throw eggs

At her grandmother's legs,

A habit unpleasant but curious. /7:53/.

Признавая особую роль персонажа как антропоцентра, нельзя не учитывать и важности адресанта и адресата, как текстообразующих факторов.

Адресанту подчинена вся структура текста, т.к. произведение "является выражением личности создателя как в плане совокупности идей, так и на уровне их лингвостилистической реализации", а адресант воспринимает эти идеи и образы и обогащает их субъективным смыслом /8:86/.

Антропоцентричность проявляется во всех текстовых категориях, в том числе и хронотопе. В своем произведении автор фиксирует время и указывает место действия, "локализует" его.

Диапазон представленных в лимериках географических наименований достаточно обширен и выбор места действия зависит от авторской индивидуальности.

Пространственной определенности в лимериках противостоит "хронологическая" неопределенность. Действие лимерика "датируется" лишь грамматическим обозначением прошедшего времени.

Ср.: There was a Young Girl of Majorca,
Whose aunt was a very fast walker; ... /7:57/.

There was an Old Person of Prague,

Who was suddenly seized with the plague; /7:59/.

"Хронологическая" неопределенность усиливается использованием глагола was, который соотносится с темой бытия человека, т.е. соотносится с категорией антропоцентричности, имеет отношение к человеческому фактору.

Клишированная формула-зачин "There was a", подчеркивающая вневременной панхроничный характер лимерика, настраивает адресат на восприятие сказочности фантастичности событий, явлений, описываемых в лимерике.

В шуточных лимериках дети видят смешные образы, положения, ситуации. Популярность лимериков у детской аудитории объясняется сказочностью сюжета, простотой рифм, незатейливостью фабулы и любимыми образами. Взрослая же аудитория находит в этих текстах парадокс, т.е. суждения, резко противоречащие здравому смыслу, но глубокие по значению. Парадокс может ставить суждение на грань нелепости, что придает лимерикам особое звучание и яркость.

Список литературы: 1. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике. - М., 1991. 2. Борецкий М.И. Художественный мир и частотный словарь поэтического произведения // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1978. - т.37. - №5. - С.453-461. 3. Демурова Н.М., Иванова Т.М. Хрестоматия по английской и американской детской литературе. - М.-Л, 1965. 4. Домашнев А.И., Шишкина И.П., Гончарова Е.А. Интерпретация художественного текста. М., 1989. 5. Эйгер Г.В., Григорьева Л.М. О стиле мышления в современной семиотике (к постановке проблемы) // Актуальные проблемы изучения языка и речи, межличностной и межкультурной коммуникации: Межвуз. сб. научн. трудов. - Харьков: Константа, 1996. - С.75-77. 6. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. - М., 1988. 7. Левшина О.А., Рухман С.М. Сборник английского поэтического фольклора. - М., 1974. 8. Лещенко О.И. Особенности реализации антропоцентричности в англоязычных сказках // Дис. ...канд. филол. наук. - Сумы, 1996. 9. Тарасова Е.В. Феномен Small talk в англоязычной этнокультуре // Актуальные проблемы изучения языка и речи, межличностной и межкультурной коммуникации.: Межвуз. сб. научн. трудов. - Харьков: Константа, 1996. - С.176-180. 10. Хакина Е.И. Poems to Enjoy. Сборник английской, американской и австралийской поэзии. - М., 1970.

Н. В. Рябых /Харьков/

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ СТЕПЕНЬЮ РАЗВЕРНУТОСТИ ОРИЕНТИРОВКИ, УРОВНЕМ ТРЕВОЖНОСТИ УЧАЩИХСЯ И ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ УСВОЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Одним из факторов процесса обучения иностранному языку является проблема управления процессом формирования иноязычных навыков и умений. Эта задача связана, в частности, с соотношением эксплицитных объяснений и усвоения на основе речевых образцов при помощи аналогии. Усвоение структуры усваиваемого материала и действий исключительно важно для эффективности обучения иностранному языку /3/. С другой стороны необходимо максимально учитывать индивидуальные психологические особенности личности, которые могут влиять на успешность обучения, а также конкретные условия усвоения. Это, в первую очередь, относится к решению проблемы управления процессом обучения. Психологические исследования, выполненные на основе работ Л.С.Выготского и А.Н.Леонтьева /2; 1/ показали исключительную важность ориентировки для успешного формирования умственных действий, однако таких исследований оказалось недостаточно, чтобы определить соотношения типов УИ для успешного овладения иностранным языком и влияние аффективных факторов на данный процесс.

С целью проверки гипотетической связи между степенью развернутости ориентировки, уровнем тревожности у учащихся с тенденцией к его повышению, и эффективностью обучения было проведено экспериментальное исследование. Предполагалось, что учащиеся с тенденцией к повышенной тревожности при работе со сложными грамматическими явлениями (5/6 тип и методической классификации по критерию степени межязыковой интерференции) легче контролируют такой уровень при опоре на более эксплицитные типы УИ (модель, правило (алгоритм), чем при опоре на имплицитный тип УИ (речевой образец). Степень развернутости ориентировочной основы (ОД) не играет такой роли для учащихся с низким уровнем тревожности.

В качестве испытуемых были отобраны 8 слушателей вечерних курсов английского языка Центра прикладных исследований и международных контактов "TRAN-STECON", обучавшихся в одной из групп этого центра. 7 испытуемых — женщины, 1 — мужчина. Возраст от 15 до 40 лет (15-17 лет — 2 испытуемых, 18-20 лет — 3 испытуемых, 35-40 лет — 3 испытуемых).

Все испытуемые ранее изучали (или изучали на момент эксперимента) английский язык в средней школе, а последние 3 испытуемых — также в институте.

Для определения характеристик испытуемых по склонности к определенному способу ориентировки (имплицитный, нейтральный, эксплицитный) испытуемым была предложена анкета, вопросы которой были направлены на выявление склонности учащихся к определенному способу ориентировки. Кроме того, некоторые вопросы анкеты были направлены на получение информации относительно уровня тревожности испытуемых. Эта информация затем сравнивалась с результатом наблюдений за поведением испытуемых на занятиях. В результате анализа в данной группе испытуемых была выявлена ярко выраженная ориентация на более эксплицитные типы УИ (схему, модель, правило, т.д.).

С целью определения уровня владения испытуемыми видовременными формами английского глагола был проведен предэкспериментальный срез, в результате которого было установлено, что данная группа имеет только самое общее представление о видовременной системе английского глагола, слабо ориентируется в дифференцирующих признаках различных структур в пределах такой системы, практически не обладает сформированными навыками употребления таких структур, а поэтому могла быть использована в качестве испытуемых в эксперименте по исследованию сравнительной эффективности обучения в условиях ориентировочной основы с различным наполне-

нием, при контроле влияния аффективных факторов учащихся (в частности тревожности).

В связи с тем, что курсы английского языка являлись добровольными и платными, то считалось, что все испытуемые имели мотивацию, и с этой точки зрения, были равны. Наличие мотивации подтверждают и результаты наблюдений за испытуемыми в процессе обучения. Все испытуемые регулярно посещали занятия, где работали сосредоточенно и внимательно, регулярно выполняли домашние задания.

В качестве материала для экспериментального обучения были выбраны три группы грамматических явлений, приблизительно одинаковых по сложности усвоения: группа 1: Past и Future Continuous; группа 2: Present Perfect; группа 3: Past Perfect. Все три группы относятся к 6-му типу грамматических явлений в методической типологии с точки зрения межъязыковой интерференции [3:195]. Это значит, что функционирование всех этих явлений корректируется, так как каждое из них соответствует лишь части объема значения прошедшего времени в русском/украинском языках. Способ же образования формы каждого из явлений, перечисленных выше, приходится формировать заново, так как аналоги по формированию в указанных языках отсутствуют.

Для выявления существования и характера гипотетической связи между объемом ориентировочной основы, психологическими характеристиками испытуемых и уровнем их усвоения, были проведены три серии экспериментального обучения, в каждой из которых испытуемые опирались на разную (по составу) ориентировочную основу. Такой состав колебался от речевого образца только до сочетаний "образец-модель" и "образец-модель-алгоритм".

После окончания экспериментального обучения испытуемым были предложены задания послеекспериментального среза в устной и письменной форме. Результаты тестирования были сведены в таблицу с учетом классификации испытуемых по типу тревожности (см. ниже).

Таблица 1. Распределение испытуемых по типам тревожности и результаты усвоения испытуемыми материала после трех серий экспериментального обучения (Категория испытуемых по уровню тревожности: Тип А = 9-10 баллов — чрезвычайно высокая тревожность; Тип Б = 7-8 баллов — высокая тревожность; Тип В = 4-6 баллов — средняя тревожность; Тип Г = < 4 баллов — низкая тревожность).

	А	Б	В	Г
РО	39	50	70	-
РО + М	69	-	82	-
РО + М + Ал	59	80	95	-

Как следует из таблицы 1, в трех группах не нашлось испытуемых, которые относились бы к типу Г, т.е. обладали низким уровнем тревожности.

Обучение с опорой только на РО принесло следующие результаты:

В этой серии эксперимента результат испытуемых с типом А — 39% (очень низкий), с типом Б — 50% (довольно значительное повышение, но в целом низкий результат), и с типом В — 78% — значительное повышение успеваемости (результат на грани "хорошего").

Обучение с опорой на РО + М принесло следующие результаты:

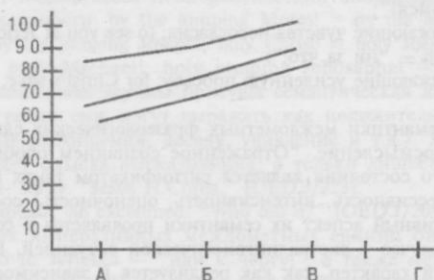
В данном случае мы не имеем результатов испытуемых, принадлежащих к типу Б. Однако успеваемость испытуемых с типом тревожности В значительно выше успеваемости испытуемых с типом В: 82% против 69%.

Обучение с опорой на РО + М + Алг принесло следующие результаты:

В этой серии экспериментального обучения наблюдается тенденция (но более существенная) к повышению уровня успеваемости от типа А к типу В — 59%, 80% и 95% соответственно.

Для более четкого представления зависимости эффективности усвоения от уровня тревожности при обучении с опорой на различную ОД был построен график, который представлен ниже.

Рисунок 1. Зависимость уровня усвоения от уровня тревожности испытуемых.

Как следует из рисунка 1, существует явная зависимость между уровнем усвоения и уровнем тревожности испытуемых при обучении с использованием как имплицитных, так и полужексплицитных и експлицитных типов УИ. Судя по конфигурации кривых обучения по РО и по РО + М (вторая и третья сверху) (кривизна 25 условных единиц (у.е.) и 24 у.е.) существует значительная связь между уровнем тревожности и эффективностью усвоения. Конфигурация кривой обучения по полной ОД (первая сверху) (РО + М + Алг) (кривизна — 15 у.е.) свидетельствует о том, что при таком виде обучения также существует зависимость между уровнем тревожности и эффективностью усвоения, однако такая связь значительно слабее. Представляется, что при обучении с опорой на полную ОД уровень тревожности обучаемых значительно снижается, что повышает эффективность усвоения.

Список литературы. 1. Гальперин М.М., Ейгер Г.В. О роли алгоритмов при программированном обучении новому материалу // Вопросы программированного обучения иностранным языкам. - М., 1969. - С.115-126. 2. Леонтьев А.А. Управление усвоением иностранного языка // Иност. яз. в школе. 1975. - № 2. - С.83-88. 3. Черноватый Л.Н. Психологические основы теории педагогической грамматики. - Харьков: Основа, 1992.

Е. В. Сафронова /Киев/

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ МЕЖДОМЕТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ОНОМАСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ БИБЛЕЙСКОЙ ТЕМАТИКИ

Фразеологические единицы библейской тематики с ономастическим компонентом представляют собой интересный, но малоизученный разряд фразеологии английского языка. Не имея возможности в рамках одной статьи осветить все вопросы, связанные с этой разнообразной по составу тематической группой фразеологических оборотов, остановимся только на характеристике междометных фразеологических единиц.

В данной статье в рамках предоставленного объема излагаются итоги исследования структурных типов и коммуникативной семантики междометных фразеологических единиц библейской тематики с ономастическим компонентом.

Междометные библейские фразеологические единицы с ономастическим компонентом служат для выражения различных чувств, эмоций и волеизлияний субъекта. Особенностью этой группы единиц является то, что они не обладают ни грамматически стержневым, ни семантически опорным словом.

Междометные библеизмы с компонентом имя собственное в зависимости от их семантики можно разделить на следующие группы:

а) обороты, выражающие чувства и эмоции говорящего: What in Cain? — "Какого черта?"; Jesus Christ!, by Moses!, Jerusalem!, Jesus wept!, great Caesar!, jumping Jehosaphat!, jumping Joseph! — выражения широкого спектра эмоций;

б) обороты, выражающие чувства волеизъявления говорящего: go to Jericho!, go to Gehenna! — “убирайся!”;

в) обороты, выражающие чувства несогласия: to see you at Jericho first! — “держи карман шире!”; not for Joseph — “ни за что!”;

г) обороты, выражающие усиленную просьбу: for Christ's sake, in Christ's name! — “ради Бога!”.

Особенностью семантики междометных фразеологических единиц является их полное экспрессивное переосмысление. “Отраженное сознанием обобщенное выражение эмоции, эмоционального состояния является сигнификатом таких выражений. Компоненты эмотивности (экспрессивность, интенсивность, оценочность) составляют их коннотативный аспект. Денотативный аспект их семантики проявляется в соотношении междометия в каждом отдельном случае с экстралингвистической ситуацией. Подобная соотношенность носит опосредованный характер, так как реализуется в зависимости от авторского описания ситуации /1:292/.

В обоих случаях междометия выражают личностное отношение человека к объектам внешнего мира или к самому себе.

В результате экспрессивного переосмысления междометные фразеологические единицы превращаются в обобщенные выразители эмоций и волеизъявления, в результате чего значение подобных оборотов как правило является немотивированным. Представляется достаточно сложным установление связей между библейским образом и семантикой таких выражений как: Crist's foot!, jumping Jesus!, by the piper that before Moses!, by jumping Jehosaphat!, jumping Moses in the mountains — восклицаний, употребляющихся для выражения различного рода эмоций. Именно высокая степень абстракции, создаваемая немотивированностью семантики этих фразеологических единиц значением составляющих их компонентов и приводит к тому, что они, в зависимости от ситуации, могут выражать различные оттенки чувств, т.е. быть многозначными (или полиэмоциональными). Следующие выражения употребляются для усиления высказывания, выражения негодования, возмущения, досады, сильного удивления, раздражения: Holy Moses! (by) the jumping Jehosaphat!, Jesus Christ!, jumping Jesus!, Jesus wept!

Вышеназванными причинами можно объяснить тот факт, что междометные библеизмы могут находиться в синонимических друг другу отношениях: Holy Moses! = Jesus Christ! = jumping Jesus! = Jesus wept! = the Jumping Jehosaphat! Все эти выражения могут выражать одни и те же чувства.

Некоторые междометные фразеологические единицы являются вариантными. Иллюстрацией случая квантативной вариантности могут служить следующие выражения: by the jumping Moses! — Jumping Moses! — Moses!; Oh, holy jumping Jesus Christ! — Oh, holy Jesus Christ! — Oh Jesus Christ! — (Oh) Christ!; by the jumping Jesus! — jumping Jesus! — Jesus! — Jesu!; holy great jumping Jehosaphat — holy jumping Jehosaphat.

Бывают случаи, когда сокращение компонентного состава библейской междометной единицы с ономастическим компонентом приводит практически к ее уничтожению. Например, восклицание Gee = Jeeh, являющееся результатом сокращения лексемы Jesus! (или Jerusalem!). Если предположить, что исходной единицей была лексема Jesus, то такое усеменение можно объяснить запретом употреблять имя божье все, а тем более в проклятиях или в восклицательных выражениях, связанных с отрицательными эмоциями. В результате, конечный вариант носит эвфемический характер и фактически звучит только первая буква имени Иисуса (восклицание в речи саенн переводится как “фу-ты!”).

“Gee, I wish you'd break it”. Casey lowered his voice and promptly felt like a heel for feigning romantic intention... “I have to talk to you, really” /F.Knebel, C.Baily/.

В связи с этим интересным представляется пример не только сокращения, а и полного замещения в некоторых случаях имени Иисуса Христа эвфемизмом Judas priest в восклицаниях:

“Judas Priest! What the hell are you saying?” (OED.J/292).

Восклицание not for Joseph!, предположительно относящееся к патриарху Иосифу, в своей полной форме употреблялось до 1929 года, когда Дж.Голсуорси впервые “сократил” этот оборот в своей книге “Swang Song”, который и закрепился в таком виде.

“Not if he knew it — not for Joe!” (DCP.158).

Варьированию может подвергаться и ономастический компонент, что иллюстрирует случай лексической вариантности: *by the jumping Moses!* = *by the jumping Jehosaphat!* = *by the jumping Jesus!* = *by the jumping Joseph!*; *holy Christ!* = *holy Joe!* = *holy God!* = *holy Moses!* = *holy Mary!* = *holy Michael!*; *holy jumping Jehosaphat* = *holy jumping Jesus Christ*. Всем единицам названной группы присуща семантическая диффузность: в зависимости от речевой ситуации они могут выражать как положительные, так и отрицательные эмоции (сильные восхищения, досаду, удивление и т.д.). Удаление таких оборотов из текста не меняет смысла высказывания, а только лишает его эмпатичности.

"Jesus Christ!" he says softly. "Jesus H.Christ." (OED.J/223).

"Great jumping Jehosaphat!" he exclaimed. "Who did it?" (OED.J/209).

В группе английских императивных междометных единиц библейской тематики типа: *go to Gehenna!*, *go to Jericho!* — "иди к черту!", а также междометного оборота со значением несогласия: *to see smb. at Jericho first!* — "держи карман шире!" семантической диффузии, характерной для предыдущей группы единиц, не наблюдается. Эти фразеологизмы выражают отрицательные эмоции и в положительном смысле не употребляются.

"He may go to Jericho for what I care." (OED.J/215).

Иногда наблюдается явное несоответствие между структурой и семантикой междометных фразеологических единиц. Так, некоторые междометные образования являются по своему характеру обращением или предложением, в то время как их семантика связана с выражением эмоций. Ср.: *И ты, Брут!*, *to see smb. at Jericho first* — "держи карман шире!".

Говоря о коммуникативной семантике, необходимо отметить, что помимо выражения эмоций, они обладают и оценочным характером, а также возможностью переосмысления в составе междометий знаменательных слов, теряющих свое лексическое значение /2:119/. Например: "Good Christ!" I said. (E.Hemingway). "For Christ's sweet sake take me to some room." (E.Hemingway).

В структурном отношении междометные библеизмы весьма разнообразны, среди них немало единичных в структурном отношении образований как: *to see smb. at Jericho first!* — "когда рак свиснет! держи карман шире!"; *bless us Jesus!*, *Jesus wept!*, *by the piper that played before Moses!*, *jumping Moses in a benzine buggy*; *jumping Moses on a blue raft*, *by the Ever-Living Jumping Moses!* — восклицания, выражающие широкий диапазон сильных эмоций. Тем не менее, представляется возможным выделить следующие структурные модели:

(pr) + Nprop. Например: (by) *Jerusalem!*, (by) *Jesus (Christ)!*, (by) *Joseph!* — боже мой!, Господи!.

A + Nprop. Например: *Holy Moses!*, *Great Caesar!*, *great (holy) Jehosaphat!*, *holy (Jesus) Christ!*, *holy Mary!*, *holy Joseph (Joe)!*, *sweet Jesus!* — "боже мой!".

(pr) + jumping + Nprop. Например: (by) *the jumping Jesus!*, (by) *the jumping Jehosaphat!*, (by the) *God's jumping Moses!*, *jumping Judas*, *jumping Joseph*.

Междометные фразеологические единицы в основном не могут сочетаться со словами или сочетаниями слов. Они употребляются как несогласованные члены предложения и как отдельные члены предложения. Контекстуальная реализация этих единиц происходит путем соотносительности /1:296/.

Сделанные в настоящей работе наблюдения позволяют говорить о том, что для междометных фразеологических единиц с ономастическим компонентом библейской тематики характерны такие виды вариантности как квантативная и лексическая, семантическая диффузность (исключая междометные библеизмы со структурой повелительного предложения). В отличие от подавляющего большинства библеизмов, являющихся в основном принадлежностью литературного стиля, междометные библейские фразеологические единицы с компонентом "имя собственное" употребляются как правило в разговорной речи.

Список литературы: 1. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. - М.: Высшая школа, 1986. 2. Морозова И.Б. Грамматическое содержание эмотивных реплик в англоязычном художественном диалоге // Вісник Харківського університету. - 1995. - № 384. Т.2. С.118-120.

И. А. Свердлов, канд. пед. наук /Харьков/

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВЫХ ФОРМ В НАУЧНОМ СТИЛЕ

Анализ текстов научного стиля свидетельствует о том, что последний представлен определенными речевыми формами, которые различаются коммуникативной направленностью, композиционно-логической структурой, языковыми способами реализации смысловых категорий /2/. Большинство исследователей выделяют четыре типа речевых форм: "описание", "повествование", "рассуждение" и "доказательство".

В текстах-описаниях характеризуется предмет речи, выделяется объект из ряда однородных. В качестве предметов описания могут выступать конкретные явления, процессы. Описание строится путем их называния и перечисления признаков, оно статично и исключает временные характеристики. Существуют несколько типов описаний. В текстах научного стиля речи встречаются описания-классификации, в которых указывается на видо-родовые отношения между предметами, явлениями, отмечается отнесенность данного предмета к классу однородных. Существуют описания характерных признаков, свойств объектов исследования: абстрактных понятий, явлений, процессов. Очень часто встречаются тексты, в которых дается описание структуры науки, статьи, монографии. Наиболее частотными являются описания по функциональному признаку.

В текстах-повествованиях дается информация о временной последовательности отдельных этапов, стадий в развитии процессов, событий, действий и состояний. Один и тот же объект может быть как предметом описания, так и предметом повествования в зависимости от коммуникативной задачи. Как правило, тексты-повествования используются при передаче информации о развивающихся процессах, при изложении сведений биографического характера и истории науки.

Рассуждение — это способ изложения, посредством которого передается процесс получения нового знания о предметах рассуждения: явлениях, научных понятиях и категориях. В текстах это знание представлено как результат логического вывода, то есть в форме отдельного умозаключения или цепи умозаключений. Посредством рассуждения передается процесс получения нового знания об объекте через операции логического вывода, при этом конечное знание ни в каком предварительном виде не формулируется. Текст-рассуждение имеет следующую структуру: введение, тезис, антитезис, аргументация, гипотетическое допущение как вариант аргументации и последующее опровержение, вывод или заключение. Введение в тексте-рассуждении факультативно. В нем может содержаться историческая справка относительно решения данной проблемы на предыдущих этапах развития науки, даваться общая характеристика затрагиваемых в тексте вопросов, показываться место данной науки в ряду других, отмечаться важность решения вопроса для хода дальнейшего рассуждения. Тезис обычно выражается в форме утверждения и, как правило, состоит из нескольких предложений. Иногда вместо тезиса появляется антитезис, который представляет собой изложение точки зрения, которую автор считает ошибочной. Аргументация может выступать как подтверждение или опровержение. Если в тексте излагается авторская позиция, то аргументация, следуя за тезисом, представляет собой цепь умозаключений, позволяющих выявить логические связи между предметами и тем самым подтвердить правильность выдвинутого тезиса. Если в тексте есть антитезис, то автор может доказать правильность своей позиции двумя способами: 1) либо сразу после антитезиса переходить к аргументации-опровержению, 2) либо воспользоваться методом доказательства от противного, вводя гипотетическое предположение. Последнее представляет собой повтор антитезиса, поскольку при допущении автор излагает взгляды своих оппонентов. Иногда в тексте-рассуждении отсутствует заключение, что можно объяснить тем, что сказанное просто подтверждается аргументацией.

При доказательстве исследователь в качестве исходного материала всегда имеет гипотетическое, предполагаемое знание об объекте, к которому он приходит на основании пред-

шествующего опыта. Доказательство развертывается как процесс проверки истинности этого знания.

Сходные мысли о типах речевых форм были высказаны специалистами в области научной информатики /3/. В частности, отмечалось, что большинство научно-технических текстов можно разделить на три типа:

1. Сообщения, в которых отражается ход процесса мышления.
2. Сообщения, построение которых определено структурой объекта.

3. Сообщения, где материал излагается в хронологической последовательности. Нетрудно заметить, что в основе построения выделенных типов лежат основные речевые формы.

Анализ научных статей и текстов позволил сделать вывод о том, что существует связь между типом содержания и способом его изложения, то есть конкретная целеустановка обуславливает определенный способ изложения, базирующийся на той или иной речевой форме. Выявить тип речевого оформления возможно с помощью сверхфразового метода с опорой на композиционно-речевой метод, который был разработан в рамках теории речевых форм /1/. Это означает, что исследование синтаксического строя и выделение сверхфразовых единств производится по логико-структурному признаку. В качестве минимальной текстовой единицы выделяются логико-речевые единства, структурирующие мысль, упорядочивающие ее развитие и придающие ей целостность и законченность. Структура речевых форм создается системой логических отношений, в которые вступают слагающие ее компоненты. Сущность логико-речевой формализации текста проявляется в том, что на общую ткань повествования накладывается сетка логических отношений, благодаря которым отдельные отрезки текста приобретают единообразную структурную замкнутость. В каждом тексте одно отношение является доминирующим. Смена доминантного отношения маркирует границу между речевыми формами.

Следует также отметить, что закономерное чередование этапов процесса исследования, органическая взаимосвязь эмпирического и теоретического уровней научного познания приводят к тому, что в подавляющем большинстве речевые формы сталкиваются и вместе "чистых" эталонных появляются производные, характеризующиеся синтезированием нескольких структурных связей.

Кроме этого, на данном этапе развития лингвистики и психолингвистики представляется возможным дальнейшее изучение особенностей каждого типа речевых форм с позиций коммуниктивно-функциональной грамматики. Согласно концепции представителей данной грамматики, каждую речевую форму можно проанализировать с новой точки зрения — с точки зрения понятий, лежащих в ее основе. Известно, что понятия отражают специфику научного мышления, которое развивает интеллектуально-понятийную сферу человеческой жизни и характеризуется как "мышление в понятиях". В понятиях в наиболее концентрированном виде закрепляются существенные признаки предметов, отражаются факты объективной действительности. Ими пользуются как готовыми ориентирами в окружающем мире.

Фактически понятия могут рассматриваться в качестве глубинных структур языка. Они относятся к уровню универсальных мыслительных структур и их аналогов мыслительной логики и следовательно, не зависят от грамматического строя конкретного языка.

Положения, выдвигаемые представителями функционально-коммуникативной грамматики, представляют большой интерес для методистов. Некоторые исследователи /4/ уже предпринимали попытку выделить круг основных понятий научного стиля речи. В частности, была предложена "семантическая программа обучения", которая включала две категории понятий — семантико-грамматические и коммуникативные. Семантико-грамматическими считались понятия времени, пространства, количества, падежа, дейксиса. В коммуникативную категорию вошли такие компоненты как модальность, моральная оценка, убеждение, аргументация, эмоциональность, межличностные отношения. Вместе с тем данная программа может рассматриваться лишь как первая попытка решения поставленной проблемы, т.к. автор не ставил перед собой задачу отбора понятий, типичных для каждого типа речевых форм и определения принципов организации языкового материала в рамках научного понятия.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что научный стиль речи представлен рядом речевых форм, каждая из которых характеризуется наличием доминантного значения и набором понятий, специфических для данного типа изложения.

Список литературы: 1. Васильев Ю.А. О влиянии композиционно-смысловой организации научного текста на его языково-стилистические характеристики // *Стиль научной речи.* - М., 1978. 2. Нецаева О.А. Функционально-смысловые типы речи. - Улан Удэ, 1979. 3. Фельдблюм И.С., Шехурин Д.Е. Логичность изложения в первичных документах // *Научно-техническая информация.* - 1966. - № 9. 4. Wilkins D.A. Grammatical, Situational and Notional Approaches to Syllabuses Design // *The Communicative Approach to Language Teaching.* - London: Oxf. Univ. Press, 1979. - P.82-91.

В. Н. Сердюк /Харьков/

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ФОРМ ДЛИТЕЛЬНОГО ВИДА НЕПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Общезвестным фактом является нормативный запрет на употребление некоторых глаголов в формах длительного вида в современном английском языке. Речь идет о так называемых непроецессуальных глаголах, лексическое значение которых противоречит категориальному значению длительной формы. Но в последнее время некоторые исследователи /1:65-57; 2:50-58; 5:114; 6:46/ отмечают, что в современном английском языке наблюдается тенденция к расширению сферы использования длительных форм за счет того, что длительную форму принимают все больше непроецессуальных глаголов, употреблявшихся только в недлительной форме.

С целью определить, действительно ли длительные формы расширяют сферу своего использования за счет "снятия" нормативного запрета и какие процессы при этом происходят, были проанализированы наиболее часто встретившиеся в нашей выборке случаи использования упомянутых глаголов в длительной форме.

Развивая мысль Дж.Лича /4:22/ о том, что один и тот же глагол может входить в несколько классов, т.е. реализовывать различные лексико-семантические варианты, можно утверждать, что во многих случаях глаголы, традиционно относимые к непроецессуальным, реализуют в длительной форме процессуальные лексико-семантические варианты:

I was thinking about Susan. (John Braine. Room at the Top, p.74).

But at least I wasn't thinking of Alice. (John Braine. Room at the Top, p.249).

I want to forget everything... Please, shut up. I'm forgetting. (John Braine. Room at the Top, p.21).

I was remembering my wedding morning, Julia. (Th.Wilder. Our Town, p.318).

Описанные выше случаи представляют собой вполне нормативное явление, так как в длительной форме реализуется процессуальный лексико-семантический вариант.

Несколько больший интерес представляют случаи использования в длительной форме непроецессуальных лексико-семантических вариантов упомянутых глаголов. Так, например, глагол *want* может выступать в непроецессуальном лексико-семантическом варианте, поскольку субъект здесь является пассивным экспериментером определенного состояния /3:137/

No, they're only trying to be kind. I'm desperately wanting some money. (Jh.Wilder. Heaven's My Destination, p.16).

Следовательно, вполне логично предположить, что семантика глагола, вступая в противоречие с категориальным значением длительной формы, обуславливает его нейтрализацию, в результате которой длительные и недлительные формы сближаются по значению.

Однако в представленных выше предложениях длительная форма придает описываемым событиям оттенок актуальности, который не может передаваться с помощью недлительной формы.

Подобные примеры являются как бы промежуточным звеном между реализацией новых лексико-семантических вариантов и недифференцированным употреблением длительных и недлительных форм. Здесь наблюдается неполная нейтрализация, т.е. дифференциальный признак длительности, входящий в категориальное значение формы, нейтрализуется, но в то же время сохраняется тесно связанный с ним дифференциальный признак актуальности действия для определенного момента действительности.

В нашей выборке имеются случаи полной нейтрализации категориального значения длительной формы при образовании этой формы от непроецессуальных лексико-семантических вариантов глаголов.

Нейтрализованные длительные формы могут быть стилистически нейтральными, как, например, длительные формы глаголов *feel*, *hurt* и других: *Laura is not feeling well and she says that she thinks she'd better not come to the table.* (John Cheever. *Selected Short Stories*, p.78).

Кроме того, в соответствии с коммуникативной интенцией говорящего при полной нейтрализации категориального значения длительной формы наблюдаются такие оттенки значения, как отсутствие категоричности, неуверенность, нерешительность, вежливость, тактичность:

I was thinking I could buy some extra... (Jh.Wilder. *Heaven's My Destination*, p.150).

Hallo, Sheila: Are you -er...?

I beg you pardon. Were you wanting to see someone? (John Cheever. *Selected Short Stories*, p.96).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что, несмотря на традиционную точку зрения, согласно которой формой существования непроецессуальных глаголов является только недлительная форма, в современном языке непроецессуальные глаголы широко употребляются и в длительной форме. Употребление непроецессуальных глаголов в длительной форме становится способом выделения процессуального лексико-семантического варианта, либо семантика непроецессуального глагола нейтрализует категориальное значение длительной формы при образовании данной формы от непроецессуальных лексико-семантических вариантов. Нейтрализованные формы длительного вида могут быть стилистически нейтральными или выражать различные модально-эмотивные оттенки значения.

Исходя из этого, у нас есть все основания для нового подхода к проблеме использования непроецессуальных глаголов в длительной форме, т.е. снятия нормативного запрета на их употребление в данной видо-временной грамматической форме.

Проведенный анализ показывает, что употребление непроецессуальных глаголов в длительной форме в литературно-разговорном английском представляет собой не стихийный, а сознательный, творческий процесс, связанный, с одной стороны, с разветвлением семантической структуры непроецессуальных глаголов, образованием их новых лексико-семантических вариантов, в чем проявляется тенденция к экономии в использовании словарных ресурсов, а с другой — с дальнейшей функционально-стилистической специализацией длительных форм.

Список литературы: 1. Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка. - М., 1975. 2. Вейхман Г.А. Новое и малоизвестное в английской морфологии // Ин. яз. в школе. - М.: Просвещение, 1991. - №2. - С.50-58. 3. Чейф У.Л. Значение и структура языка. - М., 1975. 4. Leech G. *Meaning and English Verb*. L.: Longman, 1971. 5. Murphy R. *Essential Grammar in Use*. - L.: CUP, 1990. 6. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvic G. *A University Grammar of English*. - Moscow, 1982.

О. В. Сидоров, канд. филол. наук /Харьков/

ДОГМАТИЗМ КАК ФОРМА ЯЗЫКОВОГО ПОВЕДЕНИЯ (лингвоэтологический аспект)

Лингвистическая этология рассматривает язык как фундаментальную форму человеческого поведения, детерминированную факторами и условиями, которые характеризуют человека как социобиологическое явление, т.е. учитываются все параметры,

принципы и закономерности языкового функционирования, связанного с человеком и его языковым поведением [2].

При всей недостаточной разработанности категориального аппарата лингвоэтологии исследование с ее позиций социальной сущности языковых явлений и процессов представляется весьма перспективным. Такая антропоцентрическая ориентация лингвистики позволяет определить новые социальные параметры языкового механизма, индуцированные социо-культурными конвенциями, социальными нормами и отношениями, которыми руководствуется субъект языкового поведения в коммуникативной деятельности. Субъекта языкового поведения следует понимать в самом широком смысле слова. Это может быть индивидум, социальная группа, класс, политическая партия и общество в целом, создающие свой языковой репертуар со специфическими признаками.

Так, при лингвоэтологическом рассмотрении языка политики обращает на себя внимание широкое использование языковых структур, выступающих маркерами догматически релевантного поведения субъектов коммуникации относительно социально-политической действительности. В данном аспекте догматизм приобретает функцию специфического алгоритма коммуникативной деятельности субъектов. В этой связи возникают лингвистически актуальные вопросы: Каковы гносеологические предпосылки для отражения догматизма в языковом поведении и с помощью каких языковых структур догматически релевантное поведение эксплицируется в коммуникации?

Для исследования был отобран материал с современной точки зрения исторический — нормативное языковое употребление в общественно-политической сфере ГДР, — имеющий однако по ряду объективных экстралингвистических причин непреходящее эвристическое значение. В институционно-государственных и социально-политических условиях того времени официальной идеологической нормой является марксизм-ленинизм — относительно замкнутая система научных воззрений и теорий, обосновывавших “необходимость построения социализма и коммунизма”, “стратегию и тактику классовой борьбы пролетариата”. При этом использование языковых средств в актах коммуникации подвергалось жесткой семантической и функциональной стандартизации, в результате чего языковые структуры воспроизводили социально-идеологические нормы и отношения, носившие в некоторых случаях догматический характер.

Догматизм как способ языкового поведения определяется двумя основополагающими параметрами: когнитивным и коммуникативным. В рамках первого измерения результаты человеческого познания фиксируются в словесных знаках как законченная неизменная регламентированная истина, не требующая верификации. При этом результаты познания — концепты и конституирующие их признаки — не столько отражают конкретные явления в конкретных ситуациях, сколько представляют собой застывшие раз и навсегда данные формулы. Ср., напр., дефиницию термина *Volksmacht*: *vom werktätigen Volk unter Führung der Arbeiterklasse ausgeübte staatliche Macht* [WdG], где положение о государственной власти, осуществляемой “трудящимся народом под руководством рабочего класса” находится в противоречии с ситуацией в социалистическом обществе, где вся полнота государственной власти принадлежала партийно-административному аппарату. Регламентация, как правило, затрагивает экстенсионалы понятия, которые определяются вне зависимости от объективных признаков соответствующих референтов. Это хорошо видно также на примере политических терминов: *Regime*, *Widerstandskämpfer*, *Terrorist*. Их интенционалы и экстенсионалы в идеологическом узусе ГДР довольно часто противоречили друг другу, т.е. экстенсионалы охватывали такие объекты реальной действительности, существенные признаки которых не совпадали с содержанием понятия.

Коммуникативный параметр оказывается тесно связанным с когнитивным и определяется не только языковой формой фиксирования и последующей экспликацией соответствующих понятий, убеждений, установок и т.д., но и спецификой употребления, реализации языковых структур в коммуникативной деятельности. Так термины: *Führungs-*, *Regierungs-*, *Finanz-*, *Agrarkrise* использовались исключительно по отношению к одному значено регламентированным фрагментам социальной действительности, т.е. только по отношению к странам западного мира. Определяющим при этом являлся характер

отношения к ним субъекта коммуникации — официальная идеологическая установка (ср.: *Allgemeine Krise des Kapitalismus*), но не реальное положение вещей.

Экспликация принципа догматизма в языке политики имеет свои предпосылки. В гносеологическом плане это отношение языковых знаков к истине. Употребление языка не всегда способствует выявлению истины и объективному освещению действительности, а служит для формирования мнения и отношения к политическим событиям. С этой целью осуществляется абсолютизация плана содержания языковых единиц с целью отстаивания, сохранения и упрочения некоторых понятий и представлений, что обеспечивает в свою очередь стабильность положения субъекта коммуникации независимо от объективных факторов. Об этом, в частности, свидетельствует употребление таких терминов как: *sozialistische Demokratie*, *sozialistische Lebensweise*, *sozialistische Bewusstsein* и др. Речь идет о субъективации подаваемой с помощью языковых средств информации. В психологическом плане экспликация догматизма проистекает из возможности стереотипизации коммуникативной деятельности. Унификация и типизация языкового кода имеет следствием унификацию восприятия социально-политической действительности. Приучив человека к определенным стереотипам, можно вынудить его реагировать на заданные ситуации автоматически, подобно условным рефлексам. Причем эта особенность сохраняется за языковыми формами даже тогда, когда мыслительное содержание давно утратило свое прежнее значение /1:163-164/.

В своей совокупности вышеперечисленные предпосылки отражения догматизма в языковом поведении имеют следствием создание и широкое употребление в социально-политических целях жестко стандартизированных и стереотипизированных единиц, которые детерминируются такими факторами как мировоззрение субъекта, его классовые интересы, идеологический статус. Стереотипы являются маркерами догматической релевантной коммуникации и представляют собой нормированные языковые средства для обозначения актуальных ситуаций разных видов человеческой деятельности, когда события, явления объективной реальности интерпретируются в легко определяемых и узнаваемых функционально-семантических формулах.

Ориентируясь на языковое употребление в ГДР, представляется возможным дать классификацию стереотипов по субъектно-объектному отношению. Это аутостереотипы и гетеростереотипы. Первые референциально связаны с социалистической действительностью и интерпретируют ее во всей совокупности особенностей, процессов, явлений, социальных структур, классов, отношений через призму марксистско-ленинской идеологии. Например, *Volksherrschaft*, *Vergenossenschaftlichung*, *sozialistischer Humanismus* и др. Тематически отличительной чертой данных стереотипов является всестороннее превознесение социалистического строя перед капиталистическим. Утверждается, что только при социализме уничтожается эксплуатация человека человеком, ликвидируются экономические кризисы и открывается простор для повышения благосостояния народа, всестороннего развития каждого члена общества; социализм представляет собой высшую форму демократии, обеспечивая трудящимся политические свободы, гарантируя социальные права. В каждом отдельном случае происходит абсолютизация и субъективация содержания употребляемых в коммуникативных актах языковых знаков, вследствие чего сам процесс коммуникации обнаруживает черты догматически релевантного поведения.

Одной из основных функций социалистической идеологии являлась активная неприимная позиция к своему идейному противнику — борьбе с западной идеологией. Реализаторами этой функции выступали гетеростереотипы — языковые знаки, связанные с социальной действительностью стран Запада референциально и противоречащие ей интенционально. Нормой коммуникативного поведения была установка на разоблачение “эксплуататорской природы капитализма”, на раскрытие его основных противоречий, обоснование его обреченности и предсказание гибели. Вследствие чего широкое употребление имели формулы типа: *Sittenverfall*, *sozialer Abstieg*, *Remilitarisierung* и др., зачастую некорректные по своей сигнификативной сути и придававшие коммуникативным актам догматическую релевантность.

Догматическая релевантность языкового поведения манифестируется языковыми средствами по-разному, в результате этого ауто- и гетеростереотипы имеют в актах

коммуникации различных функциональный статус. Представляется возможным разграничить когнитивные, нормативные и квалификативные стереотипы.

Когнитивные стереотипы — это функционально-семантические единицы языка, план содержания которых, выражаемые ими концепты характеризуются неопровержимостью имплицитированных признаков. Последние абсолютизируются, утверждаются как истинные и не подвергаются сомнению. Интенционалы данных лексических единиц принимаются как истинные без доказательства. Примечательны в этом плане термины: Sozialismus, Kommunismus, zyklische Krise des Kapitalismus.

Нормативные стереотипы. С их помощью выражаются понятия и интенции должностования, предписываются нормы и устанавливаются критерии социального поведения, выдвигаются политические требования. Среди последних следует прежде всего отметить требование послушания и лояльности к социалистическому строю, формирования классового самосознания. Это прагматические стереотипы, побуждающие людей к необходимым действиям, принятию социально релевантных решений. Призывы к воспитанию в себе качеств, необходимых для сохранения и упрочения социального строя, напр., sozialistischer Patriotismus, sozialistische Arbeitsmoral, sozialistischer Humanismus и др.

Кваликативные стереотипы представляют собой оценочные суждения. Как правило, это непроверяемые, бездоказательные, но патетически и глубокомысленно звучащие формулировки, претендующие быть истиной в высшей инстанции. Напр., Es sind die aggressivsten Kräfte der USA und der NATO, die eine Politik der Hochrüstung und der Konfrontation betreiben und in allen Regionen des Erdballs Konflikte schüren [ND, 1984].

Кваликативные стереотипы как признак догматически релевантной коммуникации тесно смыкаются с нормативными стереотипами, поскольку основной их целью является формирование отношения, позиции и поведения в социально-политическом аспекте. В качестве кваликативных выступают как аутостереотипы, так и гетеростереотипы. С их помощью осуществляется динамизация социальных процессов.

В заключении представляется возможным сделать вывод о перспективности лингвостологического подхода к исследованию коммуникативных процессов и явлений, детерминированных социальными факторами.

Список литературы: 1. Клаус Г. Сила слова. - М.: Прогресс, 1967. 2. Sager S.F. Reflexionen zu einer linguistischen Ethologie. - Hainburg: Edition Akademion, 1988.

Л. Л. Славова /Житомир/

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ НАРУШЕНИЯ АКТА КОММУНИКАЦИИ (на материале английского кинематографа)

Основная цель речевой деятельности — передача необходимой информации. Кроме того, возникновение коммуникативного акта всегда обусловлено потребностью говорящего достичь определенного прагматического эффекта. Однако этот эффект не всегда достигается из-за ряда факторов, которые порождают коммуникативные неудачи (КН). Речевая деятельность, разыгрываемая как минимум между двумя партнерами, говорящим и слушающим, и разворачиваемая как деятельность в смене ролей у того и другого, ставит человека то в позицию порождающего речь, то в позицию ее воспринимающего. Сообразно этому он должен в процессе овладения языком выработать два разных механизма речи, один из которых служит для создания речи, а другой — для ее восприятия. Первый помогает производить речь, продуцировать ее, а второй — ее понимать /2/.

В разговорной речи возможны ослышки. При возникновении ослышки ведущую роль играет семантическое ожидание, то есть семантическое прогнозирование собеседника. Возникающие иногда ослышки и недослышки свидетельствуют о значитель-

ной роли семантического торможения. С одной стороны услышанное кажется невозможным, возникает сомнение в правильности услышанного, и о наличии в процессе общения прогнозирующей работы нашего сознания — с другой стороны /5/. Нарушение нашего ожидания вызывает либо ослышку или недослышку, что в свою очередь может привести к КН.

В естественном речевом потоке физически реализованные границы имеют далеко не все слово. Кроме того, при производстве речи мы часто опускаем отдельные звуки и целые слоги, произносим звуки, "лишние" с точки зрения состава слова, возможные совмещенные варианты. В восприятии речи человеком существует некий механизм, осуществляющий, с одной стороны, сегментацию слышимой речи, а, с другой стороны, коррекцию ошибок, допущенных в ней /1/.

Говорение и слушание протекают совсем не как зеркально отражаемые процессы, обратные по своей направленности, но как процессы в значительной мере асимметричные. Одна из причин КН — в неоднозначности высказывания, в том, что одно и то же значение может быть выражено различными способами и по-разному восприниматься.

Говорящий очень часто выражает в высказываниях не один смысл, а несколько. Слушающий вправе выбирать тот смысл, который для него приемлем.

Образцами разговорной английской речи могут служить не только примеры художественной литературы, но и кинематографии, поскольку писатели, драматурги и сценаристы пытаются максимально полно отразить естественную речь. Это представляется естественным, потому что основная задача работников литературы и искусства состоит в правдивом отражении реальной действительности, включая особенности речи людей.

КН могут порождаться различными факторами:

1) свойствами языка:

а) неоднозначностью языковых единиц. По мнению А.А.Потебни, слова имеют "близкое" и "дальнее" значение /3/. Именно благодаря "близкому" значению слов, общепонятному и общепотребительному, возможно общение. По мере употребления одним из партнеров слов с "отдаленным" значением адекватность его понимания слушающим уменьшается до полной невозможности коммуникации.

Омонимия и полисемия становятся источником многочисленных КН. Например, в ситуации, когда действие происходит на борту корабля: Капитан и его помощник проходят мимо кабинета врача, помощник заглянул в кабинет и сразу же закрыл дверь:

Captain: What was he doing?

Assistant: He was treating a lady.

Captain: What was he treating her to? /"Carry on Cruising"/.

В данном случае КН порождена полисемией глагола to treat; в первом случае он имеет значение "лечить", а во втором "угощать".

б) неточное знание денотативной отнесенности и лексической семантики слов. Один из источников этого вида КН — приблизительное представление о значении слова, неточное знание набора признаков, составляющих содержание некоторых типов слов. Например, в ситуации, когда доктор объясняется в любви Флоренс:

Florence: You've taken my breath away.

Doctor: Oh, I am terribly sorry. Stand up. Breathe in, breathe out. /"Carry on Cruising"/.

в) КН, порождаемые различиями в коде говорящего и слушающего. Источником этого вида нарушений акта коммуникации является незнание одним партнером семантики слова или формы, свойственной коду другого партнера по коммуникации. Например,

The clerk: Can you see a female?

Augustus: Of course, I can see a female as easily as a male. Do you suppose I am blind?

The clerk: You don't seem to follow me somehow. There's a female downstairs: what you might call a lady. She wants to know can you see her if I let her up. /"Augustus Does His Bit"/.

2) КН, порождаемые различиями в индивидуальных (ментальных и психофизических) свойствах говорящих. КН объясняются различием между партнерами коммуникации. Не будь между ними различий, никаких КН не возникало бы, так как любое имплицитное высказывание, скороговорку, неясность, речевую деятельность "зеркальный

слушающий" понял бы именно так, как это задумал говорящий. КН нередко в естественном диалоге. Несовпадение констатации, актуализируемой собеседником — одна из наиболее частых причин нарушений акта коммуникации такого типа. К примеру, в ресторане за столиком происходит следующий диалог:

— Don't touch these drinks. There might be something in it (he is afraid, that the drinks may be poisoned).

— There is (there are sticks in the glasses). /"Carry on Spying"/.

3) КН, порождаемые неверным пониманием коммуникативного намерения говорящего:

— I am looking for a woman (he was looking for a certain woman, the British agent).

— Come with me, sir. I have a very pretty sister.

— Oh no, I mean... Excuse me. /"Carry on Spying"/.

4) КН, порождаемые прагматическими факторами:

а) если игнорируется одним из собеседников прагматический компонент в семантике отдельно взятого слова. Игнорирование некоторого негативного компонента, присутствующего в лексических единицах, нередко является источником КН. В языке действует закономерность: если у слова имеется наряду с нейтральным компонентом компонент отрицательной оценки, именно он, в первую очередь, осознается и актуализируется слушающим, даже если говорящий не имел в виду обращать на него внимание. К примеру, выражения *to be not good (not to match) for smb.* (не ровня, не пара) и подобные воспринимаются персонажами ряда английских кинолент отрицательно. Однако их партнеры зачастую не разделяют этой коннотации;

б) если нарушаются стереотипные связи между категориями смыслов. В обычной языковой картине мира существуют некоторые стандартные связи между обстоятельствами и местом действия, а также его целью. Некоторые локальные компоненты действия однозначно предполагают его цель и наоборот. Так, в библиотеку ходят читать или брать книги, а не ловить рыбу; в кино можно пойти не только посмотреть фильм, но и погреться, с кем-либо увидеться, но это уже не типичное явление;

5) КН, порождаемые реакцией на дескрипцию. Особый тип неадекватного реагирования на речевые намерения говорящего составляют случаи, когда собеседник реагирует не на основную функцию речевого акта, а на его фрагмент, чаще всего на какую-либо дескрипцию.

При этом, дескрипция в английском кинематографе чаще всего носит провокационный характер, когда говорящий намеренно "задевает" собеседника.

Определенные особенности устройства языка и его функционирования, а также особенности речевого поведения говорящих и ряд прагматических факторов приводят к КН. Безусловно, что их наличие затрудняет общение, приводит к комическим ситуациям. На самом же деле они редко приводят к полному непониманию, а снимаются в ходе дальнейшей беседы между коммуникантами.

Список литературы: 1. Грибанов И.А. К проблеме коррекции и сегментации при автоматическом распознавании слитной речи // Речевые приемы и ошибки: типология, деривация, функционирование. - М., 1989. - С.50-55. 2. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. - М., 1986. 3. Потенция А.А. Мысль и язык. - К., 1993. 4. Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / Под редакцией Земской Е.А. - М., 1993. 5. Сиротинина О.Б. Ослышки в разговорной речи // Теория языка. Методы его исследования и преподавания. - Л., 1981. - С.233-237.

Е. В. Тарасова, д-р филол. наук /Харьков/

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА В ТЕРМИНАХ СИНЕРГЕТИКИ

Лавинообразные процессы и катастрофы в природе, революционные потрясения и катаклизмы в общественной жизни, драматические ситуации выбора на жизненном пути каждого человека... В 80е годы в научной методологии начала складываться универсальная модель, позволяющая суммировать все эти разрозненные фрагменты обыденного опыта и эмпирического знания и подвести под них общую научную основу. Данное направление полу-

чило название синергетики (от греческого "синергия" — сотрудничество) и основывается на представлении о внутреннем единстве, гармонии и согласованности мира, "внутренней всепроникающей связи всего со всем"/2:7/. Синергетика направлена на познание сложных системных объектов, основными чертами которых являются целостность, богатство связей и активное взаимодействие с окружающей средой. Это — новое объединяющее направление в науке, детище прогрессивной тенденции к междисциплинарности в научном познании последних десятилетий, его цель — "выявление общих идей, методов и закономерностей в самых разных областях естествознания и социологии"/3:2/, изучение единой сущности самых разных явлений, рассматриваемых как процесс перехода от неорганизованности к порядку. Обобщив данные о повторяющихся явлениях, накопленные в самых различных областях знаний, синергетика доказывает, что несмотря на качественные различия, между механическими процессами, растительным и животным миром, мыслящим человеком и человеческим обществом имеется принципиальная общность. В современном научном познании синергетика представляет собой скорее парадигму, чем теорию, знаменуя собой утверждение особого стиля научного мышления, который предельно кратко можно охарактеризовать тремя ключевыми идеями: нелинейность, самоорганизация, открытые системы.

Современная наука приводит все больше доказательств того, что большинство окружающих нас объектов — мы сами, города, в которых мы живем, и, наконец, наша планета — являются открытыми, неравновесными системами, управляемыми нелинейными законами. Они обнаруживают способность к саморегуляции и активно обмениваются энергией и веществом с окружающей средой. Согласно синергетической концепции, любая системная единица уже в силу своей структурности заключает в себе механизмы оценки и переработки информации и на их основе проявляет свойства самодостраивания и самовоспроизведения. Идеологи синергетики понимают самоорганизацию как спонтанный процесс, "...протекающий от частей разрозненных к частям связанным"(10:327), как "возникающий на основе коммуникаций элементов регуляционный тип функционирования целого"/8:6/. В.Г.Пушков /7:145/ коротко и метко определяет это явление как "структура в действии", Н.Т.Абрамова /1:36/ видит в самоорганизации "...способность системы к стабилизации некоторых параметров посредством направленной упорядоченности ее структурных и функциональных отношений с целью противостоять энтропийным факторам среды".

В категориальном аппарате синергетики фигурируют такие понятия, как "информация", "семантика", "обратная связь", "отбор", "эволюция", "флуктуации", "бифуркации", "аттракция", "конвергенция" и некоторые другие, определяющие ее высокий методологический и эвристический потенциал и позволяющие поставить ее в один ряд с такими объединяющими дисциплинами, как информатика, общая теория систем, теория коммуникации. Подобно последней синергетика представляет собой систему взглядов, в которых физик, химик, биолог, математик, социолог и языковед видят свой материал, и каждый из них, применяя методы своей науки, так или иначе вносит вклад в развитие синергетики. Поэтому для выявления общих принципов, управляющих развитием сложных систем, требуется осмысление конкретных механизмов самоорганизации в конкретных процессах развития, в том числе системного развития языка и речи.

Идеи самоорганизации как нового типа научной рациональности связываются в современной методологии с теорией диссипативных систем И.Пригожина /4; 5; 6/. Понятие диссипативной системы отражает в синергетике устойчивые результаты самоорганизации. Суть этого понятия — в кооперативном действии разрозненных элементов, спонтанно организующихся в структуру некоторой открытой, нелинейной системы — единства, имеющего семантическую (информационную) природу. В концепции Пригожина рассматривается и такое явление, как "вложенные (embedded) системы", выступающие частями (подсистемами) других, более обширных систем, которые в свою очередь также поддерживают свое существование, обмениваясь энергией и информацией с другими, в том числе более крупными системами.

Задача настоящей статьи — связать данные новейшей синергетической концепции самоорганизации с лингвистической теорией поля. Так, если проанализировать с этой точки зрения на языковое поле темпоральности в английском языке, то выясняется,

что весь присущий ему набор признаков и свойств весьма точно соответствует характеристикам диссипативных систем Пригожина. Поле времени — это открытая макросистема с “размытыми” границами за счет полисемантического характера конституентов. Подвижность и динамичность, наличие внутри- и межполевого взаимодействия, возможность перехода явлений с одного уровня на другой — также являются его существенными атрибутами. Как в любом сложноорганизованном ансамбле, в поле времени действует закон функциональной зависимости элементов, который, собственно, и выступает в роли “организационного фактора”, регулирующего поведение данной нелинейной системы. На каждом из рассмотренных нами исторических срезов в пределах Новоанглийского (НА) периода — 16-20 вв. — поле времени “является не ставшим, а становящимся, не просто существующим, а непрерывно возникающим миром”/Князева 1991:19/, ибо представляет собой сложное переплетение гетерогенных и гетерохронных образований, в котором все компоненты сбалансированы и функционируют во взаимосвязи.

С точки зрения синергетики, описание “самоорганизации” означает описание процессов становления и обращено ко всей системе категорий, ассоциирующихся с понятием развития(эволюции). Ключевым понятием, характеризующим присущее синергетике новое понимание процессов развития, является неустойчивость, которая рассматривается как залог и симптом развития. Диахронический анализ поля времени позволяет заключить, что эта макросистема, хотя и стремится к равновесию, уравновешенной не является и именно ее “асистемность” и неустойчивость несет в себе конструктивный момент, обеспечивая ее непрерывную (хотя и дискретную) эволюцию во всех звеньях. Источником саморазвития и условием для возникновения новых свойств служат внутренние противоречия, которые разрешаются в ходе “борьбы каждого цикла со своими собственными структурными аномалиями”/2:17/. В соответствии с законом единства и борьбы противоположностей происходит раздвоение единого — так называемая бифуркация. Бифуркация — это точка, где происходит разветвление путей эволюции системы. т.е. возникновение вариантов (дифференциация). Данный процесс имеет глубокие аналогии в структуре английского поля языкового времени, отчетливо прослеживаясь, например, в дифференциации форм времени и вида. Так, в начале НА периода использование простого настоящего времени носило весьма универсальный недифференцированный характер, при котором временной и аспектуальный признаки действия совмещались в одной форме:

Lord. What's here? one dead or dumb? See, doth he breathe?

Sec.Hunter. He breathes, my lord (Shakespeare).

В дальнейшем происходит семантическое “расщепление” the Present Simple по мере возрастания уровня парадигматизации и функциональной нагрузки форм прогрессива и бифуркация, таким образом, дополняется интеграцией вариантов в систему. В сущностном плане это означает развитие, усложнение семантики: для оформления нового содержания возникает устойчивая структура — the Present Continuous — как результат самооптимизации микрополя настоящего времени.

Другой пример бифуркации — судьба, постигшая чрезвычайно распространенную в 16-17 вв. форму перфекта настоящего времени с be непереходных глаголов: How say you, Signior Gremio? — I am agreed. This gentleman is happily arrived (Shakespeare). Как следует из примеров, данная единица совмещала в себе совокупность значений, распределившихся позднее между структурами перфекта и пассивного залога. Именно парадигматизация последних в НА период привела к низведению перфекта с be до статуса аномалии и практически полному его вытеснению из употребления в современном английском языке.

Вблизи точек бифуркации обычно возникает некоторое число флуктуаций, которыми всегда сопровождается процесс развития. В синергетике даже вводится особый принцип — “порядок через флуктуации”/6/ и доказывается, что именно флуктуации (рассматриваемые как случайности, т.е. симптомы беспорядка и хаоса) нередко приводят к существенным изменениям в системе. Эволюция английского поля времени сопровождается довольно значительным фоном флуктуаций. Яркий пример тому — синтагматическая конкуренция перфекта настоящего времени и претерита. Так, в начале НА периода, когда перфект еще не оформился как категориальная форма с устойчивым значением временной отнесенности, “двойствен-

ность" этой формы, выступающей как бы в двух семантических разновидностях — претеритной и перфектной, проявляется в определенной "хаотичности" употребления, когда даже ближайшее контекстуальное окружение the Present Perfect и the Past Simple качественно совпадает и их можно признать свободными вариантами в пределах нормы в английском языке времен Шекспира (16-17 вв.):

Shyloch thy master spoke with me this day And hath preferred thee ... to become the follower of so poor a gentleman (Shakespeare).

В микрополе прошедшего времени роль флуктуаций как важнейшего источника генезиса системы со всей очевидностью проявляется в его центральных участках — ядре и околоядерной зоне, историческое развитие которых носит неравномерный скачкообразный характер. Так, в ходе синтагматической конкуренции между the Past Simple, the Present Perfect и the Past Perfect, проявляющейся как при выражении абсолютного, так и относительного прошедшего времени, происходит перераспределение между ними коммуникативных ролей. Эта дифференциация сопровождается ростом употребительности перфекта прошедшего времени (от 1,5% в 16м до 12,2% в 20м в.) и его утверждением в видео-временной системе английского языка особенно интенсивном в 19-20 вв. Таким образом, грамматическое ядро микрополя совершает переход от менее упорядоченного (хаотичного) состояния к более упорядоченному. В 16-17 вв. максимальность глагольной парадигмы носит здесь характер избыточности, что проявляется в дублировании и "перекрывании" категориальных значений форм. Вторая половина НА периода характеризуется все большей дискретизацией семантической сферы прошедшего в результате укрепления позиций перфекта и длительного вида.

Другой конкретной иллюстрацией возникновения "порядка из хаоса" может служить эволюция микрополя будущего времени. Из трех рассмотренных временных подсистем микрополе будущего минимально грамматизовано и представляет собой наиболее сложно организованный и диффузный комплекс взаимодействующих разнородных единиц. Семантический оттенок гипотетичности который заложен в понятии будущего, его "априорная" природа рефлексировать здесь в виде конкуренции форм будущего времени и модальности. Поздняя и безусловная парадигматизация *shall/will future* определяет размытость границ между грамматическим ядром и лексической периферией. Основная тенденция в историческом развитии микрополя заключается в сужении его морфологического сектора (как собственно ядра, так и околоядерной зоны), сопровождаемом стремительной экспансией лексической периферии за счет усиления роли модальных единиц. Система будущего как языковой и когнитивной сущности как бы "колеблется" перед выбором одного из возможных путей своей эволюции — временным и модальным полюсами. Это ярко проявляется и в функционировании доминанты, которая "вынуждена" проявлять "шифтерные свойства", выступая в зависимости от контекста то как модальная, то как временная форма. Однако, если в эпоху Шекспира 42,5% использования *shall/will* структур приходилось на долю "модально окрашенного" будущего (когда на основную временную сему накладываются модальные оттенки обещания, желания, угрозы и т.п.), то впоследствии доминанта микрополя все более специализируется в передаче "чистого" объективного будущего — 10:1 в современном употреблении. Растущая объективизация *shall/will future* — также свидетельство самоорганизации системы, ее способности создавать новые формы или адаптировать старые для передачи более тонких нюансов содержания.

Как видим, в эпицентре изменений всегда происходит выбор между имеющимися альтернативами, который в синергетике выступает первопричиной саморазвития как органических, так и неорганических систем и объясняется "методом методов, открытой самой природой"/9:117/. Характерно, что при всей его стихийности выбор всегда осуществляется по критерию ценности структурной информации, которая понимается в синергетике как структурно-организующее начало в развитии. В силу этого механизм выбора действует иногда таким образом, что даже малая флуктуация может разростись в макроструктуру — основной быстроразвивающийся процесс, подчиняющий себе все остальные процессы. Так, утверждаясь в системе прошедшего времени, the Past Perfect проделывает путь от одного из многочисленных вариантов основной категориальной формы (the Past Simple) в 16 в. до второго по функциональной значимости

компонента соответствующего поля, раскрывая на каждом последующем историческом срезе свои потенциальные возможности и вытесняя неустойчивые окологернейные элементы. В микрополе футуральности подобное происходит с "Going to future". Практически не встречающаяся в произведениях Шекспира (при всей образности и богатстве его языка) и малораспространенная вплоть до конца 19 в. (менее 1% выборки) сегодня эта конструкция относится большинством исследователей к числу важнейших (если не основного) способов передачи футуральной отнесенности. Более того, доказано, что данная конструкция стремительно развивается в направлении утраты модальности и приобретения чисто временного значения, успешно соперничая с категоральной формой футурума за доминирующее положение в соответствующем микрополе.

Именно выбор считается в синергетике тем механизмом, который выводит данный элемент (структуру) на аттрактор — внутреннюю тенденцию организации целостной системы. Понятие аттрактора — также одно из ключевых в концептуальном аппарате синергетики. Под ним понимается относительно устойчивое состояние системы, которое как бы притягивает к себе все множество компонентов. Если элемент или подсистема попадает в конус (сферу притяжения) аттрактора, то он/она неизбежно эволюционирует к этому относительно устойчивому состоянию (структуре). В рассматриваемой полевой модели роль аттрактора, безусловно, принадлежит грамматическому ядру. Именно эта часть системы выступает как центр притяжения для периферийных элементов и "несет ответственность" за развитие и самоорганизацию. Для иллюстрации опять обратимся к подсистеме прошедшего времени, ядро которой обнаруживает явно выраженную тенденцию к росту, в результате чего данное поле оказывается состоящим из морфологических элементов более чем на 97%! Такая высокая степень грамматизации достигается здесь благодаря консолидирующему воздействию центральной формы — простого прошедшего времени. О его роли аттрактора свидетельствует среди прочего прогрессирующая высокая степень автономности (самодостаточности) на всех рассмотренных хронологических срезах, т.е. независимости от лексических средств, доля которых резко сокращается. Таким образом подсистема прошедшего времени движется к своему ядру — аттрактору. При этом подтверждается правило, согласно которому, если аттрактор состоит из большого числа элементов, то можно ожидать сильных флуктуаций. Так, грамматическое ядро микрополя прошедшего представлено шестью формами (в том числе пятью аналитическими), конкурирующими между собой в выражении категорий времени и временной отнесенности.

Примечательно, что обретя способность выражать чисто временное значение и утвердившись в результате в качестве доминанты в ядре соответствующего микрополя, аналитическая форма the Future Simple тоже начинает проявлять свойства аттрактора по отношению к некоторым элементам лексической периферии. Именно повинувшись ее унифицирующему воздействию, грамматизируется Going +Infinitive, "втягиваясь" таким образом в парадигму английского глагола. Более того, идиоматизируясь и "насыщаясь" темпоральным значением, данная конструкция приобретает в современном употреблении тенденцию к агглютинации (гопна), превращаясь по сути в аналитическую форму. Здесь, как и в других микрополях темпоральности, аттракция ядра приводит к усилению аналитических тенденций в выражении временных отношений.

Аттракция как основной фактор саморазвития имеет место как внутри каждого из микрополей, так и в макрополе темпоральности в целом. При этом преобладающей оказывается сильная центростремительная тенденция, направленная к настоящему времени, несомненно выступающему ключевым понятием хроногенеза (универсальной общечеловеческой модели времени). Историческая стабильность и монолитность микрополя настоящего является прямым следствием высокого семантического потенциала его доминанты — простого настоящего времени, обусловленного наличием у него пантемпоральных функций и обеспечивающего легкость его транспозиции как в сферу прошедшего, так и будущего. Ни в одном другом временном поле "агрессивность" центрального компонента не выражена столь сильно. В результате, подчиняясь коммуникативной целесообразности, поле времени в английском языке как бы стремится ут-

вердиться на почве настоящего, стягивая другие временные сферы к этой центральной зоне.

Полевая модель темпоральности позволяет также установить конвергенцию информационных пространств, образующих семантические основы микрополей времени, отражающую нерасчлененность времени в языковом сознании, понимание его как некоторой целности, в которой моменты прошедшего, настоящего и будущего взаимопроникают друг в друга.

Анализ поля времени в свете данных синергетики показывает, что оно моделирует не только статические формы упорядоченности, но и упорядоченность процессов. Иначе говоря, понятие поля как самоорганизующейся функционально-адаптивной системы по новому освещает не только строение, но и поведение и, самое главное, развитие категории времени как исторически изменчивой когнитивной сущности.

Список литературы: 1. Абрамова Н.Т. Целостность и управление. М., 1974. 2. Добронравова И.С. Синергетика: становление нелинейного мышления. Киев, 1990. 3. Климонтович Ю.Л. Проблемы статической теории самоорганизации синергетики. АН СССР. Филос. об-во СССР. М., 1987. 4. Пригожин И. От существующего к возникающему: время и сложность в физических науках. М., 1985. 5. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 1986. 6. Пригожин И. Природа, наука и новая рациональность. В поисках нового миропонимания // Философия и жизнь, N7, 1991. 7. Пушкин В.Г. Кибернетические принципы самоорганизации. Л., 1974. 8. Щербаков А.С. Самоорганизация материи в неживой природе. М., 1990. 9. Эйген М., Винклер Р. Игра жизни. М., 1979. 10. Эшби У.Р. Принципы самоорганизации. М., 1964.

Я. М. Туманова /Харьков/

К ВОПРОСУ О СЛОЖНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ

В.И.Карабан /2:6-31/ дает структурное и функциональное описание сложного речевого акта (РА) как не-минимальной единицы речевого действия. В зависимости от типа отношений, устанавливающегося между простыми актами, им выделяются три вида сложных актов:

- 1) комплексный акт, где между компонентными простыми актами существует отношение субординации;
- 2) композитный акт с отношением координации между компонентами;
- 3) составной акт, в котором компонентные акты связаны отношениями специфического способствования.

Проводя структурный анализ высказываний, наиболее часто используемых адресантом при решении сверхзадачи — добиться от адресата выполнения действия, в котором последний не заинтересован (иными словами, лексико-семантических вариантов угрозы), мы выявили еще одну разновидность сложного РА, а именно: гибридный РА. На наш взгляд, такие речевые модели, как угроза-предостережение, угроза-обещание, угроза-клятва, угроза-вопрос, могут рассматриваться как сложные РА. Приведем несколько примеров гибридных РА:

- 1) If anybody leaves I warn you I am going to scream, she said, Louly! (I.Shaw. Bread upon the Waters);
- 2) I have decided not to reveal your wickedness to your father. But I warn you now. I will do so if anything like this ever happens in the future. (Barbara Taylor Bradford. A woman of Substance);
- 3) If you so much, as rest your eyes on Emma I will kill you. I swear to God I will. (Там же);
- 4) If I ever sees yer strike that lass again, yer life won't be worth living. I promise yer that. (Там же).

В выше приведенных четырех примерах в 1-м, 3-м и 4-м случае речевой код равен гибриднему РА, а во втором гибридный РА является элементом речевого кода. Что же касается типологии самого гибридного РА, то первые два примера представляют собой гибридный акт угрозы-предостережения, третий — угрозы-клятвы и четвертый — угрозы-обещания.

Какие аргументы можно привести в пользу того, что данные случаи действительно относятся к сложным РА, а не к сочетаниям простых РА, или сложным речевым артефактам, как их классифицирует В.И.Карабан /1:14/.

Во-первых, согласно В.И.Карабану /2:13/, отличительной особенностью сложного РА является наличие некоторого отношения между простыми РА. Мы считаем, что в гибридных РА таким типом отношения является разнovidность отношения субординации. Но если отношение субординации в целом между простыми актами в составе комплексного подразумевает подчинение цели одного акта цели другого, то отношение субординации в гибридных РА характеризуется тем, что цель одного акта состоит в акцентировании цели другого.

Как и в комплексном РА, в гибридном РА компоненты, находясь в субординативном прагматическом отношении, представляют собой соответственно акцентируемый и акцентирующий РА:

5) I'm not going to pay your bill anywhere but at Yale. Is that clear? (Belva Plain. Whispers).

В приведенном примере первый РА — акцентируемый, а второй — акцентирующий, т.е. "Is that clear?" — не есть суть вопроса в данном речевом ходе. На фоне акцентируемого РА угрозы акцентирующий РА вопроса теряет часть своих прагматических характеристик и становится скорее риторическим вопросом, который служит своего рода интенсификатором перлокутивной цели акцентируемого РА.

Или, если обратиться к примеру 4, то можно заметить, что в гибридном РА угрозы-обещания акцентирующий РА обещания под влиянием акцентируемого РА угрозы меняет свой знак тактико-диалоговой ориентацией с "+" на "-". Иначе говоря, обещание из кооперативно-направленного типа коммуникации, превращается в конфликтно-направленный. Теоретически, результатом слияния конфликтно-направленной угрозы ("—") и кооперативно-направленного обещания ("+") должна быть нейтрализованная угроза ("—" и "+" стремятся к 0), но на практике обещание как бы ассимилирует и меняет свою знаковую ориентацию, в результате чего получаем акцентированную угрозу ("—" и "—" стремятся к "-2").

Еще одним доказательством того, что приведенные примеры есть сложные РА, а не обычные сочетания простых РА, является то обстоятельство, что данные речевые модели (угроза-обещание, угроза-вопрос, угроза-предостережение, угроза-клятва) обладают высокой частотностью и зачастую воспринимаются как клише. Для сравнения: В.И.Карабан /2:17/ при разграничении сложных РА и сочетаний простых РА использует критерий "спланированности речевых единиц". Он считает, что сложные РА планируются как таковые, а цепочки, внешне сходные со сложными РА, образуются в результате развертывания речевого хода по мере формирования у коммуниканта простых акторечевых интенций. Сочетание простых РА не является речевой единицей — оно представляет собой речевой акт как элемент единицы речевого взаимодействия (речевого хода) или весь речевой ход. Сложные РА и соответствующие им сочетания простых РА, можно сказать, идентичны как продукты, результаты речевого хода, но существенно различны как процессы его осуществления.

Если проводить сопоставление гибридного РА с тремя типами сложных РА (а именно: комплексным, композитным и составным), то можно отметить следующее. По типу отношения, которое устанавливается между простым РА в составе сложного, гибридные РА находятся ближе к комплексным РА с субординативным типом отношения. Однако специфической особенностью гибридных РА является тот факт, что у них акцентирующий компонент частично утрачивает собственное, самостоятельное прагматическое содержание и ассимилирует под воздействием акцентируемого РА (примеры 4 и 5). Однако в отличие от вспомогательного компонента комплексного РА и способствующего компонента составного РА акцентирующий компонент гибридного РА обладает большей свободой расположения в пределах сложного РА. Сравните:

1) способствующий РА характеризуется строго фиксированной начальной позицией:
— Hello, is that Nag Keegan? (A.Owen);

2) вспомогательный РА может занимать как начальную, так и конечную позиции:

а) Don't repeat my words, please: it is a most aggravating habit. (B.Shaw) — конечная позиция вспомогательного РА;

б) You want a baby. Libbie, we'll have a baby (D.Roth) — начальная позиция вспомогательного РА.

3) акцентирующий РА может появляться в начальной, конечной и срединной позициях (или пред-, пост- и интер-позициях): соответственно, примеры (2)—(4), (5)—(1).

Итак, суммируя все вышесказанное, мы можем сделать следующие выводы.

Во-первых, среди сложных РА, помимо комплексного, композитного и составного актов, нами выделяется еще один тип сложного РА — гибридный РА. Между простыми РА в составе гибридного РА устанавливается такое отношение субординации, при котором задача акцентирующего компонента состоит в акцентировании цели акцентируемого РА.

Во-вторых, по сравнению с другими типами сложных РА акцентирующий компонент гибридного РА характеризуется меньшей степенью самостоятельного прагматического наполнения, т.к. присущие ему, как речевому акту, исходные прагматические функции частично утрачиваются или видоизменяются под влиянием акцентируемого РА.

И третье, акцентирующий член гибридного РА отличается большей мобильностью в рамках сложного РА и может встречаться в пред-, пост- и интер-позициях.

Список литературы: 1. Карабан В.И. Речевые акты как сложные элементы речевого материала // Вестник Харьковского университета. - № 352, 1991. 2. Карабан В.И. Сложные речевые единицы. - Киев, 1989.

И. Е. Фролова, канд. филол. наук /Харьков/

ПРИНЦИП ВЕЖЛИВОСТИ В РЕЧЕВЫХ АКТАХ ЭКСПРЕССИВАХ

Принцип вежливости является одним из основных в практике речевого общения, в наиболее общем виде данный принцип можно определить как принцип социальной интеракции, в основе которого лежит уважение к личности партнера /1:16/. Следование принципу вежливости накладывает определенные ограничения на вербальное поведение членов общества, которые состоят в том, чтобы учитывать интересы партнера по коммуникации, считаться с его мнением, желаниями и чувствами. При этом, говорящий также стремится к определенной свободе действий.

Основным теоретическим понятием, на которое опирается П. Браун и С. Левинсон /2/, описывая феномен вежливости, является понятие лица, или "социальное лицо" участника диалога, моделирующее социальную оценку индивидуума. Каждый участник коммуникативного акта обладает "социальным лицом", состоящим из двух взаимосвязанных аспектов: негативного (стремление к свободе действий) и позитивного (стремление к одобрению со стороны партнера). В интересах партнеров по коммуникации входит взаимное сохранение "социального лица", что является наиболее удобным способом достижения целей. Соответственно, вежливость является средством нейтрализации потенциальной агрессивности говорящего, вербальные действия которого могут расцениваться как представляющие угрозу для социального лица партнера.

Объектом исследования в данной статье являются речевые акты экспрессивы, с точки зрения соблюдения в них принципа вежливости. При этом, данный тип речевых актов понимается в соответствии с определением, данным Серлем /3/ с последующим уточнением: согласно точке зрения, принятой в настоящем исследовании, речевые акты экспрессивы подразделяются на этикетные (стандартные формулы речевого этикета: благодарности, извинения, поздравления и т.д.) и неэтикетные (выражающие весь спектр человеческих эмоций в нестандартных индивидуальных ситуациях общения).

Проведенное исследование дало возможность выделить следующие основные типы:

- иллокутивная цель совпадает с сохранением "социального лица" адресата;
- иллокутивная цель безразлична для "социального лица" адресата;
- иллокутивная цель конкурирует с соблюдением интересов адресата, сохранением его "социального лица".

Рассмотрим подробно каждый из данных типов.

В первом случае интенция говорящего положительно ориентирована относительно адресата и не может, таким образом, нанести ущерб "социальному типу" последнего. К

этой группе относятся этикетные РА экспрессивы. При этом часть из них, в силу частотности употребления в стандартных, этикетных ситуациях общения крайне слабо связана с интенцией говорящего, обладает практически нулевой степенью искренности коммуникативного намерения и может быть отнесена к "метаречевым экспрессивам" / 4/. Остальные, являющиеся этикетными РА экспрессивами (благодарности, извинения, пожелания, поздравления, сочувствия, соболезнования, комплименты) являются следствием действия принципа вежливости, поскольку направлены на сохранение "социального лица" адресата: выражая соответствующие ситуации эмоции, положительно ориентированные относительно адресата.

В этих случаях коммуникативное намерение говорящего характеризуется искренностью, для повышения степени которой говорящий может прибегать к дополнительным средствам, а именно: вводить обращения, расширять семантическую структуру РА, употреблять помимо этикетного РА экспрессива также и неэтикетный, либо заменять этикетный РА экспрессив неэтикетным.

- Thanks for all you've done, Doctor. (Douglas)
- You look great, baby. (Chase)
- Thank you, Ken. I know I can always count on you (Sheldon)
- It was so nice having you to dinner, Ben. (Chase)

Иллокутивная цель говорящего совпадает с сохранением "социального лица" адресата и ряде неэтикетных РА экспрессивов, выражающих эмоции, направленные на одобрение адресата, сферы его интересов (чаще всего действий адресата и круг лиц, близких адресату), а также выражающих согласие с эмоциональной оценкой адресата. В этом случае возможно использование как прямых неэтикетных РА экспрессивов:

- I have always considered you a bright boy (Chase)
- You are very quick with that computer (Douglas)
- Sounds like a sensible idea (Douglas),

так и косвенных:

- Shall I go on? — he asked.
- I'll kill you if you don't, — she responded smiling (King)

Следовательно, в случае совпадения иллокутивной цели говорящего с сохранением "социального лица" адресата возможны различные типы ситуаций: как стандартные, этикетные ситуации, так и индивидуальные, неэтикетные; коммуникативное намерение говорящего характеризуется искренностью, отсутствует необходимость подавления агрессии по отношению к адресату, поскольку вербальное выражение эмоции не несет таковой. Таким образом говорящий сочетает свободу вербальных действий с одобрением адресата.

Во втором случае имеем ситуации, в которых иллокутивная цель говорящего различна для "социального лица" адресата, то есть эмоция, находящая свое вербальное выражение, не затрагивает ни адресата, ни сферу его интересов и, следовательно, не может быть соотнесена ни с положительным, ни с отрицательным оценочным знаком по отношению к адресату.

Поскольку все формулы речевого этикета несут положительный заряд, направленный на собеседника, очевидно, что этикетные РА экспрессивы не могут употребляться в данной функции. Здесь возможно употребление неэтикетных РА экспрессивов, как прямых, так и косвенных. Соответственно тип ситуации — нестандартный, неэтикетный. Коммуникативное намерение говорящего характеризуется искренностью; говорящий может осуществлять свое стремление к свободе вербальных действий, не опасаясь при этом нанести ущерб "социальному лицу" адресата.

И, наконец, когда иллокутивная цель говорящего конкурирует с соблюдением интересов адресата, сохранением его "социального лица", эмоция, переживаемая говорящим, несет в себе агрессию по отношению к адресату и может нанести ущерб "социальному лицу" последнего. Говорящий стоит перед выбором подавления либо негативного аспекта (свободы вербальных действий), либо позитивного (стремления к одобрению со стороны партнера). В последнем случае принцип вежливости нарушается. При подавлении негативно-го аспекта возможны следующие варианты:

— частичное подавление свободы вербальных действий: говорящий использует косвенный речевой акт, который дает адресату представление о переживаемой говоря-

шим эмоциями, не нанося, в то же время, ущерб социальному лицу адресата, таким образом агрессия нейтрализуется лишь частично:

"Why?" Cap said finally. "Why have you gone to these insane lengths?"

— Do they seem insane? Rainbird asked. (King)

"You still think I'm crazy, don't you? A lunatic?"

"You said that, not I" (King)

— полное подавление свободы вербальных действий: эмоции говорящего не находят вербального выражения либо переходят во внутреннюю речь: "Silly old bitch", he said when the door was closed behind her. "Pompons old ass", she kicked as she went down in the lift. (Maugham). Либо говорящий производит РА, положительно ориентированный на адресата, и не обладающий искренностью коммуникативного намерения: "That would be great", he said trying to conceal his irritation. (Lodge). При полном подавлении свободы вербальных действий говорящего агрессия по отношению к адресату нейтрализуется полностью.

Частичное либо полное подавление свободы вербальных действий возможно как в стандартных, этикетных ситуациях (этикетные РА экспрессивы, которые характеризуются отсутствием искренности коммуникативного намерения), так и в нестандартных, неэтикетных ситуациях (прямые и косвенные неэтикетные РА экспрессивы, для прямых характерно отсутствие искренности коммуникативного намерения).

Условиями, побуждающими говорящего к подавлению свободы вербальных действий могут быть: более высокий статус адресата, наличие слушающих, отсутствие высокой степени концентрации эмоций у говорящего, однако основным условием является все же желание говорящего следовать нормам речевого общения, в частности, не нарушать принцип вежливости. Это условие первично, перечисленные ранее — вторичны.

Принцип вежливости находит свое выражение во всех трех рассмотренных типах также и на формально-семантическом уровне, без каких-либо существенных различий для каждого типа. Выбор формально-семантических средств для реализации эмоций определяется характером ситуации и характером взаимоотношений коммуникантов.

Список литературы: 1. Беляева Е.И. Принцип вежливости в речевом общении // Иностранные языки в школе, 1985, №2. 2. Brown P., Levinson S.C. Politeness: Some Universals in Language usage. - Cambridge etc.: Cambridge Univ.Press, 1987. 3. Серль Дж.П. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М, 1986, Вып. 17, С.170-194. 4. Карабан В.И. Сложные речевые единицы. Киев, 1989.

В. В. Хименко, канд. филол. наук /Харьков/

ЗАКОНОМЕРНОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ ГЛАГОЛОВ С ИНФИНИТИВОМ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ТЕКСТОВ

За последнее время возрос интерес лингвистов к проблемам семантического синтаксиса и избирательной сочетаемости языковых единиц в зависимости от характера текста. Темой данной статьи являются речевые характеристики сочетаний личного глагола с инфинитивом — синтаксически сложных сказуемых, имеющих в современной лингвистике статус одноядерного глагольного словосочетания с правом распространением, то есть прогрессивные структуры. К числу нерешенных относится вопрос о роли экстралингвистических и интралингвистических факторов в актуализации глагольного словосочетания в текстах и о закономерностях синтактико-семантической сочетаемости его компонентов. Теоретические положения, из которых исходят исследователи при решении данной проблемы, разноречивы. Одни ученые стоят на позициях жесткого разграничения экстра- и интралингвистических факторов, и считают, что исследование взаимодействия указанных факторов должно проводиться на основании их раздельного изучения /1:82/. Другие усматривают органическую связь обоих факторов при анализе языковых явлений /2:151/. В этой связи проблемы, связанные с инвен-

таризації синтагматическої семантики, представляються теоретически і практически цеслообразними.

Ранес нами були опубліковані результати изучення реалізації семантических зв'язей між компонентами словосочетання в окремих текстах, однак не були представлені данні дослідження синтактико-семантических зв'язей глаголів в текстовому протиповстановленні.

Для сопоставлення семантических зв'язей дослідюваних глаголів (V) з присоединяемим інфінітивом (V_{inf}) були виділені їх семантическі класи. В статті розглядаються семантическі зв'язі тільки трьох семантических груп глаголів (із шести виділених). А іменні: а) емоціонального отношения (want, wish, desire, long, like, prefer, love, dare); б) фази процесу (begin, start, continue, cease, stop, commence, quit); в) інтелектуальної діяльності (decide, resolve, remember, forget, intend, aim, figure). Складені трьох частотних мікрословарей V_{inf} дозволило виділити 6 основних семантических класів. На основанні статистических даних був определений удільний вес синтактико-семантическої зв'язі між компонентами валентностної пари. Виділені об'єкти, обладающие різничою мірою зв'язі: базисні, нейтральні і периферійні.

Розглядання синтагматических зв'язей першої групи глаголів емоціонального отношения з глаголами V_{inf} убсждають в тому, що вони реалізують з глаголами чувствснного восприятія і мислення устійніві зв'язі во всіх дослідюваних типах текстів (сопоставлялись три фрагмента речової системи: політичсська хроніка, діалогічсська реч і електроніка і радіофізика).

1. We want to see sections of the community in action (Morning Star). 2. What's she want to see me for? (Salinger). 3. p/x is the density finction which we wish to find out (Transactions on Space).

При розгляданні словосочетаній цієї ж групи глаголів емоціонального отношения з другими семантическими класами V_{inf} оказалось, що їх поведіння в різних типах текстів контрастно. Так, наприклад, хотя наличие их зв'язі з глаголами інформації зафіксовано во всіх дослідюваних текстах, базисна зв'язь між ними отмечена только в текстах електроніки і радіофізики. Здесь наліцо екстралінгвістическая фактор-необходимость передати научную інформацію. Словосочетання глаголів емоціонального отношения з глаголами дієвності характеризуються текстовою специфічністю: базисною зв'язью в текстах електроніки і радіофізики і нейтральною — в політичсській хроніці і діалогі. Ми полагаєм, що тяготення етих язикових одиниць обусловлено внеязыковой действительностью — тенденцією к измененію состояния. В електроніці, главным образом, идет речь об измененіи физического состояния дослідюваних об'єктів, в політичсській хроніці — о стремленіи различных социальных групп к измененіям, а в діалогі — об измененіи местонахождения, настроя і др.

При анализі другої групи глаголів-фазових — виявлені також тождественні характеристики в трьох типах текстів. Это словосочетання фазових глаголів з V_{inf} со значенням измененія состояния.

1. The total of 1,897,000 unemployed announced on Tuesday will continue to climb (Morning Star). 2. For short oxidation times, the dielectric constant increases and then starts to decrease (Solid-State Electronics). 3. It's a long, arduous road he's starting to travel (Maugham).

Если семантическі зв'язі фазових глаголів з глаголами дієвності і измененія состояния являются базисними, то зв'язі етих глаголів з глаголами других семантических груп относятся к периферійним во всіх дослідюваних типах текстів.

Совсем иначе ведут себя глаголы третьей рассматриваемой группы, то есть глаголів інтелектуальної діяльності. Они тяготеют к глаголам V_{inf} со значенням приобретения, присоединения. Только эти зв'язі оказались базисними во всіх дослідюваних типах текстів.

1. Over 200 Ret supporters, including Labour Party members, decided to join the Committee (Morning Star). 2. You know I am completely tied up and want a definite date when you mean to rejoin me (Robins). 3. We intend to apply this method to the case of bulk atoms of crystals (Solid-State Electronics).

Сопоставив характер семантического согласования компонентов словосочетаний трех семантических классов глаголов с V_{inf} в указанных типах текстов, мы обнаружили общие и отличительные черты исследуемых пар. При этом в ряде случаев семантическая сочетаемость компонентов характеризуется высокой степенью общности в трех типах текстов. Отмечена понятийная соотношенность компонентов, при которой прослеживается явление семантического равновесия. Поддерживаются регулярные семантические связи: а) глаголов эмоционального отношения с глаголами мышления; б) глаголов фазы процесса с глаголами изменения состояния; в) глаголов интеллектуальной деятельности и глаголов со значением приобретения, присоединения. Эти связи могут рассматриваться как общий положительный признак, характеризующий синтактико-семантическую сочетаемость исследуемых компонентов. Кроме того, обнаружены типы связи, характеризующиеся общим отрицательным признаком, когда семантические группы компонентов избегают друг друга во всех трех типах текстов.

Анализ полученных результатов позволяет сделать вывод о том, что каждая группа двустороннего компонента характеризуется преобладающим тяготением, в основном, к одной семантической группе зависимого компонента. Находит проявление закономерность, при которой содержание восполняющего компонента коррелирует с семантикой восполняемого слова. Как правило, компоненты пары сочетаются в соответствии с существующими закономерностями семантического тяготения. Глаголы эмоционального отношения, фазы процесса, интеллектуальной деятельности обнаруживают четко выраженную контрастность лексико-семантической корреляции. Так, фазовые глаголы, обозначающие процессы материального мира, тяготеют к лексике со значением изменения состояния (*continue to rise, continue to increase*), тогда как для глаголов, относящихся к эмоциональной деятельности, характерны связи с лексикой, отражающей духовный опыт человека (*want to know, hope to see*). Глаголы интеллектуальной деятельности, тяготеющие к связям с единицами со значением приобретения, присоединения, отражают особенности жизненной деятельности человека (*decide to join, decide to marry*).

Таким образом, сочетаемость компонентов валентностной пары обнаруживает стремление языковых единиц к смысловому равновесию, что, в свою очередь, свидетельствует о системном характере семантической сочетаемости. Тип текста не оказывает непосредственного влияния на семантическую сочетаемость компонентов исследуемой пары. Однако различный лексический набор глаголов двустороннего компонента в различных типах текстов оказывает косвенное влияние на характер синтактико-семантической связи между компонентами валентностной пары.

Список литературы: 1. Щур Г.С. О месте лингвистических и экстралингвистических семантических признаков при исследовании лексики. - Учен. зап. Ярославского пед. ин-та, 1971, вып.94, С.81-87. 2. Гак В.Г. К проблемам общих семантических законов. - В кн.: Общее и романское языкознание. - М., 1972, С.144-157.

Л. Н. Черноватый, канд. пед. наук /Харьков/
Leonid Chernovaty

ACQUISITION HIERARCHY IN FOREIGN LANGUAGE ACQUISITION

Acquisition hierarchy (AH) is defined as the order in which (grammar) items are acquired. According to the research in child second language acquisition (SLA) (2), children (5-9 years old) acquire the second language grammar in the following order (13 grammatical items had been analyzed): **group 1** - Nominative and Accusative cases, word order in simple declarative sentences; **group 2** - singular copula, singular auxiliary, plural auxiliary, progressive; **group 3** - Past Irregular, possessive, conditional auxiliary, long plural, 3d person singular; **group 4** - perfect auxiliary, past participle. Other research (see the review in 3, pp.209-210) showed that adult SLA follows more or less the same pattern in AH. At the same

time it was indicated that there had been an insufficient amount of research as far as adult SLA in the foreign environment is concerned. To this end a laboratory experiment was conducted.

Subjects. Three male high-level managers from one of Kharkiv research institutes, all with PhD degrees, and the average age of 46. University graduates from the School of Physics and Radio Physics. All with a rather long history of learning English at the secondary school and university levels, but with a typically low ability to communicate orally. Until recently they had been using English exclusively for reading literature in their specialized field. For the last year before the experiment the subjects had been having regular (4 hours a week) English classes based mostly on communicative approach (role plays, etc.). The subjects' native language was either Ukrainian or Russian, but all of them had been using mostly Russian as the language of communication at work for the last 20-25 years.

Experimental procedure. To elicit the subjects' speech the unstructured communication technique (UCT) was used. The UCT had the form of a role play in which the subjects were looking for a house or a flat to lease or buy. The subjects alternatively played the roles of a buyer and an agent. Their speech was recorded on a tape recorder and then analyzed.

Material. 9 grammatical items which had been investigated in the previous studies were selected (see above). To avoid ambiguity the following definitions of these items were used (3, pp.218-219): 1) progressive - -ing in any progressive tense (gerunds not included); 2) plural - long plural (all cases where the |iz| allomorph is required for plural formation (e.g. "houses") and short plural (all other cases) were distinguished; 3) past irregular - the irregular past forms of the main verbs (auxiliaries like "was", "were" and past participles like "gone" were not included); 4) possessive - the possessive marker 's on nouns; 5) article - both "a" and "the" were combined under this category; 6) past regular - [t], [d], and [ɪd] allomorphs were combined under this category; 7) 3d person singular - [s], [z] and [ɪz] allomorphs were combined under this category; 8) contractible copula - 3d person singular of "be" as in "She's a girl"; 9) contractible auxiliary - 3d person singular and plural of "be" as in "She's dancing" or "They're sleeping".

Procedure. The concept of "obligatory occasion" (1) was used for the computation. According to this concept the scoring of test items was conducted as follows: (a) no morpheme supplied = 0 points ("Two child"); (b) misformed morpheme supplied = 1 point ("Two childs"); (c) correct morpheme supplied = 2 points ("Two children"). The actual computation was then carried out in the following way. First, the total number of obligatory occasions of the particular structure was counted and multiplied by two (2 points for each occasion). It yielded the expected score of this subject. Then the subject was assigned the actual points he had scored. The number of points for each occasion ranged from 0 to 2 depending upon the performance of the subject. The total number of those points yielded the subject's actual score (AS). Then the percentage of acquisition (PA) was computed through dividing the total AS by the total ES and multiplying the result by 100.

In the analysis it turned out that the contractible auxiliary was not elicited from the subjects' speech at all. At the same time it turned out to be impossible to define obligatory occasions for the use of the contractible copula, as well as for the possessive marker. Therefore those items were deleted from the analysis. The analysis results of the remaining 7 items are presented in Table 1.

PERCENTAGE OF ACQUISITION/RANK ORDER							
Subjects	PIr	PR	Pl(sh)	Pl(l)	Art	Prg	3dp.
A	25/2-3	50/1	25/2-3	0/6-7	13/4	10/5	0/6-7
B	60/1-2	41/3	60/1-2	40/4	28/5	27/6	1-/7
C	96/1	89/2	60/3-4	60/3-4	51/5	50/6-7	50/6-7
Average group							
rank order	1	2	3	4-5	4-5	6-7	6-7

Table 1. The percentage of acquisition and the rank order of the grammatical items tested in the experiment (PIr - Past Irregular; PR - Past Regular; Pl(sh) - Plural (short); Pl(l) - Plural (long); Art - Article; Prg - Progressive; 3d p. - 3d person singular).

Results and Discussion. As it follows from Table 1, the subjects' AHs naturally do not completely coincide. Within this group subject A may be classified as advanced (his PA is never below 50%, and his average PA is 65%), subject B - as intermediate (average PA - 38%), and subject C - as elementary (average PA - 18%). In spite of all those differences between the subjects, their AHs look pretty similar. Subjects B and C show considerable uniformity in their AHs. Their rank orders are quite similar: there is a complete or almost complete coincidence between the two subjects in many aspects. Moreover, even the comparison of all three subjects shows a considerable uniformity in their patterns of acquisition. The first three places are occupied by past irregular, past regular and short plural. The following two places - by long plural and the article with subjects B and C, while subject A failed to use it in all obligatory occasions. It might be explained by the fact that the overall acquisition of plural by subject A is quite poor (25% with short plural), and there were only 5 obligatory occasions to use long plural. That leaves room for chance. The same goes about the acquisition of progressive by subject A. There were 5 obligatory occasions for the use of progressive (ES = 10), and subject A used only one element of this structure just once ("I driving to your agency immediately"). Thus his AS = 1 and PA = 10 in this case. Even such minimum result enabled the progressive structure to occupy the 5-th position in this subject's AH. Article, progressive and 3d person singular occupy positions from 5 to 7 with all three subjects (article occupies the 4-th position with subject A for the reasons discussed above).

To determine the degree of similarity between the results of this experiment and other studies the Spearman rank correlation coefficient (ρ) was computed(3). The results of adult SLA in the host environment (4) were used for the comparison. Because in the latter study only morphemes appearing in at least ten occasions were included, the results of long plural and progressive acquisition, presented in Table 5, had to be excluded. The remaining grammar items were used for the comparison, the results of which is shown in Table 2. The first two items in the study under consideration (4) had to be excluded because the acquisition of copula had not been analyzed in the framework of this experiment, and the progressive PA had to be omitted because of the insufficient number of obligatory occasions in this study. Thus there was a shift in the rank order in both studies.

Grammar structures	Rank 1(R1) (Krashen et al.1977)	Rank 2(R2) (This study)	R1-R2/R2-R1 (d)	d ²
1. Plural	1	3	2	4
2. Article	2	4	2	4
3. Past Irregular	3	1	2	4
4. Past Regular	4	2	2	4
5. 3d person singular	5	5	0	0

Table 2. Rank order correlation (ρ) between the results of this study and the results of the research of adult SLA in the host environment.

Table 2 shows that there is little similarity between the results of the two studies. The ρ , computed on the basis of the results presented in Table 2, is equal to 0,20, which is pretty low and shows that there aren't many similarities between the data of the two studies. Thus we may conclude that there is little correlation between the results under comparison. It seems that there might be differences between the SLA in the host and the foreign environment. The host environment research (4) reports the progressive PA at 84%, while in this study it only amounted to 29%. One explanation may be the fact that SLA in the foreign environment may take place under the conditions of a considerably different input, especially if the emphasis in teaching is not on the oral communication. The absence of natural speech environment and a different character of input may also force the students to select a different strategy of SLA, concentrating mostly on overcoming global errors (those affecting overall sentence organization) and ignoring local errors (those affecting only separate elements of the sentence).

It might be concluded that there is a considerable similarity in AHs among adults in the foreign environment SLA, but such AHs are different from those observed in child/adult SLA in the host environment. Such differences may be explained by the difference in environment (among other factors), resulting both in the amount of input the students receive in SLA, and in the characteristics of such input. It seems that there may be regularities in AH in the foreign environment, which have to be researched, assessed and taken care of in teaching.

References: 1. Brown, H.D. Affective variables in second-language acquisition. - *Language and Learning*, 1973, vol. 23, p.231-234. 2. Dulay, H., Burt, M. A new approach to discovering language universals of child second language acquisition. - In: Dato, D. (ed.) *Developmental Psycholinguistics*. - Washington, D.C.: Georgetown University Press, 1975, p.209-233. 3. Dulay, H., Burt, M., Krashen, S. *Language Two*. - New York - Oxford: Oxford University Press, 1982. 4. Krashen, S., Houck, N., Guinchi, P., Bode, S., Birnbaum, R., Strei, G. Difficulty order for grammatical morphemes for adult second language performances using free speech. - *TESOL Quarterly*, 1977, vol.11, p.338-341.

Р. С. Черновол-Ткаченко /Харьков/

НЕКОТОРЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКИ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Особенности внутренней и внешней организации рекламных текстов привлекают все большее внимание лингвистов, что обусловлено не только лингвистической, но и социальной актуальностью функционирования данных коммуникативных единиц. Рекламные тексты представляют собой разновидность речевых произведений с четко заданными интенциями, реализация которых связана с употреблением различных языковых средств.

В данном аспекте обращает на себя внимание использование коллоквиализмов в текстах рекламы. Коллоквиализмы современного немецкого языка были предметами специальных исследований (см. раб. В.Д.Девкина), однако за пределами внимания исследователей остались функциональные особенности данных языковых единиц, детерминированные условиями реализации.

Коллоквиализм представляет собой, в нашем понимании, "слово разговорного употребления", выражающее эмоциональное, индивидуальное, экспрессивное содержание /1:254/. Частое употребление в рекламных текстах коллоквиализмов обусловлено именно их экспрессивной функцией, "выражающей определенное внеязыковое содержание, связанное с качественно-количественной характеристикой реальных "предметов" и их эмоциональной оценкой субъектом" /2:13/, поскольку рекламные тексты несут сильный заряд воздействия на реципиента с целью повлиять на его поведение и принятие решения. Роль субъективных, эмоционально-оценочных компонентов здесь чрезвычайно велика, что приводит к усилению впечатления, которое в свою очередь обеспечивает увеличение воздействия на реципиента.

Коллоквиализмы, употребляемые в рекламных текстах, выражают экспрессивность, компонентами которой являются эмоциональная оценка, интенсивность.

Эмоциональная оценка. Словосочетание "эмоциональная оценка" называет разноуровневые явления. На экстралингвистическом уровне эмоциональная оценка представляет собой мнение субъекта о ценности некоторого объекта, и проявляется как некоторое чувство, эмоция. На языковом уровне эмоциональная оценка предстает как "отраженное и закрепленное в семантике языкового знака, мнение субъекта о ценности некоторого объекта" /2:45/.

Например: Tolle Schirts mit persönlichem Foto;

Dieser bullige Brummi fährt für sie unter Ihrem Namen;

Flott, jung und ein wenig frech Regenbogen-Etiketten.

Интенсивность. Рассматривая интенсивность как один из компонентов экспрессивности, являющийся качественно-количественной характеристикой обозначаемого

словом явления, т.е. отражающим меру явления, мы связываем ее не с любой количественной квалификацией явления, а только с такой, которая демонстрирует отклонение от "нормальной" меры. Мера — это своего рода зона, в пределах которой данное качество может модифицироваться, сохраняя при этом свои существенные характеристики /ФЭС, с.360/.

Использование коллоквиализмов и коллоквиальных выражений в рекламных текстах тесно связано с их интенсивностью. В экспрессивном слове интенсивность входит в коннотативную сферу значения. Мера явления получает значимость коннотативной семы в тех случаях, когда она отражается через призму восприятия ее субъектом, соотносится с его видением данного явления, с его эмоциональным отношением и оценкой воспринимаемого им явления. Поэтому в семантике экспрессивного слова сема "интенсивность" в большей или меньшей степени связана с другой коннотативной семой, участвующей в порождении экспрессивности — "эмоциональной оценкой".

Например: *Top hit Club hält sie immer auf dem Laufenden...*

Das Superabo: Einführungsangebot zum Preis von CD nur...

Таким образом, можно сделать вывод, что использование разговорной лексики в рекламных текстах является эффективным методом воздействия, апеллирующим как к человеческому сознанию, так и к подсознанию, вызывая зачастую положительную реакцию у "потребителя" рекламы.

Список литературы: 1. Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. М., 1979.

2. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск, 1986.

С. А. Швачко, д-р филол. наук,

И. К. Кобякова, канд. филол. наук,

О. И. Лещенко, канд. филол. наук /Сумы/

ТЕКСТОВАЯ ЗАВИСИМОСТЬ ЯЗЫКОТВОРЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ

Социальная сущность языка проявляется в богатом разнообразии функций, которые, находясь в сложной иерархической интеграции, зависят как от типа мышления, так и от условий коммуникации, характера текста. Среди практических и непрактических функций языка особое место занимает языкотворческая функция (ЯТФ).

ЯТФ в тесной интеграции с другими функциями используется для обозначения результатов ментальной деятельности человека, его квалификативных суждений. ЯТФ используется для "оязыковления" инновативной мысли. ЯТФ — инструмент создания новой структуры текста, закона, правила, умозаключения. Назначение ЯТФ состоит в генерации и вербализации новых рече-мыслей.

Отличительной чертой ЯТФ является игра мыслью — в образном и необразном представлении, игра слов в текстах разных жанров (художественных и нехудожественных, научных и ненаучных); наличие гиперо-гипонимических отношений с эстетической и поэтической функциями: участие в образовании на базе именуемого социального и лингвистического опыта производных единиц более сложной структуры.

Содержательные оппозиции данное :: новое, известное :: неизвестное, серьезное :: несерьезное по-разному представлены в типичных и нетипичных текстах. Нетипичные тексты, в отличие от типичных, характеризуются конфликтностью тематических и рематических зон, отсутствием таких текстовых категорий, как: заголовков, сюжет, зачин, концовка. Ср. авторские юмористические изречения (АЮИ).

Нетипичность АЮИ проявляется в отсутствии фабулы /1/, в приращении смысла /2/, в репрезентации текстовых категорий /3/, в гибком моделировании текстов /4/, в производности АЮИ от других текстов /5/.

В АЮИ наблюдается определенный разрыв между связностью и цельностью. Когерентность АЮИ является иллюзорной из-за разрыва между данным и новым, интродукцией и фокусом. В АЮИ новая информация дистантна по отношению к реальному миру и устоявшимся концептам. Нетипичные тексты, к которым принадлежат АЮИ,

отмечены бинарностью традиционного и вымышленного, логического и алогического. Прерогативой этих нетипичных текстов является игра мыслью, тезаурусом и словом. Нетипичным текстам присущ феномен двусмысленности. В шкале семантического сбоя, потери информативности АЮИ занимают не последнее место. (Ср. пословицы — юмористические изречения — загадки — лирики — рифмовки — скороговорки).

Общими признаками АЮИ и серьезных изречений являются их индивидуальность, авторская отмеченность, принадлежность к малым формам литературного жанра или к малому жанру, лаконичность и изопрепность формы рассуждений на "вечные" темы, синтезирование осмысления предыдущего опыта, а также — отсутствие фабульности. Definition of a good mother: who loves her child almost as much as a little girl loves her doll (G.Mencken). All art is quite useless (O.Wilde).

Основное различие составляет отношение к истинности рассуждения: нетипичного, несерьезного — у АЮИ, практического — у серьезных изречений, а также набор реализуемых функций в сопоставляемых текстах. Every man desires to live long; but no man would be old (J.Swift). Men are contented to be laughed at for their wit, but not for their folly (B.Swift).

Новизна АЮИ заключается в интродукции новых идей, несерьезных, непрактических концептов, логических нонсенов, вербализуемых образными/необразными средствами языка при помощи игры слов, форм, структур. Обязательным при этом выступает новизна мысли, факультативным — новизна языковой формы.

АЮИ отличаются производностью от других текстов малых форм (поговорок, притч, серьезных изречений). АЮИ относятся ко вторичным инновациям, возникающим в процессе переосмысления, обыгрывания известных сентенций, использования последних как стартовой площадки для создания инноваций-высказываний о специфическом, юмористическом видении мира. We learn from experience that men learn anything from experience (B.Shaw). Experience is a comb that life gives after you lose your hair.

В зависимости от характера текста и условий коммуникации в процессе речетворчества ЯТФ создает новые серьезные/несерьезные, практические/непрактические мысли-инновации.

Дистинктивной чертой ЯТФ является сопряженность с эвристическим механизмом. ЯТФ подчиняет себе язык, сообразуясь с его возможностями. Интеграция ЯТФ с другими функциями не мешает этой функции служить средством материализации творческой мысли.

Нетипичные юмористические тексты малого жанра отличаются особыми параметрами. Этим текстам присущ лаконизм, сжатость формы, автосемантичность, модальность, антропоцентричность, забавность.

АЮИ — свободные, наименее регламентированные тексты, в которых создается большое пространство для языкотворческой деятельности, для разнообразных форм непрямого употребления языковых единиц, для переосмысления картины мира и выражения субъективных оценок.

Список литературы: 1. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. - М., 1985. - С.217-237. 2. Ейгер Г.В. О стиле мышления в современной лингвистике // Вестник Харьковского университета. - 1992. - № 367. - С.9-13. 3. Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. - М. - 1973. - С.248. 4. Language and Humour / Selected by G.G.Pochepstov. - Kyiv, 1983. - 318 p. 5. Тарасова Е.В. Функціонально-адаптивні системи та діахронічні дослідження // Види мовленнєвої діяльності: Лінгвістичні та дидактичні аспекти. - Харків, 1995. - С.87-89.

И. С. Шевченко, канд. филол. наук /Харьков/

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЩЕНИЙ И ПРИВЕТСТВИЙ В
ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРАГМАЛИНГВИСТИКЕ

Обращение — важный компонент речевого взаимодействия членов лингво-культурной общности, одновременно продукт и орудие формирования социокультурных тенденций этого процесса. Из присущих ему функций — аппеллятивной, волянтативной, конативной и регулятивной — две последние непосредственно связаны с речевым этикетом, принятым в данном обществе. Обе функции отражают социальную и ситуативную дифференциацию речевого общения и определяют выбор конкретных форм обращений с учетом правил действующего этикета.

В употреблении обращений проявляется один из ведущих конверсационных принципов — принцип вежливости. В последнее время появились попытки описать процесс речевого взаимодействия в целом с помощью обобщенного понятия характера или типа речевой интеракции — этоса: эмоционального (affective) характера речевого взаимодействия члена общества /1:243/. Хотя в современной лингвистике это понятие неоднозначно в силу недостаточной разработанности, оно плодотворно для описания общих тенденций конкретных социокультурных систем речевой коммуникации.

В данной статье рассматриваются обращения в конативной и регулятивной функции в этосе елизаветинской Англии. Адекватность восприятия обращений в инокультурных этосах зависит от степени прозрачности этикетных форм и этоса в целом. Особенно остро вопрос о правильности понимания иноязычной речи стоит в исторической прагмалингвистике. Хорошо известна значимость социальных различий в 16 в. в период становления новых общественных отношений, однако титулы и формы обращения, отражавшие все тонкости политической и социальной иерархии, с одной стороны, и требования речевого этикета, с другой, еще не получили должного освещения. Мы нередко видим нарушения этикета там, где их нет, и не замечаем оскорблений и восхвалений там, где они имеют место, тем самым искажается наше восприятие речевых актов и стратегий коммуникации.

Обращение к конкретному речевому материалу позволяет проследить основные принципы и нормы вежливости, реализуемые аппеллятивами и приветствиями 16 в. В ранненовоянглийском этосе приветствие отражало иерархию социальной структуры и ролевых отношений коммуникантов, которые (все, кроме короля и самых нижних слоев общества) имели равных себе, ниже- и вышестоящих. Речевой этикет приобрел огромное значение, его усваивали практически все с детства, издавались своды правил вежливого обращения, закреплявшие мельчайшие различия в положении коммуникантов. В официальных ситуациях правила этикета предписывали обращаться к вышестоящим знатым людям, используя титул и от одного до трех (не более) гонорифичных прилагательных в положительной, сравнительной и превосходной формах; а к равным себе — те же формы, но с значительным количеством превосходных степеней сравнения. Так, в "Генрихе IV" ч. I после смерти лорда Тальбота сэр Вильям риторически вопрошает: "But where's the great Alcides of the fiel Valiant Lord Talbot, Earl of Shrewsbury, /Created, for his rear success in arms, /Great Earl of Washford, Waterford, and Valence; ... перечисляя одиннадцать его титулов и почетных наименований. Такие этикетные формулы полагалось употреблять в речи как можно чаще, поэтому появление двенадцати этикетных обращений в письме придворных королев, содержащем всего 230 слов, или одиннадцать обращений в равном по длине письме одного лорда другому не вызывало удивления адресата 16 в., но было единственно благопристойным способом оказания должного уважения /6:105/.

Обращаясь к правящему королю, лорды чаще всего используют обращения *my (good) lord, my liege, my gracious lord* и формулы вежливости *May it please your highness sit? Good night and better health attend your majesty! Please it your highness to geace us with your royal company? /Macbeth, III, 4/.*

Изменения в социальном положении лица сопровождались изменением форм вежливости: когда монарх всходил на престол, к нему обращались иначе, чем пока он был наследником. Так, королева Елизавета писала своей сводной сестре Good sister, пока Мария была принцессой, но когда она стала королевой, в письмах Елизавета обращалась к ней только Your majesty, your highness, your grace, most noble queen / 2:16-23/.

В драме "Ричард II", где Шекспир описывает падение Ричарда Плантагенета и приход к власти Генриха Тюдора, этикетные формы служат ярким индикатором отношений между соперниками. Пока Генрих оказывает Ричарду почтение, как королю, он титулует его my gracious sovereign (lord), my most loving liege, а Ричард называет его фамильярно Cousin, fair cousin, cousin of Hereford. После отречения Ричард обращается к Генриху King, а Генрих называет его fair cousin. Непривычный к такому фамильярному обращению (которое само по себе лестно по отношению к подданному), Ричард горько иронизирует: "Fair cousin?" I am greater than a king".

Есть много данных о том, что современники Шекспира были очень щепетильны в использовании титулов и апеллятивов, общаясь с незнакомыми, друзьями, членами семьи в быту и в официальных ситуациях. В "Ричарде II" находим пример оскорбительного нарушения речевого этикета: герцог Герфорд в обвинительной речи против герцога Норфолка обращается к нему намеренно уничижительно — по фамилии, без герцогского титула и родового имени, без гонорифичных прилагательных, что в 16 в. было ярким оскорблением, ускользающим от читателя 20 в.: Now, Thomas Nowbray, do I turn to thee" /I, 1, 35/. Когда впоследствии Норфолк обвиняет Герфорда в измене, он возвращает оскорбление, называя этого герцога королевской крови просто "Bolingbroke". В драме Герфорд изгнан и возвращается в Англию лишь после смерти отца. Теперь он не удовлетворяется прежним титулом, даже при соблюдении правил этикета происходит дефект коммуникации — он отказывается отвечать посланнику, заявляя о своих правах как старший сын на титул герцога Ланкастера. В соответствии с изменившимся политическим ветром в стране старейшие лорды почтительно именуют его my (most) noble lord; my good (gracious) lord, а один из них даже упоминает о короле без вежливых формул и титула "Richard not far from here...", но дядя короля не может пропустить это оскорбление: "It would beseem the lord Northumberland to say "King Richard" /III, 1, 75/.

Особенно ярким диссонансом на фоне приверженности англичан 16 в. нормам этикета выглядит дружба Фальстафа с принцем крови — будущим королем ("Генрих IV", ч. 1, 2). Современники воспринимали ее как скандальную. Правила вежливости предписывали нижестоящим, тем паче простолюдинам, строго соблюдать все требования вежливого обращения к вышестоящим, особенно знати и в присутствии третьих лиц, даже если те проявят к нижестоящим признаки дружеского расположения, фамильярности. Обращение Фальстафа к принцу по имени Hal или хуже — lad, my boy, was свидетельствовало, помимо прочего, и о слабости натуры принца, терпящего такое панибратство. Когда в конце пьесы Фальстаф по своему обыкновению называет бывшего принца — теперь короля просто "King Hal, my royal Hal, my sweet boy", король приказывает судье схватить его. Елизаветинская публика, несомненно, одобряла этот поступок короля как справедливый и давно ожидаемый, между тем сегодня арест Фальстафа только за его слова кажется немотивированной жестокостью.

Отметим, что женщины — члены королевской семьи обязаны были обращаться к королю с соблюдением всех формальностей этикета. Только спящего Лира Корделия называет нежно "O my dear Father". Стоит ему проснуться, и ее речь изменяется: "How does my royal lord? How fares your Majesty?" /King Lear, IV, 7/. Леди Макбет, как правило, обращается к мужу Sir, my royal (worthy) lord, worthy trane, не выходя за рамки в самых драматичных сценах трагедии.

Обращение по имени было совершенно не типично среди знати. К своим придворным король обращался my most worthy friends, pray you, pr'y thee, только раз по фамилии Muceduff /"Macbeth"/.

Менее жестко регламентированы апеллятивы внутри знатных семей. Встречаются формы mother, son, местоимение thou и его производные. Интересно, что название профессии

в функции апеллятива также сопровождалось гонорифичными прилагательными, например: фрейлина — врачу леди Макбет: "Good doctor" / "Macbeth", V, 1/.

Отмеченные экетикные особенности типичны, в основном, для пьес, действие которых происходит в Англии. Они зачастую не соблюдаются, когда действие происходит в Италии, Дании, вымышленных странах, в частности, нередко встречается обращение по имени среди равных. Шуты, призраки, эльфы и пр., выводимые на сцену Шекспиром, составляют особую группу: обращение к ним людей, их диалоги между собой и обращение к людям, даже королям, не подчиняются требованиям вежливости и осуществляют-ся, в основном, по имени.

Приведенные данные позволяют более адекватно оценить прагматический потенциал высказываний с конативными и регулятивными обращениями. Можно сделать вывод о том, что (1) в большинстве примеров нормативного употребления экетикных языковых форм 16 в. гонорифичные прилагательные и эпитеты в силу стертости семантического значения, ограниченной свободы формирования в речи, высокой частотности служили речевыми штампами, рутинными средствами обеспечения функций вежливости. Они не привносили в речевой акт добавочной иллюкутивной силы эмоций и оценок, что характерно для современных прилагательных. (2) В случаях нарушения норм речевого этикета (завышения или занижения статуса адресата) изучаемые формы придают речевому акту выраженную эмотивно-оценочную и экспрессивную иллюкутивную силу, которая накладывается на ведущую иллюкуцию в виде сопутствующей.

Оценка наших данных с точки зрения этоса елизаветинской Англии заставляет обратиться к существующим теориям вежливости в речевой интеракции, опирающимся (в разной степени) на идеи Грайса. Так, концепция Р.Лакофф основана на принципах прагматической компетенции (выражайся ясно, будь вежлив) и сформулированных ею правилах вежливости: 1) не вмешиваясь, 2) предоставляй собеседнику право выбора, 3) будь дружелюбен /4/. Приоритетность этих правил зависит от этнокультурных условий общества: для относительно однородных групп (ср. средние слои современного американского общества) ведущим является правило (3), а в обществах с резкой социальной стратификацией (Англия 16 в.) доминирует правило (1).

Дж. Лич дополняет разговорный анализ шестью максимами вежливости и прагматическими шкалами с положительными/отрицательными полюсами, позволяющими установить степень вежливости, адекватную для той или иной речевой ситуации /5/. В терминах Лича характерной чертой речевого взаимодействия современного Шекспиру общества были преобладание максим такта и великодушия.

Наибольшая детализация стратегий вежливости отличает теорию Брауна и Левинсона. В ее основе — понятие моделируемой личности, которая характеризуется "лицом" — стремлением к тому, чтобы, с одной стороны, ее действиям не мешали другие ("негативное лицо"), а с другой — чтобы ее цели и стремления одобряли другие участники коммуникации ("положительное лицо"). Т.о., каждая личность обладает позитивным и негативным лицом и рациональными средствами для достижения желаемого эффекта /1:131/. По этому принципу выделяют этосы с преимущественно позитивной или негативной вежливостью: например, современное американское и британское общество, которые разнятся "дружелюбием" и "демократизацией" общения с одной стороны, и его формализованностью, учетом социальной дистанции, с другой /3:51/.

Наши данные убедительно свидетельствуют о том, что елизаветинские обращения в конативной и регулятивной функции были ориентированы на сохранение "положительного" лица коммуниканта. Подтверждение этому находим и в исследовании стратегий вежливости у Шекспира, проведенных Р.Копытко без учета форм обращений: им установлена основная характеристика этоса времени Шекспира как доминирование "позитивной" вежливости (по сравнению с современным британским этосом, в котором преобладает "негативная" вежливость) /3:110/.

Таким образом, предпринятый анализ свидетельствует о важности учета динамики прагматических характеристик обращения и о существенных различиях типов этоса в разных этнокультурных условиях, хотя на современном этапе развития изучение типов речевой коммуникации в целом — этосов — преждевременно делать однозначные выводы.

Список литературы: 1. Brown P., Levinson S. Some universals in language usage. Cambridge; CUP, 1988. 2. Harrison G.B.(ed) Letters of Queen Elizabeth. London, 1935. 3. Kopytko R. Polite discourse in Shakespeare's English, Poznan; UAM, 1993. 4. Lakoff R. The logic of Politeness or minding your p's and q's // Papers from the ninth regional meeting of the Chicago Linguistic Society, 1973. P.292-305. 5. Leech G. Principles of pragmatics, New York: Longman, 1983. 6. Replogle C. Shakespeare's salutations: A study in stylistic etiquette // Salmon V., Burness E. (eds.) A reader in the language of Shakespearean drama. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, 1988. P.101-115.

Е. Н. Юркевич, канд. филол. наук /Харков/

ИГРА И "НЕПРОДУКТИВНЫЕ" АСПЕКТЫ ЯЗЫКА

Homo Ludens — это теоретическое приобретение XX века, конструирующее современную модель взрослого человека с подвижной детской физиогномикой. "...игра есть добровольное действие либо занятие, совершаемое внутри установленных границ места и времени по добровольно принятым, но абсолютно обязательным правилам с целью, заключенной в нем самом, сопровождаемое чувством напряжения и радости, а также — сознанием "иного бытия", нежели "обыденная жизнь" /3:41/. Это, по сути, классическое определение Й.Хейзинга, создает позитивный смысл игры, противопоставленной обыденности. Игра, перенесенная в поле языка, и понята так же классически (через перечисление позитивных свойств и ясно выраженное противопоставление оппозиционному понятию будничности; а также со ссылкой на обязательное установление и соблюдение правил игры) тем не менее создает облегченную игровую современную модель жизни как творчества.

Однако уже в разделе "Концепция и выражение понятия игры в языке" наряду с классическими значениями состязательности, ребячливости, художественности, дикарства, праздничности, Хейзинга открывает и окказиональные люфт-смыслы: термины "игра", "играть" применяются окказионально в случае люфта — вызванной дисбалансом избыточной подвижности частей какого-либо механизма — во французском, итальянском, испанском, английском, немецком, нидерландском, а также ... японском языках.

...понятие игры мало-помалу покрывает все более широкую сферу, причем их исконный смысл как бы растворяется в значении "легкое движение, действие" /3:50/. Понимание игры как "разболтанного механизма" с неясной семантической границей, растворяющей привычный фокус ее языкового употребления, дополняется в дальнейшем иными, отрицательными этико-культурными значениями "компрометирования", "попойки", "неверного шанса" /3:54/, "внебрачного ребенка" /3:57/.

Перечисленные Хейзинга, но не актуализированные и не обоснованные им маргинальные смыслы игры, тем не менее, фактически обнаруживают присутствие нового постмодерного образца. Постмодерный субъект языка, "заступая" за границы дозволенного, сам того не подозревая, оживляет классические нормативы. Субъект, который иронизирует над любой серьезной языковой акцией, только создает видимость беспроblemного существования. Проблемой становится его внутренняя серьезность и нормативность, от которой избавиться он не в силах и поэтому они оттесняются в межязыковые провалы молчания.

После постмодерна, этой "бесконечной игры", наступает усталость от игры и снова косвенно обостряется серьезность, которая постмодерном превращена в проблему. Эта третья метафизическая позиция (модерн — постмодерн — после постмодерна) может быть охарактеризована как внутрисубъектная пассивность в активной языковой игре, игра "на автопилоте". Аналогия из Хейзинги: "Женщины менее прочих поддаются ослеплению происходящим. Они в точности знают, кто прячется за той или другой маской. Однако пугаются, если маска приближается к ним с угрожающим видом, и с визгом разбегаются по сторонам... Так полагается делать. Женщины словно бы выступают фигурантами этого спектакля и точно знают, что им нельзя нарушать принятые правила и портить игру" /3:35/. "Фигурант" как бы отказывается от активной выразительной и откровенной языковой акции. Он присутствует, поддерживает (но не создает) и главное

— все понимает. Игровая парадигма языка сделала “прозрачной” технологию власти, но не защитила от насилия. Позиция “фигуранта” — это еще одна надежда избежать иллюзий и обмана в процессе игры. Непродуктивная позиция “подыгрывания” (а по сути позиция “вне игры” в сопровождении “стоячего”, “застывшего” языка) обнаруживает себя как в паузах молчания, так и с помощью приема повторения языковых конструкций или смыслов, в результате снимающих их игровую окраску: “Как жизнь прекрасна / С тобой в союзе!—/ Рычит он страстно, / Копаюсь в блузе./ “Прекрасней рая...”/ Она взглянула / На стол без чая,/ На дырки стула”/Выделено Е.Ю./4:52/. Переворачивание смысла в сатире Саши Черного происходит как бы нехотя, с минимальной энергетической затратой, вне активного продумывания и фантазирования, путем пассивного повторения, эха в языке. Истинный же смысл происходящего передан во взгляде.

Эхотическая коммуникация пускает языковой текст по кругу, противоречиво комбинирует языковой фонетический и неязыковой визуальный ряды, иногда переворачивая смысл сказанного, а иногда доводя первоначальный смысл до абсурда методом цитирования (“женский аргумент”). Цитирование — это уже не элемент логики аргументации, но эстетическая арнаментализация языка. Цитирование становится воплощенным текстовым телом, обнаруживающим противоречие. Референт цитирования остается невинным, погруженным в квазистекстовое молчание — эзотерический идеал языка и понимания, источник самого языка (“Язык иссякает вблизи своего источника” П.Валери). О чем молчишь? — предельный вопрос, с которого начинается фило-софствование, язык, человек.

Люфты молчания обнаруживают пустотные, прерывистые тела текстов, а репризности языка обнажают иллюзорные контуры телесности и эхотически передают лопнувшие смыслы. Языковая игра, конструирующая иллюзорные тела текстов, обрывается опытом пустоты. “Опыт пустоты — наиболее загадочное и парадоксальное из всех трансперсональных переживаний. Это эмпирическое отождествление с первичной Пустотой, Ничто и Молчанием, которые представляются последней колыбелью всего существующего... /1:16/. Опыт пустотности языка, как и опыт Пустоты вообще, обладает “экстраординарными терапевтическими возможностями, включая в себя механизмы, находящиеся в метапозиции по отношению ко всем остальным” /1:252/. Там, на краю пустотной бездны особенно ошутимо обострение кризиса постмодерной бесконечной игры: “Попишу животом, и ноздрей, и ногами, и пятками,/ Двухкопеечным мыслям/ Придам сумасшедший размах,/ Зарифмую все это для стили /яичными смятками/ И пойду по панели, пойду на/ бесстыжих руках...” /4:34/.

Молчание является фактором поглощения, превращения и рассеяния языковых смыслов. Экзотерически непродуктивное, оно, в то же время, может вызвать неожиданные смещения, пограничные состояния, преобразующие интерсубъективность вопреки осознанным установкам референтов языка. “Богатство языка”, представленное риторической игрой, обретает черты иллюзии, скрывающей жизненную простоту ощущений и мыслей и затемняющую суть их компенсаторного выражения. “Самого бедного языка достаточно, чтоб передать многое, о чем мы теперь молчим. Мы всего боимся и всегда боимся, и больше всего боимся мыслей” /5:83/. Поэтому — играем.

У истоков философского знания обнаруживаются две формы хранения и передачи мудрости — краткое метафорическое выражение мысли (Леобул: “Будь любослух, а не многослов. Будь сдержан на язык” /6:92-93/) и молчание (Солон: “Скрепляй слова печатью молчания, а молчание — печатью подходящего момента”; “Знаешь — так молчи” /6:92-93/). Избыточность языка, положившая начало рациональной философии, предопределила и конец ее европейского стандарта в XX столетии.

Симптоматично то, что аристотелевскую ноологию — первую серьезную попытку передачи мудрости в позитивных языковых формах, теоретически и исторически дополняют скептицизм, софисты и стоики как различного рода “отклонения” от процесса формирования идеала линейной развернутости и ясности мудрого знания. Скептицизм обострил противоречивость передачи чувственных впечатлений в понятиях, переведя свой философский интерес в этическую плоскость (в частности, это прослеживается в учении Пиррона об атараксии, ничем не возмущаемой безмятежности как особого, мудрого отношения к жизни). По сути дела, идеал Пиррона был далек от

игровых иллюзий. В рамках скептицизма было описано и эпохелоббирующее молчание, противопоставленное аристотелевой рациональности как избыточному и энерго-емкому языку. Конкретно адресованное воздержание от однозначных высказываний могло замещаться модальными предложениями, где оператор модальности заполнял пробитую скептиком брешь и открывал игровое пространство языка. Начало этой игры было задано не разумом, а этической субстанцией. Атараксия была естественной спутницей эпохе: молчание по поводу однозначных суждений (или воздержание от них) естественно сочеталось со сверхчувственной пустотностью — совершенной безмятежностью, тогда как избыточный язык перипатетиков претендовал на абсолютное заполнение всех ячеек ноологизированного пространства.

Софисты наглядно продемонстрировали переход от "благородной игры" к ее профанному варианту. И здесь избыточность языка являлась в знаменитых антилогиях (двойных обоснованиях), подкрепленных примитивной агональностью. "В известном смысле должна уже сама агональная направленность, если она превалирует над стремлением к истине. Не жажда истины, а стремление к личной, индивидуальной правоте — вот что служит путеводной нитью и целью для того, кто зовется софистом и ритором." /3:174/. Если скептики спровоцировали языковую игру, придав ей особый смысл уточнения позиций разума, то софисты преднамеренно ставя подножки разуму, оставляли самоценным лишь субъективное пространство игры. Тотальность догматики Платона и Аристотеля была оттенена тотальностью агональной политики языка. И поскольку этика молчания была подменена персоноцентрированной риторикой, софист был вынужден устраивать "маскарады", используя диалоги в качестве фарса. Оригинальность софиста проявлялась в ерничаньи над тем, кого он использовал в качестве щита, скрывающего его собственную претензию на открытие некой индивидуальной правды. Замкнутый на себя, софистический язык в этом плане по настоящему непродуктивен, т.к. за текстовой маской слишком явно просматривается примитивная гордыня.

Скептическая и софистическая модели получили вторую жизнь в метафизике языковой игры модерна и постмодерна, обострив в новой форме проблему рационализации жизненно важных идей и состояний человека, проблему языка как открытой и откровенной акции. Но оказалось, что сам язык является препятствием на пути к решению этой проблемы. Поэтому на следующем этапе ее понимания доминируют стоики. Наиболее активные акции языка на пороге XXI века осознаются в духе механистических картин, обнажающих политические функции языка, работающего с рефлекторными "ответами" сознания на посланные ему культурно-исторические коды. Понятый в XX столетии как артефакт, язык также ошутимо был близок к своему "концу", и так же его "конец пришел и задержался"...

Снова и снова языковая игра возвращается к вопросу "как возможен язык?". Своеобразное возрождение стоической философии (Д.Желез) переносит акцент в поле парадоксов. Логически неразрешимые, парадоксы обостряют проблему нейтральности языковой игры по отношению к субъекту. Более того, парадокс рассматривается как непосредственный выход на поверхность тех несовершенств человеческого сознания, о которых говорили скептики. Язык в репрезентации этих противоречий оказывается семантически смешанным. Откровенность языковой акции — бессознательной. Вместо разумного со-бытия в языке открывается нонсенс ("под-смысл глубины", по Делезу). Язык возможен как репрезентация телесности.

То, что в модерной парадигме соответствовало событию, а в постмодерной — ситуации, после постмодерна есть пустота. "Событие — это тождество формы и пустоты" /2:167/; "событие значимо своим отсутствием или отменой, поскольку отсутствие (abdicatio) как раз и является его положением в пустоте в качестве чистого События (delicatio) /2:167/. После того, как упразднены сигнификация и денотация, язык становится возможным только как инициатор непосредственной и безмолвной коммуникации. Стоики хранят молчание, когда люди их о чем-то спрашивают, "либо награждают их ударами посоха" /2:161/. Доказательство заменяется "схватыванием", каталептическим пониманием, совершаемым посредством души, имеющей "телесную" организацию (пневмы). Язык выполняет функции репрезентатора вопросов либо спонтанных текстов. Он не только не имеет самостоятельного бытия, но и не операционален в точном смысле слова. Его функция — это функция импlications внешнего и внутреннего, высокого и низменного. Не случайно

именно у скептиков в теории умозаключений особое внимание уделялось импликации, а в целом именно они разработали античную форму логики высказываний.

Стоики безучастно терпимы к любой игре. Их этический идеал счастья (не желать никакого счастья) — то, что позволяет сохранять покой, проходя сквозь эмоционально насыщенную игру. Невовлеченность и терпимость по отношению к игре — этические компоненты того пустого события, где смысл саморепрезентуется и отстраняется. Он не зафиксирован, не понят, не нужен (в языке). Стоическая этика настолько самодостаточна, что на ее основе язык и языковая игра предстают как “казательство” (анти-под доказательства), кажущееся, иллюзорное. И этим она тяжела. Этика стоиков откачивается от назидательности, наподобие дзена. И этим также подрывает коммуникативную игру. Делез под гнетом этой тяжести пишет: “Либо в этике вообще нет никакого смысла, либо все, что она может сказать нам, сводится к одному: мы заслужили то, что с нами происходит” /2:180/.

Лишь молчание есть открытие языка. Но в молчании субъективность не удержать. И именно она снова провоцирует язык на игру. Пока человек жив, он будет говорить, писать, играть. Но стоический смысл этих акций откроется лишь в минуты усталости и отстраненности от эмоциональной игры, в просветах молчания и почти дзенской проникновенности, то есть тогда, когда иссякает творчество и начинается мораль...

Список литературы: 1. Гроф С. Путешествие в поисках себя. - М., 1994; 2. Делез Ж. Логика смысла. - М., 1995; 3. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. - М., 1992; 4. Саша Черный. Сатиры. - Л., 1988; 5. Шестов Л. Potestas Clavium (Власть ключей) // Лев Шестов. Соч. в 2-х т. - Т.1. - М., 1993; 6. Фрагменты ранних греческих философов. Ч.1. - М., 1989.

И. В. Яковенко /Харьков/

РОЛЬ МЕТАФОРЫ В НАУЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ И ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ

Уже достаточно давно в лингвистической литературе отмечается отсутствие четкой разграничительной линии между научным и обыденным сознанием, между научной терминологией и полутерминами наивного сознания.

Материалом исследования этой статьи послужили данные словарей медицинской /9,10,11/ и фармакологической терминологии /1,5,6/. В нашей работе мы коснемся роли метафоры, способа номинации и ее классификации в медицинской и фармакологической терминологии, так как данная терминологическая система насыщена всевозможными видами метафор.

Все метафоры языка медицины и фармакологии можно распределить по двум основным рубрикам: 1) метафоры, в основе которых лежит сходство предметов или явлений на основе внешних данных; 2) метафоры, в основе которых лежит сходство некоторых функциональных характеристик. При анализе указанных типов метафор важно отметить и тот факт, что для названных отраслей науки характерно изобилие так называемых полутерминов, которые являются посредниками между терминами и обыденным языком (ср. “бычье сердце”, “свинка”, “заячья губа” и т.д.). В основе их наименования лежит наглядный, бросающийся всем в глаза признак. Например, в другом названии “паротита эпидемического” “свинка” в центр внимания выдвигается один из признаков всем известного животного — увеличение объема околушных слюнных желез. Название заболевания “слоновость” (мед. “элефантиаз”) раскрывает такой признак, как стойкое увеличение размеров какой-либо части тела.

В полутерминах также широко распространен такой вид номинации, при котором скорее ассоциативно указываются собственно те объекты или явления, на скоренение которых направлены данные лекарственные препараты. Например, “бесплодница” (народное название “агидромеда многолистной”) — лечение женских заболеваний, “блошница” (народное название “подорожника блошного”) — средство от блох. Эти примеры своей внутренней формой помогают неспециалисту воспринимать термин без особых затруднений.

В некоторых случаях существенное различие строго медицинского термина и полутермина подтверждается неадекватностью описания в специальных медицинских и обычных филологических толковых словарях. Если последние в первую очередь ориентируются на

внешний, ярко наблюдаемый признак, то первые дают глубинную характеристику явления. Например, если словарь Ожегова описывает термин "ознобление" как "дрожь при лихорадке, болезненное ощущение холода", то медицинская энциклопедия даст такую формулировку: "безмикробное воспаление кожи, вызванное охлаждением". При сопоставлении этих двух описаний становится очевидным, что общим для них является только последняя часть, описывающая ощущение холода. В указанном примере только "безмикробное воспаление кожи" будет важным критерием для медика. Термин "пролежень" трактуется в медицинской энциклопедии как "омертвление кожи, подкожной клетчатки и других тканей при длительном давлении на них в условиях нарушения кровообращения и иннервации", а в толковом словаре — как "омертвление кожных покровов и других мягких тканей той части тела, на которой долго и неподвижно лежат". Данный пример является доказательным в том отношении, что поверхностное описание филологического словаря не включает такой важнейший признак, как "нарушение кровообращения и иннервации".

Кроме того, между двумя видами словарей существует расхождение по объему включаемой лексики. Не случайно В.Г. Гак называет толковые словари "безязычными" /2:15/, так как в них нередко отсутствуют разновидности общеизвестных явлений, т.е. более специализированных гипонимов по отношению к широко распространенным гиперонимам. В нашем случае это касается слов, обозначающих аномальные разновидности частей тела, например: "кожа крестьянина", "голова медузы", "птичье лицо" и т.д. В этих случаях специальные энциклопедии и профессиональные справочники — единственный путь исследования. Однако часть специальных терминов благодаря прозрачности своей внутренней формы становится понятной и рядовым носителям языка (ср., например: "куриная грудь", "грудь сапожника", "волчья пасть", "заячья губа" и др.) В связи с этим можно согласиться с высказыванием Т.С. Коготовой о расширении термина, о том, что "он выходит из своей терминосистемы в общее употребление" и становится достоянием всех носителей языка /4:99/.

Кроме основного распределения метафор по двум рубрикам важно отметить, что в фармакологии присутствует ряд метафор тождественных по значению, но с несколькими названиями, каждое из которых характеризует явление с разных сторон — как с внешней, так и с функциональной. Например, растение "Белладонна" имеет другое название "красавка", характеризующее его по внешним данным, и название "сонная одурь", показывающее его функциональное назначение.

Метафоры первой группы, в основе которых лежит перенос наименования по внешнему сходству, в свою очередь распределяются по трем большим группам: это — метафоры, моделирующие образ человека, животного и метафоры цветообозначения.

Метафоры, связанные со цветообозначением, представляют довольно многочисленную группу. Сюда относятся термины как с прямым, четким выражением цвета типа "краснуха", "бронзовый диабет", "желтуха", так и термины, демонстрирующие относительную норму типа "белена черная", "сирения седая", "чернослив".

Группа метафор, названная "Человек" и "Человеческая деятельность", также имеет несколько разделов: "Человек как живое существо" и "Предметы обихода, созданные человеком". Наименования первого раздела ассоциируются с частями тела человека, внешним видом, его поведением, в основе наименования второго раздела лежат артефакты, например: "бешеный огурец", "ноготки", "золототысячник зонтичный", "пастушья сумка", "ночная свечка" и др. В ботанической лексике широко употребляются эпитеты, которые в первую очередь направлены на моделирование эстетических признаков внешности человека и, естественно, носят оценочный характер, например: "зигаденус изящный", "безвременник великолепный", "лавр благородный" и т.д.

В особую группу выделяются метафоры, в основе которых лежит положительная оценка высокого социального происхождения, например: "царська свічка", "царські очі" и др.

Для языка медицины и фармакологии свойственны зооморфные метафоры. Они наиболее многочисленны по объему и тематически делятся на две группы: "Птицы" и "Звери", например: "зайцегуб", "котики", "журавлиные носики", "куриная слепота".

Метафоры, в основе которых лежит перенос названия по сходству функций, в свою очередь делятся на группы. Во-первых, внутренняя форма непосредственно связана с действием лекарства (напр.: "зайцегуб опьяняющий", "жостер слабительный", "мак снотворный" и др.). Во-вторых, как уже отмечалось, название самого термина скорее обозначает

болезнь, против которой направлено применение лекарства (ср.: "кровохлебка лекарственная", "болиголов пятнистый").

Кроме эмпирически наблюдаемых свойств объектов в основу народных лекарственных наименований может быть положено действие так называемой символической Вселенной, т.е. загадки, легенды, пословицы, суеверия. Эту мысль подтверждает высказывание психолога М.М.Муканого о том, что данные образования "являются для обыденного сознания своеобразной формой рефлексии, понимаемой как процесс критического осмысления текущей действительности", цитируется по /8:27/. Культурная Вселенная отражается в таких терминах, как "ангельське зілля", "чортова м'ята", "боже тіло" и т.д. Однако в подавляющем большинстве случаев внутренняя форма указывает только на положительный или отрицательный эффект данного препарата (подробного описания действия этих препаратов словари не дают) /3; 5; 6/.

Таким образом, в результате анализа приведенных примеров мы можем сделать вывод о том, что некоторые метафоры представляют собой промежуточную ступень между обыденным языком и терминологией. Воспринимая эти языковые знаки, мы выстраиваем для себя логическую цепочку ассоциаций, которая и помогает нам обрисовать наиболее точную картину явления. Наивность языковой картины мира как раз в том и проявляется, что любой человек, владеющий нормами литературного языка, при анализе неизвестного явления будет исходить в первую очередь из известного всем слова и бессознательно сопоставлять с ним новое явление.

Список литературы: 1. Атлас лекарственных растений СССР под ред. Н.В.Цицина. М., 1962. 2. Гак В.Г. Лингвистические словари и экстралингвистическая информация // Вопросы языкознания. - 1987. - №2. - С.3-17. 3. Даль В. Толковый словарь в 4-х томах. М., 1955. 4. Коготкова Т.С. Современные областные словари в их ретроспекции и перспективе для лексических исследований // Вопросы языкознания. - 1986. - №3. - С.96-101. 5. Лесная аптека. В мире лекарственных растений. Х., 1991. 6. Лікарські рослини. Енциклопедичний довідник за ред. акад. АН УРСР А.М.Гродзінського. К., 1989. 7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990. 8. Петренко В.Ф., Нистратов А.А., Романова Н.В. Рефлексивные структуры обыденного сознания // Вопросы языкознания. - 1989. - №2, С.26-38. 9. Популярная медицинская энциклопедия под ред. акад. АМН СССР В.И.Покровского. М., 1991. 10. Русско-украинско-латинский словарь медицинских терминов. Офтальмология, дерматология, венерология, неврология, психиатрия, судебная психиатрия, эндокринология под ред. проф. В.Г.Коляденко. К., 1993. 11. Русско-украинско-латинский словарь медицинских терминов. Стоматология, патологическая анатомия, фармакология, микробиология под ред. проф. В.Г.Коляденко. К., 1993.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Г. Пасынок, канд. пед. наук /Харьков/ ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ФАКУЛЬТЕТЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ	3
В. П. Бакуменко, Б. Б. Локшин /Харьков/ КУЛЬТУРНООРИЕНТИРОВАННЫЙ АСПЕКТ В ОБРАЗОВАНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА-РЕФЕРЕНТА	5
Л. Р. Безуглая /Харьков/ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИМПЛИЦИТНЫХ КВЕСИТИВОВ В НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	8
Н. Н. Белецкая /Харьков/ К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ И НЕЯСНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ	10
И. А. Беляева, канд. филол. наук /Харьков/ ИНИЦИАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ	12
Е. В. Бондаренко, канд. филол. наук /Харьков/ К МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ "ТЕПЛОЙ" КАРТИНЫ МИРА	14
Н. Д. Борисенко /Житомир/ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ПОЛА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ	17
А. И. Бородина, канд. филол. наук /Харьков/ О НЕКОТОРЫХ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЯХ В АНГЛИЙСКОМ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИИ	19
Т. В. Братусь /Харьков/ НЕКОТОРЫЕ ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АМЕРИКАНСКИХ ДЕТЕКТИВНЫХ РОМАНОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Э. МАКБЕЙНА)	22
Е. В. Бутенко /Харьков/ АФОРИЗМЫ Э. М. РЕМАРКА: СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	24
Л. О. Бикова, д-р филол. наук, Н. І. Сукаленко, д-р филол. наук /Харків/ БАЗИСНІ МЕТАФОРИ ТА СТІЙКІ ПОРІВНЯННЯ ЯК ВАЖЛИВИЙ ЕЛЕМЕНТ МОВНОЇ КАРТИНИ СВІТУ	26
М. С. Веденькова, докт. филол. наук /Днепропетровск/ СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПОТЕНЦИИ ОТГЛАГОЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ	29
Е. Н. Верезуб /Харьков/ РОЛЬ ПАМЯТИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	32
Н. А. Винниченко, канд. психол. наук /Харьков/ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ИЗМЕНЕНИЕ ЛИНГВИСТИ- ЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ	33
Н. И. Гайдукова /Белгород/ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОСТТЕМАТИЧЕСКОГО НОМИНАТИВА	38
В. И. Говердовский, д-р филол. наук /Харьков/ НЕМНОГО О КОННОТАТИВНОЙ ЭСТЕТИКЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ РЕЧИ	40
Л. М. Григор'єва, канд. филол. наук /Харків/ ПОГЛЯДИ І. ФРАНКО НА ПЕРЕКЛАД ТА ЙОГО ПЕРЕКЛАДАЦЬКА ДІЯЛЬНІСТЬ В АСПЕКТІ КСЕНОЛОГІЇ	43

О. И. Давыдов, канд. ист. наук, Н. В. Кононенко, В. Ю. Щириков / Харьков/	
О ВОЗМОЖНЫХ ПУТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКА УПОТРЕБЛЕНИЯ	
Артикля на начальном этапе языкового вуза (французский язык)	46
С. Н. Денисенко, д-р филол. наук / Львів/	
НІМЕЦЬКО-РОСІЙСЬКИЙ СЛОВНИК РОЗМОВНОЇ ЛЕКСИКИ В.Д.ДІВКІНА	
ТА ЇЇО ЗНАЧЕННЯ ДЛЯ СУЧАСНОЇ ЛЕКСИКОГРАФІЇ	49
В. А. Дмитренко, канд. филол. наук / Харьков/	
СТРУКТУРА ИНТРОДУКТИВА В АНЕКДОТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ	51
Я. В. Долгополова / Харьков/	
ПРОМИСИВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ	
СЕМАНТИЧЕСКОГО И ФОРМАЛЬНОГО ВАРЬИРОВАНИЯ	53
Г. В. Ейгер, д-р филол. наук, А. П. Краснящих / Харьков/	
ПРОБЛЕМА "ФРАГМЕНТ/ЦЕЛОЕ" В ТВОРЧЕСТВЕ Дж.ДЖОЙСА И	
А.БЕЛОГО И В МИРОВОСПРИЯТИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА	56
Г. В. Ейгер, д-р филол. наук, Е. И. Морозова, канд. филол. наук / Харьков/	
ЛОЖЬ И ОБМАН: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ	59
Е. Н. Зобена / Харьков/	
ОТРИЦАНИЕ КАК НЕГАТИВНАЯ ОЦЕНКА ИСТИННОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ	61
С. В. Кабанова / Сумы/	
КОЛИЧЕСТВЕННО-КАЧЕСТВЕННЫЕ ЕДИНИЦЫ КАК СРЕДСТВО	
РЕАЛИЗАЦИИ ТЕКСТОВЫХ СВЯЗЕЙ	63
Т. Б. Кайдалова / Харьков/	
ЮМОР В БРАЧНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ ПЕРИОДИКИ)	65
К. В. Кислюк / Харьков/	
О СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ	
ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ПРОЕКТА ЯЗЫКА	68
Е. И. Кобзарь, Н. А. Лешнева / Харьков/	
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ РАЗЛИЧНЫМ	
АСПЕКТАМ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА НЕЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ	70
Е. И. Конакова, канд. филол. наук / Харьков/	
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК ОБЪЕКТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА	73
А. П. Краснящих / Харьков/	75
СЛОВО-СИМВОЛ И ОБРАЗ-СИМВОЛ (ДЕРИВАЦИОННАЯ АРХИТЕКТОНИКА	
ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖЕЙМСА ДЖОЙСА И АНДРЕЯ БЕЛОГО)	75
В. С. Кузьмина / Харьков/	
КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД К РАБОТЕ НАД ТЕКСТАМИ ПО	
АНАЛИТИЧЕСКОМУ ЧТЕНИЮ НА СТАРШИХ КУРСАХ ЯЗЫКОВОГО ВУЗА	77
А. Э. Левицкий, канд. филол. наук / Житомир/	
СТАНОВЛЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ГРАДУАЛЬНОСТИ	
ПРИЗНАКА В ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	78
И. П. Липко, канд. филол. наук, Э. Н. Липко, канд. филол. наук / Харьков/	
СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛА НАВЕ И ВАРЬИРОВАНИЕ	
СТРУКТУРЫ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ И ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ	
С НАВЕ В БРИТАНСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТАХ	
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (XIX ВЕК)	81
И. П. Липко, канд. филол. наук, Э. Н. Липко, канд. филол. наук / Харьков/	
СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛА НАВЕ И ВАРЬИРОВАНИЕ	
СТРУКТУРЫ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ И ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ	
С НАВЕ В БРИТАНСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО	
ЯЗЫКА (XX ВЕК)	83

И. Б. Лутовинова /Харьков/	
ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СИМВОЛА "КАМЕНЬ" В АНГЛИЙСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКЕ.	85
Р. А. Ляховецкая /Харьков/	
О НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ АНГЛИЙСКИХ	
ФОЛЬКЛОРНЫХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ	87
Л. Д. Маевская, канд. филол. наук /Харьков/	
DIE DEUTSCHE SPRACHE EINE BRÜCKE IN DER INTERKULTURELLEN	
KOMMUNIKATION	89
А. В. Малина /Харьков/	
О ДВУХ СПОСОБАХ ОБРАЗОВАНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ	
В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ	91
Т. И. Манякина, канд. филол. наук /Днепропетровск/	
ПРИЕМ ДВОЙНОГО СМЫСЛА В АФОРИЗМАХ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)	93
А. П. Мартынюк, канд. филол. наук, С. Башкирева /Харьков/	
SOME DIFFERENCES IN CONVERSATIONAL STRATEGIES OF THE SEXES	95
В. Я. Мизещкая, д-р филол. наук, И. А. Ваврищук /Одесса/	
СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ДРАМАТУРГИ-	
ЧЕСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ (на материале англоязычных пьес)	98
Л. М. Минкин, д-р филол. наук /Харьков/	
НОВАЯ ТЕОРИЯ ПРАГМАТИКИ И НЕКОТОРЫЕ ИДЕИ	
СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ	101
А. Д. Михилев, акад. АНВШ Украины, И. В. Сарановская /Харьков/	
СКАЗКИ ГРИПАРИ: ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ	104
В. Я. Мищенко /Харьков/	
КЛАССИФИКАЦИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ КОМПЛИМЕНТА	107
В. Я. Мищенко /Харьков/	
КОМПЛИМЕНТ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ВЕЖЛИВОСТИ	
В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ КУЛЬТУРАХ	111
И. Б. Морозова, канд. филол. наук /Одесса/	
ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОСТОГО ВОПРОСИТЕЛЬНОГО	
ПРЕДЛОЖЕНИЯ (на материале английского языка)	113
И. В. Музейник /Харьков/	
ИЛЛОКУТИВНЫЙ АСПЕКТ ЯВЛЕНИЯ ОТРИЦАНИЯ ОТРИЦАНИЯ	
(на материале французского языка)	115
Е. Д. Нефедова /Харьков/	
ОРГАНИЗАЦИЯ ДИСКУРСА АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ	117
О. И. Панасенко /Харьков/	
ФРАНЦУЗСКИЕ ОБЩЕВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ОТРИЦАНИЕМ	
В СИСТЕМАХ ЯЗЫКА, РЕЧИ И ДИСКУРСА	119
Э. Г. Паповянец, канд. филол. наук /Харьков/	
РЕЧЕВЫЕ АКТЫ ЗАПРЕТА И ИХ СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ	121
В. Г. Пасынок, канд. пед. наук, С. И. Цветков /Харьков/	
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМОВ ВОСПРИЯТИЯ	
ЗРИТЕЛЬНОГО ОБРАЗА (ТЕКСТА) ПРИ СКОРОЧЕНИИ	124
Ю. Г. Перлина, канд. филол. наук /Днепропетровск/	
РАЗНОВИДНОСТИ НАМЕКА В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ	
ЭПИГРАММАТИЧЕСКОГО ПУАНТА	126
Н. Ю. Петрищева /Харьков/	
КОММУНИКАТИВНАЯ ТОНАЛЬНОСТЬ В ФИНАЛЬНОЙ ФАЗЕ ДИАЛОГА	129

Л. С. Пихтовникова, канд. филол. наук /Харьков/ БАСЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО Й.Г.ГЕРДЕРА В ЭВОЛЮЦИИ НЕМЕЦКОЙ СТИХОТВОРНОЙ БАСНИ (системно-стилистический аспект)	131
И. В. Рубцов /Харьков/ К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ СТУДЕНЧЕСКОГО СЛЕНГА	134
І. М. Рудик /Житомир/ ЕКСПЛІЦІТНІ ТА ІМПЛІЦІТНІ ЗАСОБИ ВИРАЖЕННЯ ЗГОДИ/ВІДМОВИ, ПІДТВЕРДЖЕННЯ/ЗАПЕРЕЧЕННЯ В АНГЛІЙСЬКІЙ РОЗМОВНІЙ МОВІ	136
Л. В. Рыжкова /Сумы/ К ВОПРОСУ ОБ АБСОЛЮТНОЙ АНТРОПОЦЕНТРИЧНОСТИ ЛИМЕРИКОВ	138
Н. В. Рябых /Харьков/ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ СТЕПЕНЬЮ РАЗВЕРНУТОСТИ ОРИЕНТИРОВКИ, УРОВНЕМ ТРЕВОЖНОСТИ УЧАЩИХСЯ И ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ УСВОЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА	141
Е. В. Сафронова /Киев/ ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ МЕЖДОМЕТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ОНОМАСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ БИБЛЕЙСКОЙ ТЕМАТИКИ	143
И. А. Свердлов, канд. пед. наук /Харьков/ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВЫХ ФОРМ В НАУЧНОМ СТИЛЕ	146
В. Н. Сердюк /Харьков/ ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ФОРМ ДЛИТЕЛЬНОГО ВИДА НЕПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	148
О. В. Сидоров, канд. филол. наук /Харьков/ ДОГМАТИЗМ КАК ФОРМА ЯЗЫКОВОГО ПОВЕДЕНИЯ (лингвостологический аспект)	149
Л. Л. Славова /Житомир/ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ НАРУШЕНИЯ АКТА КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО КИНЕМАТОГРАФА)	152
Е. В. Тарасова, д-р филол. наук /Харьков/ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА В ТЕРМИНАХ СИНЕРГЕТИКИ	154
Я. М. Туманова /Харьков/ К ВОПРОСУ О СЛОЖНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ	159
И. Е. Фролова, канд. филол. наук /Харьков/ ПРИНЦИП ВЕЖЛИВОСТИ В РЕЧЕВЫХ АКТАХ ЭКСПРЕССИВ	161
В. В. Хименко, канд. филол. наук /Харьков/ ЗАКОНОМЕРНОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ ГЛАГОЛОВ С ИНФИНИТИВОМ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ТЕКСТОВ	163
Л. Н. Черноватый, канд. пед. наук /Харьков/ Leonid Chernovaty ACQUISITION HIERARCHY IN FOREIGN LANGUAGE ACQUISITION	165
Р. С. Черновол-Ткаченко /Харьков/ НЕКОТОРЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКИ В РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ	168
С. А. Швачко, д-р филол. наук, И. К. Кобякова, канд. филол. наук, О. И. Лещенко, канд. филол. наук /Сумы/ ТЕКСТОВАЯ ЗАВИСИМОСТЬ ЯЗЫКОТВОРЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ	169
И. С. Шевченко, канд. филол. наук /Харьков/ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЩЕНИЙ И ПРИВЕТСТВИЙ В ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРАГМАЛИНГВИСТИКЕ	171
Е. Н. Юркевич, канд. филол. наук /Харьков/ ИГРА И "НЕПРОДУКТИВНЫЕ" АСПЕКТЫ ЯЗЫКА	174
И. В. Яковенко /Харьков/ РОЛЬ МЕТАФОРЫ В НАУЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ И ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ	177

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ТЕОРІЇ КОМУНІКАЦІЇ ТА ВИКЛАДАННЯ ІНОЗЕМНИХ МОВ

Ответственный редактор

И.С. Шевченко

Редактор

Л.П. Зяченко

Технический редактор

Г.П. Ульянич

Художественный редактор

Е.Н. Син

Здано до друку 25.09.97 р. Формат 60x84/16

Папір офсетний. Друк офсетний. Гарнітура Таймс.

8-00

Умовн. друк. арк. Умовн. вид. арк.

Тираж 300 прим. Зам. № 050797—У

Віддруковано в друкарні видавництва "КОНСТАНТА"

310145, м. Харків, вул. Космічна, 26.

тел. (0572) 30-36-88